

издательство НОВЫЙ
ХРОНОГРАФ

В.Ф. Петренко

МНОГОМЕРНОЕ
СОЗНАНИЕ:
психосемантическая
парадигма

Москва **НОВЫЙ
ХРОНОГРАФ** 2009

УДК 159.922
ББК 88.3
П 30

ИЗДАНИЕ КНИГИ ОСУЩЕСТВЛЕНО
ПРИ ФИНАНСОВОЙ ПОДДЕРЖКЕ
РОССИЙСКОГО ФОНДА
ФУНДАМЕНТАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ
ПРОЕКТ № 09-06-07034Д.

Петренко В.Ф.

П 30 Многомерное сознание: психосемантическая парадигма /
Петренко В.Ф. — М.: Новый хронограф, 2009. — 440 с., ил., —
ISBN 978-5-94881-100-0.

Настоящая книга посвящена методологическому осмыслению психосемантического подхода в психологии. Она состоит из описания теоретико-методологических и эмпирических исследований в области психологии сознания. Автор из отдельных пазлов — исследований структуры значений, семантических пространств, методологической позиции интерпретатора, влияния эмоций на процессы категоризации, моделирования состояний другого средствами собственной психики, метафоры и форм визуальных тропов, вторичных образов, исследований медитации — пытается построить целостную картину многомерного сознания, но в отличие от играющего ребенка не имеет эталона — подсказки, где этот рисунок уже дан как целостность.

Книга предназначена для широкого круга читателей: психологов, философов, культурологов, лингвистов, специалистов в области массовых коммуникаций и искусствоведения.

Агентство СІР РГБ

ISBN 978-5-94881-100-0

© Петренко В.Ф. 2009
© Издательство «Новый хронограф», 2009

**ПАМЯТИ МОИХ РОДИТЕЛЕЙ
ПОСВЯЩАЮ —**

отца, офицера-подводника,
ветерана Великой
Отечественной войны

**Петренко
Федора Силовича,**

матери, учительницы,
директора детского дома
блокадного Ленинграда

**Мильнер
Риммы Михайловны**

Постмодернизм провозгласил «смерть автора», имея в виду то, что текст современного писателя, журналиста, автора частного письма или компьютерного блогера представляет собой смесь (микс), коллаж чужих мыслей, цитат, стереотипных суждений, расхожих мнений. Поистине нет ничего нового под луной, и кажущиеся нам самим откровения есть не что иное, как извлечение из окружающего нас насыщенного интеллектуального раствора и духовной атмосферы кристаллов смыслов и значений. Автор выступает как аттрактор (на языке И. Пригожина) этого динамического процесса кристаллизации мыслей. И чем насыщеннее эта среда, тем легче автору породить свои идеи.

Согласно Н. Бахтину и Ю. Лотману, новое рождается в диалоге и переводе содержания из одной семиотической системы в другую. В этом контексте мне хотелось бы выразить благодарность моим друзьям и коллегам, в общении и дискуссии с которыми рождались мысли и идеи настоящей книги. Известный науковед и психолог М.Г. Ярошевский выдвинул понятие «оппонентный круг», состоящий из «значимых других», дискуссия с которыми задает систему конструкторов (в терминах Дж. Келли) — своеобразных рельсов, по которым движутся и направляются наши мысли. Мой оппонентный круг — это мой друг и объект моих вечных нападок, талантливый исследователь сознания и человек искус-

ства Виктор Аллахвердов; блистательный Александр Асмолов — поэт в психологии, ученый и публицист; скромный и предельно доброжелательный, увлеченный наукой исследователь сознания Гарник Акопов; глубоко эрудированный и тщательный психофизиолог Юрий Александров; изобретательный экспериментатор Владимир Барабанщиков; тонкий клиницист и христианский психолог Борис Братусь; лидер когнитивной психологии Борис Величковский; ироничный и ранимый, специалист в области компьютерной психологии и Интернета Александр Войскунский; исследователь обрванной сферы и христианский психолог Андрей Гостев; искаатель истины и правды, специалист в области понимания Виктор Знаков; поэтесса и психолог в области музыкального творчества Галина Иванченко; психотерапевт и клинический психолог Лариса Карнацкая; философ по образованию, психолог и методолог И.Н. Карицкий; буддолог и врач тибетской медицины Николай Каратуев; психолог и священник Григорий Логвиненко; социолог, создатель концепции «клеточной глобализации» и автор книги «Лабиринты одиночества» Никита Покровский; теоретик и практик психотерапии, автор первых отечественных монографий по проективным техникам Елена Соколова; ниспровергатель основ и специалист в области «Big History», автор теории техногуманитарного баланса Аноп Назаретян; психосемантик, сочетающий в себе естественнонаучный и гуманитарный стили мышления, автор книги по квантовой психологии Анатолий Супрун; йог и писатель Андрей Сидерский; скромный и увлеченный своими исканиями в области психологии мышления Володя Селиванов; талантливый психолог, к сожалению, ушедший в бизнес, Владимир Столин; суровый и добрый педагог игумен Георгий (Шестун). Всем им — моим бессменным первым читателям и критикам — моя благодарность.

Помимо круга ближайших (географически) друзей-коллег мне приятно благодарственно вспомнить близких мне по духу коллег из дальнего замосковия: Эдуарда Галажинского, Виталия Ключко, Валерия Кабрина, Генриха Залевского, общение с которыми в психологической школе Горного Алтая и Томском государственном университете оставило глубокий след в моих духовных исканиях. Эта же тема сблизила меня с лидерами отечественной трансперсональной психологии Владимиром Козловым и Владимиром Майковым — психологом и философом, двумя глубокими мыслителями и талантливыми практиками, благодаря собственным работам, а также инициированному ими переводу десятков книг И. Грофа, Ч. Тарта, К. Уилбера, Г. Ханта, А. Минделла, М. Мэрфи, Р. Фрейдера и других создавшими новую, связанную с проблемой духовности область отечественной психологии. Духовные практики Козлова и наша совместная с Майковым поездка в центры трансперсональной психологии Калифорнии расширили круг интересующих меня проблем и оказали на меня большое влияние. Мои философские воззрения несут в себе отпечаток моих контактов и общения в отделе философии, социологии, психологии и права РАН с академиком В.А. Лекторским, В.С. Степиным, А.А. Гусейновым, Т.И. Озерманом, моим другом член-корреспондентом И.Т. Касавиным. Их работы, талант и эрудиция, бесспорно, способствовали росту моего философского мировоззрения.

К значимым другим, опыт и мудрость которых я высоко ценю и к мнению которых прислушиваюсь в моем оппонентном кругу, я отношу моих старших коллег Е.А. Климова и В.П. Зинченко, Г.М. Андрееву, А.А. Бодалева, К.А. Абульханову-Славскую, Л.И. Анцифирову, И.А. Зимнюю, В.С. Мухину, Д.А. Поспелова, Т.Н. Ушакову — очень разных, но равно зна-

чимых для меня людей. В мой оппонентный круг входят и уже умершие мои учителя А.Н.Леонтьев, А.Р. Лурия, П.Я. Гальперин, А.А. Леонтьев, Б.В. Зейгарник, Е.Д. Хомская, Ю.М. Лотман. Их нет в этом мире, но они остались моими собеседниками, эталоном профессионализма и человечности, как, впрочем, и Л. С. Выготский и М.М. Бахтин, с которыми я никогда не встречался, ибо нас разделяет непреодолимый ров времени, но которых считаю своими учителями.

Отдельно я хочу поблагодарить моих сотрудников и учеников Владимира Кучеренко и Ольгу Митину, Андрея Рассохина, Татьяну Менчук, Ольгу Сапсолову, Игоря Каменева, Алексея Улановского, Евгению Коротченко. Все они помогли мне в исследовательской работе, со всеми ними я имею совместные публикации. С Ольгой Митиной мы написали множество статей по политической психологии и две монографии, а Владимир Кучеренко — не только мой ученик и друг, еще со студенческой скамьи, но и мой учитель гипнозу, тонкий, проницательный психотерапевт и феноменолог. Всем им спасибо.

АЛЕКСАНДР АСМОЛОВ, академик РАО,
профессор МГУ имени М.В. Ломоносова,
вице-президент Российского
психологического общества

Мастер полифонии сознания

Перед Вами новая книга мастера полифонии сознания Виктора Петренко. Она является своеобразным методологическим и личностным прологом рождения нового цикла его исследования, цикла после перехода границы под названием «Шестьдесят лет». И я хочу, чтобы читатель прикоснулся к творческой биографии автора этой книги.

Говоря об этой биографии, я задумываюсь о том, в чем смысл юбилейных дат в жизни человека. Не в том ли, чтобы еще раз задуматься над вечным вопросом: ради чего я пришел в этот мир? А может быть, в том, чтобы, пользуясь формулой Алексея Николаевича Леонтьева, «остановиться, оглянуться» и простроить свои жизненные перспективы, трезво оценить притязания, взвесить личностные смыслы содеянного и «открыть необходимость себя» (М.К. Мамардашвили). А может быть, магия этих дат состоит в, казалось бы, самом простом — в голосах друзей, которые без стеснения и лести скажут тебе, как ты им нужен и как они тебя — давайте не побоимся этого слова — любят.

С признания в любви к своему другу, блестящему психологу, родоначальнику психосемантики в нашей стране, человеку, который своей жизнью продолжает дело культурно-исторической психологии, начатое Л.С. Выготским, А.Н. Леонтьевым и Р.А. Лурия, я и поведу свой небольшой рассказ о Викторе Петренко.

Виктор Петренко родился 21 марта 1948 года под созвездием Овна в Ленинграде. Отец — офицер подводного флота, мать — учитель биологии, директор школы. За этими скупыми биогра-

фическими данными скрывается кочевая жизнь семьи военного и социальная судьба сына не только учительницы, а и директора школы, матери, которая всегда в ответе за всех — за учеников, за учителей, за всю школу и в оставшееся время — за свою собственную семью.

В 1968 году Виктор Петренко осуществляет свой личный и профессиональный выбор — поступает на факультет психологии МГУ. Я всегда говорил, что выбор психологии — это не только выбор профессии, но и судьбы. Эти слова полностью приложимы к жизненному пути Виктора Петренко. Не устаю повторять, что психология — пристрастная наука. Поэтому она порой благосклонна к тем людям, которые пристрастно живут, пристрастно совершают ошибки и открытия. К характеру Виктора Петренко, дням его неутомимой студенческой жизни, пожалуй, помимо пристрастности подходит такая емкая характеристика индивидуального стиля его личности, как бесшабашность. Виктора Петренко, который учился на курс младше меня, невозможно было не замечать. При общении с ним не раз возникало ощущение, что есть еще на земле герои приключенческих фильмов, готовые вскочить на коня и на паруснике совершить путешествие вокруг света.

Задумываясь о нашем с Виктором Петренко поколении, могу с уверенностью сказать, что мы — поколение счастливых людей. Жизнь подарила нам возможность оказаться в одном потоке сознания с Алексеем Николаевичем Леонтьевым, Александром Романовичем Лурией, Петром Яковлевичем Гальпериным, Даниилом Борисовичем Элькониным. Наверное, со стороны мы казались странными. Да и не могут не казаться странными люди, которые в ЛППШ (летних психологических школах) на берегу моря без усталости спорят со своими учителями — А.Н. Леонтьевым, А.Р. Лурией, В.П. Зинченко и Ю. Б. Гиппенрейтер — о психофизической проблеме, о зрительном мире и зрительном поле в теории Дж. Гибсона, вслед за К. Коффкой пытаются ответить на вопрос, «почему вещи выглядят такими, какими они выглядят», и т. п. Честно говоря, мы до сих пор ищем ответы на подобные «стран-

ные» вопросы и нередко ощущаем свою странность в этом мире, которую нам вовсе не хочется растерять.

В целом же все эти встречи с Учителями, как и лекции гениального мыслителя М.К. Мамардашвили, во многом определяли культуру мышления нашего поколения — поколения, в котором голос сознания Виктора Петренко был, есть и будет одним из самых ярких голосов.

Именно эта культура мышления явно или неявно проступает как в искусстве постановки проблем, так и в стиле повествования Виктора Петренко. В его исследованиях, статьях, выступлениях и монографиях то и дело встречаешь обороты речи и мыслительные инструменты анализа из жизненной лаборатории неклассической психологии. Вслед за Л.С. Выготским Виктор Петренко предупреждает нас, что нет ничего опаснее, чем превращение проблемы сознания в постулат, не требующий доказательств. По гамбургскому счету вырастающая в работах В.Ф. Петренко психосемантика и есть продолжение методологической линии, наиболее сконцентрированной в классической работе Л.С. Выготского «Мышление и речь», — линии, в которой сознание (и тут более четко обозначим выделенную именно Виктором Петренко сферу исследований — психология *обыденного* сознания) становится предметом многолетних поисков. Для того чтобы в этом убедиться, достаточно обратиться к фундаментальным монографиям Виктора Петренко, начиная с изданной еще под эгидой совета молодых ученых факультета психологии МГУ монографии «Введение в экспериментальную психосемантику: исследование форм репрезентации в обыденном сознании» (1983) до таких, ставших хрестоматийными его работ, как «Основы психосемантики» (1997 — первое издание; 2005 — второе издание), «Психосемантический анализ диагностики общественного сознания (на материале политического менталитета)» (1997 — совместно с О.В. Митиной). На счету Виктора Петренко более 250 научных публикаций, многие из которых переведены на разные языки мира. Выполненные В.Ф. Петренко исследования поражают своим разнообразием, дерзостью и научной жадностью, желанием «объять необъятное».

Бегло перечислю лишь некоторые из тем этих исследований: перцептивная категоризация, сказочный семантический дифференциал на базе рисунков М. Чюрлёниса, влияние эмоций на семантическую организацию значений, взаимосвязь эмоций и цвета, психосемантический анализ мотивации, изучение профессиональных и этнических стереотипов, газетная публицистика, художественные конструкты в психологии искусства, политический менталитет, религиозная картина мира в контексте борьбы с терроризмом, имидж России и зарубежных стран в российском общественном сознании и многое, многое другое. Мне особенно дорога небольшая, либерально нацеленная книга Виктора Петренко с соавторами «Психосемантический анализ этнических стереотипов: лики толерантности и нетерпимости» (2006), в которой он конструирует своего рода ментальные «карты толерантности» — семантические пространства восприятия стран мира и Европы российскими гражданами. В этой книге, как и в более ранней работе по психосемантической диагностике политического менталитета «Психосемантический анализ общественного сознания», звучат либеральные мотивы, присущие стилю мышления Л.С. Выготского. Для меня радостно, что свойственная студенческой поре Виктора Петренко бесшабашность в его работах последних лет все более трансформируется в либеральную идеологию, идеологию свободы, идеологию отстаивания человеческого достоинства и критики «двоемыслия» людей в тоталитарных системах¹.

Я уже упоминал, что культура мышления школы Л.С. Выготского, ее мыслительные инструменты (термин Дж. Верча) проступают даже в оборотах речи Виктора Петренко. Достаточно приоткрыть первые страницы монографии «Основы психосемантики», и вы увидите в качестве метафор упоминания об «ориентировочной основе действия» (П.Я. Гальперин) или же в качестве мыслительных инструментов характеристику индивидуальных систем значений как «превращенных форм» деятельности (М.К. Мамардашвили).

¹ См. статью В.Ф. Петренко «Методологические аспекты исторической психологии (поиск парадигмы)» // Эпистемология и философия науки. 2006. № 1. С. 38–56.

Начало семидесятых годов на факультете психологии МГУ было эпохой психологии восприятия. В погоню за «образом» отправились такие птенцы «гнезда Леонтьева», как Борис Величковский, Эхтибар Джафаров, Александр Логвиненко, Валерий Петухов, Андрей Пузырей, Валерий Романов, Сергей Смирнов, Владимир Столин, Чингиз Измайлов и Виктор Петренко. Именно в эту пору Виктор Петренко вместе со своим первым учителем — создателем психолингвистики А.А. Леонтьевым — упорно отыскивает междисциплинарные связи при анализе образа как *перцептивного высказывания*. Если у А.А. Леонтьева обсуждается проблема *порождения* речевого высказывания, то Виктор Петренко уже в дипломной работе пытается найти связь между значением и образом предметного мира и, по сути, ставит проблему *порождения* перцептивного высказывания. Тем самым методологически обозначается брачный союз между психологией восприятия и семантикой, который затем и приводит к рождению нового ребенка — психосемантики.

В отличие от дитя человеческого у «дитя научного» может быть немало родителей. Так, в родословной психосемантики присутствуют культурные гены родителей из различных научных школ и поколений: гены Л.С. Выготского и А.Н. Леонтьева, гены в форме концепции построения семантических пространств (метод семантического дифференциала) Ч. Осгуда и ген основателя теории личностных конструктов Дж. Келли в виде метода репертуарных решеток. Но все эти имена, идеи и методы так бы и жили в разных семантических пространствах, если бы благодаря жизненному порыву Виктора Петренко не объединились в рамках одного произведения по имени «Психосемантика».

Вместе с тем, как показывает анализ дальнейших работ Виктора Петренко, за вращиванием идей Дж. Келли в методологическую парадигму культурно-исторической психологии вовсе не случайная связь культурно-исторической методологии анализа сознания, родившейся в одной комнате, и концепцией личностных конструктов, появившейся в другой комнате. Дж. Келли изначально характеризует свою базовую методологию как методоло-

гию конструктивистской психологии, методологию альтернативного конструктивизма. Но и за культурно-исторической психологией ряд известных современных методологов, таких, например, как Джером Брунер, Ром Харре, Кеннет Джерджен, видят черты разных проявлений как конструкционизма, особого рода «культурно-конструкционистской психологии» (К. Джерджен). Я не буду здесь заниматься анализом сходств и различий этих направлений современной методологии науки. Для меня важно другое. Двигаясь от культуры школы мышления Л.С. Выготского, Виктор Петренко уже в середине семидесятых годов почувствовал в работах Джорджа Келли идеи конструктивизма, а тем самым воспринял его как методологического родственника школы Л.С. Выготского. Это чувство переросло в «значение» благодаря методологической рефлексии Виктора Петренко в его статьях «Конструктивистская парадигма в психологической науке» (2002), «Психосемантика как направление конструктивизма в когнитивной психологии» (2007).

И тут я еще раз хочу подчеркнуть точность языка мышления школы культурно-исторической психологии, на котором мы говорим именно о «порождении» — о «порождении» значений (Л.С. Выготский), о «порождении» образа (А.Н. Леонтьев), о «построении» движений (Н.А. Бернштейн), о «порождении» речевого высказывания (А.А. Леонтьев) и, наконец, о перцептивных высказываниях и «порождении» картины обыденного сознания (В.Ф. Петренко). Через этот язык и проступает неклассическая методология порождения образа мира, методология конструирования реальности, методология вмешательства ученого в происходящие в мире события.

Виктор Петренко не только наблюдает картины мира, но и вмешивается в процесс построения этого мира. Он вмешивается и строит реальность культурно-исторической психологии сознания, отстаивая идеи школы Л.С. Выготского в Москве и Париже, Афинах и Дублине, Лондоне и Варшаве, в Риме и Стокгольме, Берлине и Праге, в Вашингтоне и Дели, а также в других городах и странах нашей планеты.

введение

Он расширяет пространство психосемантики, изучая разные исторические пласты сознания и бессознательного в ходе экспедиций на Чукотку, в Бурятию и Туву, словно продолжая экспедицию А.Р. Лурии в отдаленные районы Узбекистана в тридцатые годы XX века.

Голос психолога Виктора Петренко, член-корреспондента Российской академии наук, звучит на отделении общественных наук РАН, а также во многих профессиональных отечественных и международных ассоциациях. И все знают, что там, где на ученых советах или заседаниях редколлегий журналов выступает Виктор Петренко, там продолжается неиссякающая работа духа, поиск истины и достоинства.

А теперь скажите мне: разве мы не вправе гордиться тем, что среди нас присутствует такой мастер полифонии сознания, как Виктор Петренко, в дни его старта за новыми творческими приключениями признаться ему в любви и пожелать еще большей многомерности сознания?!

ГРУППА
ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ
КАФЕДРЫ
ПСИХОЛОГИИ
ФИЛОСОФСКОГО
ФАКУЛЬТЕТА МГУ
им. М.В. ЛОМОНОСОВА

Сидят (слева направо):

А. Г. Комм,
О. И. Никифорова,
С. Л. Рубинштейн,
А. Н. Леонтьев,
А. Р. Лурия,
Ю. В. Котелова.

Стоят:

К. М. Гуревич,
М. В. Соколов,
Е. Н. Соколов,
Э. А. Решетова,
Н. Ф. Талызина,
П. Я. Гальперин.

1954 г.

глава I

ШКОЛА А.Н. ЛЕОНТЬЕВА В СЕМАНТИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

Школа А.Н. Леонтьева в семантическом пространстве психологической мысли

Чем дальше уходит от нас ушедший из жизни человек, тем больше его тексты приобретают свойство проективности, где новое время, включая их в новые контексты, ставит акценты, резонансные проблемам дня сегодняшнего, по-иному прочитывая понятия, обретшие новые смыслы, и рассматривая мысли автора в новом напряженном поле идей, вектор которого направлен в будущее. И автор, исключенный из полифонии голосов живущих, не в состоянии возразить потенциальному оппоненту или пояснить собственную мысль, которая (что особенно характерно для идеологически несвободного времени) облекалась в охранительные, защитные формы, понятные современнику, умеющему прочитывать между строк смысловые нюансы. Потомкам достаются не только жилища предков, которые они переустраивают, исходя из собственных потребностей, но и продукция их интеллектуальной жизни, перекраиваемой и перешиваемой по моде сегодняшнего дня. Но помимо текстов у людей, лично знавших авторов, интерес к которым еще не угас у современников, есть и иная возможность обращения к их ментальности. Это обращение к их образу, бытие которого несколько дольше, чем их собственное, и существует как в нашей памяти, так и просвечивается как «авторская позиция» в художественных или научных текстах. Построив мысленный диалог с этими значимыми другими, мы можем получить что-то новое, не содержащееся в их прижизненных текстах и в то

же время не сводимое к нашим собственным проективным фантазиям и творчеству.

Научной школой может быть назван круг лиц, некоторое «размытое множество» исследователей, объединенных общностью стиля мышления, видения проблем и характером их постановки и решения, восходящей к стилю мышления лидера — основателя этой школы. Как писал Н. Бердяев, невозможно изучить философию как некое позитивное знание. Например, нельзя изучить философию Гегеля, но можно научиться мыслить по-гегелевски. Аналогично принадлежность к школе А.Н. Леонтьева определяется той своеобразной эстафетой ментальности его учеников и последователей в познании новых областей психологии, которыми учитель мог и непосредственно не заниматься. В любом случае обращение к личности создателя школы является не просто данью уважения к учителю, но и выступает необходимым компонентом собственной научной идентичности исследователя.

Не буду предаваться воспоминаниям о личности Алексея Николаевича Леонтьева, но опишу несколько эпизодов из его жизни. Я защищал кандидатскую диссертацию, выполненную под его руководством, и полагаю себя его учеником. Последние годы его жизни бывал в его доме и на даче и даже не раз за обедом выпивал рюмку водки с его женой Маргаритой Петровной. Но наши возрастные и статусные различия были столь велики, что я не мог занять в той ли иной степени рефлексивную по отношению к нему позицию. Для меня он был Учителем и его оценка имела абсолютный характер (не значит абсолютной истины). Он существовал сам и генерировал вокруг себя поле абсолютной включенности в науку, где наука выступала высшей ценностью, а личная жизнь была скорее фоном, чем фигурой. Личная жизнь плавно перетекала в науку.

Могу вспомнить один из эпизодов, иллюстрирующих сказанное. Казалось бы, чисто бытовой случай. При переезде летом

на дачу Леонтьев переносил в машину клетку с попугайчиками. Случайно, в силу близорукости, он расфокусировал взгляд, направленный на клетку, и обнаружил странную иллюзию: прутья клетки словно провалились вглубь и сфокусировались на более дальнем от наблюдателя расстоянии. Так он переоткрыл известный гештальтистам «феномен обоев». На момент открытия феномена Леонтьев еще не знал о своих исторических предшественниках и был крайне увлечен анализом этого феномена, названного так, поскольку повторяющийся узор — будь то рисунок обоев или решетка клетки — провоцирует эту иллюзию. Суть ее в том, что элементы решетки (в случае с Леонтьевым — прутьи птичьей клетки) при расфокусировке образуют диплопические пары (раздельное видение левым и правым глазом, пример чего мы можем получить, глядя на собственный палец и попеременно закрывая левый и правый глаз), которые могут затем сливаться в единые зрительные образы, но уже не со своими смежными элементами, а, например, с расположенными через один или через два и т. д. элементами, образуя диплопические пары с большими расстояниями. А как известно, расстояние между диплопическими парами (степень смещения видения одного глаза относительно другого) является показателем удаленности объекта от наблюдателя. Вследствие этого возникает зрительная иллюзия, когда элементы решетки (в нашем случае — прутьи клетки) кажутся находящимися на большем расстоянии от наблюдателя и воспринимаются, при той же величине их проекции на сетчатку, большими по размеру.

Ввиду временного отсутствия В.В. Столина, бывшего на то время его «правой рукой» в области восприятия, Алексей Николаевич поручил заняться этим феноменом молодому выпускнику факультета А.Д. Логвиненко, что и определило во многом его дальнейшую карьеру в области психологии восприятия. Исследуя эту иллюзию по заданию шефа, Логвиненко обнаружил новый, чрезвычайно интересный феномен, названный им «фе-

номеном лупы». Оказалось, что при той же зрительной стимуляции детали решеток — например, нанесенные на них риски — при их иллюзорном увеличении воспринимаются более отчетливо, т. е. уменьшаются дифференциальные пороги восприятия. Отсюда название, которое дал Логвиненко, — «феномен лупы», когда физически при той же стимуляции возрастает острота восприятия. Я не знаю конечного научного вердикта по поводу тщательности проведенных экспериментов и истинности их интерпретации и не могу непосредственно обсудить это с Логвиненко, ныне живущим в Северной Ирландии. Но восхищает их красота и парадоксальность. Для меня этот научный эпизод, произошедший почти что на моих глазах, — яркий пример способности Леонтьева в обычной жизни видеть психологические проблемы и инициировать своих учеников к готовности их парадоксальных интерпретаций. Как тут не вспомнить всем известные эксперименты Леонтьева (1985) с «кожным зрением» — способностью организма ощущать, воспринимать абиотический стимул, когда он несет сигнальную нагрузку (реализует знаковую функцию) о биотически значимом, а также перенос этой закономерности, полученной в экспериментах с человеком, на организмы, стоящие ниже по эволюционной лестнице, как доказательство гипотезы о механизмах возникновения чувствительности — простейшей формы психики?! Чем это не пример способности мыслить парадоксально, творить «безумные» идеи?!

Можно продемонстрировать это качество Леонтьева, проявившееся в курьезном случае. В начале семидесятых годов один из наиболее талантливых леонтьевских учеников Эхтибар Джафаров, ныне профессор Иллинойского университета, пришел ко мне, тогда еще молодому ассистенту, весьма удрученным. Он обрабатывал на ЭВМ результаты эксперимента по изучению фи-движения и получил парадоксальный результат, заключавшийся в том, что актуал-генез иллюзорного движе-

ния (возникающего уже после свершения физических событий — последовательных вспышек света) не требовал физического времени для своей развертки. Об этом он не преминул сообщить шефу. Реакция Леонтьева проявилась бурно: он с энтузиазмом был готов принять парадоксальный результат — построение образа за нулевое время. Однако при последующем пересчете этот результат, к конфузу Эхтибара, оказался артефактом обработки данных. И удрученный аспирант делился со мной проблемой: как теперь сообщить это Леонтьеву, чтобы не очень расстроить его?

Кстати, поскольку я тут вспомнил Эхтибара, то можно привести и другой, по времени более ранний, связанный с ним случай, характеризующий нетривиальность, нестандартность не только мышления Леонтьева, но и его научного общения. В 1973 году в ведущем журнале «Вопросы психологии» вышла совместная статья академика Леонтьева и студента третьего курса факультета психологии Джафарова, посвященная проблемам математизации психологии. Этот пример научного сотворчества академика и студента для семидесятых годов, иногда называемых на современном политическом жаргоне «застойными», в частности, в силу жесткой иерархичности служебно-административных отношений, — случай экстраординарный. Готовность Леонтьева видеть в толковом студенте научного коллегу — пример его нестандартности в межличностном общении, где значимость коллеги определялась для Леонтьева не социальным статусом, а гамбургским счетом, его творческим потенциалом. Леонтьев лично отбирал поступающих на факультет сотрудников вплоть до лаборантов, говоря, что сегодняшний лаборант — это завтрашний доцент.

Внимательно приглядывался Алексей Николаевич и к студентам. Летние, а затем и зимние психологические школы — изобретение Леонтьева и в каком-то плане продолжение Лурьевских вечеров-чаепитий с иностранными студентами, проходив-

ших в форме разговоров про психологическую науку в «ГЗ», общежитии главного здания университета. В психологические школы студенты попадали по рекомендации НСО — научного студенческого общества, и необходимым условием являлась подготовка ими доклада по теме школы. Психологические школы проводились обычно в спортлагере МГУ на Черном море. После утренних купаний, участники школы собирались на заседания, где под руководством президента школы — студента, избранного всеобщим голосованием участников школы (чем не предтеча нынешних демократических выборов?), проводились слушания докладов. Леонтьев, обычно сидевший в углу в светлом костюме (большее, что он себе мог позволить, — это снять пиджак), внимательно слушал, изредка затягиваясь сигаретой, в характерной леонтьевской манере. Полуобернувшись от аудитории и держа ее длинными пальцами в уголке рта, он выдыхал дым в противоположную сторону — привычка, идущая от заседаний Ученого совета, где, занимая привилегированную позицию единственно курящего, он позой демонстрировал извинительное оправдание: курю, но как бы исподтишка. После докладов и последующего их всеобщего обсуждения заключительное слово брал Леонтьев, и его выступление-рассуждение обычно далеко выходило за рамки обсуждаемой темы. Это была импровизация на заданную тему, задающая «зону ближайшего развития» самой нашей науки. Вечером же студия собиралась за стаканом сухого вина послушать гитару. В этой неформальной обстановке осуществлялась передача уже не знаний, а смыслов — личностных смыслов (в терминах Леонтьева) научной деятельности, где сам Леонтьев рассказывал о становлении психологической науки в России, о школе Выготского, о нем самом, о наших учителях, о прошлом и настоящем.

Как пишет М. Полани (1985), любое знание является личностным (и добавим: тем более психологическое). Как в любом художественном произведении содержится проекция личности

творца (портреты Рембрандта или музыку Шостаковича не мог создать другой человек, в другом месте и в другое время), так и в науке: идеальная модель, которую создает ученый, несет в своих конструктивных основах его мировоззрение, особенности его картины мира, личности. Даже математика, по мнению О. Шпенглера, может быть арабской или индийской, неся отпечаток культуры, в которой она создавалась. Эта идея своеобразной лингвокультуральной относительности может быть распространена и на индивидуальное творчество, где подразумевается, что, например, теорию относительности (по крайней мере, как полагает сам Альберт Эйнштейн, «общую теорию относительности») не мог создать иной человек, с иной ментальностью и иного личностного склада. Так же и культурно-историческую концепцию Выготского мог создать только человек, живший в эпоху революционных перемен, атеист, свято веривший в возможность «формирования нового человека» в рамках марксистской психологии, т. е. исповедовавший иудейско-христианскую идею мессианства в ее новой сайентистской форме.

Фактически психологические школы, придуманные Леонтьевым (возможно, по аналогии со свободным духом немецких университетов времен Гете, где у вольных студентов было принято путешествовать совместно с профессурой), и являлись формой трансляции личностного знания, когда передавался дух школы — «живое знание» (в терминах В.П. Зинченко, 1994). Леонтьев внимательно приглядывался к студентам, отбирал себе будущих сотрудников. Жизнь плавно перетекала в науку.

Как значение существует только в системе значений и раскрывается через нее, так и научная концепция имеет смысл только в контексте всех других теоретических концепций, образующих основу данной науки. Как говорил Ньютон: «Я видел дальше потому, что стоял на плечах гигантов». М.Г. Ярошевский (1983) ввел удачное понятие «оппонентного круга» как круга значимых персоналий или научных теорий, в полемике с кото-

рыми свершается процесс порождения новых научных идей. Создавая собственную теоретическую концепцию, Леонтьев — высокообразованный человек с предельно широкими интересами в психологии — имел и соответственно предельно широкий оппонентный круг. Его оппонентный круг включал фактически все наличные на то время психологические школы, и охарактеризовать его концепцию можно, анализируя линии сходства и противоположности между леонтьевским подходом и школами мировой психологической науки. Попробуем провести такой анализ и описать отношения леонтьевской школы с иными психологическими школами в форме субъективного семантического пространства: субъективного потому, что данное пространство будет отражать представления одного-единственного психолога — автора данной статьи, что, впрочем, присуще подавляющему большинству теоретических работ, не использующих какие-либо статистические, структурные, формально-логические или иные методы анализа.

Психосемантический анализ позиции школы Леонтьева в теоретическом пространстве психологической науки

Для проведения психосемантического анализа и построения семантического пространства научных психологических школ используем процедуру попарного сопоставления леонтьевской школы и иных теоретических школ на предмет их методологического сходства и различия. По выделенным конструктам сходства и различия проведем шкалирование всех иных — не задействованных в данном конкретном парном сопоставлении — психологических школ по стандартной семибальной шкале от 3 до -3, где оценка 3 соответствует максимальной выраженности этого конструкта в методологической направлен-

ности школы, а оценка -3 означает наличие противоположной тенденции.

Отметим, что, говоря о школе Леонтьева, а не о более широкой школе Выготского—Леонтьева—Лурии, мы ограничиваем временной анализ рассмотрения научных работ, проводившихся Алексеем Николаевичем и его учениками начиная с шестидесятых годов по настоящее время, как в силу того, что более ранний этап ее становления хорошо освещен в психологической литературе, так и в силу того, что «личностное знание» автора этой статьи по поводу школы ограничено этими временными рамками. В то же время, выделяя тот или иной методологический конструкт, идущий от более ранних работ Л.С. Выготского, мы будем говорить более широко о школе Выготского—Леонтьева—Лурии. В еще более широком контексте можно было бы говорить и об отечественной школе психологии, включая сюда и родственную школу последователей С.Л. Рубинштейна, имеющую, на наш взгляд, близкую методологическую направленность.

Заполнив матрицу данных, или решетку (в терминах Дж. Келли), сопоставляющую школу Леонтьева с другими психологическими школами, мы затем подвергнем эту матрицу традиционной процедуре факторного анализа с целью построения семантического пространства, отражающего позицию указанной школы в пространстве мировой психологической мысли. Оговорив процедуру, приступим к выделению методологических конструктов.

Бихевиоризм и теорию деятельности Леонтьева объединяет стремление объяснить генезис психики, познавательных структур, исходя из внешней активности субъекта. Напомним, Леонтьев вводит понятие деятельности и субъекта уже на уровне живого организма (см. «Проблемы развития психики»), где живой организм трактуется как открытая система, находящаяся в асимметричных отношениях с объектом, ассимилируя, трансформируя последний в целях своей жизнедеятельности. В трактовке

психики как надстройки, обеспечивающей адаптацию и выживание организма во внешней среде, он сближается с позицией биологов-эволюционистов (Северцев, 1967; Шмальгаузен, 1982), развивая идею опережающего развития деятельности над психическим отражением в теории стадий развития психики. Напомним также уже ставший общим местом факт: в английском языке (родном языке бихевиоризма) понятия деятельности и активности не разводятся, обозначаются в переводах с русского одним термином «activity».

Итак, фиксируем конструкт-категорию, объединяющую теорию деятельности Леонтьева и бихевиоризм, обозначив ее как «теоретическую и методическую направленность в исследовании психики на анализ активности, поведения, деятельности субъекта».

Оппозиция бихевиоризма и теории деятельности может быть проведена по линии «активность — реактивность субъекта». Ведущая линия противопоставления бихевиоризма как в его классическом уотсоновском варианте, так и в рамках необихевиоризма (Халл, Скиннер) и теории деятельности может быть задана противопоставлением этих подходов по линии «активность — реактивность». В бихевиоризме с его стимульно-реактивной парадигмой заложена восходящая еще к Декарту, а затем к французскому Просвещению аналогия живого организма с музыкальным инструментом, на котором играет природа (внешняя среда). Роль активного начала принадлежит собственно идущему извне стимулу, а организм лишь отвечает на внешнее воздействие. Отметим, что такой модели полностью удовлетворяет павловская модель условного рефлекса по принципу «рефлекторной дуги», на которую опирались создатели бихевиоризма. Она хорошо описывает «вынужденные» реакции организма типа слюнного, коленного или мигательного рефлексов, но не объясняет поисковую активность, идущую непосредственно от организма и направленную на удовлетворение его потребностей.

Более адекватной для нужд теории деятельности оказались модель «рефлекторного кольца» А.Н. Бернштейна (1966) и близкая ей теория «акцептора действия» П.К. Анохина (1968), где поисковая активность организма во внешней среде задается и корректируется его внутренней моделью желаемого — «моделью потребного будущего» или «акцептором действия». Соответственно в самой теории деятельности Леонтьева спецификация внешнего поведения субъекта как деятельности, действия или операции зависит от констатации наличия или отсутствия у последнего соответствующих мотивов или целей. Активность в форме решения познавательных задач (в том числе и по адаптации к среде, но отнюдь не сводимая только к последней задаче), которую ставит и решает сам субъект, — основная форма активности, рассматривая в рамках теории деятельности.

Ряд психологических исследований самого Леонтьева и его учеников (Ю.Б. Гиппенрейтер, А.Н. Леонтьев, О.В. Овчинникова, 1957; Ю.Б. Гиппенрейтер, В.Я. Романов, И.С. Самсонов, 1995; Ю.Б. Гиппенрейтер, 1978; Ю.Б. Дормашев, В.Я. Романов, 1995; С.Д. Смирнов, 1985) непосредственно были направлены на решение этой проблемы.

Таким образом, категория-конструкт «активность — реактивность» является линией противопоставления, оппозиции теории бихевиоризма и теории деятельности.

Не устраивая развернутого обсуждения, проставим оценки другим психологическим школам по выделенному выше конструкту (см. таблицу 1).

Следующей категорией-конструктом, объединяющей теорию деятельности, вюрцбургскую психологию, теорию генетической эпистемологии Жана Пиаже и т. д., и линией противопоставления ей ассоцианистской психологии, бихевиоризма, гештальт-психологии и пр. является использование/неиспользование в теоретических моделях категории «субъекта деятельности» как объяснительного принципа. Как пишет В. Джеймс (1902), на язы-

таблица 1 РАЗВИТИЕ КОНЦЕПЦИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

ОЦЕНКА ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ШКОЛ ПО ВЫДЕЛЕННЫМ КОНСТРУКТАМ

Конструкты — оппозиции	Основные направления в психологии										
	Ассоцианизм	Бихевиоризм	Психоанализ	Вюрцбургская школа	Гештальт-психология	Школа Пиаже	Гуманистическая психология	Когнитивизм	Школа Келли	Леонтьев — 70е	Школа Леонтьева — 90е
1 Активность (+) — Реактивность (-)	-2	-3	0	2	0	2	3	0	3	2	3
2 Наличие субъекта деятельности (+) — Отсутствие субъекта деятельности (-)	-3	-2	2	3	-1	2	3	-1	3	3	3
3 Анализ по единицам (гештальтам) (+) — Элементаризм (-)	-3	-3	2	-1	3	-1	3	1	2	2	2
4 Идея знаковой опосредованности (опосредованности культурной) (+) — Натуральная данность (-)	-3	-3	2	-2	-2	3	2	2	3	3	3
5 Эволюционизм (+) — Неизменность или количественные трансформации (-)	-3	-2	0	-2	-3	3	3	1	3	3	3
6 Формализуемость (+) — Неформализуемость (-)	1	3	-2	1	2	3	-3	3	3	1	2
7 Направленность исследований на механизмы психического	2	3	1	2	3	2	0	3	1	3	1
8 Направленность исследований на содержание сознания	1	0	3	2	1	3	3	1	3	2	3
9 Представление о психике как особой реальности (нередуцируемость психики)	1	0	3	1	2	3	3	1	3	3	3
10 Идея самореализации	0	0	1	0	0	1	3	0	2	2	3
11 Направленность исследований на познавательные процессы	2	3	1	3	3	3	0	3	3	3	2
12 Направленность исследований на личность	0	1	3	0	2	2	3	2	3	2	3
13 Находит применение в педагогике	1	2	1	1	2	3	3	1	2	3	3
14 Находит применение в психотерапии	0	1	3	0	2	1	3	2	2	3	3
15 Находит применение в исследованиях социума	0	1	3	0	2	1	3	2	3	2	3
16 Находит применение в инженерной психологии	0	3	0	1	3	2	0	3	1	2	1

МНОГОМЕРНОЕ СОЗНАНИЕ: ПСИХОСЕМАНТИЧЕСКАЯ ПАРАДИГМА

В. Ф. ПЕТРЕНКО

ШКОЛА А. Н. ЛЕОНТЬЕВА В СЕМАНТИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

Глава 1

ке науки следует описывать психическое как процесс, в котором уже нет «Я» как некоего объяснительного понятия и которое раскрывается через описание психических механизмов. По Джеймсу, следует описывать (и, соответственно, понимать) процесс мышления не в терминах активности самого субъекта — «я мыслю», «я решаю задачу», а процессуально, на языке самореализации процессов, т. е. безлично: «мыслится», «решается». Устранение категории «Я» из языка науки рассматривалось как необходимое условие естественнонаучного мышления. На иных позициях находилась Вюрцбургская школа психологии мышления, где О. Кюльпе (1914) отстаивал необходимость категории «Я» как верховного, «царственного» уровня управления психической жизнью. Проигрывая в «объективизации» психических процессов, Вюрцбургская школа психологии мышления и последовавшие за ней психология деятельности Леонтьева и генетическая школа Жана Пиаже выигрывают в возможности введения в объяснительные конструкции познавательных процессов личностных аспектов субъекта, таких как мотивационный аспект восприятия в школе «New Look» (Новый взгляд) или «личностный смысл» в осознании нравственной задачи у Леонтьева.

Общим для гештальтпсихологии и школы Леонтьева можно считать выделение особой психологической реальности: феноменального поля в гештальтпсихологии и деятельности в теории Леонтьева. В истории науки почти всегда созданию новой научной школы предшествовало открытие нового яркого феномена, не укладывающегося в объяснительные рамки предыдущей концепции. Таким феноменом, явно не укладывающимся в парадигму атомарной ассоциативной психологии, является фи-движение — иллюзия мнимого движения. Суть этого феномена в следующем: последовательность зажигаемых точечных источников (лампочек) при определенном соотношении их яркости, временных интервалов и расстояний между этими источниками порождает зрительную иллюзию движущейся линии, например бегу-

щей строки в телетайпе. При этом важно отметить, что иллюзия разворачивается в своем виртуальном времени, не сводимом к времени свершения физических событий, последовательным вспышкам точечных источников, так как иллюзорное движение начинается только после того, как загорится второй источник света. Более того, события разворачиваются в пространстве, также не сводимом к чисто физическому. Если между точечными источниками поставить некую преграду, то в иллюзорном виде-нии движущаяся полоска света обогнет ее в своем движении. То есть, взамен физической ситуации, заключавшейся в последовательных вспышках точечных источников света, между которыми помещена некая физическая преграда, субъект наблюдает движение световой полосы в четком соответствии с предметной логикой «обтекающей» преграду. Интерпретация подобной феноменологии привела классиков гештальтпсихологии к введению понятия феноменального поля — некоей психологической реальности, не являющейся слепком с физического мира и призванной моделировать его своими средствами. В ранних работах Леонтьева (1959) по формированию светочувствительности, или «кожному зрению», особо подчеркивалось, что наличие субъективной представленности (ощущения), вызванной стимулом, является необходимым условием возникновения условного рефлекса. Данный феномен являлся для Леонтьева сильным аргументом для утверждения тезиса об особой психологической реальности в борьбе за самостоятельный статус психической науки, несводимости психического к проявлениям «высшей нервной деятельности», о неэпифеноменальности психического. (Моя ассоциативная память актуализирует в этом месте забавный эпизод из студенческой жизни, который мог иметь и более драматические последствия. В 1968 году силами студентов психфака был поставлен спектакль о стране «психоландии», фабула которого сводилась к следующему. На смену умершего короля Эпифиноменалия приходит новый — Эпифеноменалий 2-й, ко-

тому подданные показывают его владения — психологические лаборатории. Невинный студенческий капустаик, понятный только «посвященному» психологу, обернулся впоследствии идеологической разборкой с привлечением «компетентных органов», стоявших на страже идеологического пуризма. И только заступничество и дипломатия А.Н. Леонтьева и Ю.В. Котеловой позволило «спустить дело на тормозах». Этот случай я напоминаю, чтобы младшие коллеги смогли ощутить идеологический климат той эпохи, который был, конечно, гораздо более жесткий в те времена «Павловской сессии», когда Леонтьев боролся за самостоятельность психологической науки, за право психологии иметь собственный предмет науки.)

Построение теории деятельности можно рассматривать как описание особой психологической реальности с помощью особых динамических образований: деятельности, действий, операций. В интерпретации теории деятельности Леонтьева деятельность иногда вульгарно трактуется как промежуточное звено в субъектно-объектном взаимодействии. Этому же способствовала и известная «трехчленка» — термин, используемый самим Леонтьевым. Но любая концепция, даже дедуктивная, содержит, согласно теореме Геделя, внутренние противоречия, а кроме того, всегда присутствует и эволюция взглядов автора, и Леонтьев здесь не исключение. Его «теория уподобления», сводящая построение образа к зеркальной кальке объекта, находится в явном противоречии с последующими разработками в области «образа мира», представлениями о смысловом пространстве, о пятом измерении мира — знаковым. И в более ранних работах Леонтьев рассматривал субъект и объект как полюса деятельности. Этим самым он фактически онтологизировал деятельность и превращал ее во что-то подобное «феноменологии духа» на уровне индивида. На наш взгляд (а мы, напомним, строим субъективное семантическое пространство), тот смысл, который Леонтьев вкладывал в понятие деятельности, близок гештальтист-

скому понятию феноменального поля в его более динамичном варианте. Инициированные Леонтьевым псевдоскопические исследования В.В. Столина (1976) не только порождали чисто «гештальтпсихологическую» феноменологию типа размывания тени, отбрасываемой конусом при его иллюзорной трансформации в воронку (игнорирование фрагмента некоей чувственной данности ради сохранения непротиворечивой предметной логики целого), но в теоретическом плане при трактовке актуал-генеза чувственного образа потребовали от автора этих экспериментов проведения лингвистических аналогий в духе Ф. Соссюра с выделением плана выражения — чувственной ткани и плана содержания — самого предметного образа. То есть, аналогий, позволяющих рассматривать образ как сложную смысловую конструкцию, построение которой опосредовано системой значений, несущих в себе совокупный общественный опыт, а значит, как культурно-исторический продукт. Аналогично в исследованиях Петренко (1975) образ рассматривается как «своеобразное перцептивное высказывание о мире», и эта трактовка, получившая одобрение А.Н. Леонтьева и открывающая возможность использования психолингвистических и психосемантических методов для анализа содержания чувственного образа в методологическом плане, требует рассмотрения особой психологической реальности, которая получила в дальнейшем название «психосемантика» (см.: Петренко, 1975, 1983; Шмелев, 1982).

Свидетельством тенденции своеобразной онтологизации деятельности в школе Леонтьева, на наш взгляд, являются и элегантные теоретические и экспериментальные разработки В.А. Петровского по проблеме «надситуативной активности», проводившиеся под руководством Леонтьева, где непрагматическая мотивация, выходящая за рамки обслуживания гомеостатических потребностей, рассматривалась Петровским как механизм самопорождения деятельности — этой своеобразной «индивидуальной феноменологии духа». Оригинальные мысли об особой

психологической реальности, к которой может быть отнесено все то, что влияет на поведение и поступки человека, будь то даже предрассудки или иллюзии, высказывались в духе манифеста в глубокой статье В.П. Зинченко, М.К. Мамардашвили (1977), где один из соавторов — Зинченко — может быть прямо причислен к школе Выготского–Леонтьева–Лурии, а второй — Мамардашвили — был в свое время приглашен Леонтьевым читать курс методологии на факультете психологии Московского университета. Нередуцируемость языка психологии к логике, физиологии или лингвистике последовательно отстаивалась О.К. Тихомировым (1969).

Зафиксируем же конструкт, объединяющий, в частности, гештальтпсихологию, психоанализ и школу Леонтьева, как фиксацию «особой психологической реальности», противопоставив по этому конструкту такие школы, как бихевиоризм с его принципиальным неразведением моторного действия и мыслительного процесса или когнитивную психологию с ее идеями отбора и переработки информации посредством фильтров и алгоритмов выбора.

Конструкт, задающий главное различие школы Леонтьева (а также школы Пиаже и теории Келли), с одной стороны, и гештальтпсихологии (как, впрочем, и ассоцианизма, бихевиоризма и долакановского психоанализа) — с другой, заключается в идее о знаковом опосредовании психических процессов, идущей от Французской социологической школы и Л.С. Выготского. Если в гештальтпсихологии постулируется принцип тройственного изоморфизма между структурой предметной ситуации, структурой физиологических процессов и собственно структурой феноменального поля и предметная ситуация, отображаясь в феноменальном поле по законам этого поля (принцип «прегнантности», «хорошей формы»), как бы решает сама себя, то введение опосредованности психических процессов выработанными в общественной практике значениями вносит идею культурно-ис-

торической обусловленности высших психических процессов. Ранние инициированные Выготским исследования Леонтьева (об опосредованном запоминании), А.Р. Лурии (об отсутствии рефлексии у людей, не прошедших школьного обучения) были призваны проиллюстрировать и экспериментально доказать это положение. Культурно-историческая концепция Выготского является, на наш взгляд, формой эволюционизма в психологической науке и составляет основу того, что Выготский называл «марксистской психологией», ибо марксизм является одним из основных эволюционных подходов в науках о человеке и обществе. Интересно, что даже среди последователей Выготского существовали некоторые разночтения этой основополагающей идеи. Можно вспомнить о дискуссиях А.Н. Леонтьева и П. Я. Гальперина, где Леонтьев подвергал критике положение теории поэтапного формирования Гальперина о том, что в процессе интериоризации при переходе от действия во внешнем материальном плане (первый этап) к речевому проговариванию (второй этап) не происходит изменений в структуре деятельности и посредством заданного формирования внешней деятельности можно однозначно судить о содержании внутренней. Само отображение содержания внешней деятельности знаковыми формами, по Леонтьеву, вносит новые связи и расчленения, не сводимые к действию во внешней материальной форме. При этом Алексей Николаевич сам, на наш взгляд, был не всегда последователен в этом вопросе. Так, в заочной полемике Гальперина (1976) и Пиаже (1969) о соотношении логического и психологического он был скорее на стороне Гальперина (логика в самих предметных отношениях, как это у Спинозы), в то время как для Пиаже логика есть отражение деятельностных структур, т. е. (в терминах Выготского) культурно-исторический продукт.

Назовем этот основополагающий конструкт идеей культурно-исторического (знакового) опосредования психических процессов в оппозиции к их природному, внеисторическому существованию.

Выделим также содержательно связанный с вышесказанным базисный конструкт, который может быть описан через противопоставление: «теории, несущие в себе идею эволюционизма, развития», и «теории, имманентно (в силу того, что они и не ставили или не рефлексировали этой проблемы) содержащие идею неизменности механизмов психического». Последний конструкт явно противопоставляет школу Леонтьева, школу Пиаже и теорию личностных конструктов Келли (как эволюционистских подходов в изучении психического), с одной стороны, и бихевиоризм, гештальтпсихологию — с другой, а также в меньшей мере когнитивизм и психоанализ.

Сопоставляя школу Леонтьева и психоанализ Фрейда, а также неофрейдизм Хорни, Фромма, Лакана и т. д., можно выделить общий акцент на исследовании личности через ее мотивационную структуру. И психоанализ, исследующий противоречия между глубинными мотивами (либидо) и присвоенными ребенком требованиями общества (супер-эго), конфликт которых ведет к различным формам сублимации глубинных влечений или невротизации личности (при невозможности их реализации), и теорию личности Леонтьева, трактующую «личность как иерархию мотивов», объединяет интерес к факторам, побуждающим субъекта к активности. Но если в психоанализе эта активность в основном направлена на решение внутриличностных проблем примирения требований «оно» (it) и «сверх я» (super ego) в форме психологических защит личности, то осознание личностного смысла как отношения цели к мотиву деятельности призвано у Леонтьева расширить сознание человека в его отношении к миру, себе и другим людям.

Итак, выделим конструкт, объединяющий психоанализ и школу Леонтьева, как анализ личности через ее мотивацию.

Один из смысловых конструктов, задающих принципиальное различие этих школ (помимо идей эволюционизма в форме культурно-исторической теории), заключается в различной трак-

товке мотивации. Для Леонтьева мотив — это предмет потребности, т. е. существующий вне субъекта объект, в котором определена наличная потребность субъекта. Мотивационные структуры человека, по Леонтьеву, задаются и формируются обществом. Даже наиболее витальная из всех потребностей — пищевая — у человека, пишет Леонтьев, реализуется за сервированным столом с использованием ножа и вилки (голодный же человек, набрасывающийся на пищу, — пример ситуации, «расчеловечивающей» человека, его родовой сущности). Согласно же психоанализу, само достижение тех или иных эмоциональных состояний способно мотивировать психическую активность человека: например, неосознанная тяга к переживанию страдания у мазохиста (типа игры «Дай мне пинка» у Эрика Берна) или непрагматическое «воровство» для «завязавшего» карманника с целью пережить в игровой ситуации чувство азартного риска и опасности. Отметим при этом, что ряд интересных работ в школе Леонтьева — в частности, работы В.А. Петровского (1975) по риску, исследование «работы горя» у Ф.Е. Василюка (1984), работы по теории мотивов В.К. Вилюнаса (1976), флуктуируют от леонтьевской трактовки мотива как предмета потребности к психоаналитическому пониманию мотивирующей роли психического состояния.

Опишем выделенный конструкт как «Акцент в объяснении мотивов поведения, исходя из внешней детерминации ↔ акцент в объяснении мотивации, исходя из внутренней детерминации».

При сопоставлении гуманистической психологии (Роджерс, Маслоу, Франкл) и школы Леонтьева бросается в глаза их общая методологическая, нравственная предпосылка. Идеи общей гуманистической направленности (в частности, безусловное принятие ценности личности другого человека); направленность в исследовании личности не на ее патологические формы, а на изучение личности гармоничного, самореализующегося человека;

акцент на диалог как на форму полноценного общения близки к общей методологической направленности школы Выготского и Леонтьева. Так, под идеей Выготского о «вершинной психологии» в оппозиции «глубинной», дающей трактовку личности, исходя в первую очередь не из ее глубинных, как правило «темных», мотивов, а из ее становления, обретения «родовой человеческой сущности», могли бы «подписаться» и классики гуманистической психологии. Положения Выготского об интериоризации (в частности, и нравственных норм в диалоге «из „интер“ в „интро“») перекликаются с практикой групповой психотерапии К. Роджерса (1994), «Логотерапия» В. Франкла (1990) близка к рассуждениям Леонтьева о решении нравственных задач как задач на поиск «личностного смысла» и т. д. В силу известных политических причин, когда идеологические пути советской системы ограничивали свободное развитие гуманитарных наук, школа Выготского–Леонтьева–Лурии, сосредоточившись в своих исследовательских задачах в основном на изучении познавательных процессов и в первую очередь проблем восприятия, отстала в практической реализации этих идей в области психологии личности от гуманистической психологии. Однако постепенная либерализация идеологического климата позволила, начиная с конца 1970-х годов (уже после смерти Леонтьева), осуществлять интенсивное развитие личностной тематики. В работах как непосредственных учеников А.Н. Леонтьева, т. е. тех, кто защищал диссертации под его руководством, так и его, можно сказать, «крестников», людей работавших на факультете психологии МГУ и находившихся под влиянием его идей и самой его личности — А.Г. Асмолова (1990, 1996), Б.С. Братуся (1981, 1988, 1995), Ф.Е. Василюка (1984), Д.А. Леонтьева (1988, 1990), О.В. Овчинникова, Е.Е. Насиновской, Н.Г. Иткина (1989), В.А. Петровского (1975, 1996), А.А. Пузыря (1986), В.В. Столина (1983), Е.Т. Соколовой (1976, 1989), А.С. Спиваковской (1988), Е.В. Субботского (1979, 1981, 1988, 1889), мы видим синтетическое развитие идей школы Ле-

онтьева в направлении проблем, поставленных в рамках гуманистической психологии.

Сопоставление школы А.Н. Леонтьева с психологией конструктивизма, наиболее ярко представленной теорией личностных конструктов Джорджа Келли, выявляет, на наш взгляд, принципиальную общность их методологической основы, связанной с идеей опосредующей роли языка (категоризации) в структурировании сознания и бытия человека. Согласно фундаментальному принципу теории личностных конструктов Дж. Келли, «поведение личности канализируется (структурируется) по тем же руслам, по которым происходит антиципация событий» (Kelly, 1963, p. 46). Антиципация событий определяется системой личностных конструктов — своеобразных форм категоризации субъектом мира, себя, других людей и социального окружения. Это положение конструктивистской психологии, на наш взгляд, по смыслу близко к принципу «единства сознания и деятельности» А.Н. Леонтьева (1977) и С.Л. Рубинштейна (1948), в соответствии с которым субъект реализует в деятельности структуры, заложенные в его сознании, в его картине мира. Согласно концепции Леонтьева, субстратом сознания выступает система его значений, данных в единстве с личностными смыслами и чувственной тканью. Значения же, согласно А.А. Леонтьеву (1998), представляют собой превращенную форму деятельности. То есть, в представлениях школы А.Н. Леонтьева реализуется своеобразная кольцевая причинность, где когнитивные структуры формируются в ходе филогенеза и онтогенеза в совместной деятельности ребенок–взрослый или учитель–ученик, а затем структурируют индивидуальную деятельность в актуал-генезе образа или поступка.

Различия же теории личностных конструктов школы Келли, а за ней стоят Европейская ассоциация Личностных Конструктов (ЕРСА) и ее американский аналог, и школы Леонтьева мы видим в степени операционализации используемых понятий и наличии формализованного аппарата для проведения исследований

(по крайней мере на момент последних лет жизни А.Н. Леонтьева). Можно напомнить, что выступление Дж. Келли на московском Всемирном конгрессе психологов в 1966 г. прошло практически незамеченным для отечественных психологов — возможно, в силу неготовности последних принять его идеи в обличье операционально-математизированного концептуального аппарата. Однако уже в начале 1970-х годов в работах В.Ф. Петренко (1974, 1975, 1982), а затем А.Г. Шмелева (1979, 1982), Е.Ю. Артемьевой (1980, 1991), В.И. Похилько, Е.О. Федотовой (1984) начинается использование операционального инструментария Ч. Осгуда (Osgood, 1957) и Дж. Келли (Kelly, 1963) при построении семантических пространств в исследованиях сознания и картины мира субъекта. В настоящее время в рамках отечественного варианта психосемантики наблюдается своеобразный симбиоз теоретических построений Выготского, Леонтьева, Лурии и операционального аппарата, в основе своей заимствованного у американских психологов (хотя и с развитием последнего и изобретением и разработкой множества новых методик в рамках этой парадигмы). При этом особенностью отечественного варианта психосемантики является широта его приложения. К нашему удивлению, сторонники теории личностных конструктов, работающие в основном в области психотерапии и в ходе нее анализирующие индивидуальные матрицы данных, т. е. осуществляющие психодиагностику в рамках дифференциальной психологии, не обращаются к исследованиям Ч. Осгуда и его последователей, интерес которых был направлен в основном на поиск общепсихологических и социально-психологических инвариантов и универсалий. Отечественная же психосемантика находит свое приложение в политической психологии (Петренко, Митина, 1997; Шмелев, 1992), в этнопсихологии, в исследованиях психологии искусств и массовых коммуникаций (Петренко, 2005, Petrenko, 1997), в психологии измененных состояний сознания (Кучеренко, Петренко, Рассохин, 1998) и медицинской

психологии и психотерапии (Бондаренко А.Ф., 1991; Ефимова О.К., Тхостов А.Ш., 1990), т. е. в более широком диапазоне применения. При относительной малочисленности отечественных разработчиков отличительной особенностью отечественной психосемантики является также ее большая тяга к методологическим проблемам, восходящим к идеям Выготского, Леонтьева, Рубинштейна, Лурии, как то проблемам взаимосвязи аффекта и интеллекта (или влияния эмоций на процессы категоризации), невербальных форм фиксации значений в теле образа, социо-культурной детерминации картины мира и т. д.

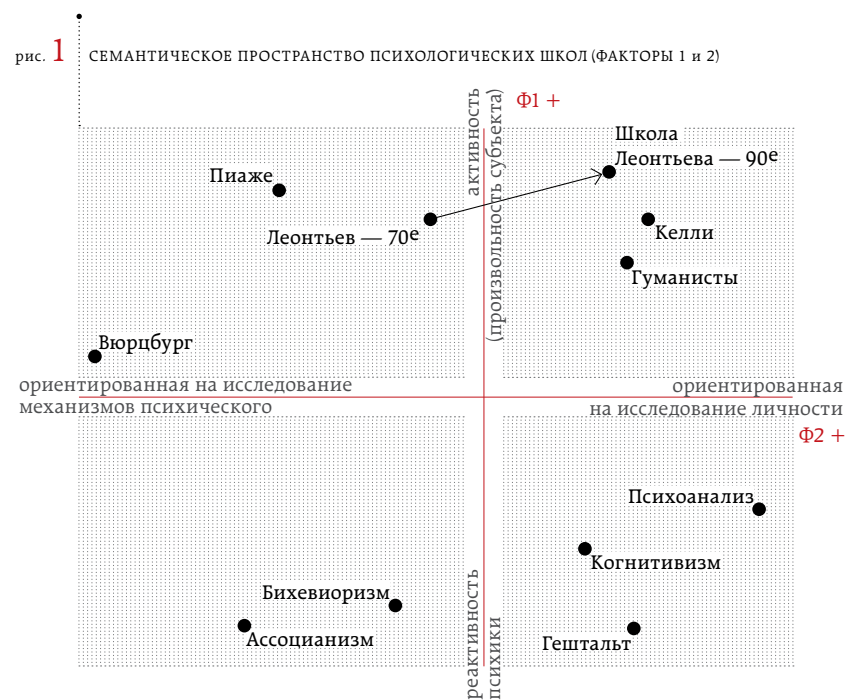
Результаты психосемантического анализа

В результате факторного анализа оценок психологических школ по выделенным конструктам (см. таблицу 1) удалось построить трехмерное семантическое пространство.

В **первый фактор**, названный нами фактором «**активности, произвольности субъекта деятельности**», вошли такие конструкты, как идея «эволюционизма психического», «активности», наличия субъекта деятельности, идея «знаковой опосредованности», опосредованности культурой как обретения человеком своей родовой сущности, идея самореализации.

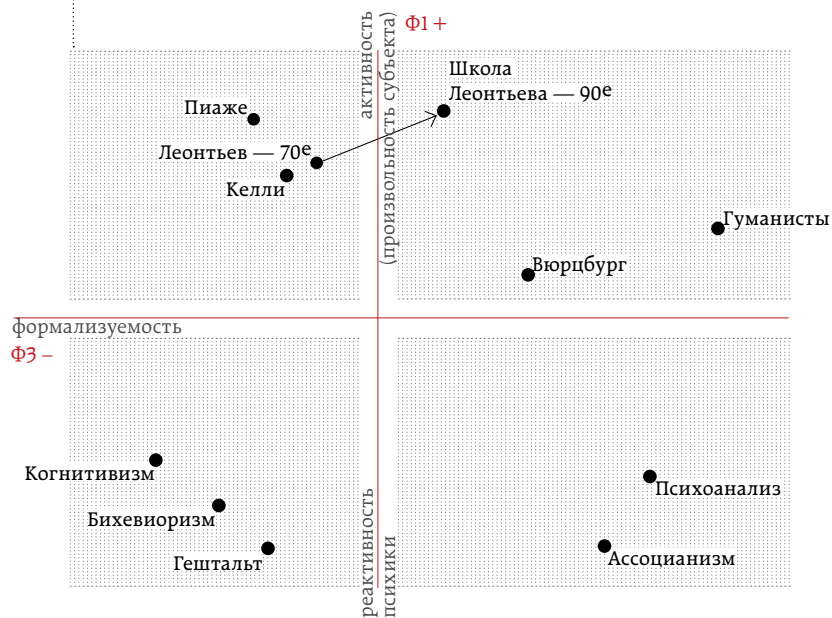
Сопоставляя взгляды Леонтьева и его школы в 1970-х годах и позиции школы Леонтьева в 1990-е, можно констатировать, что произошло дальнейшее развитие идей (идущих еще от Выготского) произвольности психики человека и в первую очередь произвольности его сознания, возможности самому строить свой выбор, быть субъектом, а не объектом своего бытия. Представление о человеке в школе Леонтьева последовательно смещается из «царства необходимости» в «царство свободы», в исследованиях человека идет подъем по «духовной вертикали».

Во **второй фактор**, названный нами «**Ориентированность на исследования личности ↔ ориентированность на исследование познавательных процессов**», вошли такие конструкты, как «направлено на исследование личности», «находит применение в психотерапии», «осуществляет анализ по единицам (целостным гештальтам) в оппозиции к анализу по элементам и т. п. В этом движении в сторону изучения целостной личности школа Леонтьева сближается (см. рис. 1) с позициями гуманистической психологии и теорией личностных конструктов — школой Келли.

Третий фактор, названный нами «**формализуемость**», включает конструкты, связанные с направленностью исследований на возможность применения психологических знаний в технологическом производстве, при взаимодействии человек — техника. От

рис. 2 СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ШКОЛ (ФАКТОРЫ 1 и 3)

МНОГОМЕРНОЕ СОЗНАНИЕ: психосемантическая парадигма

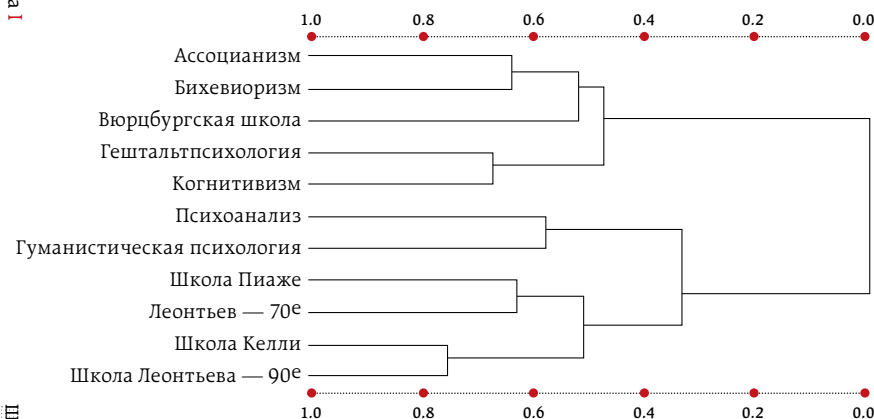
В. Ф. ПЕТРЕНКО

метим, что третий фактор имеет высокую отрицательную корреляцию с первым ($k = -0,7$), и только с большой натяжкой можно использовать ортогональную, а не косоугольную модель репрезентации факторов. Чем выше произвольность субъекта, тем меньше возможность его однозначных реакций, присущих современному технологическому процессу. Действительно, еще Ж.-П. Сартр сформулировал дилемму «познание или свобода». Большая ориентация школы Леонтьева на проблемы личности в 1990-е годы в сравнении с 1970-ми привела к уменьшению исследований познавательных процессов, а «подъем по духовной вертикали» неизбежно сопровождается использованием менее операциональных и формализованных понятий.

Кластер-анализ матрицы данных оценок школ (см. таблицу 1 и рис. 3) подтвердил нашу мысль о духовной близости школы Леонтьева и гуманистической психологии, школы генетической

ГЛАВА I

рис. 3 КЛАСТЕР-СТРУКТУРА ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ШКОЛ

эпистемологии Ж. Пиаже и конструктивизма школы Келли. При этом если в 1970-е годы наиболее методологически близкими по отношению к отечественной психологии выступали представители генетической эпистемологии (Пиаже, 1969; Пиаже, Инельдер, 1963; Брунер, 1977), то в 1990-е годы в связи с разработкой в школе Леонтьева проблемы психологической картины мира (Леонтьев, 1977; Петренко, 1982; Петухов, 1984; Смирнов, 1985; Шмелев, 1982) наиболее духовно близкой становится конструктивистская психология (Kelly, 1963; Франселла, Баннистер, 1987).

Подводя итог проведенному анализу места психологической школы Леонтьева в пространстве мировой психологической науки, отметим в заключение изменение статуса науки, и в том числе психологической, в ментальном пространстве отечественного общественного сознания. И парфразой книге Эразма Родердамского «Похвала глупости» произнесем похвальное слово тоталитаризму.

Тоталитаризм, согласно его содержательному, а не отрицательно-коннотативному значению, означает тотальный контроль и государственное управление экономикой, идеологией, искусством и даже личной жизнью граждан. Помимо решения чисто

ШКОЛА А. Н. ЛЕОНТЬЕВА В СЕМАНТИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

политических проблем на пленумах партии или заседаниях правительства, что в силу принципа тотальности было практически одно и то же, могли ставиться и решаться глобальные научно-технические вопросы о плане ГОЭЛРО или Аэрокосмических программах, обсуждаться проблемы «о педологических извращениях в системе Наркомпроса», об использовании психодиагностики в школе или «о безродных космополитах», об отношении в науке и искусстве к зарубежным исследованиям и достижениям. Любые разработки в науке могли стать предметом бдительного, но и заинтересованного ока «сидящих наверху». Это ощущение включенности науки в решение глобальных государственных проблем давало ощущение масштабности задач. Если уж развивать психологическую науку, то принципиально новую, «марксистскую психологию»; если заниматься исследованием развития, то формировать «нового гармоничного человека». Ощущение принадлежности к науке, находящейся на острие человеческого прогресса, придавало пафос, внутреннюю силу и ту психологическую энергию, которая позволяла гомелевскому учителю (Выготскому) или харьковскому доценту (Леонтьеву) чувствовать себя демиургами в познании и становиться лидерами формирующихся вокруг них школ, осуществлять служение науке.

Ныне небеса опустели. «Боги умерли», — как писал Ницше, и на смену творцам и мыслителям, занятым служением науке, приходят «специалисты» и профессионалы, имя которым — легион, занятые обслуживанием клиента. Произошло значительное смещение акцентов от решения проблем самой психологической науки (подчас и схоластических) к решению массовых прикладных задач типа: психодиагностика и ассессмент сотрудников фирм и предприятий; формирование имиджа политика, товара, фирмы; психотерапия или психокоррекция пациента.

Но проблема нового времени в психологии — не в противопоставлении прикладных и теоретических задач, а во вписании их в более широкий научный контекст, включающий наличие

сверхзадачи. Ни одно стоящее дело не делалось вне рамок более глобальных задач. Ньютон был крупным теологом, Фехнер решал глобальную психофизическую проблему, К.Э. Циолковский или В.И. Вернадский, помимо их выдающейся практической деятельности, были мыслителями, озабоченными эволюцией природы и человечества. В биографии Фрейда, написанной Фроммом, отмечается, что психоаналитическое общество с его отцом-основателем и тайным комитетом приближалось по духу к религиозному сообществу, а написанная Фрейдом работа «Человек по имени Моисей и монотеистическая религия» являлась скрытой проекцией Фрейда на роль пророка, ведущего человечество «на землю обетованную».

Восприятие науки как некоей трансцендентальной ценности и служение ей кажется мне отличительной чертой и наших отцов-основателей отечественной психологии. И, продолжая их дело, мы должны сохранить то особое корпоративное самосознание как принадлежность к особому сообществу избранных, помогающих обществу и отдельному человеку осознать самое себя, — сообществу со своими сподвижниками и пророками, одним из которых и был Алексей Николаевич Леонтьев.

ЛИТЕРАТУРА

- Адлер А.** Практика и теория индивидуальной психотерапии. М., 1995.
- Анохин П.К.** Биология и нейрофизиология условного рефлекса. М.: Медицина, 1968.
- Артемьева Е.Ю.** Психология субъективной семантики. М.: МГУ, 1980.
- Артемьева Е.Ю.** Семантические измерения как модели // Вестник МГУ. Психология . 1991. № 1.
- Асмолов А.Г.** Культурно-историческая психология и конструирование миров. М., 1996.
- Асмолов А.А.** Психология личности. М.: МГУ, 1990.

- Бернштейн А.Н.** Очерки по физиологии движений и физиологии активности. М., 1966.
- Бондаренко А.Ф.** Социальная психотерапия личности. Киев, 1991.
- Братусь Б.С.** К изучению смысловой сферы личности // Вестник МГУ. Психология. 1981. № 2.
- Братусь Б.С.** Аномалии личности. М., 1988.
- Братусь Б.С., Воейков В.А., Воробьев С.Л.** и др. Начала христианской психологии. М., 1995.
- Брунер Дж.** Психология познания. М., 1977.
- Васильюк Ф.Е.** Психология переживания. М., 1984.
- Виллюнас В.К.** Психология эмоциональных явлений. М., 1976.
- Гальперин П.Я.** Введение в психологию М., 1976.
- Гиппенрейтер Ю.Б.** Движение человеческого глаза. М., 1978.
- Гиппенрейтер Ю.Б., Леонтьев А.Н., Овчинникова О.В.** Анализ системного строения восприятия // Доклады АПН РСФСР. М., 1957–1959. Сообщения I–VII.
- Гиппенрейтер Ю.Б., Романов В.Я., Самсонов И.С.** Метод выделения единиц деятельности // Восприятие и деятельность. М.: МГУ, 1995.
- Джеймс В.** Научные основы психологии. СПб., 1902.
- Дормашев Ю.Б., Романов В.Я.** Психология внимания. М., 1995.
- Ефимова О.К., Тхостов А.Ш.** Исследование семантической организации перцептивных ощущений // Вестник МГУ. Психология. 1990. №3.
- Зинченко В.П., Мамардашвили М.К.** Проблема объективного метода в психологии // Вопросы философии. 1977. № 7.
- Зинченко В.П., Моргунов Е.Б.** Человек развивающийся. Очерки российской психологии. М., 1994.
- Кучеренко В.В., Петренко В.Ф., Рассохин А.В.** Измененные состояния сознания: психологический анализ // Вопросы психологии. 1998. № 3.
- Кюльпе О.** Современная психология мышления // Новые идеи в философии. СПб., 1914.
- Леонтьев А.Н.** Деятельность, сознание, личность. М., 1977.
- Леонтьев А.Н.** Проблемы развития психологии. М.: МГУ, 1985.
- Леонтьев А.Н., Джафаров Э.Н.** К вопросу о моделировании и математизации в психологии // Вопросы психологии. 1973. № 3.
- Леонтьев А.А.** Язык, речь, речевая деятельность. М., 1969.

- Леонтьев А.А.** Психоллингвистика. М., 1997.
- Леонтьев Д.А.** Личностный смысл и трансформация психического образа // Вестник МГУ. Психология. 1988. № 2.
- Леонтьев Д.А.** Субъективная семантика и смыслообразование // Вестник МГУ. Психология. 1990. № 3.
- Логвиненко А.Д.** Зрительное восприятие пространства. М.: МГУ, 1981.
- Лурия А.Р.** Об историческом развитии познавательных процессов. М., 1974.
- Лурия А.Р.** Язык и сознание. М.: МГУ, 1979.
- Овчинникова О.В., Насиновская Е.Е., Иткин Н.Г.** Гипноз в экспериментальном психологическом исследовании. М.: МГУ, 1989.
- Петренко В.Ф.** Динамика семантического поиска // Исследование рече-мыслительной деятельности. Алма-Ата, 1974.
- Петренко В.Ф.** К вопросу о семантическом анализе чувственного образа // Восприятие и деятельность. М.: МГУ, 1975.
- Петренко В.Ф.** Основы психосемантики. М.: МГУ, 2005.
- Петренко В.Ф.** Экспериментальная психосемантика: исследование индивидуального сознания // Вопросы психологии. 1982. № 5.
- Петренко В.Ф., Митина О.В.** Психосемантический анализ динамики общественного сознания (На материале политического менталитета). М.: МГУ, 1997.
- Петровский В.А.** Личность в психологии: парадигма субъектности. Ростов-на-Дону, 1996.
- Петровский В.А.** Психология надситуативной активности // Вопросы психологии. 1975. № 3.
- Петухов В.В.** Образ мира и психологическое изучение мышления // Вестник МГУ. Серия Психология. 1984. № 4.
- Пиаже Ж., Инельдер Б.** Генезис элементарных логических структур. М., 1963.
- Пиаже Ж.** Избранные психологические труды М., 1969.
- Полани М.** Личностное знание. М., 1985.
- Похилько В.И., Федотова Е.О.** Техника репертуарных решеток в экспериментальной психологии личности // Вопросы психологии. 1984. № 3.
- Пузырей А.А.** Культурно-историческая теория Л.С. Выготского и современная психология. М.: МГУ, 1986.
- Роджерс К.** Взгляд на психотерапию. Становление человека. М.: Прогресс, 1994.

- Рубинштейн С.Л.** Основы общей психологии. М., 1948.
- Северцев А.Н.** Главные направления эволюционного процесса. М.: 1967.
- Смирнов С.Д.** Психология образа: проблема активности психического отражения. М.: МГУ, 1985.
- Соколова Е.Т.** Мотивация и восприятие в норме и патологии. М., 1976.
- Соколова Е.Т.** Самосознание и самооценка при аномалиях личности. М., 1989.
- Соколова Е.Т., Николаева В.В.** Особенности личности при пограничных расстройствах и соматических заболеваниях. М., 1995.
- Спиваковская А.С.** Профилактика детских неврозов. М., 1988.
- Столин В.В.** Исследование порождения зрительного пространства образа // Восприятие и деятельность. М.: МГУ, 1976.
- Столин В.В.** Самосознание личности. М.: МГУ, 1983.
- Субботский Е.В.** Формирование морального поведения у дошкольников в условиях психолого-педагогического эксперимента // Вестник МГУ. Психология. 1981. № 2.
- Субботский Е.В.** Формирование морального действия у ребенка // Вопросы психологии. 1979. № 3.
- Субботский Е.В.** Феномен иррационального восприятия дошкольниками некоторых предметных отношений // Вопросы психологии. 1988. № 2.
- Субботский Е.В.** Развитие у ребенка представлений о причинности // Вопросы психологии. 1989.
- Тихомиров О.К.** Структура мыслительной деятельности человека. М., 1969.
- Франкл В.** Человек в поисках смысла. М.: Прогресс, 1990.
- Франселла Ф., Баннистер Д.** Новый метод исследования личности. М.: Прогресс, 1987.
- Фрейд З.** Человек по имени Моисей и монотеистическая религия. М.: Наука, 1993.
- Фромм Э.** Иметь или быть. М.: Прогресс, 1990.
- Хорни К.** Собрание сочинений в трех томах. Т. 3. М.: Смысл, 1997.
- Шмальгаузен И.И.** Избранные труды. Организм как целое в индивидуальном и историческом развитии. М., 1982.
- Шмелев А.Г.** Психологическая обусловленность индивидуальных различий в понимании значения слова // Исследование проблемы речевого общения. М., 1979.
- Шмелев А.Г.** Психология политического противостояния. Тест социального мировоззрения // Психологический журнал. 1992. № 5.
- Шмелев А.Г.** Традиционная психометрика и экспериментальная психосемантика: объектная и субъектная парадигма анализа данных // Вопросы психологии. 1982. № 5.
- Ярошевский М.Г.** Оппонентный круг и научное открытие // Вопросы философии. 1983. № 11.
- Kelly G.A.** The theory of personality. The psychology of personal constructs. N. J. 1963.
- Osgood Ch., Suci C., Tannenbaum P.** The measurement of meaning. Urbana. 1957.
- Petrenko V.F.** The spectator's perception of literature and cinema: a psychosemantic approach // Emotion, creativity and art. Perm. 1997. P. 190–212.

глава II

ПСИХОСЕМАНТИЧЕСКИЕ
АСПЕКТЫ КАРТИНЫ
МИРА СУБЪЕКТА

Психосемантические аспекты картины мира субъекта

«Картина мира» — интегральное понятие, и речь, конечно, идет о различных содержательных локусах восприятия мира. Человек строит модели различных аспектов действительности, начиная с образа самого себя, других людей, социальных систем и кончая моделями мира, включающими смысл его существования. «Карта не есть территория», и образ мира не есть слепок с физической действительности. В картину мира входят и научные знания, и житейский опыт субъекта, жизненные ценности культуры, к которой он принадлежит, и личностные смыслы самого субъекта, индивидуализирующие его мировосприятие.

Согласно принципу «единства сознания и деятельности» С.Л. Рубинштейна или «основному постулату» Дж. Келли, гласящему, что «поведение субъекта канализируется по руслам тех конструктов, в рамках которых происходит антиципация событий», картина мира субъекта определяет его поведение.

Так, для того чтобы функционировали политические и экономические институты, необходимы определенные фигуры сознания людей, реализующих экономическое и политическое поведение. Например, для того чтобы существовало феодальное общество, необходимы феодалы, имеющие свои представления об отношениях вассала и сюзерена, о долге и чести рыцаря; крестьяне, имеющие свое отношение к земле и труду, погруженные в мир представлений сельской общины и ее традиционный уклад; и, наконец, необходима некая религиозная идеология, синхронизирующая взаимодействие различных сословий.

Для того чтобы существовало социалистическое общество советского типа (эпохи развитого социализма), необходима осо-

бая форма «двоемыслия» (Дж. Оруэлл) или «кентаврического сознания» (М. Мамардашвили), где нормы поведения граждан определяются не декларируемыми и конституционно закрепленными правами, а некими негласными правилами, нарушение или даже попытка обсуждения которых караются «компетентными органами» — этой инквизицией двадцатого века.

Областью психологической науки, изучающей картину мира индивидуального или коллективного субъекта, является экспериментальная психосемантика.

Психосемантика исследует генезис, структуру и функционирование индивидуального или общественного сознания и его ведущей образующей — значения. Формой фиксации значения как «единицы, связующей общение и обобщение» (Л.С. Выготский); «формы, в которой кристаллизован общественный опыт» (А.Н. Леонтьев); «системы дифференциальных признаков соотношения с различными видами взаимоотношения слов в процессе реальной речевой деятельности» (А.А. Леонтьев); «идеальных конструкций, моделей, в которых представлены формы обобщений совокупного общественного опыта» (В.Ф. Петренко), могут выступать в первую очередь слова естественного языка, а также знаки, символы, изображения, выразительные движения, формы ритуального поведения и т. д. в их инвариантном для различных индивидов данной культуры социально-нормированном смысле.

Психосемантика, как и родственная ей психолингвистика, исследует формы существования значения в человеческом сознании, но если интерес психолингвистики сосредоточен в первую очередь на проблемах порождения речевого высказывания, то психосемантика рассматривает главным образом содержание сознания субъекта, его картину мира, включающую как осознаваемые, так и неосознаваемые пласты ментальности. Возникнув в середине 1970-х годов, отечественная психосемантика была в основном представлена работами психологов Московского университета (В.Ф. Петренко, 1983, 1988, 1997; А.Г. Шмелева, 1983, 2002; Е.Ю. Артемьевой,

1999; В.И. Похилько, Е.О. Федорова, 1984). Экспериментальная парадигма психосемантики в основе своей заимствована из работ по построению семантических пространств Ч. Осгуда (так называемый метод семантического дифференциала) и теории личностных конструктов Дж. Келли (метод репертуарных решеток) и включает в себя использование аппарата многомерной статистики для выделения категориальных структур сознания субъекта. Как пишет хорошо известный в России американский психолог Майкл Коул в предисловии к моей статье «Значение как образующая сознания», опубликованной в журнале «Психология в России и Восточной Европе»: «Петренко заимствует американский технологический инструментарий для решения традиционных российских проблем психологии, идущих от Л.С. Выготского» (Cole, 1998). Действительно, методология школы Выготского — Леонтьева — Лурии определяла теоретическое становление психосемантики.

Психосемантика, являясь областью психологии, имеет тем не менее ярко выраженный междисциплинарный аспект, переключаясь с философией и культурологией (см. работы В.С. Степина о категориальной структуре сознания, А.Я. Гуревича о категориях средневековой культуры), языкознанием (модель «Смысл — Текст» И.А. Мельчука, лексическая семантика Ю.Д. Апресяна, представления Ю.Н. Караулова о языковой личности, Ю.С. Степанова о трехмерном пространстве языка), социологией (работы С. Московичи о социальных представлениях, П. Бурдьё — о социальном пространстве), информатикой (работы Д.А. Поспелова о формах репрезентации знаний).

В современной психологической науке общепринятым является положение об опосредованном и обобщенном характере восприятия и сознания (Л.С. Выготский, 1934; Дж. Брунер, 1977; А.Н. Леонтьев, 1977), так как, сталкиваясь с неким единичным объектом, событием или живым существом, субъект восприятия неизбежно категоризирует его, т. е. соотносит его с неким обобщенным эталоном, стереотипом или «типажом» (разными фор-

мами значения), в которых фиксирован обобщенный и усвоенный субъектом общественный опыт взаимодействия с этим классом объектов. Таким образом, единичное воспринимается и оценивается через призму содержания некоего множества, в которое входит это единичное, и признаки, качества, характеристики, которые приписываются, атрибутируются всему этому классу, переносятся и на восприятие единичного, с которым субъект мог и не иметь опыта взаимодействия. Например, возвращаясь поздно вечером домой и увидев фигуру идущего навстречу незнакомца, человек может испытать совершенно разные переживания, хотя у него и не было опыта взаимодействия с этим человеком. В зависимости от внешнего вида, одежды, манеры держаться и даже походки незнакомец может быть категоризован, т. е. отнесен к тому или иному типу — «усталому работяге», «пожилому пенсионеру» или «крутому братку», и, исходя как из индивидуального опыта взаимодействия с данным типом людей, так и, возможно, из знаний, почерпнутых из литературы или просмотра художественных фильмов или телепередач, человек строит стратегию своего мимолетного взаимодействия с этим прохожим, спокойно пройдя мимо одного, напряженно отодвинувшись от другого, приветственно кивнув головой третьему или прикурив у него сигарету.

То есть, на единичное проецируются типовые характеристики, в том числе и поведенческие, того класса объектов, к которому относится это единичное. Об апперцепции как о наложении следов памяти на актуально воспринимаемое писал в свое время В. Вундт.

Другой важной особенностью восприятия является имманентная (имплицитная) позиция наблюдателя, скрыто присутствующая в конструируемом образе. Еще Дж. Локк писал о первичных качествах (типа временной и пространственной протяженности) и вторичных качествах (типа громкости звука или ощущения вкуса), а епископ Беркли ставил проблему: как можно было бы помыс-

лить мир, если бы из него убрать наблюдателя (каков мир, когда мы спим)? Потрясенный перспективой мира без звука, света, запаха и пр., он постулировал необходимость бытия Бога как абсолютного наблюдателя, в чьем восприятии мир продолжает существовать в привычных формах и без присутствия человека.

В современной науке имплицитное присутствие позиции субъекта в восприятии и осознании мира разрабатывалось в операциональной теории интеллекта Жана Пиаже (1969) и последователями его школы. В лингвистике А. Вежицкая (1996) показывает, что за внешней формой безличного предложения типа «Дождь идет» стоит свернутое описание восприятия некоего наблюдателя, в некоем конкретном месте и времени наблюдающего данный природный процесс и категоризирующего его в этой лингвистической форме. Нет безличного (в нашем случае, скорее, бессубъектного восприятия, знания или осознания). В описании окружающей физической и социальной действительности, событий собственной жизни и жизни других людей имплицитно присутствует позиция наблюдателя, можно даже подчеркнуть, пристрастного наблюдателя, ценностные ориентации, системы мотивов и культурно-исторические формы категоризации которого обуславливают то содержание, которое он способен выделить из многообразия наблюдаемого мира. Современный конструктивизм трактует образ мира человека, в отличие от теории отражения, как некую построенную субъектом — на основе усвоения культуры и с помощью других людей — плюралистическую модель, характеризующуюся не степенью истинности, ибо неясно, что является носителем последней, а мерой адекватности бытию и собственным целям, рядоположную моделям мира других людей, доступную трансформации, целенаправленной коррекции и развитию.

Человеческое поведение при этом рассматривается не как реакция на предметную или социальную ситуацию, а скорее как вопрос, который субъект задает миру в целях понять мир и себя и, соответственно, построить адекватный образ мира.

Образ мира включает в себя систему ценностей субъекта (например, «быть богатым и здоровым лучше, чем бедным и больным», «счастье — в борьбе», «жизнь прекрасна» — здесь возможна высокая вариативность в зависимости от культуры и религии, к которым принадлежит субъект); знание неких глобальных принципов (например, вещи не появляются из ничего и не исчезают бесследно, событие имеет некую причину; предметы падают вниз, а не вверх; прошлое невозможно вернуть и время течет в одну сторону). Эти принципы, как правило, плохо рефлексированы субъектом и присутствуют в картине мира как нечто «само собой разумеющееся», задавая концептуальную рамку восприятия. Подчас необходимо «яблоко» Ньютона или «эврика» Архимеда для осознания этих принципов и экспликация их в культуре в форме «законов природы или общества». Наиболее общие принципы оперируют наиболее общими значениями, или «категориями», которые, имплицитно присутствуют в более частных (например, категория времени присутствует в качестве архисемы в понятиях «вчера», «сегодня», «утро», «полдень», «год», «столетие», в глаголах «расти», «развиваться», «умирать», «уснуть» или «проснуться», в наречиях «быстро», «медленно» и т. д., т. е. везде, где присутствуют действие или изменение состояния).

Категории сознания задают «концептуальную рамку» восприятия мира, в контексте которой строятся более частные, так называемые «имплицитные теории» или «имплицитные модели» (см.: Bruner, Tagiuri, 1954), т. е. слабо упорядоченные и плохо рефлекслируемые формы организации знаний субъекта в различных содержательных областях, его обыденного сознания и житейского опыта.

Проблема образа, картины мира восходит к Иммануилу Канту и выступает как проблема категорий сознания, в которых структурируется, упорядочивается опыт субъекта познания. Культурно-исторический аспект этой проблемы, трактуемый как обусловленность содержания категорий сознания контекстом эпохи,

в которую погружен субъект, развивался В. Гумбольдтом, К. Марксом, О. Шпенглером. В отечественной философии, психологии, культурологии исследование категориальной структуры сознания представлено в первую очередь работами Л.С. Выготского, А.Н. Леонтьева, А.Я. Гуревича, Ю.М. Лотмана, М.К. Мамардашвили, В.С. Степина. «Преобразование объектов в человеческой деятельности является главным определением самого человека, выражением его сущности и основанием человеческого мира. Поэтому категории, которые фиксируют наиболее общие, атрибутивные характеристики объектов, включаемых в человеческую деятельность, выступают в качестве базисных структур человеческого сознания. Они универсальны, поскольку любые объекты могут стать предметами деятельности и в любых объектах обнаруживаются атрибутивные характеристики, которые развивающаяся практика и познание выявляют в предметном мире и фиксируют в форме категорий» (Степин, 1986, с. 43). К наиболее общим, базисным категориям относятся категории материи, пространства, движения, вещи, свойства, количества, качества, меры, формы, содержания, причинности, случайности, возможности, необходимости и др. Категории как наиболее общие формы значений (понятий), выступающие родовыми терминами, метаязыком по отношению к более частным значениям, являются понятийным аппаратом самой философии, создающим возможность рефлексии и описания ее содержания.

Являясь понятиями метаязыка, категории образуют систему связей и отношений с другими категориями этого уровня и конкретизируют свое содержание в рамках этой целостной системы. В то же время категории имеют собственную сложную семантическую организацию и в отношениях с другими категориями выступают как «текст в тексте». Семантически категория представляет собой свернутую в одно понятие целостную систему представлений, знаний, выработанных человечеством, о некоторой содержательной области. Например, категория времени вбирает в себя представления теории относительности о взаимо-

отношениях пространства и времени, космологические представления об эволюции материи, биологические сведения о времени жизни организма, представления о психологическом времени личности, об историческом времени и т. п.

Наличие системных связей категорий высшего уровня, образующих категориальную матрицу, ее проработанность и рефлексия выступают организующим фактором для установления отношений и взаимосвязей содержательных пластов каждой конкретной категории, позволяя реализовать принцип методологического управления в организации каждой конкретной науки. Если философская категория может представлять собой понятийное образование, разворачивающееся в достаточно стройную систему взаимосвязанных суждений и представлений по поводу той или иной атрибутивной характеристики бытия, то категории обыденного, житейского сознания представляют собой синкретические, расплывчатые обобщения, а в качестве их носителя могут выступать образы, символы, поэтические метафоры.

Даже в относительно развитых философских системах античности, пишет В.С. Степин, многие фундаментальные категории несут на себе печать символического и метафорического отражения мира («огнелогос» Гераклита, «Нус» Анаксагора) (Степин, 1986, с. 50). Еще более расплывчаты и метафоричны категории древнеиндийской и древнекитайской философии. «Никто не может дать определение *дхармы*. Ее переводят и как „закон“ и как „элемент бытия“. У каждого существа своя *дхарма* — всеобщая и единичная (сущность неотделима от явлений). Вы не найдете двух одинаковых определений *дао* у Лао-цзы, двух одинаковых толкований *жень* или *ли* у Конфуция — он определял *ли* в зависимости от того, кто из учеников обращался к нему с вопросом» (Григорьева, 1979, с. 75).

Категории, как и человеческое сознание в целом, находятся в постоянном развитии. К. Маркс писал: «...даже самые абстрактные категории, несмотря на то, что они — именно благодаря сво-

ей абстрактности — имеют силу для всех эпох, в самой определенности этой абстракции представляют собой в такой же мере и продукт исторических условий и обладают полной значимостью только для этих условий и в их пределах» (Маркс, Энгельс, т. 46, с. 42). В работе А.Я. Гуревича (1972) приводится множество ярких примеров различий в представлениях человека средневековой Европы и современного человека индустриального общества. «Мы имеем в виду, — пишет А.Я. Гуревич, — такие понятия и формы восприятия действительности, как время, пространство, изменение, причина, судьба, число, отношение чувственного к сверхчувственному, отношение частей к целому... Эти универсальные понятия в каждой культуре связаны между собой, образуя своего рода „модель мира“ — ту „сетку координат“, при посредстве которых люди воспринимают действительность и строят образ мира, существующий в их сознании» (1972, с. 15).

Наряду с объектными, базисными категориями, рефлексивное сознание выделяет категории, отражающие субъект-субъектные отношения, атрибутивные характеристики социального бытия человека. В философии экзистенциализма до уровня мировоззренческих философских категорий поднимаются такие эмоции и психологические состояния, как чувства вины, сопричастности, страха, одиночества и др.

Грань между категориями-понятиями философского, научного сознания и категориями-значениями обыденного, житейского сознания достаточно условна. Последние, развиваясь и обрастая системными связями и отношениями, могут подниматься до уровня понятийных форм. Спецификация категорий как наиболее общих и емких значений заключается в системной организации их содержания, а не в формах их репрезентации — образной или знаковой. Поэтому в психологии используют термин «категориальные структуры» применительно и к сфере восприятия, и к области понятийного, вербального мышления. Так, Дж. Брунер (1977) называет перцептивными категориями целос-

тные перцептивные гипотезы, свернутые до некоего единичного перцептивного эталона, определяющего построение и распознавание образа.

В лингвистике описание содержания вербального сознания выступает как проблема построения словаря базисных смыслов (Ю.Д. Апресян, 1995; И.А. Мельчук, 1974), структура которых в виде семантических графов позволяет отобразить его содержание, или как проблема построения пространства языкового сознания личности (Ю.Н. Караулов, 1981; Ю.С. Степанов, 1983). В психологической науке наиболее разработанной формой репрезентации содержания индивидуального и общественного сознания выступают так называемые семантические пространства, техника построения которых восходит к методу семантического дифференциала Ч. Осгуда (Semantic Differential) и репертуарным решеткам Дж. Келли (repertory grid technique).

Остановимся на этом подробнее, рассмотрев для начала понятие семантического поля. Понятие семантического поля ввели еще неогумбольдтианцы — лингвисты Й. Трир, В. Порциг, Л. Вайсгейбер (см.: Шур Г.С., 1974), где под семантическими полями понимали ассоциативно связанные значения. Согласно Вильгельму Гумбольдту, через анализ этих полей, через «внутреннюю форму слова» можно описать, реконструировать дух народа. То есть, с одной стороны, это был лингвистический подход, с другой — культурологический, заключающийся в движении к менталитету нации через «внутреннюю форму слова», через семантические поля и т. д.

Для иллюстрации понятия «семантическое поле» (однако не на лингвистическом, а на психологическом материале и на примере более современного исследования) можно привести эксперименты А.Р. Лурии, О.С. Виноградовой (1971), посвященные реконструкции этих полей «объективными» методами, основанными на генерализации условного оборонительного или ориентировочного рефлекса. В чем суть этого метода? Испытуемым предъявляются различные слова, и некоторые из них подкрепляются ударом

электротока. Например, предъявление слова «скрипка» сопровождается ударом электротока. С помощью ряда приемов можно зафиксировать возникающие ориентировочные и оборонительные реакции человека. Один из способов — так называемая плетизмограмма: одевается колпачок на палец испытуемого, и поскольку в ситуации любого эмоционального напряжения или ориентировочной реакции происходит сжатие капилляров периферии, то можно зафиксировать изменение давления внутри этого колпачка. Визуально палец у нас не уменьшается, тем не менее манометр фиксирует изменение давления внутри колбочки, и можно построить кривые плетизмограммы, описывающие динамику эмоциональных реакций субъекта. Или другой способ — методика Форе: накладываются на ладонь испытуемому пара электродов, между которыми пропускают слабый (порядка 1–2 вольт) ток и фиксируется так называемая кожно-гальваническая реакция, заключающаяся в том, что при любом эмоциональном напряжении меняется сопротивление кожи и таким образом можно зафиксировать ориентировочную реакцию. Лурия использовал плетизмографический способ фиксации ориентировочной и оборонительной реакций. Он их различал тем, что при ориентировочной реакции сужаются сосуды периферии и расширяются сосуды мозга, а при оборонительной — происходит сужение и тех и других.

Можно использовать самый простой способ записи, фиксируя только оборонительные реакции как показатель эмоционального напряжения. Так, например, если подкреплять током слово «скрипка» или «виолончель», то человек будет давать оборонительную реакцию и на слова «музыка», «концерт», «звук», т. е. на то, что производят эти музыкальные инструменты; и на слова «консерватория», «филармония», т. е. на то, где эта музыка производится, и на слова «маэстро», «скрипач», т. е. на тех, кто музыку производит; и на слова «струны», «смычок», «дека», т. е. на части этого музыкального инструмента, и т. д. Понятно, что в этом семантическом поле оказываются слова, ассоциативно связанные с ключе-

вым (подкрепляемым током) по разным основаниям. Существует принцип «ассоциативной связности» Хольта, согласно которому слова-ассоциации связаны со словом-стимулом по одному или нескольким семантическим признакам. В методике «семантического радикала» Лурии и Виноградовой в семантическое поле попадают слова как бы «в навал», взятые из разных содержательных классов и связанные по какому-то признаку с ключевым словом.

С появлением факторного анализа, а затем и современной компьютерной техники стало возможным расслоить семантическое поле по чистым линиям: это — лексика про музыку; это — про то, где она исполняется; это — про тех, кто ее исполняет; эти слова описывают части — элементы музыкального инструмента и т. п. За каждым фактором стоит какой-то конкретный семантический признак — основание категоризации. Множество оснований категоризации, используемых испытуемым — респондентом, образует категориальную структуру его сознания той или иной содержательной области. При геометрическом представлении семантического пространства эти категории-факторы задают координатные оси некоего многомерного семантического пространства, где анализируемые значения описываются через их координаты в этом пространстве, а срезы семантического пространства представляют собой содержательно однородные семантические поля.

Лурия назвал свой метод построения семантического поля методом «семантического радикала» и использовал его для исследования динамики актуализации знаний и анализа процессов мышления. Достоинством этой методики является то, что испытуемый, как правило, не осознает принцип, по которому осуществляется подкрепление током некоей содержательной области, но на неосознаваемом уровне актуализирует ассоциативно связанные с ней значения.

Мышление, по мнению Лурии, на девять десятых протекает на неосознаваемом уровне психического. Я в своих работах так-

же использовал этот метод для исследования динамики формирования «искусственного понятия» (Петренко, 1975), где применяя технику семантических срезов с помощью семантического дифференциала Ч. Осгуда и семантического радикала А. Лурии, описал возникающие рассогласования в процессе мышления на сознательном и на бессознательном уровнях и показал возможность построения адекватной классификационной структуры (решения познавательной задачи) на неосознаваемом уровне.

Близкие по феноменологии данные мы получили в совместном с В.В. Кучеренко исследовании, посвященном влиянию постгипнотической инструкции на процессы категоризации. Если ввести испытуемого в глубокий гипноз и дать команду выполнить какое-нибудь действие, то испытуемый, выйдя из состояния транса, как правило, не помнит того, что с ним было в гипнозе, но тем не менее выполняет инструкцию-приказ экспериментатора. Например, в знаменитых фрейдовских экспериментах испытуемым внушалась необходимость совершить некие бессмысленные действия, например, открыть зонтик и пройтись с ним по комнате. Испытуемый совершал требуемое, но на вопрос «А зачем вы это сделали?» искренне полагал, что по собственной инициативе решил проверить исправность зонта на случай дождя. Этот феномен домысливания рациональных мотивов собственных действий, истинная причина которых внушена испытуемому и не осознается им, был назван Фрейдом «феноменом рационализации».

Мы с В.В. Кучеренко в своих исследованиях также работали с постгипнотическим внушением, исследуя его влияние на функционирование сознания испытуемого. Так, если дать в гипнозе запрещение видеть какой-то объект, то человек, выйдя из гипноза, действительно не будет его видеть. Однако он не увидит не только «запрещенный объект», но и другие, семантически связанные с ним объекты. Если запретить видеть сигареты, то человек может не видеть пепельницы, полной окурков, спичек, зажи-

галки или, относительно последней, забывать ее предназначение (ее предметную функцию). Зажигалку человек вертит, крутит: что за странный «цилиндрик», непонятно, для чего? Возникает своеобразный разрыв между номинализацией (вербальным ярлыком) и образом. Например, испытуемому предлагается представить табачный киоск. Он, сам курящий, не в состоянии представить табачный ларек. Может визуализировать овощной ларек, киоск «Союзпечать», но никак не может представить табачный. Говоришь: «Ты можешь представить киоск!» Испытуемый с большим трудом что-то представляет. Спрашиваешь: «Что там продается?», он отвечает: «Брелки для ключей, талончики на бензин» и т. д. То есть, всякий сопутствующий хлам. Сигареты же он визуализировать не может.

Этот эксперимент может быть интересной иллюстрацией того, что существуют как бы два пласта «отражения» — видение и осознание.

В одном из экспериментов мы в рамках постгипнотической инструкции запретили испытуемому видеть конкретного человека. Этот человек находился в комнате, где поводился эксперимент, но испытуемый вел себя так, как будто этого человека в помещении нет. Через некоторое время последнему надоело «быть невидимым», он взял электробритву и стал бриться. Испытуемый буквально измучился, пытаясь понять, откуда идет непонятный звук, так как он не видел человека, держащего бритву, а шум слышал. Его ужасно мучила непонятность происхождения источника звука, который, как и вещь «невидимого» человека, был ему также невидим. Но если этот «невидимый» человек становится на пути идущего по комнате испытуемого, то последний (напомним, уже вышедший из гипнотического транса, но еще находящийся под влиянием постгипнотической инструкции) останавливался, лицо его, вначале изумленное, начинало приобретать характерное выражение сомнамбулы, и он впадал в глубокий транс. Таким образом, по-видимому, он все же видел

другого человека, ведь он не пытался пройти сквозь него, не «протыкал» его. Он видел его... но не осознавал.

Если запрещенный объект возникает как преграда, то появляется противоречие между невозможностью его осознания и необходимостью реакции на него как на физический объект. Нерешаемость проблемы ведет к тому, что испытуемый как бы «отключается», он входит в глубокий транс, возможно, тем самым снимая это противоречие. Неразрешимое противоречие — возможная причина погружения в транс: вспомним технику коанов в дзен-буддизме как средство выбить ученика из привычных форм категоризации мира и ввести в измененное состояние сознания.

Исследуя сознание человека с постгипнотической инструкцией, мы проводили ассоциативные эксперименты. Оказалось, что в ассоциативном эксперименте человек не воспроизводит некоторые слова. У него как бы вырезаются из памяти слова, целые пласты лексики, связанные с объектами, видение которых запрещено. То есть, осознание связано с тем, что есть некоторые знаковые формы, несущие значения, посредством которых мир репрезентирован субъекту. Блокируя их, мы блокируем и осознание. Идеи И.П. Павлова о первой и второй сигнальной системе находят здесь свое косвенное подтверждение.

Эту трактовку сознания как своеобразного перекодирования воспринятого и пережитого в знаковые формы мы находим еще у Гегеля. В ощущениях, эмоциях, по мнению Гегеля, нет противопоставления субъекта и объекта: мир задан, растворен в переживании. Выразив эти переживания в знаковой форме, мы отчуждаем воспринятое от субъекта и противопоставляем ему. В этой отчужденной от чувственности субъекта форме содержание может быть вторично воспринято — осознанно. Этот вольный пересказ Гегеля подводит нас к семиотической трактовке сознания, пониманию сознания как своеобразной формы «знакового восприятия».

Осознанно, по мнению М.М. Бахтина (1979), может быть то, что может быть передано, сообщено другому в плане внешней коммуникации или в акте автокоммуникации, т. е. самому себе.

Осознание — это своего рода восприятие в знаковой форме. Когда мы даем запрещение на восприятие какого-то объекта, то фактически с помощью постгипнотической инструкции вырезаем какие-то языковые значения, посредством которых осуществляется осознание. Человек продолжает видеть вещь, но не осознает ее. Своеобразный такой феномен — видение без осознания.

Это иллюстрация представления о том, что сознание реализуется как некоторая семиотическая система вторичного отображения. Динамику мыслительного процесса А.Р. Лурия представлял как сложную систему взаимодействия семантических полей, семантических пространств, развертывающуюся в основном на неосознанном уровне.

Но кто является субъектом этого процесса мышления? И есть ли он — субъект? Или же следует говорить, согласно Джеймсу, о мышлении процессуально: «не „я“ мыслю», а «мыслится», «воспринимается», реализуется некий процесс, исследуя который, мы будем описывать законы этого процесса, а не «мифического» субъекта.

И здесь мне хотелось бы подчеркнуть одну мысль, полемизируя с определенными представлениями, согласно которым человеческий мозг или сам человек рассматриваются скорее не субъектом мыслительной деятельности, конструирующим модели мира, а неким индуктором, принимающим какие-то уже готовые идеи. Об этом подробно писал Н.Н. Налимов (1989) в рамках представлений о семантической вселенной и т. п. На наш взгляд, это некий вариант неоплатонизма, где субъект не открывает, не конструирует новые идеи, а, подобно приемнику, способен в той или иной мере настроиться «на волну» и узнать что-то неизменное, вечное, уже существующее в мире.

Здесь я бы хотел заострить один аспект, на мой взгляд, весьма важный, который, собственно, очень сильно отдаляет модели искусственного интеллекта и ту систему знаний, которой обладает человек-субъект. Все эти семантические пространства, тезаурусы, семантические сети и фреймы есть лишь статичные формы репрезентации знаний. Субъект же не извлекает знания из неких статичных хранилищ, где они складированы в неизменном виде. Опыт, прошлое знание существуют в контексте настоящего, мотивов, целей, задач, стоящих перед субъектом. Как полагал еще Плотин, греческий философ-платоник, прошлое и будущее существуют для субъекта только в контексте настоящего.

В зависимости от эмоциональных состояний субъекта, его мотивов, личностных установок и т. д. совсем по-разному актуализируется система ассоциативных связей между отдельными значениями, которые организуют индивидуальный тезаурус. Наши исследования (Петренко, 1983) о влиянии аффекта на размерность семантических пространств позволяют понять эмоции как своеобразные операторы процесса категоризации, меняющие «кривизну» семантического пространства и уровень категоризации. Так, при сильной эмоции, аффекте уменьшается размерность семантического пространства и субъект как бы переходит на более глубокие уровни категоризации — от опоры на денотативные признаки к более коннотативным. В пространствах меньшей размерности легче устанавливаются связи между объектами, какими-то реалиями, которые на поверхностном уровне принадлежат к совсем различным семантическим понятийным классам, а на глубинном уровне они имеют сходную коннотацию и фактически выступают как коннотативные синонимы или антонимы. Мир становится менее дифференцированным, но зато более компактным — все со всем взаимосвязано.

В основе метафоры лежит соответствие между объектами на глубинном (коннотативном) уровне категоризации. Если я называю девушку «березкой», то не подразумеваю, что она деревян-

ная, а устанавливаю соответствие на основе сходства, коннотативного кода: стройная, нежная, чистая, весенняя и т. д. Перевод процесса категоризации на более глубинный, коннотативный уровень делает индивидуальный тезаурус знаний менее конкретным, но более всеохватывающим, емким. Проведем следующую аналогию. В книге В.А. Московича «Информационные языки» (1971) анализировалась взаимосвязь степени формализованности искусственного языка (однозначности соответствия плана выражения и плана содержания) и точности поиска запроса некоего содержания в большом информационном массиве, например в библиотечном деле. Так вот, при большей формализованности искусственного языка, достигаемого в первую очередь за счет формализации отношений между понятиями (т. е. синтаксиса), достигается и большая адресность поиска: находится узкий круг литературы, прямо связанной с содержанием запроса. При менее формализованных искусственных языках находится больший объем литературы, включающий как материал ассоциативно связанный с содержанием запроса, так и не относящийся к делу «мусор».

Можно провести аналогию с естественными языками. В китайском языке, менее формализованном, за счет его иероглифичности в сравнении, например, с немецким существует меньшее количество служебных элементов — суффиксов, префиксов, падежных форм, задающих отношения между понятиями. Так, речевая конструкция «покупаемая в магазине книга» будет выглядеть как сочетание иероглифов «книга», «магазин», «покупать», а отношения между этими понятиями будут домысливаться на основе их содержания, т. е. реконструироваться семантически.

Конечно, различие между китайским и, например, немецким языками по степени формализованности сопоставимо меньше, чем между коннотативным (глубинным) и денотативным (понятийным или поверхностным) уровнями категоризации, но тем не менее можно провести некую аналогию и вспомнить чеканную точность языка классической немецкой философии или однознач-

ность языка эмпирической английской философии и поэтическую дымку, недосказанность, рождающую множественность интерпретаций китайской, японской, корейской танки, хайку; масляную живопись классического западного искусства и тонкую расплывчатость акварели Востока. Четкость и однозначность в оппозиции множественности и ассоциативности.

Продолжая рассуждения на эту тему, идеи З. Фрейда о вытеснении аффективно окрашенного содержания в бессознательное можно переформулировать как перевод некоего эмоционально-насыщенного, а значит, жизненно важного содержания, на более глубинный уровень категоризации. Этот глубинный уровень позволяет устанавливать более широкий спектр семантических (ассоциативных) связей для «бессознательного осознания» (в психологии нет нужного термина для обозначения процесса структурирования некоего системно-целого, не репрезентированного непосредственно сознанию субъекта, но представленного в форме символов), или скажем так: для «работы переживания» (если говорить в терминах Ф.Е. Василюка, 1995) в целях включить эту аффективную информацию в более широкий жизненный контекст и переработать ее. Это «осознание» коннотативного уровня и отображается затем на поверхностном — в форме поэтической метафоры, символики сновидения, в гротесках живописи.

Помимо, так сказать, вертикального движения по уровням категоризации, эмоции влияют и на саму семантическую организацию знания, на его содержание. Эмоциональное состояние самого субъекта или наличие эмоциональной окраски какого-то элемента семантического поля ведет к тому, что система ассоциативных связей перестраивается. Семантические пространства не являются, грубо говоря, железобетонными хранилищами знаний, из которого они извлекаются, но сами эти пространства производны от того содержания, которое актуализируется в контексте стоящей перед субъектом задачи, от его мотивов и эмоциональных состояний.

Так, в гипнозе мы задавали различные эмоциональные состояния человеку, и при последующем шкалировании им понятий возникали различные семантические структуры. Даешь чувство вины — одни семантические гештальты образуются, даешь эйфорию — другие, и т. д. То есть, эта база знаний оказывается гораздо богаче базы данных за счет того, что эмоциональное состояние, в котором находится субъект, как бы увеличивая значимость тех или иных семантических компонентов, которые релевантны, резонансы в данный момент этому состоянию, порождают совсем иные гештальты и узоры когнитивных структур, делая исходную базу знаний человека на порядок богаче.

Таким образом, эмоции позволяют на разном уровне группировать материал, и классификация на поэтическом уровне совсем иная, чем на понятийном. То есть, процесс мышления может осуществляться на разных уровнях категоризации — от глубинных, эмоционально-образных обобщений, языком которых говорят бессознательное, сновидения, до понятийных, концептуальных форм знания. На глубинном уровне мы можем устанавливать какие-то поэтические аналогии и обеспечивать очень дальние ассоциативные связи; на понятийном мы работаем как бы скальпелем, но с более узким обзором. С другой стороны, не только уровни категоризации определяют когнитивное структурирование, но те или иные эмоции выступают своего рода операторами классификаций. Можно сопоставить их с кривыми зеркалами, где в зависимости от эмоционального состояния, в котором мы находимся, они меняют кривизну семантического пространства и тем самым устанавливают иные ассоциативные связи. Мир влюбленного человека, мир пьяного человека, мир человека в отчаянии — разные миры. Таким образом, разные системы ассоциативных связей актуализируются, по-разному мы структурируем информацию, разные индивидуальные тезаурусы возникают.

И в этом плане подчеркнем, что никакая база данных в «искусственном интеллекте» не несет в себе эмоциональную

окраску. Она неизменна и тасуется, как колода карт. Никакая искусственная техническая система не в состоянии смоделировать простейшую форму эмоционального — боль. Не в плане имитации болевой реакции, а в плане феноменальном — переживании чувства боли. Искусственный интеллект как техническая система, моделирующая человеческое сознание, на наш взгляд, нереализуема из-за невозможности создания «искусственных эмоций» и «искусственных ощущений». Экспертные системы, создаваемые в рамках «искусственного интеллекта» как некоей научной области, уже имплицитно несут эмоции и человеческую «пристрастность», контрабандно внесенную суждениями экспертов — специалистов в той предметной области, которую эта система обслуживает.

Проблема личностного знания, преодоления «безличностной» (объективистской) эпистемологии ставится представителями постпозитивистского направления философии (Т. Кун, М. Полани, С. Тулмин), теории постнеклассической рациональности (В.С. Степин,) неклассической эпистемологии (В.А. Лекторский, Л.С. Маркова, Л.А. Микешина), социальной эпистемологии (И.Т. Касавин). На языке психосемантики эти идеи находят свое операциональное выражение в феномене подвижности семантических пространств, в их производности от задач, стоящих перед субъектом, от его мотивов, эмоций, в широком смысле — от его личности. Но если мы говорим, что семантические связи семантических пространств, тезаурусов, производны от наших эмоциональных состояний, то фактически мы утверждаем, что в процессе мышления оказываются задействованы вся эмоционально-потребностная сфера субъекта и самая личность человека как ее стержень. И в этом смысле любое творческое решение в науке, искусстве, жизни связано со страданием в широком смысле этого слова, т. е. какие-либо идеи надо выстрадать. Идеи окрашены волевыми эмоциями, они нанизаны на стержень личности. К каким-то безумным идеям человек приходит в результате, грубо го-

воря, безумных страданий, залезая в те сферы эмоционального, где эти знания действительно становятся выстраданными.

В этом плане позволю себе следующую ассоциацию. Мне показалось весьма интересным, как один священник выступал со своеобразной трактовкой первородного греха. Он говорил о том, что первородный грех не в том, что когда-то нагрешили наши предки, а в том, что, сорвав яблоко с дерева знаний и вкусив его, люди получили знания вне труда, вне страданий. Вот, собственно, в чем грех. Любое знание является выстраданным, и в порождении этого знания были завязаны очень сильные эмоциональные движения и т. д. И вне работы эмоций что-либо говорить о картине мира достаточно бесполезно, т. е. это не база данных или, по крайней мере, такая база, которая вся пронизана человеческими смыслами.

Еще одна проблема, которую я хотел бы обсудить. Известно, что метод семантического дифференциала — как одна из наиболее ранних и простых техник построения семантических пространств — появился на свет как побочный продукт исследований Чарльзом Осгудом феномена синестезии. Феномен синестезии проявляется, в частности, в описании переживаний одной модальности на языке другой модальности. Мы говорим «бархатный голос», «кислая физиономия», «низкий звук» или «скука зеленая», описывая ощущения в терминах восприятия иной сенсорной данности. Механизм этих кросс-модальных связей обусловлен тем, что стимуляция поступает не только в свои проективные зоны мозга, но и по коллатералям аксонов стимулирует зоны иных модальностей. Мозг как бы стремится на основе восприятия одного качества, например зрительного, реконструировать целостный интермодальный мир. Так, имеются соответствия между определенными формами и определенными звуками или цветами. На этом построена цветомузыка (вспомним творчество Скрябина или Чюрлениса); на этом построен феномен звукового символизма, фоносемантика (вспомним поэтические

опыты Хлебникова); цветовая семантика (вспомним тест Люшера) и цветовые ауры, по которым экстрасенс определяет духовное состояние человека; графический символизм. Последний менее исследован, но тем не менее учитывается при построении разного рода визуальных символов, товарных знаков и т. д.

По мнению американского психолога Лоуренса Маркса (Marks, 1975), синестезия является доязыковой формой категоризации, осуществляемой, так сказать, «на уровне организма» и присущей всему человечеству. Свет красных фонарей — универсальная приманка для возбужденной человеческой особи, вне зависимости от ее национальной культуры, и даже для птиц: как показывают физиологические исследования, подсветка красным цветом помещения, где они находятся, активизирует работу семенников.

В этом плане классические исследования Ч. Осгуда, показавшие универсальность категориальной структуры семантического пространства (его известные факторы — «Оценка», «Активность», «Сила») для представителей различных языковых культур, людей разного возраста и уровня образования, относятся к этому глубинному и, очевидно, генетически первичному уровню категоризации (см.: Osgood, Suci, Tannenbaum, 1957). Действительно, если простейшее существо сталкивается с неким объектом, то самые простейшие ощущения — они же эмоции, ориентирующие его в мире, — заключаются в том, вызывает ли этот объект боль или удовольствие (фактор «Оценки»), насколько сильно это ощущение, связанное с воздействием объекта (фактор «Сила»), и как быстро изменяется это воздействие (фактор «Активность»). Интересно отметить, что содержание этих трех базисных факторов описания совпадает с теорией эмоций (чувств) Вильгельма Вундта, построенной на основе метода интроспекции.

Последующие исследования Ч. Осгуда (Osgood, 1962) показали, что семантические пространства, построенные для конкретных понятийных классов, оказываются производными от знаний субъектом данной содержательной области. Субъект может иметь

высокую когнитивную сложность (число независимых факторов категоризации) в одной содержательной области и низкую — в другой. Чарльз Осгуд в основном работал с групповыми матрицами данных и был ориентирован на поиск общепсихологических инвариантов, универсалий. В отличие от него другой выдающийся американский психолог — Джордж Келли (Kelly, 2000) ориентировал свои исследования на отдельного субъекта, на реконструкцию индивидуальных познавательных структур, названных им личностными конструктами. Кстати, разработанный им способ построения семантических пространств, известный как метод «репертуарных решеток», успешно применяется в области инженерии знаний, для экспликаций знаний человека-эксперта.

Наибольшее же распространение теория личностных конструктов Келли получила в психотерапии для описания изменения картины мира субъекта. Но как неповторим и уникален каждый человек, так неповторима и уникальна его система конструктов, опосредствующая восприятие и осознание мира и себя. Строя семантические пространства, выступающие операциональным аналогом категориальной структуры человека, мы сталкиваемся с проблемой интерпретации факторов, кластеров, иных форм репрезентации его когнитивных структур, образующих несущие конструкции картины мира. И проблема понимания личности другого, проникновение в его мир смыслов встает перед исследователем так же, как и в любом другом психологическом исследовании, будь то клиническая беседа или проективные тесты. Сам Осгуд называл свой метод построения семантического пространства — «Семантический Дифференциал» — методом поддержанной интроспекции.

В контексте проблемы интерпретации психосемантический подход сталкивается с двумя формами недопонимания его сути. Первая исходит от некоторых психологов, недолюбливающих формализацию и математику. «Все эти методы многомерной статистики, применяемые к обработке суждений испытуемого, использование компьютеров отдаляют исследование от собствен-

но человека. Где же здесь психология?» — полагают они. К счастью, сама практика, богатство экспериментальных результатов, широта применимости методов психосемантики вербуют ее новых сторонников и апологетов.

Психосемантические методы реконструируют имплицитные картины, модели мира, присущие субъекту, которые он может сам и не осознавать, но которые актуализируются в «режиме употребления». В лингвистике есть понятия «*language competence*» и «*language performance*» — «знание языка» и «владение языком». Маленький ребенок может прекрасно говорить на родном языке, не осознавая его структуры — грамматики, синтаксиса. Но ведь если он порождает правильные грамматические конструкции, значит, он владеет некими правилами порождения, но они не осознаются. Аналогично взрослый человек, покупая (или не покупая) товары, голосуя за того или иного кандидата, оценивая свои и чужие поступки, выступает стихийным житейским «экономистом», «политологом», «этиком». Его имплицитные модели этих содержательных областей опосредствуют вынесение частных суждений. Организуя последние в матрицы данных и подвергая статистическим процедурам, исследователь «вытаскивает на свет» их имплицитную структуру. Отдельные параметры семантического пространства: его мерность, мощность выделяемых факторов, их интеркорреляции, координаты анализируемых объектов в семантическом пространстве и т. д. — выступают операциональными аналогами когнитивных структур субъекта-испытуемого. Семантические пространства являются мощным многомерным инструментом анализа картины мира человека.

И здесь важно подчеркнуть, что вся эта достаточно громоздкая технология не настолько громоздка, когда вы можете работать с персональным компьютером и достаточно быстро строить семантические пространства. Эти пространства выступают не чем иным, как своего рода ориентировочной основой для эмпатии, встраивания в психику и сознание другого человека или

в самосознание, если вы с помощью этих семантических пространств начинаете анализировать собственное сознание.

Важно подчеркнуть, что если классическая психометрика, с которой в основном все сталкиваются (методика ММРІ, Кеттелла, Айзенка и т. д.), рассматривает человека как точку в пространстве диагностических показателей, то в экспериментальной психосемантике сам субъект выступает носителем смыслового, семантического пространства. В психосемантике человеку ставится в соответствие пространство смыслов, некий микрокосм, образованный облаком их позиций, и, прочитывая эту «нотную» запись личностных смыслов другого человека, исследователь дешифрует, реконструирует сознание респондента.

В классической психометрике субъект отвечает на множество вопросов, которые уже сгруппированы в некие категории на основе шкалирования большой выборки других людей. Его данные как бы засовывают в «прокрустово ложе» общегрупповых структур, получая его профиль личности, гистограмму (что математически аналогично фиксации точки в многомерном пространстве диагностических показателей) на основе группировки пунктов опросника по статистическим корреляциям, полученным на всей выборке. Но система конструкторов, опосредствующих мировосприятие у данного человека, может разительно отличаться от неких общегрупповых норм, и, объединяя ответы испытуемого в структуры, выделенные на основе общегрупповой матрицы данных, мы совершаем насилие.

При этом процедура насилия осуществляется дважды. Что можно сказать о человеке на основе сырых баллов по тесту? Восемь баллов по шизотимии. Что это, много или мало? И человека опять сопоставляют со всей группой, всей выборкой, переводя сырые баллы в так называемые стены (от английского «standart ten» — стандартная десятка) и тем самым находя его место среди других испытуемых в нормальном гауссовском распределении испытуемых по некоему качеству. Процедура «втискивания» ин-

дивидуальных данных в некие статистические нормы, таким образом, задействована дважды — структурно и количественно.

В отличие от классической психометрики исследования в экспериментальной психосемантике являются более трудоемкими, но каждый субъект выступает носителем некоего уникального семантического пространства, в котором присутствуют и формальные параметры, облегчающие интерпретацию: мерность пространства или число независимых факторов, отражающих его когнитивную сложность в данной содержательной области; мощность выделяемых факторов, отражающих субъективную значимость данных оснований категоризации при восприятии какой-то содержательной области; интеркорреляции факторов и т. д. Наконец, множество этих объектов в семантическом пространстве — некоторое звездное небо, где каждая координатная точка отражает отношение субъекта к какому-то единичному объекту, его личностные смыслы. И все это звездное небо выступает средством эмпатии сознанию другого человека. Вся эта картинка есть не что иное, как система ориентиров, реперных точек для встраивания в сознание другого человека. Я могу понять другого настолько, насколько в себе самом смогу смоделировать его систему конструкторов, реализовать это средствами своей психики. Кто-то из литературоведов писал применительно к «Братьям Карамазовым» Достоевского, что все его персонажи — это разные ипостаси личности самого Достоевского. Мы можем описать только то, что в состоянии сами пережить и прочувствовать.

В этом плане опишем вторую форму недопонимания психосемантики, присущую уже представителям точных наук, — это представление о том, что познание в гуманитарных науках может быть отчуждено от познающего субъекта (в нашем случае исследователя-наблюдателя) и смоделировано техническими средствами. В противовес этому в герменевтике подчеркивается, что если естественные науки — науки о познании, то гуманитарные — о понимании.

В познании объект самотождествен, он не имеет внутреннего, качественного развития, и его преобразования подчиняются жестким законам. Вернее, время изменения самих этих законов столь велико, что можно пренебречь их эволюцией. Законы Ома или Бойля—Мариотта относительно времени эволюции вселенной неизменны. Возможная же эволюция микромира (в ходе его наблюдения) порождает рассуждения о «понимающей физике» (см.: Назаретян, 1994).

В психологической же науке практически нет законов. Правда, описаны законы типа Вебера—Фехнера, Стивенса в психофизике, но это разговор о другом. Психофизика объектна по своей сути и изучает реагирование организма на физический раздражитель, так что скорее это епархия биологии. Там же, где подключаются сознание или его измененные формы, эти «законы» могут и не работать. Например, вызванный с помощью слова гипнотический транс может сделать нечувствительным человека к боли, «сняв» психофизический закон. В других же областях психологической науки практически невозможно найти формулировки законов. Феномены есть. Некие закономерности присутствуют. Но законов не найдете. И я думаю, дело тут не в малом развитии самой психологической науки, а в специфике ее области исследования, где эта область — человеческая самость, другой человек, или социальная, этническая общность — непрерывно трансформируется, эволюционирует, изменяя свои «законы».

В психологии личности рассуждать о постоянном, самотождественном объекте познания заведомо некорректно. Человек обладает такими загадочными особенностями, как «воля», «свобода выбора», «возможность духовного развития» и «творчества», сводящими на нет лапласовский детерминизм.

В рамках новой методологии синергетического движения, постнеклассического подхода в философии, личность выступает в ее становлении как веер возможностей. Гуманистическая психология подчеркивает: человек есть не только то, что он есть,

а в большей степени то, чем он может и хочет быть. В этом смысле характеризовать человека можно не через набор его характеристических особенностей, а через тот веер его возможностей, который реализуем и который он сам себе позволяет, через совокупность потенциальных траекторий жизненного пути, еще не ставших, не совершившихся. И в этом плане позвольте проиллюстрировать эту мысль на примере.

В свое время мы с В.В. Столиным проводили исследование на студентках-филологах. Я изучал женские стереотипы, а он — проблемы семейной психологии. Основной запрос девушек-филологов к идеальному мужчине, будущему мужу или возлюбленному сводился к тому, чтобы «он был способен ее понимать». Спрашивается: что надо такого особого понимать? Что, собственно, можно не понимать у людей, которые только что закончили школу, имеют минимум индивидуальной биографии и т. д.? Фактически под этим запросом стоит следующее: чтобы он, «идеальный», мудрый, сильный, все понимающий, помог ей найти, открыть саму себя, выбрать тот личностный путь становления или выбрать ту модель женского поведения, о которых она сама еще не ведает. То есть, чтобы среди возможных альтернатив еще не ставшего, не реализованного он помог ей найти свой истинный путь — свое «Дао». Это, скорее, запрос Галатее к своему Пигмалиону.

В этом плане психология — наука о понимании. Во-первых, работа психолога — это на 90 процентов технологии, а не концептуальные схемы. Это психотехники обучения, психотерапии, исследования общественного сознания и проведения фокус-групп, суггестивные психотехники, социальные техники организации групп, техники введения в измененные состояния сознания и т. п. Концептуализация и попытки реконструкции психических механизмов — это лишь маленькая прослойка психологической науки.

Если же исходить из широкого спектра реальных психологических задач, то большая часть их заключается в помощи осознания собственных проблем, расширении сознания пациента

и, как следствие, расширении спектра возможностей. Это фактически конструирование треков возможных форм реализации, помощь людям в движении личностного становления или становления группы, коллектива, социума.

Картина мира субъекта, таким образом, раскрывается через становление самого субъекта, в широком контексте его смыслообразования «еще не ставшего бытия», в контексте мало изученной категории «судьбы», а может, и в ее преодолении. Ибо эволюционируют не только наши знания о человеке, но и он сам в ходе осознания самого себя.

ЛИТЕРАТУРА

- Апресян Ю.Д. Избранные труды: В 2-х т. М., 1995.
- Артемьева Е.Ю. Основы психологии субъективной семантики. М., 1999.
- Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М., 1979.
- Брунер Дж. Психология познания. М., 1977.
- Васильюк Ф.Е. Психология переживания. М., 1984.
- Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. М., 1996.
- Выготский Л.С. Мышление и речь. М., 1934.
- Григорьева Т.П. Японская художественная традиция. М., 1979.
- Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. М., 1972.
- Караулов Ю.Н. Лингвистическое конструирование и тезаурус русского языка. М., 1981.
- Келли Дж. Теория личности. Психология личностных конструктов. СПб., 2000.
- Леонтьев А.Н. Деятельность, сознание, личность. М., 1997.
- Лурия А.Р. Язык и сознание. М., 1979.
- Лурия А.Р., Виноградова О.С. Объективное исследование динамики семантических систем // Семантическая структура слова. М., 1971.
- Мельчук И.А. Опыт теории лингвистических моделей «Смысл — Текст». М., 1974.

- Москович В.А. Информационные языки. М., 1971.
- Назаретян А.П. Интеллект во вселенной. М., 1994.
- Налимов В.В. «Спонтанность сознания»: Вероятностная теория смыслов и смысловая архитектура личности. М., 1989.
- Петренко В.Ф. Введение в экспериментальную психосемантику: исследование форм репрезентации в обыденном сознании. М., 1983.
- Петренко В.Ф. Психосемантика сознания. М., 1988.
- Петренко В.Ф. Основы психосемантики. М., 1997.
- Петренко В.Ф. Конструктивистская парадигма // Психологический журнал в психологической науке. 2002. № 3.
- Пиже Ж. Избранные психологические труды. М., 1969.
- Похилько В.И., Федотова Е.О. Техника репертуарных решеток в экспериментальной психологии личности // Вопросы психологии. 1984. № 3.
- Степанов Ю.С. В мире семиотики // Семиотика. М., 1983.
- Степин В.С. О прогностической природе философского знания // Вопросы философии. 1986. № 4.
- Шмелев А.Г. Психодиагностика личностных черт. СПб., 2002.
- Шмелев А.Г. Введение в экспериментальную психосемантику: теоретико-методологические основания и психодиагностические возможности. М., 1983.
- Франселла Ф., Баннистер Д. Новый метод исследования личности. М., 1987.
- Щур Г.С. Теория поля в лингвистике. М., 1974.
- Bruner J.S., Tagiuri R. The perception of people // Handbook of Social Psychology. V. 2. 1954.
- Cole M. Introduction // Journal of Russian and East European Psychology. 1983. V. 31. № 2.
- Kelly G.A. The psychology of personal constructs. N. J., 1955.
- Marks L.E. On colored-hearing synesthesia: cross-model translations of sensory dimensions // Psychological Bull., 1975. V. 82. N 3.
- Osgood Ch., Suci P.J., Tannenbaum P.H. The measurement of meaning. Urbana, 1957.
- Osgood Ch. Studies on generality of affective meaning system // American Psychology. 1962. V. 17.

глава III

ЧТО ЕСТЬ ИСТИНА?
ИЛИ НАШ ОТВЕТ
ЛОРДУ ЧЕМБЕРЛЕНУ

Что есть истина? или Наш ответ лорду Чемберлену

В начале хотелось бы выразить дружескую симпатию и искреннее уважение В.М. Аллахвердову, инспирировавшему своей яркой и полемической статьей «Блеск и нищета эмпирической психологии» полемику в журнале «Психология», и А.В. Юревичу, внесшему свежую философскую струю в мировосприятие психологов и еще ранее открывшему научную дискуссию по философско-методологическим проблемам на страницах журналов «Вопросы психологии» и «Психологический журнал». Необходимость такого обсуждения давно очевидна в силу значительных экономических, социальных и духовных изменений нашего общества, его системы ценностей и как следствие этого переоценки методологических оснований гуманитарных наук. Декларативный отказ официальной идеологии от марксистско-ленинской методологии, от целей и задач социализма (практически выражающихся в формуле «спасение утопающих — дело рук самих утопающих», при частичном сохранении методов промывания мозгов и риторики советского режима) и раскрепощенная встречная творческая активность научных масс породили состояние реального идеологического плюрализма, который А.В. Юревич, следуя за П. Фейерабендом, называет методологическим анархизмом. В.М. Аллахвердов выступает против такого анархизма в психологической науке, ставит задачу построения своего рода «методологической вертикали» для единственно правильной теории. (Не могут быть одновременно верными бихевиоризм, психоанализ, теория деятельности, когнитивизм, гуманистическая психология и пр. Это не разные, а потому, мол, допустимые, описания одних и тех же явлений, а заведомо оши-

бочные описания в лучшем случае, **за исключением какого-либо одного подхода.**)

И здесь можно было бы возразить В.М. Аллахвердову в том, что перечисленные психологические теории работают не на одном поле психологической реальности и бихевиоризм и психоанализ, теория деятельности и когнитивная психология, гуманистическая психология и т. д. просто имеют различный предмет анализа, различную феноменологию и говорят о разных аспектах человека. Предмет науки как идеальная модель задается методами (естественно, различными для указанных подходов) и специфическим языком описания, многие понятия которых операциональны, т. е. в свернутой форме содержат процедуру построения. И если язык бихевиоризма вполне адекватен (по крайней мере, относительно нынешнего состояния психологической науки) для описания процесса формирования навыка, то вряд ли сможет описать реальность экзистенциальных переживаний личности или процессы эмпатического сопереживания. В тех же областях, где интересы теорий пересекаются, они скорее, по «принципу дополнительности», задают объемный, многомерный взгляд на проблему. Здесь я вполне солидарен с А.Г. Асмоловым, утверждающим, что претензия ученого на единственно правильную позицию является формой познавательного эгоцентризма. Согласно принципу «необходимого разнообразия» У.Р. Эшби, чем более развитой является система (а наука является специфической системой знания), тем большее разнообразие должны содержать ее компоненты для поддержания существования и развития этой системы. На мой взгляд, в зависимости от познавательной задачи и области интереса ученый, как и обычный человек, использует различные аксиоматики, логики, познавательные стратегии. И познавательная стратегия естественнонаучного эксперимента в изучении, например, константности восприятия вряд ли уместна в экзистенциальном поиске смысла собственного существования. И вполне успешный

ученый-сциентист оказывается младенчески голым, незащищенным и беспомощным перед проблемами жизни и смерти. Мы что-то можем сказать о деталях бытия (например, об объеме кратковременной памяти или оптимальном уровне мотивации) и почти ничего о главном: «ради чего и как жить». И это упрек всем нам, претендующим на роль психолога, «специалиста в области психической жизни», и в этом причина, справедливо указанная Аллахвердовым, тяготения отнюдь не худшей части психологов к религии.

В общем, суть моих возражений сводится к тому, что нет единой психологической науки, а есть скорее конгломерат наук с разными объектами и методами исследования, называемый одним именем — «психология». И ряд областей психологии, например социальная психология, гораздо ближе по языку и методам к родственным научным дисциплинам, например, к социологии, чем к психофизике или медицинской психологии. Вполне возможно, что в дальнейшем из «психологии» выделится целый букет предметных наук, как в свое время из философии выделились физика, химия, биология и сама психология.

Но приведенные замечания являются пока легкой разминкой в дискуссии, касаясь спора о предмете или о предметах психологической науки, и не затрагивают главного смыслового стержня статьи Аллахвердова — о критериях истинности и возможности познания того, «что есть на самом деле».

Понятна озабоченность Виктора Михайловича тем, что «в современной отечественной психологии почти отсутствуют объективные критерии оценки научных достижений. Психологи на фоне методологической вседозволенности и теоретической разобщенности стали легко соединять несоединимое, впрягая в одну телегу бихевиоризм, мистику Востока, психоанализ, концепцию деятельности, христианство, экзистенциализм и что угодно еще. Психологи всего мира признают наличие в психологии глубокого методологического кризиса. Просто

в отечественной психологии он проявляется ярче всего» (Аллахвердов, 2005, с. 5).

Можно согласиться с Виктором Михайловичем о методологическом кризисе современного психологического знания. Несмотря на обилие методологических парадигм в психологической науке (бихевиоризм и необихевиоризм, когнитивная психология, теория деятельности, психоанализ, гуманистическая психология и прочее и прочее), последние лет тридцать наблюдается своеобразный методологический застой. Психологи тех или иных направлений работают в рамках уже сложившихся парадигм, увеличивая объем эмпирии, и совершенствуют качество используемых методик, но не предлагают никаких кардинально новых идей. Почему-то соображения типа: «достаточно ли безумна эта теория, чтобы быть верной» (Нильс Бор), — возникают в физике микромира (с ее антиматерией и частицами с нулевой массой покоя, кварками и «странными частицами»), в космологии (с ее черными дырами и темном веществом, Великим взрывом и разбегающимися вселенными, с кротиными ходами и галактическими струнами, параллельными мирами и матрицами «памяти Вселенной»), но не в психологии, своей умеренностью напоминающей добропорядочного буржуа, строящего свой маленький бизнес на основе пуританских ценностей умеренности и трудолюбия. Мир психологии бесконечно сложнее физического мира и нуждается в кардинальном переосмыслении базовых философских категорий — времени, пространства, реальности, бытия, знания, причинности, закона, смысла, истины, жизни, смерти, предназначения, судьбы.

Но как отличить безумные идеи от просто идей безумца или от «брёда сивой кобылы» самоуверенного графомана? Вряд ли тут помогут несколько «объективных критериев». Такими критериями могут быть и глубокие теоретические знания автора в обсуждаемой области (своеобразная «обязательная программа» перед сольным выступлением), и собственные эмпирические исследова-

ния автора, демонстрирующие владение профессиональным ремеслом, и ориентировка в новейших публикациях зарубежных коллег (отсекающая робинзонов в науке), и широта естественнонаучного образования и гуманитарной культуры, просвечивающая сквозь авторский текст, и следование собственной внутренней логике изложения при одновременной способности критически воспринимать ее глазами оппонента (отсекающей больных шизофренией и идеей «фикс»), и пронзительное чувство свежести и новизны мысли, присущее истинным открывателям, отсекающим убогую массу апологетов и плагиаторов, пережевывающих чужие тексты. Но наряду с перечисленными показателями научной достоверности, присущими и естественнонаучной парадигме, в гуманитарном знании присутствует знание, основанное на чувстве сопереживания, эмпатии, своеобразном резонансе душ автора текста и читателя. Как полагает герменевтика (Х.Г. Гадамер, Поль Рикёр), если естественные науки — науки о познании, то гуманитарное знание — о понимании. Понимание же подразумевает осмысление места, функции данности в контексте некоего целого. А поскольку любая система развивается, то и понимание подразумевает осознание данного в контексте еще не реализованного, становящегося бытия. И в этом плане понимание — это не констатация наличного состояния, а своего рода пророчество, видение потенциальных возможностей развития. Художественную иллюстрацию понимания личности другого дает Лион Фейхтвангер в романе «Братья Лаутензак», посвященном судьбе талантливого гипнотизера, ставшего «пророком партии». Известная скульптор вылепила маску старшего брата, увидев его таким, каким он мог бы стать в своем духовном развитии. Все свою жизнь старший Лаутензак стремился дорасти до «собственного лица», но, связавшись с фашистами, терпит духовный и физический крах.

Маска, портрет как модель «потребного будущего» (в терминах Бернштейна) или «непотребного» (в терминах В.П. Зинченко), как в романе «Портрет Дориана Грея», — это метафоры

прогноза, свойственные гуманитарному знанию. Определение через возможность потенциального развития, сценарный прогноз — черта гуманитарной науки. Можно тут вспомнить и речь Достоевского на открытии памятника Пушкину о том, что «Пушкин — это русский человек через 100 лет его развития», и его же высказывание после посещения художественной выставки о том, что «истинный портретист угадывает то состояние человека, которое наиболее характеризует портретируемого, хотя его могло и не быть в данный момент на лице».

Эта способность видеть веер возможных сценариев (ведь наблюдаемый человек обладает такой загадочной способностью, как свобода воли) и соотносить свое понимание человека с еще не ставшим, но возможным его бытием, пророчествовать его путь, «его Дао» — презумпция гуманитарных наук, отличающих их от естественнонаучных (не понимающих, а изучающих).

Представим себе визуальный клип. Подъезжает молодой богатырь к развилке дорог и видит надпись на гранитном камне: «Направо поедешь — коня потеряешь, прямо поедешь — сам погибнешь, а пойдешь налево — начальником будешь». Почесал молодец свой богатырский затылок и повернул налево. И скачет молодец по дороге успеха, и падают солнечные блики на его лицо, и меняется оно, бронзовеет взгляд, обвисают щеки, и вот уже мерзкое мурло на жирном туловище болтается нашлепкой на богатырском коне, и добрый молодец превратился в агрессивного гофмановского «крошку Цахеса».

Выбрав путь и идя по нему, человек неизбежно меняется, и наше новое «Я» — производное от прошлых выборов. Поэтому описывать человека «как он есть на самом деле» (мы же не физики, а психологи) так же неразумно, как пересказывать содержание романа, прочитав только начало. Последнее отчасти возможно только для бездарного стереотипного сюжета.

В.М. Аллахвердов определяет научную деятельность как субъективную деятельность, направленную на поиск истины.

Оставим в стороне само сочетание «субъективная деятельность», демонстрирующее не совсем адекватное понимание теории деятельности. Деятельность не бывает субъективной или объективной. Сама категория деятельности, согласно А.Н. Леонтьеву, была призвана снять субъектно-объектную парадигму и описать психологическую (феноменальную) реальность на языке бернштейновских колец, объединяющих внутреннее и внешнее (акцептор действия и эфферентный орган), где субъект и объект, по мысли Леонтьева, являются, скорее, предельными понятиями — полюсами деятельности. На мой взгляд, разработка категории деятельности по Леонтьеву представляет собой попытку перевести гегелевское саморазвитие духа (см.: Гегель, «Феноменология духа») с трансцендентального на уровень единичного субъекта. Выполненные под руководством и в русле идей А.Н. Леонтьева ранние теоретические построения В.А. Петровского, посвященные самоактуализации деятельности (проблема надситуативной активности) и призванные найти внутренние детерминанты саморазвития, исполнены в этой логике. Но эти, так сказать, методологические нюансы плохо различимы с другого берега.

Рассмотрим теперь концовку утверждения Аллахвердова: «Научная деятельность — это субъективная деятельность человека, направленная на **поиск истины**». То есть, истина существует где-то сама по себе, безотносительно к субъекту познания, а исследователь «находит ее». Эта позиция по духу близка позиции Ф. Энгельса, утверждавшего, что в познании, срывая покрывала незнаемого, мы бесконечно приближаемся к объекту познания. Аллахвердов акцентирует эту идею, утверждая, «что ученый стремится узнать то, что **есть на самом деле**». Эти представления характеризуют позицию многих не только отечественных, но и зарубежных ученых. Как отмечает Хилари Патнэм, «сегодня многие философы, а возможно большинство, поддерживают некоторую версию „копирующей“ теории истины — т. е. концепцию, согласно которой утверждение является истинным в том

случае, если оно „соответствует (независимым от сознания) фактам“» (Патнэм, 2002, с. 9). Таким образом, теория отражения, или версия «копирующей теории истины», имплицитно содержится в мировосприятии большинства психологов и философов. Особенно это парадоксально звучит в тематике общения, межличностного восприятия, сознания и самосознания, где, казалось бы, уже сама проблематика подразумевает пристрастного наблюдателя, включенного в изучаемый процесс.

Мало того, что эта позиция антикультурно-историческая, так как подразумевает неизменность и независимость объекта познания от инструментария, социокультурных установок и языка исследователя. Если для естественнонаучных дисциплин с некоторой натяжкой (связанной с тем, что материя медленно, в сопоставлении с человеческой жизнью, но все же эволюционирует) можно говорить о законах физического мира, то применительно к человеческой культуре, социуму и отдельной личности (в общем, к гуманитарной науке) само познание творит мир. Человек живет в искусственной, им же созданной среде, в пространстве языка, культуры и науки, среди техники, виртуальной реальности компьютерных технологий и средств массовой коммуникации, т. е. внутри «третьего мира», по К. Попперу, и эта погруженность человечества в искусственную среду, им же созданную, только нарастает. Поэтому познание вне рефлексии мотивов, системы ценностей ученого как представителя некоей культуры (или цивилизации), без анализа методических средств и языка описания в попытке «узнать, что есть на самом деле», — такая же эфемерная задача, как попытка схватить руками голографическое изображение, чтобы пощупать, а какое же оно «на самом деле» без наблюдателя.

Так что есть истина? И возможна ли она? Среди многочисленных статей на эту тему есть одна, моего друга и коллеги А. П. Назаретяна, с красноречивым названием «Истина как категория мифологического мышления», где утверждается, что поня-

тие истинности не применимо к модели (модельному мышлению). В ряде современных философских направлений (философия жизни, экзистенциализм, структурализм) это понятие истины утратило значимость, а в творчестве Ж. Дерриды, П. Фейерабенда, Р. Ротти объявляется «идеологически нагруженным» и «устаревшим».

Понятие истины полисеманлично. Классическое определение истины у Фомы Аквинского как «тождества вещи и представления» можно считать предтечей «копирующей теории истины». Позиция «копирующей теории истины» подразумевает единственность «правильной» теории объекта и полагает процесс познания как последовательное приближение познавательной модели к объекту, к тому, «какой он есть на самом деле». С моей точки зрения, глубина познания и информативность модели не подразумевают ее подобия объекту. Например, Н. Бернштейн для описания движения человеческого тела успешно использовал дифференциальные уравнения, но вряд ли можно полагать, что мозжечок, ответственный за координацию движений, непрерывно вычисляет, считает диффуры. Или возьмем аппарат семантических пространств, разработанный Ч. Осгудом и Дж. Келли, успешно моделирующий когнитивные структуры сознания. Но вряд ли мы будем повторять ошибку В. Келера, на старости лет искавшего феноменальные поля в субстрате человеческого мозга, и в свою очередь займемся поиском там многомерных семантических пространств. По мере развития познания модели могут становиться все более информативными относительно объекта, но не значит подобными. Картины мира современных национальных культур, например Франции и Японии, гораздо более многомерны и информативны, чем мировосприятие наших древних человекообразных предков. Но они заведомо различны, ибо впитали всю предыдущую национальную культуру, творчество многочисленных поколений предков. Национальные культуры — как сад расходящихся тропок, и глобализация, зада-

вая стандартизацию на более низких уровнях бытия, оставляет и даже отчасти обеспечивает возможность творческого разнообразия на более высоких уровнях человеческого бытия — уровнях человеческого духа. Расширяющаяся Вселенная Человеческого Сознания обогащается все новыми и новыми инвариантами при одновременном увеличении разнообразия.

Но помимо копирующей теории истины есть, по крайней мере, еще две ее версии. Она из них — это трактовка понятия истины как правильности исчисления предикатов или правильности символьных (знаковых) преобразований. То есть, истинно то, что соответствует таблице истинности. В этом плане, с точки зрения А. Тарского, доказательство теорем — это система тавтологических преобразований и вся математика представляет собой парафраз аксиоматических понятий. Радикализация этой позиции привела к утверждению А. Айера о том, что «понятие истины может быть вообще исключено из науки в качестве «псевдопредиката». «С другой стороны, получило новые импульсы и аргументы понятие теоретической истины, относящееся к семантическим связям внутри сложных концептуальных образований и не предполагающее сопоставления ни с какой онтологией, кроме производной от данной теоретической системы» (Касавин, 2001, с. 169).

Наш спор с Виктором Михайловичем о том, что есть истина, имеет уже некоторую предысторию. Осенью 2004 года на психологической школе Московского университета, организованной студентами и аспирантами в память А.А. Леонтьева и Д.Б. Элькониной, проходила дискуссия о неклассических и постнеклассических формах психологического знания. В моем выступлении я так же, как и в этом тексте, занимал скептическую позицию в отношении понятия истины как формы соответствия знания объекту познания. При моем использовании в докладе цитаты П. Ротти Аллахвердов задал «убийственный» и ехидный вопрос: верно (истинно) ли я цитирую, в том смысле, что действительно

ли использованная мною цитата соответствует некоему фрагменту текста Ротти (что легко эмпирически проверить раскрыв соответствующую книгу на указанной странице)? Чем не практика — критерий истины?! Мой положительный ответ подразумевал бы необходимость и целесообразность категории истины в данной практической ситуации. Операционально я могу проверить соответствие двух «планов выражения», соотнеся текст моей цитаты с текстом Ротти — аналогично тому, как математик, доказывая геометрическую теорему, предлагает сделать мысленное наложение геометрических форм друг на друга. (Гипотетически полагается, что мысленное вращение в ментальном пространстве не изменяет метрических соотношений этих фигур. Аналогично предполагается, что разнесенная во времени процедура прочтения двух идентичных планов выражения породит идентичные планы фигуры содержания, которые и составляют суть цитирования.) Но процедура установления тождества плана выражения текстов не означает тождества их понимания (построения плана содержания — в нашем случае моего и Аллахвердова) и не идентична построению высказывания об истинности. И тем более не решает методологическую целесообразность этого понятия.

Вот мой ответ Аллахвердову.

Необходим концептуальный анализ, своеобразная деконструкция психологической терминологии, выросшей на почве обыденного языка, и имплицитно содержащих фигуры мифологического и синкретического мышления. (Чего только стоит проблема «псевдосубъекта действия», подмеченная еще А.А. Богдановым и проанализированная нами с Б.А. Ермолаевым (1976)!) Необходимость концептуального анализа базисных понятий, требующая совместной работы психологов, лингвистов и логиков, вполне понимается и разделяется В.М. Аллахвердовым, судя по его предложению использовать индексы достоверности знания и т. п., но мало осознается подавляющим большинством оте-

чественных психологов, стоящих на позиции наивного реализма и бездумно оперирующих понятиями «объективная действительность», «психологическая реальность» — как некоей непосредственной онтологической данностью.

Наконец, существует трактовка истины как некоторого идеала, к которому человек духовно стремится. «В христианстве истина — это не дискурсивное понятие, не теория, не учение, не смесь учений, но живая богочеловеческая Личность, исторический Иисус Христос» (Преподобный Иустин, 2004, с. 71). Ю.А. Шрейдер (1999) отмечает, что вопрос «Что есть истина?» некорректен, и, вспоминая библейские слова Христа «Аз есмь Истина и Аз есмь Путь» («Я есть путь и истина»), полагает, что следует ставить вопрос: «Кто есть Истина?».

Такая постановка вопроса, на мой взгляд, ближе к гуманитарным наукам, наукам о понимании, где свободный выбор жизненного пути личности предусматривает и личный выбор Истины, как выбор пути Будды, Христа или Магомета, или еще нехоженого пути мыслителя, ученого-первооткрывателя.

Касавин И.Т. Истина. Истина как норма. Истина как дескрипция. Истина, дескрипция и экспертиза. Словарная статья // Новая философская энциклопедия. М., 2001.

Патнем Х. Разум, Истина, История. М., 2002.

Петренко В.Ф. Конструктивистская парадигма в психологической науке // Психологический журнал. 2002. № 3.

Преподобный Иустин (Попович). Философские пропасти. М., 2004.

Шрейдер Ю.А. Ценности, которые мы выбираем. М., 1999.

Элен П. Удивление — пафос философской мысли // Разум и экзистенция. СПб., 1999.

ЛИТЕРАТУРА

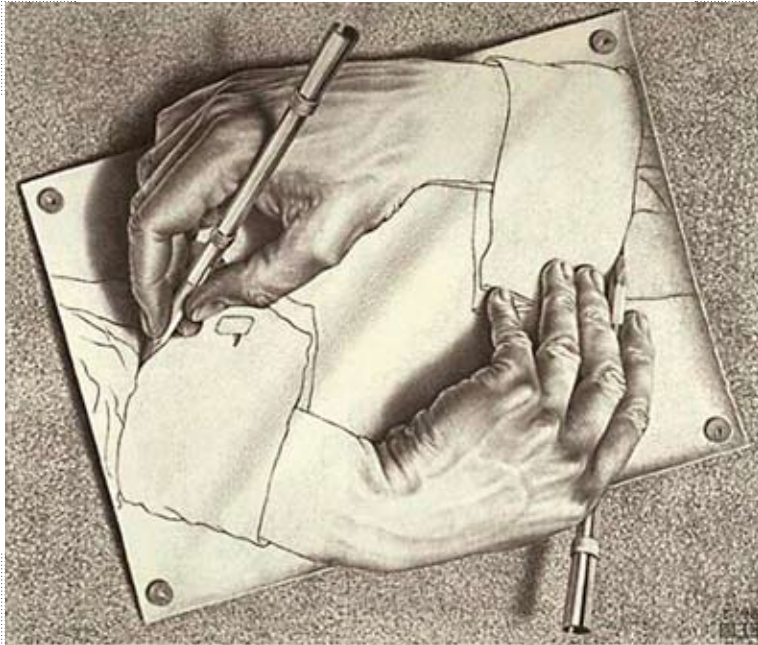
Аллахвердов В.М. Блеск и нищета эмпирической психологии // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2005. № 1.

Богданов А.А. Тектология. Всеобщая организация науки. М.: Экономика, 1989.

Ермолаев Б.А., Петренко В.Ф. К вопросу о глубинных семантических структурах // Структуры познавательной деятельности. Владимир. 1976.

Назаретян А.П. Истина как категория мифологического мышления // Общественные науки и современность. 1995. № 4.

Назаретян А.Н. Цивилизационные кризисы в контексте Универсальной истории // Синергетика — Психология — Прогнозирование. М., 2004.

глава **IV**

КОНСТРУКТИВИСТСКАЯ
ПАРАДИГМА
В ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ
НАУКЕ

Конструктивистская парадигма в психологической науке

Эволюционная парадигма мышления, подготовленная философскими идеями становления (Г. Гегель) и развития (Монетти, Ж.Л. Бюффон, И.Г. Гардер, М.Ж. Кондерсе), возникла в биологии (Ж. Ламарк, Ч. Дарвин), затем была успешно перенесена в социологию (Г. Спенсер, К. Маркс), историю (Школа Аналов: Ж. Ле Гофф, М. Блок, затем — А.Я. Гуревич), теорию ноосферы (Э. Леруа, В.И. Вернадский, Тейяр де Шарден), лингвистику (младограмматики: А. Шлейхер, Д. Пауль, А. Потенция; в XX веке А. Мейе, Э. Бенвенист), космологию (А. Фридман, Г. Гамов, Э. Хаббл), эволюционную генетику (И.И. Шмальгаузен, А.Н. Северцов), психологию (Ж. Пиаже, Л.С. Выготский, Дж. Келли). Идея качественного развития различных форм материи и духа стала важнейшим атрибутом научного, да и житейского сознания.

Эволюционная парадигма фиксирует возможность изменения законов функционирования системы по мере прохождения ею некоторого временного отрезка, траектории, исторической эпохи, цикла развития, жизненного пути.

Другой вектор становления эволюционного сознания, представленный синергетикой, или теорией диссипативных структур (И. Пригожин, Г. Хакен), связан с вызревающей парадигмой потенциальной множественности возможных путей развития, множества траекторий, где ставшее актуально существующим бытие есть только одна из воплотившихся реализаций потенциально возможного, только одно из устойчивых состояний, к которым могла бы прийти эволюционирующая система. Применительно к истории возможность сослагательного накло-

ния — «что было бы, если бы реализовалась альтернативная версия значимого исторического события», как в этом случае развивались бы обстоятельства и формировались общественный менталитет и культура, — осуществил А. Дж. Тойнби (1991).

В отечественной психологии, базирующейся на марксистской методологии всегда как имплицитно, так и эксплицитно (яркий пример — культурно-историческая концепция Л.С. Выготского) присутствовали идеи эволюционизма и активности познающего субъекта. Однако базовая метафора отражения, сыгравшая позитивную роль в рассмотрении эволюции психики на стадии ее адаптации и приспособления к природной среде (вспомним, например, «Проблемы развития психики» А.Н. Леонтьева с его сенсорной, перцептивной стадиями и стадией интеллектуальных операций), на более поздних этапах развития психологической науки, когда последняя перешла, в частности, к проблематике личности, на наш взгляд, исчерпала свой эвристический потенциал и стала во многом тормозить его развитие. Метафора отражения в самом базовом образе содержит элемент вторичности психической активности, ее реактивности. Например, уже на уровне физиологии активности Н.А. Бернштейн вводит понятие «**модель** потребного будущего»; работы же П.К. Анохина, отдавая дань стагнирующей идеологии, вводят понятие «опережающее отражение». Само развитие теории физиологии активности неизбежно выводит методологию за рамки базовой метафоры отражения. «Опережающее отражение» — это, по сути, оксюморон. Другой пример исчерпания базовой метафоры дает, например, теория искусственного интеллекта, где особую роль приобретают базы знаний, экспертные системы с рефлексией, т. е. включающие уровни метаязыка, описывающего собственную базу знаний — знания о знании (Д.А. Поспелов). Проблема рефлексии знания, конечно, ключевая и для человеческого сознания. Но опора на метафору отражения потребовала бы воображения такого плохо описываемого образа

«слоистого отражения», который мог бы породить только сюрреализм Дали.

Могут показаться излишними мои атаки на базовую метафору теории отражения. В конце концов в истории языка имеется много примеров, когда содержание слова утрачивает связь с породившей его метафорой и слово со стершимся образом становится термином-ярлыком. Но возьмем для примера физику, где трактовки электрона как частицы или как волны имели длительную историю борьбы и дискуссий. Фотоэлектрический эффект и данные о квантованном излучении при люминесценции давали трактовку в пользу частицы, а феномены дифракции и интерференции при прохождении пучка электронов через щель свидетельствовали в пользу волны. Фиксация на том или ином образе-метафоре направляла ход мысли того или иного теоретика, и противоборство школ было достаточно острым. И уравнение Э. Шрёдингера, описывающее функцию распределения плотности материи, строит уже вероятностную модель, как бы снимающую две предыдущие образные метафоры. Здесь можно сослаться на то, что понимание абстрактных теорий требует некоторой образности и феномен «вторичной визуализации» абстрактных терминов описан в психологической литературе. Сошлемся на свидетельство Альберта Эйнштейна, говорившего, что он мыслит образами.

Но вернемся к психологии, в случае которой, я полагаю, проблема критики базовой метафоры имеет более глубокий смысл.

Обратимся к краткому психологическому словарю под редакцией А.В. Петровского и М.Г. Ярошевского, который на сегодняшний момент является наиболее поздним и полным справочником отечественной психологической науки. Он дает такое определение: «Сознание — высший уровень психического отражения действительности, присущий только человеку как общественно-историческому существу» (Петровский, Ярошевский, 1990, с. 368). Я не знаю, кому конкретно принадлежит авторство данной словарной статьи, но это, так сказать, школьное опреде-

ление, пришедшее из учебников по философии, и средний студент на экзамене по психологии норовит воспроизвести именно это определение. В последнем издании словаря 1998 года к этому определению добавилось еще и следующее: «Сознание — это высший уровень психического отражения и саморегуляции», что не меняет существа дела.

Что же отражает сознание? Действительность? Последнее предполагает нечто существующее само по себе (безотносительно к познающему субъекту), законы которого и изучает познающий субъект (так сказать, отражает). Эти представления стали расхожей нормой. Они базируются на школьной, вульгарной трактовке диамата, которую насаждала официальная идеология. (Отмечу, что в отечественной философии всегда существовали и более глубокие умы, но они были поставлены в такие условия, когда их влияние на общественное сознание и, в частности, психологическую науку было сведено к минимуму. Я говорю о некоем нормативном общественном сознании, с позиций которого принято рассуждать о законах физики, законах природы, законах функционирования общества.)

Взамен бессубъектного понятия «действительность» С.Л. Рубинштейн в своем труде «Бытие и сознание» и особенно в книге «Человек и мир» вводит в психологическую литературу понятие «бытие». «Бытие как таковое, — пишет он, — как сущее — это исходное, первично данное, необходимо предполагает мое познание, т. е. человека, существование сущего и познаваемого» (Рубинштейн, 1997, с. 9). И далее: «Познающий субъект — это человек, сущее, наделенное сознанием, расположенное внутри сущего. Таким образом, исходным является онтологическое отношение различных сущих, сущих с различным способом существования, а познание — это осуществляющееся внутри онтического отношения различных сущих» (там же). Здесь обнаруживается некоторая двусмысленность при сведении всего сущего к «объективной реальности».

Наука о бытии невозможна без человека. Специфическим способом существования человека, по Рубинштейну, является наличие у него сознания и действия (там же, с. 19). Мир, по Рубинштейну, есть «организованная иерархия различных способов существования, точнее — сущих с различным способом существования» (там же, с. 10).

Вместо бессубъектной «объективной действительности» объектом психологического рассмотрения и осознания у Рубинштейна оказывается «мир существования как мир человеческого страдания» (там же, с. 19). Рубинштейну вторит М.К. Мамардашвили (1996), говоря о том, что бытие — это жизнь, в которой я сам участвую.

Проблема пристрастности бытия, включенности человека в мир, мир человеческой культуры, приводит, на наш взгляд, в рамках сходной логики и А.Н. Леонтьева в позднейший период его творчества к понятию «образ мира», где он говорит о пятом квазиизмерении, в котором открывается человеку объективный мир. Это — «смысловое поле», система значений.

«Значения, таким образом, несут в себе особую мерность. Это мерность внутрисистемных связей самого объективного предметного мира. Это и есть пятое квазиизмерение его!» (Леонтьев, 1979, с. 6).

Но система значений как носителей общественного сознания подразумевает введение в объект познания мира человеческой культуры. Тем не менее Леонтьев строго следует материалистическому пуризму, говоря о «внутрисистемных связях **объективного** предметного мира». Однако введение значения «как единицы, связующей общение и обобщение» (Л.С. Выготский), в самую ткань образа мира, а значит, и имманентно позицию наблюдателя, вводит культурно-историческую составляющую в объект познания. Как тут не вспомнить дискуссию А.Н. Леонтьева и П.Я. Гальперина, где Леонтьев, отрицая прямую трансляцию ориентировочной основы действия из материальной формы

в речевую (согласно теории поэтапного формирования), говорил о том, что содержание, будучи выраженным в речи, в системе значений, неизбежно входит в новые связи и расчленения. В рамках этой последней работы «Психология образа» А.Н. Леонтьев, переключаясь с Ж. Пиаже и Дж. Брунером, пишет о построении «в сознании индивида многомерного мира, в котором мы действуем» (Леонтьев, 1979, с. 7). На мой взгляд, здесь уже содержатся идеи конструктивизма.

В дальнейшем эта линия размышлений получила свое продолжение в книге С.Д. Смирнова «Психология образа», в статьях В.В. Петухова о картине мира. Особое место занимает статья В.П. Зинченко, М.К. Мамардашвили «Проблема объективного метода в психологии», где авторы обосновывают правомочность понятия «психическая реальность» (Зинченко, Мамардашвили, 1977). В философской и психологической литературе термин «объективный» (например, объективные методы) часто по традиции относят к физиологическим коррелятам психических процессов. В понимании психической реальности авторы смещают акцент с субстанциальной трактовки объективного как доступного остепенциональным определениям к функционально-операциональному определению реального как опосредующего индивидуальную психику и деятельность, наделяя этим статусом и фантазию, и вымысел. «Субъектность сама входит в объективную реальность, данную науке, которая является объективной, каузально организованной по отношению к миру сознания, данному нам также и на „языке внутреннего“» (Зинченко, Мамардашвили, 1977, с. 116).

О навязчивом и патологическом действии бессознательных представлений авторы статьи пишут, что «эти патологические формации выявляются психоанализом не из органических повреждений или структуры биологических инстинктов как таковых, а из ушедшей на дно работы субъективности» (там же, с. 119). В художественной форме эту мысль о реальности психического

выразил, на наш взгляд, А.П. Чехов. Герой рассказа «Черный монах», Коврин, беседует с галлюцинаторным образом монаха:

«— Но ведь ты мираж, — проговорил Коврин...

— Это все равно, — ответил монах... — Легенда, мираж и я — все это продукт твоего возбужденного воображения. Я — призрак.

— Значит, ты не существуешь? — спросил Коврин.

— Думай, как хочешь, — сказал монах и слабо улыбнулся. — Я существую в твоём воображении, а воображение твоё есть часть природы, значит, я существую и в природе».

Приведя этот отрывок, мы хотели подчеркнуть опосредующее влияние картины мира на поведение и жизнедеятельность человека. В настоящее время эта мысль наиболее интересно развивается в работах Ф. Василюка о «жизненных мирах».

Близкие мысли звучат и в современной отечественной философии, на мой взгляд, переживающей в последнее десятилетие период духовного ренессанса и наиболее динамического развития. Свидетельством этого является, в частности, издание «Новой философской энциклопедии» (М., 2001). В словарной статье «Познание» И. Касавин пишет о том, что «познание не является „отражением реальности вне человека и человечества“, но имеет дело лишь с содержанием коллективной деятельности и общения, поскольку последние нуждаются для своей организации в идеальных, т. е. возможных, пробных, приближительных, вариативных моделях и перспективах» (Касавин, 2001, с. 259).

На сходных позициях в рамках философии познания стоит и Л.А. Микешина, утверждая, что «господствовавшая долгое время фундаментальная метафора „познающий человек — это зеркало“ существенно искажала реальное положение дел, заставляя ожидать от познающего копий, зеркально точных отражений действительности, тогда как на самом деле ожидание и, соответственно, оценки результатов должны быть другими, поскольку

ку познание всегда идет в „режиме“ выдвижения гипотез, что предполагает господство творческого, интуитивного и изобретательного начала, интерпретацию и проверку гипотез, активное смыслополагание, создание идеальных моделей и другие приемы не отражательного, но конститутивного и истолковывающего характера» (Микешина, 2002, с. 16).

Реконструкцией картины мира субъекта в различных его локусах, будь то этническое сознание, политический менталитет или эстетические предпочтения, занята, конечно, и экспериментальная психосемантика. Я не буду сейчас останавливаться на принципах психосемантики, так как неоднократно и подробно делал это в своих письменных и устных выступлениях. Отмечу, что теория личностных конструкторов Дж. Келли на Западе часто именуется собственно конструктивистской психологией, согласно которой познающий субъект, подобно ученому, выдвигает и проверяет альтернативные гипотезы о мире и поведение субъекта рассматривается не как реакция на внешние стимулы, а скорее как вопрос, поставленный миру. Хочу подчеркнуть другое. Несмотря на пугающий многих психологов аппарат формализации, включающий многомерную статистику, факторный и детерминационный анализ, построение субъективных семантических пространств, выступающих операциональной моделью сознания, психосемантика во многом является вариантом проективных методик. Геометрические модели семантических пространств дают компактную, высокоструктурированную, визуализированную форму репрезентации «имплицитных моделей личности» в терминах Дж. Брунера, П. Тагиури, или «социальных репрезентаций» в терминах С. Московичи. Формализация позволяет обобщить исходный язык описания, сгруппировав исходные признаки-дескрипторы в более емкие категории-факторы, отражающие базовые формы категоризации; выявить число категорий-факторов, т. е. когнитивную сложность сознания в той или иной содержательной области; определить

«перцептуальную силу признака» — субъективную значимость того или иного основания категоризации, по выражаемому им вкладу в общую дисперсию; найти координаты коннотативных значений в рамках семантического пространства, фиксирующие смыслы субъекта по отношению к анализируемым объектам. Однако интерпретация выделенных структур требует наличия другого чувствующего, страдающего, включенного в человеческую культуру субъекта, который средствами своей психики, своей субъектности моделирует психику, личность другого. Координаты коннотативных значений в семантическом пространстве выполняют, по сути, роль ориентировочной основы (в смысле П.Я. Гальперина) для деятельности по эмпатии, сопереживанию, встраиванию в картину мира, сознание другого человека. Классическая психометрика (вспомним тест Кеттелла или ММРІ) рассматривает субъекта как точку в пространстве диагностических показателей. Психосемантические же методы позволяют представить субъекта как носителя системы смыслов, что на операциональном языке соответствует не координатной точке, а целому облаку реперных позиций, и субъект выступает неким смысловым микрокосмом, индивидуальной системой мировосприятия и уникальной системой отсчета. Наряду с лингвистической теорией относительности Сепира–Уорфа нам представляется возможным говорить о психологической теории относительности категоризации и мировосприятия.

Согласно герменевтике (см.: Гадамер, 1988), естественные науки — это науки о познании, а гуманитарные науки направлены на понимание. Согласно понимающей психологии В. Дильтея, Э. Шпрангера, «природу мы объясняем, а душевную жизнь понимаем». Мы интерпретируем это противопоставление как следствие различия объектов познания. Если естественные науки реализуются в рамках субъект — объектных отношений, где объект познания самоидентифицируется и подчиняется неким зако-

нам, которые имеют детерминистический или вероятностный характер и изменяются (эволюционируют) слишком медленно в сравнении со временем бытия познающего субъекта, то гуманитарные науки, изучая мир человека, социальной группы, этнической общности, политического сообщества в их синхроническом или диахроническом аспекте, имеют дело с субъект-субъектной парадигмой, где взаимодействие исследователя с познаваемым неизбежно изменяет как познаваемое, так и самого познающего. Применительно к личности человека, обладающей свободой воли и тем самым не являющейся жестко детерминированной системой, говорить о законах, на наш взгляд, некорректно. На уровне психологии личности нам не известно ни одного закона, в лучшем случае можно говорить о закономерностях в поведении. Человек обладает как возможностью выбора, так и открытия новых творческих форм сознания и бытия, которые заведомо не могли быть известны исследователю.

Как пишут создатели НЛП (Нейро-Лингвистического Программирования) Д. Гриндер и Р. Бэндлер, наши проблемы являются следствием незнания наших собственных возможностей, и острота проблемы может быть снята ее переосмыслением, что обосновал в рамках логотерапии В. Франкл.

Однако линия разделения на объяснительную и понимающую науку, очевидно, не совпадает с делением наук на естественные и гуманитарные, а определяется методическими средствами, которые использует исследователь. В психологической науке, например психофизике, используется естественнонаучная субъект-объектная парадигма, позволяющая формулировку законов, например, Вебера–Фехнера или Стивенса, и гуманитарная субъект-субъектная парадигма, по сути являющаяся интерпретационной, понимающей.

В гуманитарной парадигме познаваемое — другой человек или коллективный субъект — не является жестко детерминированной системой, подчиняющейся строгим законам, а, обладая

внутренним развитием (применительно к человеку и свободой воли), выступает не равным, не тождественным самому себе в каждый новый момент времени. Чем более развитой является система, тем больше степеней свободы она имеет, и применительно к личности человека или социальной общности некорректными являются эквифиналистские модели и прогнозы, построенные на принципе детерминизма. Дело может идти только о сценарных вариантах развития событий, где человек или общество реализуют одну возможность из веера потенциальных возможностей в каждый момент времени. Поэтому описание человека или социальной общности в рамках понимающей психологии или социологии осуществляется через картину мира человека или социума, системы ценностей или мотивов, на которые опирается индивидуальный или коллективный субъект в своем планировании «потребного будущего» или принятии решений.

Писатель А. Моруа отмечает, что человеческая жизнь скорее напоминает обрывки неоконченных романов, сюжеты без продолжения, чем похожа на развернутую повесть с прологом, кульминацией и развязкой. Тем не менее другой мыслитель — философ Г. Померанц, анализируя маловероятное стечение обстоятельств в новейшей российской истории и судьбе ее лидеров, вынужден обратиться к категории «провидения» в качестве объяснительного принципа. С нашей точки зрения, возможно, то, что мы называем судьбой, может быть объяснено как действие более высоких уровней системной регуляции (колец саморегуляции с обратной связью в духе Н.А. Бернштейна), которые пока еще не открыты, но включают человеческое бытие как элемент более сложной системы развития «интегрального сознания».

В любом случае человек и человечество меняются и эволюционируют в реальном времени со скоростью, сопоставимой с процессом познания познающего субъекта, что создает ситуацию, скорее, диалога познающего и познаваемого, в ходе которого, как отмечалось выше, происходит взаимное влияние и изме-

нение познаваемого и познающего. Даже, казалось бы, история, изучающая уже реализованное, «ставшее бытие», непрерывно переосмысливается и переписывается заново, так как и в контексте новой ситуации сегодняшнего дня изменяются вес, значимость тех или иных свершившихся событий, меняются фигура и фон калейдоскопа фактов. Как выразился Б. Пастернак, историк выступает пророком, «предсказывающим назад».

Наличие «самореализующихся прогнозов», функционирующих по принципу «круговой каузальности», свидетельствует о том, что само познание меняет и структурирует бытие человека. Как полагает Дж. Келли, «поведение человека канализируется по тем же руслам, по которым происходит антиципация событий» (Kelly, 1955). Это положение, на наш взгляд, близко принципу «единства сознания и бытия» С.Л. Рубинштейна, и исходит из того, что не только бытие определяет сознание, но и сознание организует, структурирует бытие (см.: М. Вебер, 1990).

Применительно к искусству это выражается в том, что скорее не искусство отражает жизнь, а сама действительность рабски подражает искусству. Французский режиссер Жан Ренуар пишет о своем отце: «Он вылепил толпу по образу своего идеала... Улицы наших городов полны Ренуарами: девушками, детьми с искренним взглядом и кожей, которая не отталкивает света».

Применительно к психологической или, более широко, гуманитарной науке влияние теоретических конструктов, построенных учеными, на жизнь, на социальное бытие общества проявляется не менее отчетливо. XX век — его культура, ментальность, искусство и даже политика — оказался густо насыщен идеями психоанализа Фрейда, которые по своей сути являются психотерапевтическими мифами. Говоря о психоанализе как о терапевтическом мифе, мы вовсе не отрицаем его огромную терапевтическую ценность или значимость открытого им мира бессознательного, защитных механизмов личности, феноменов трансфера и т. д.

Психоанализ дает пациенту некий язык, набор понятий и образов, позволяющих выразить неосознанные травмирующие переживания пациента, сидящие, как заноза, в бессознательном, и сделать их доступными сознанию, а осмыслив — изжить.

Говоря о психотерапевтическом мифе, мы подчеркиваем, с одной стороны, своеобразную поэтику текстов З. Фрейда, подобную мифологической, что неоднократно отмечалась, в частности, российскими и французскими структуралистами, а с другой — то, что психоанализ изложен в форме конкретных примеров и притч. В отличие от естественнонаучного языка парадигмальных наук, оперирующих идеальными моделями и реализующих объяснения через «восхождение от абстрактного к конкретному» (В.В. Давыдов, 1972), от неких обобщенных законов к частному случаю, который описывается тоже в некой обобщенной, идеализированной форме, психоанализ оперирует системой прецедентов (вспомним случай с пациенткой А. или случай, описанный с господином Т.; или через обращение Фрейда к собственным переживаниям детства). Можно по аналогии вспомнить римское право как иерархизированный, идеализированный свод законов, и английское — построенное на системе прецедентов. Осознание единичного не через понятие, категорию, а через символ (трактуемый Ж. Пиаже как наиболее типовой образ из класса родственных объектов, или прототип — по терминологии Е. Рош), в нашем случае — через выбранный Фрейдом пример подспудно из личного опыта, ведет к тому, что, осознавая свои проблемы в рамках психоанализа, пациент, клиент, просто обычный человек, знакомый с психоанализом, во многом видит собственные проблемы через призму личного опыта Фрейда, личности Фрейда. И не только Ренуар «выплеснул» на улицы Парижа тысячи своих моделей, но и Фрейд вывел «человека из подполья», осознающего и говорящего на языке психоанализа, проецировав свою личность во множество других

личностей — «своих детей не по крови, а по ментальности». В широком смысле все мы — в разной степени культуральной социализации — порождение литературы.

Яркий пример влияния науки на историю XX века дает и марксизм. Развивая в социологии эволюционистский подход Ч. Дарвина, К. Маркс построил теоретическую модель смены экономических формаций в результате классовой борьбы. Революция — как апогей этой борьбы — выступала, по Марксу, как «повивальная бабка истории», расчищающая путь лишенному эксплуатации светлomu будущему — коммунизму. Образ идеального будущего, предложенный Марксом, являлся по сути продолжением утопических теорий Т. Кампанеллы, К. Сен-Симона, Ф. Фурье и в более глубинных своих основаниях уходил корнями в историю раннего христианства. Согласно Н. Бердяеву, сама идея заимствована из христианской теологии и представляет собой принявшее светский облик эсхатологическое мессианство, оно унаследовано от иудейско-христианских пророков и попросту переименовано: «Вместо провидения обожествлена сама история и на ее алтарь брошено все и вся, искупителем первородного греха сделан рабочий, а в грядущем обещано все то же второе пришествие Христа с мозолистыми руками и светлое царство духа, но только уже на земле. Свобода личности здесь растоптана железной поступью рационалистически истолкованной Истории, и жизнь сегодняшних поколений безжалостно принесена в жертву неведомому будущему: „граду солнца“» (цит. по: Великовский, 1973, с. 21).

Возникнув как операциональная реализация новой утопии, идея классовой борьбы, «овладев массами», приобрела огромный энергетический потенциал, сопоставимый по пассионарности с потенциалом мировых религий, и в значительной мере направила историю XX века по рельсам заданных Марксом конструктов. Они определяли не только новейшую историю России, стран Восточной Европы, Китая, Вьетнама, Кубы

и ряда стран третьего мира, но и, задавая линию оппозиции «биполярного мира», влияли на внутреннюю и внешнюю политику Запада. Можно сказать, что концептуальные рамки истории были заданы мыслью Маркса. История стекает с кончика пера философа. Конечно, мы огрубляем суть исторического процесса, имеющего, скорее, сценарные варианты и свои точки ветвления и бифуркации, и гипертрофируем роль отдельной личности в истории, которая писалась тысячами мыслителей и публицистов, но делаем это для того, чтобы подчеркнуть мысль о том, что история — это в первую очередь реализация идей, которые озвучивают политики, реализуют массы людей, внося свои элементы творчества, но «в начале было слово», несущее некую идею. Идея же на языке психосемантики — система конструктов или же обобщений. Среди множества социальных отношений, в которые вступают люди, Маркс выделил отношения купли-продажи «абстрактного рабочего труда», создающего «прибавочную стоимость». Отметим попутно, что и «социальные отношения» и «прибавочная стоимость» — тоже суть некие теоретические обобщения-конструкты, выделяющие какие-то аспекты социального бытия человека и определяющие те или иные пути осмысления. Акцент, к примеру, на производящей роли научных идей, ведущей к автоматизированному производству, мог бы породить иную концепцию развития общества, где наибольшей производственной силой является фундаментальная наука и, соответственно, ученые, а прогрессирующее развитие компьютерных технологий с обработкой знаковой информации вообще в корне изменяет представление о труде, сближая его с творчеством и фантазией. Возможны и религиозные модели всемирной истории, и даже искусствоведческие.

В конце концов «не хлебом единым жив человек», и этические идеи могут нести не меньшую пассионарную силу, чем борьба за передел собственности.

Мы рассмотрели на примере Фрейда и Маркса роль идей в порождении и конструировании социального бытия, где они интерпретируются не как формы «отражения», а как некие возможные модели бытия, оказывающие обратное влияние на само описываемое бытие (не хотелось бы использовать слово «реальность», ибо реальность традиционно представляется как независимая от описания данность, которую «изучают» гуманитарные и естественные науки). В этом плане понятийный аппарат, который создает каждая гуманитарная наука (и, конечно, в том числе психология), не только описывает, но и привносит в это описание новые связи и расчленения (а имплицитно — и некие аксиологические ценности), формируя в конечном итоге новые конструкты сознания (расширяя его), а через осознание конструирует и действительность. В старом споре, что раньше — «курица или яйцо», сознание или бытие, наука или действительность, мы подчеркиваем не только познавательно-описательную направленность науки, но и ее (в первую очередь для гуманитарной науки) созидательно-конструктивистскую функцию.

Как мы стремились показать на двух предыдущих примерах, теоретические конструкции, предложенные мыслителем или ученым, будучи присвоенными культурой, общественным сознанием, становятся теми рельсами, по которым движется история.

Конечно, это не однокорейка, ибо культура впитывает в себя идеи многих мыслителей, ученых, творцов искусства: есть множество ветвлений, развилок, и каждая страна, этническая культура имеет свои исходные пункты движения; пути сходятся и расходятся, выстраиваются новые, но важно еще раз подчеркнуть, что эти пути проложены конструктами сознания. В начале было слово. В этом плане функция гуманитарной науки не только в описании уже «ставшего бытия», но и в порождении конструктов расширяющегося сознания, задающего движение «становящегося бытия».

Любая конструктивистская идея возникает в сознании погруженного в культуру субъекта и существует, как текст в тексте, базируясь на множестве культурных миров, в которые погружен субъект, включая его неповторимый индивидуальный опыт. Отсюда уникальность и бытия каждого субъекта, и его «личностного знания». М. Полани (1985) пишет, что любое знание является личностным. Близкая мысль звучит и у В. Лекторского о том, что Я как субъект познания выступает как «единство сознания, единство индивидуальной биографии и центр принятия решений» (Лекторский, 2001, с. 87). Любая, казалась бы, даже сциентистская или позитивистская идея содержит в себе в «свернутом виде» и философское основание (а каждая философская система — это своя уникальная система отсчета), и некую культуральную парадигму, и имплицитную систему ценностей, и личностный смысл самого ее создателя. Категориальный аппарат каждой науки имплицитно содержит и ее историю, переключку мнений и позиций. Необходимо понимать, что, воспринимая тот или иной феномен, событие или поступок, мы неизбежно вносим в процесс его осознания те знания (научные понятия, существующие, как текст в тексте), которые привнесены самой историей становления этого знания. Не существует эмпирического факта вне некой теории. О роли апперцепции писал еще В. Вундт.

Идея проекции культуры на объект познания имеет множество следствий. Так, применительно, например, к теории индивидуальности важно развести саму онтологию, которую описывает та или иная теория, и конструктивную модель, которая для нерелефлексивного сознания и выступает эквивалентом этой онтологии.

Дж. Келли ввел понятие «зона приложимости конструкта». Ее суть заключается в том, что конструкт, созданный для описания одной содержательной области, некорректно (в прямой, а не метафорической форме) переносить для описания другой. На-

пример, оценка веса неприложима для описания запаха, а вопрос о локализации некорректен для мысли (не надо путать с локализацией нейропсихических процессов, реализующих мысль в субстрате мозга). Возможность метафорических переносов — особый разговор, требующий развернутого обсуждения (см.: Петренко, 1997), но правила приложимости конструкторов на глубинных уровнях категоризации иные, чем на понятийном уровне, и подчиняются скорее «логике транс» или поэтического мышления. Так, метафорические соответствия на глубинном коннотативном уровне не позволяют выносить суждения по законам логики, построенной для понятийных уровней категоризации. Суждения типа: «земля наша — кормилица-мать (большая посылка), а мать не продается» (малая посылка), отсюда и вывод, что «нельзя продавать землю в частную собственность», — являются некорректными в силу нарушения «зоны приложимости» логических конструкторов.

В свое время древних греков ставили в тупик парадоксы вроде «вода текуча» и «вода состоит из четырех букв». В рамках логической семантики (Дж. Рассел, А. Тарский, Р. Карнап, У. Куайн) слово, обозначающее понятие, стали брать в кавычки, а без оных — обозначать слово, означающее сам объект, «предметную отнесенность понятия».

По-видимому, следует ввести и различные обозначения (через введение некоего знака, например звездочки — *, поставленной после слова, чтобы развести саму описываемую психологическую феноменологию и ее же, но в рамках некоей теории, к которой принадлежит используемое понятие.

На наш взгляд, наряду с понятием «зоны приложимости», или «диапазона приложимости конструктора» в плане смысловых переносов, следует ввести временные рамки приложимости конструктора. Я формулирую это как принцип: «конструктор обратной силы не имеет». Аналогично тому, как вновь введенный закон не имеет юрисдикции относительно времени до его при-

нятия, так и в психологии некорректным является постановка проблемы, «был ли древний грек личностью» или «являлся ли Цезарь интровертом», ибо понятия «личность», «экстраверт» возникли в истории культуры и науки значительно позднее. Нарушая временные ограничения области приложимости конструктора, мы неизбежно навязываем более ранней культуре собственные модели осознания и собственную психологическую онтологию. В более грубой, гротескной форме это характерно для исторических фильмов Голливуда, где исторические персонажи с обликом американских ковбоев борются за идеи демократии против варваров. Применительно к описанию исторического прошлого корректнее использовать язык самой эпохи или же, в силу крайней затруднительности этого для массового читателя, использовать, как предлагалась выше, условные символы для разведения самой психологической онтологии и ее модельного описания с помощью понятия. Так, «интроверсия» как понятие появилась в сознании К. Юнга, а затем в мировой культуре только в начале прошлого века, и она не может выступать характеристикой человека более ранних эпох, ибо мы проецируем на него культуру начала XX века. При отсутствии подходящей лексики можно использовать слово «интроверсия», понимая условность использования этой психологической характеристики во всей полноте ее содержания применительно к той психической характеристике, которой обладал Цезарь (при этом мы, конечно, понимаем, что слова «психологическая» и «психическая» и «характеристика» тоже надо обозначать предложенным символом — *. Аналогично в модели «Смысл–Текст» И.А. Мельчук для обозначения семантических единиц — сем — вынужден использовать слова естественного языка, где эта сема ярко выражена, беря такие слова в специфические кавычки — «лапки», чтобы подчеркнуть то, что содержание слова, обозначающего данную сему и включающего и иные семы, гораздо богаче, чем само обозначаемое. Пробле-

ма многослойности смыслового наполнения слова ведет к рассуждениям о том, что «язык заслоняет нам мир». Но нет мира вне языка и культуры, и семиотическая знаковая форма человеческого бытия дает не только радость познания и понимания мира, но и возможность участвовать в его построении и развитии.

Высказанная здесь идея о том, что язык науки служит не только для описания сущего, но, создавая понятийный аппарат, вносит свои связи и расчленения, которые через «круговую каузальность» сознания и поведения человека определяют самое бытие, имеет и дополнительный аксеологический аспект. Любая психологическая теория имплицитно содержит свое понимание «потребного будущего», «свою модель человека». В этом плане варианты «гуманистической психологии», «христианской психологии» или «психологии с человеческим лицом» содержат здравую, эвристическую компоненту, в явном виде вводящую этический компонент в психологическую теорию личности, в психотерапию. В недавнем обсуждении — дискуссии, инициированной интересной публикацией А.В. Юревича (2000) в «Психологическом журнале», автор склоняется к императиву методологической терпимости, навеянной принципом «пролиферации» П. Фейерабенда (1986). Признается правомочность и даже необходимость существования множества психологических теорий личности, ведущих полилог в духе М.М. Бахтина. Я полностью присоединяюсь к положению о правомочности и даже необходимости такой множественности психологических теорий. Недавно вышедшая книга патриарха отечественной философии Т.И. Ойзермана (2000) называется «Философия как история философии», где он пишет, что «философия, существует, так сказать, лишь во множественном числе». Думаю, это относится и к психологической науке. В библейской герменевтике, а также у немецких романтиков Навалиса и Ф. Шлегеля есть положение, согласно которому какой бы текст ни писал человек, размышляя о вечных пробле-

мах и сути бытия, он продолжает писать одну вечную Книгу, которая не закончена. Однако императив «методологическая терпимость» не снимает необходимости индивидуального выбора, притяжения позиций той или иной школы. И здесь принцип «пролиферации» Фейерабенда, на котором базируется Юревич, не может дать приоритета. Принцип «пусть цветут все цветы», а в дополнении — «кроме сорняков», не обеспечивает ни критериев приоритета, ни критериев отбрасывания этих самых «сорняков», т. е. лженауки. Но если критерием для элиминации последней может быть принцип системного включения текста, теории — в корпус психологической науки, где система цитирования, неявных ссылок, перекрестных ассоциаций обеспечивает вписанность, жизнь текста в тексте, так как гуманитарная традиция не только направлена на открытие нового, но и обеспечивает сохранение и поддержку самого культурного бытия, семиосферы (в терминах Ю.М. Лотмана), то применительно к индивидуальному выбору той или иной концепции или психологической школы можно сформулировать принцип «этической аскезы» — выбора той модели человека, которая наиболее соответствует твоим нравственным, этическим критериям. И здесь нет единственно правильной позиции, как не может быть единственно правильной политической партии или этнического мировосприятия. Возможны, например, альтернативы прагматическому рационализму, принципу полезности или гедоническому принципу удовольствия. В качестве примера такого выбора я хотел бы закончить статью цитатой из Померанца: «Бог милостиво подарил нам страдание, — писал псевдо-Дионисий. — Наш мир потому и хрупок, чтоб через него виден был другой. Мир без страданий — блистательный новый мир Хаксли. Пошлый мир без мысли о смерти и вечности» (Померанц, 1994, с. 35).

ЛИТЕРАТУРА

Василюк Ф.Е. Жизненный мир и кризис. Типологический анализ критической ситуации // Психологический журнал. 1995. № 3.

Вебер М. Избранные произведения. М., 1990.

Великовский С.И. Грани «Несчастливого сознания». М., 1973.

Гадамер Х.Г. Истина и метод. Основы философской герменевтики. М., 1988.

Давыдов В.В. Виды обобщения в обучении. М., 1972.

Зинченко В.П., Мамардашвили М.К. Проблема объективного метода в психологии // Вопросы философии. 1977. № 7.

Касавин И.Т. Познание // Новая Философская энциклопедия. М., 2001.

Лекторский В.А. Эпистемология классическая и неклассическая. М., 2001.

Леонтьев А.Н. Психология образа // Вестник МГУ. Серия Психология. 1979. № 2.

Мамардашвили М.К. Необходимость себя. Введение в философию. М., 1996.

Микешина Л.А. Философия познания. М., 2002.

Назаретян А.П. Интеллект во Вселенной. М., 1991.

Ойзерман Т.И. Философия как история философии. М., 2000.

Петренко В.Ф. Основы психосемантики. М., 1997.

Полани М. Личностное знание. М., 1985.

Померанц Г. На птичьих правах // Русское богатство. Независимый частный журнал: литература, искусство, культура. 1994. № 2.

Психология. Словарь/ Под общей редакцией А.В. Петровского и М. Г. Ярошевского. М., 1990.

Рубинштейн С.Л. Человек и мир. М., 1997.

Тойнби А.Дж. Постигание истории. М., 1991.

Фейерабенд П. Избранные труды по методологии науки. М., 1986.

Юревич А.В. Психология и методология // Психологический журнал. 2000. № 5.

Kelly A. Theory of personality. The psychology of Personal constructs. N. J. 1955.

глава V

ТЕОРИЯ ОТРАЖЕНИЯ,
КОНСТРУКТИВИЗМ,
ИНТУИТИВИЗМ
КАК МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ
ПАРАДИГМЫ ПСИХОЛОГИИ

Теория отражения, конструктивизм, интуитивизм как методологические парадигмы психологии

Распад Советского Союза, фактическая смена политического строя, крушение коммунистической идеологии не могли не вызвать потерю ориентиров в системе ценностей и утрату вектора развития общества. С другой стороны, снятие прессы идеологии, свободный доступ к зарубежной научной литературе, религиозный ренессанс российского общественного сознания вызвали то состояние наук об обществе, которое П. Фейерабенд (1986) назвал «методологическим либерализмом». Последние годы в российской психологической науке наметился явный интерес к философским и методологическим проблемам. Свидетельством этому является, в частности, дискуссия по методологическим основаниям психологической науки, инициированная публикациями А. В. Юревича (1999, 2000, 2001) и В.М. Аллахвердова (2003, 2005), развернутая на страницах журналов «Вопросы психологии», «Психологический журнал», «Психология», к которой присоединился и автор этой книги (Петренко, 2002, 2005). Свидетельством этому является и недавнее проведение уже третьего «Ярославского методологического семинара» по **проблеме метода** в психологии.

Поиск и обоснование релевантной для психологической науки методологической парадигмы (или парадигм) связаны еще и с тем, что расширение проблематики психологической науки, выход ее в практику и освоение новых областей приложения привели к тому, что под именем «психология» скрывается целый букет различных по объектам и методам изучения, а также по формам (для практической психологии) воздействия областей

знания о человеке. Отдельные области психологии по системе понятий и методическому инструментарию ближе к родственным областям другой науки (например, социальная психология — к социологии, психофизиология — к физиологии высшей нервной деятельности), чем к ряду областей одноименной науки. Действительно, что общего — в системе понятий и методов — между исследователем, изучающим глаз и зрение лимулиса на кафедре психофизиологии, и психотерапевтом семейной консультации, между социальным психологом, изучающим лидерство в малой группе, и нейропсихологом, разрабатывающим проблему доминантности полушарий головного мозга, или, скажем, психологом, анализирующим художественные конструкции произведения искусства, и детским психологом, изучающим младенчество? На мой взгляд, мало чего общего, кроме гордого имени — *психолог*. При этом отметим, что эвристичные области исследования могут возникать на стыке наук и существуют, успешно развиваясь, например психофизика или психофармакология, однако история психологии показывает контрпродуктивность переноса методологии физики или химии в психологическую науку. Каждая область знания строит свой предмет науки, определяемый в первую очередь спецификой языка и метода этой науки. Возможно, что психология как единая наука со временем распадется на целый конгломерат наук о человеке, как в свое время из философии выделились естественные и гуманитарные науки и в их числе сама психология. Но пока процесс раздела «совместно нажитого имущества» в психологии еще не начался, на мой взгляд, правомочно обсуждать методологическую специфику ее различных областей и выделять философские основы и мировоззрение, присущие ее различным теоретическим школам и подходам.

Рассмотрим представления так называемой «ленинской теории отражения», на которой было воспитано старшее поколение психологов, а также конструктивистский и интуитивистский

подходы в гуманитарных науках и психологии. Многие психологи могут мне возразить, что они давно отошли от метафоры отражения и это пройденный этап в методологии психологии. Но найдутся и явные сторонники. И тем, и другим я могу продемонстрировать множество психологических текстов, где пишется о соответствии их теоретических построений некоей «объективной действительности», «психологической реальности», «социальной действительности». При этом сама эта действительность подразумевается как некая онтологическая данность, существующая сама по себе, безотносительно позиции исследователя, и ставится вопрос, насколько тот или иной образ, та или иная характеристика или оценка соответствуют действительности. Один из наиболее ярких отечественных методологов естественнонаучной парадигмы В.М. Аллахвердов выразил подобную позицию следующим образом: «Ученый стремится узнать то, **что есть на самом деле**, но всегда вносит в это знание нечто такое, чего на самом деле нет. Ученый является лишь искателем истины, а не ее носителем» (Аллахвердов, 2005). Эти представления характеризуют позицию многих не только отечественных, но и зарубежных ученых. Как отмечает Хилари Патнэм, «сегодня многие философы, а возможно большинство, поддерживают некоторую версию „копирующей“ теории истины — т. е. концепцию, согласно которой утверждение является истинным в том случае, если оно „соответствует (независимым от сознания) фактам“» (Патнэм, 2002, с. 9). Теория отражения (или версия «копирующей теории истины») имплицитно содержится в мировосприятии большинства психологов и философов. Особенно это парадоксально звучит в тематике общения, межличностного восприятия, сознания и самосознания, где, казалось бы, уже сама проблематика подразумевает пристрастного наблюдателя, включенного в изучаемый процесс.

Интересно, что ортодоксальные марксисты не замечали противоречия между положением о возможности бесконечного при-

ближения к истине в познании «объективной реальности» и утверждаемым ими же положением о классовой природе познания. При этом последнее положение, по сути, ближе культурологическому релятивизму О. Шпенглера (1998), рассуждавшего о специфике греческого, арабского или новоевропейского (фаустовского) мироощущения и возможности в рамках этих различных картин мира различных форм логики и математики.

В истории советской гуманитарной науки наиболее глубокие отечественные философы и психологи, под мощным давлением тоталитарной идеологии вынужденные прикрываться идеологическими клише типа «диалектического материализма», выходили за жесткие рамки «теории отражения» или ее психологической производной — «теории уподобления», фиксируя включенность позиции субъекта как в его картину мира (А.Н. Леонтьев), так и в его бытие (С.Л. Рубинштейн).

Взамен бессубъектного понятия «действительность» под влиянием, как полагаю, М. Хайдеггера (об этом свидетельствует, в частности, использование хайдеггеровского понятия онтического) С.Л. Рубинштейн в своем труде «Бытие и сознание» и особенно в книге «Человек и мир» вводит в психологическую теорию понятие «бытие». «Бытие как таковое, — пишет он, — как сущее — это исходное, первично данное, необходимо предполагает мое познание, т. е. человека, существование сущего и познаваемого» (Рубинштейн, 1997, с. 9).

Наука о бытии невозможна без человека. Специфическим способом существования человека, по Рубинштейну, является наличие у него сознания и действия. Мир, по Рубинштейну, есть «организованная иерархия различных способов существования, точнее — сущих с различным способом существования» (там же, с. 10). Вместо бессубъектной «объективной действительности» объектом психологического рассмотрения и осознания у Рубинштейна оказывается «мир существования как мир человеческого страдания...» (там же, с. 19).

Таким образом, уже отечественная психология в лице ее наиболее глубоких мыслителей стремилась выйти за рамки натуралистическо-материалистической парадигмы теории познания, преодоленной в таких областях науки, как релятивистская и квантовая физика, отчасти семиотика и структурная лингвистика.

Наиболее радикально порывает с традицией онтологизации познавательных моделей конструктивистский подход или конструктивистская парадигма в эпистемологии и теории познания. «Конструктивность, — полагает И.Т. Касавин, — едва ли не главное отличие человеческого познания... Знаково-символические системы, стихийно возникая как эпифеномен деятельности и общения, приобретают затем относительную самостоятельность, и мыслительная работа с ними не только сопровождает все проявления человеческой активности, но является условием ее возможности. Познание не есть копирование некоторой внешней познаваемой реальности, но внесение смысла в реальность, создание идеальных моделей, позволяющих направлять деятельность и общение и приводить в систему состояния сознания» (Касавин, 2000, с. 21).

Жесткий конструктивизм выражает немецкий философ Петер Элен, говоря о том, что, «лежит ли в основе познания какая-либо действительность, мы не можем знать; высказывания на эту тему, и в первую очередь все метафизические понятия — субстанция, бытие, сущность, суть наши конструкции и лишены какого-либо реального основания» (Элен, 1999, с. 84). Как лапидарно утверждает американский философ Ричард Ротти, «понятия, в которых сформулированы традиционные вопросы западной философии, были полезны прежде, но сегодня они бесполезны» (цит. по: Элен, там же).

Истоки конструктивистских идей можно найти у В. Гумбольдта (1984, с. 9): «Различные языки — это не различные обозначения одного и того же предмета, а разные видения его». Эта

мысль продолжена авторами гипотезы лингвистической относительности Сэпира–Уорфа: «Мы расчлняем природу в направлении, подсказанном нашим языком, мы выделяем в мире явлений те или иные категории и типы совсем не потому, что они (категории и типы) самоочевидны; напротив, мир предстает перед нами как калейдоскопический поток впечатлений, который должен быть организован нашим сознанием, а это значит — в основном языковой системой, хранящейся в нашем сознании. . . Мы сталкиваемся, таким образом, с новым принципом относительности, который гласит, что сходные физические явления позволяют создать сходную картину вселенной только при сходстве или, по крайней мере, при соотносительности языковых систем» (Уорф, 1960, с. 174).

Конструктивизм уже завоевал доминирующую позицию в социологии (П. Бергер, Т. Лукман), в этнологии и антропологии (Ф. Барт, Э. Галлер, Э. Хобсбаум, В. Тишков). Предшественником конструктивизма в социологии можно считать основоположника феноменологической социологии Альфреда Шюца. «Даже в повседневной жизни, — полагает он, — восприятие предмета представляет собой нечто большее, чем просто чувственную презентацию. Это объект мышления, конструктор высокосложной природы, включающий в себя не только определенные формы последовательности его конструирования во времени как объекта отдельного чувственного восприятия, скажем зрения, но и пространственных отношений, чтобы конституировать его как чувственный объект нескольких чувств, скажем зрения и осязания, но также и вклад воображения, завершаемый гипотетическим чувственным представлением. . . Иными словами, так называемые конкретные факты обыденного восприятия не столь конкретны, как кажутся. Они уже включают в себя абстракции высокосложной природы, и мы должны принять их во внимание во избежание неуместной здесь иллюзии конкретности» (Шюц, 2004, с. 7).

Яркий пример конструкционизма в социологии представляет концепция «общества, основанного на знаниях» Н. Стера (Stehr, Knowledge Societies, 1994), поднимающая проблемы глобализации современного мира... Обсуждая эту теорию, отечественный социолог Н.Е. Покровский отмечает, что «теория Стерна имеет немалую историю, связанную с именами Р. Лейна, П. Дракера, Д. Белла, Р. Аарона. Действительно, в современных обществах научное знание представляет собой не только способ мысленного освоения социальной реальности, но и средство ее практического творения. **В этой связи сообщества ученых исполняют не только функцию экспертов, но и „драматургов“ самого действия** (на что, как правило, претендуют лишь политики и предприниматели)» (Покровский, 2004, с. 23).

В психологии родоначальником конструктивизма можно считать Л.С. Выготского, заложившего основы культурно-исторической теории. Идея формирования «нового человека», которую разделял Выготский в аспекте построения реальности под некий идеал, по сути конструктивистская (утопизм — тоже форма конструктивизма). В бурном революционном начале XX века идеи конструктивизма были широко распространены в архитектуре (Г. Земпер, Ле Корбюзье, И.И. Леонидов), живописи (В.Е. Татлин, К.С. Малевич, В.В. Стерлигов, Л.С. Попова, П.Е. Соколов, В.И. Уфимцев), поэзии (К.Л. Зелинский, И.Л. Сальников, А.Н. Чечерин, В. Инбер, отчасти Э. Багрицкий).

Идея «мы старый мир разрушим до основания, а затем мы наш, мы новый мир построим. . .» звучала рефреном в мировоззрении не только леворадикальных политиков (не говоря уже о жаждущих перемен широких массах), но была лейтмотивом творчества значительной части гуманитариев, для которых отказ от ветхозаветной модели неизменного во времени человека означал возможность творческой эволюции человечества в движении к справедливому обществу. Последовавший затем переход в идеологии от революционного романтизма и футуризма,

которые можно условно назвать леворадикальным «конструктивизмом», к теории отражения и «социалистическому реализму» является косвенным свидетельством отклонения маятника идеологии от революционных к предельно консервативным формам мировоззрения, фиксирующим «единственно правильную точку зрения». Проявлением этого консерватизма в политике стал переход к однопартийной системе, в экономике — практически возврат к крепостному праву в деревне и рабский, принудительный труд в Гулаге, в науке же проявление консерватизма вылилось в требование следовать «единственно правильной теории» и единомыслию.

Молодые психологи Ф. Барский и А. Улановский в частной беседе обратили мое внимание на то, что и представители школы Выготского — Лурии — Леонтьева, декларируя приверженность ленинской теории отражения, стояли на позициях конструктивизма. С этим можно согласиться только отчасти. В условиях жесткого идеологического давления тоталитарного общества даже само методологическое обсуждение неких иных принципов, кроме официально декларируемых, было просто немыслимым и гипотетический методологический спор быстро перешел бы (история отечественной науки знает множество тому трагических примеров) в плоскость «быть или не быть» в чисто физическом плане. Наши учителя вынуждены были часто прибегать к охранительной терминологии, дающей индульгенцию на идеологическую чистоту. Так, этнопсихологические исследования А. Р. Лурии (1974) культурно-исторической специфики познавательных процессов, его же идеи функционального органа, не имеющего морфофизиологической привязки и возникающего под решение конкретной задачи, на мой взгляд, в методологическом плане резонансны идее «множественности возможных миров» (Хинтиikka, 1980) или моделей «потребного будущего» (в терминах Бернштейна, 1966). Близок к конструктивизму и В. В. Давыдов (1972), рассматривающий теоретическое мышле-

ние как оперирование идеальными моделями, фиксирующими наиболее существенные свойства, не сводимые к эмпирическому опыту, а раскрывающиеся (конструируемые) только в системных связях и отношениях с такими же абстрактными теоретическими моделями.

На мой взгляд, конструктивизм в психологической науке содержит несколько базисных составляющих: идею познания как построения («познавать значит динамически воспроизводить объект, но для того, чтобы воспроизводить, нужно уметь производить») (Ж. Пиаже, 1960); идею модельности в познании как понимания того, что наличные теории не копируют, а моделируют реальность («карта это не есть территория» — см.: Гриндер, Бэндлер, 1994); идею плюрализма истинности как понимания правомочности множества конкурирующих моделей, адекватность которых может определять не наличным, а еще «не ставшим», находящимся в развитии бытием; и собственно идею конструктивизма, заключающуюся в том, что познание не только описывает, но и творит реальность и теоретические модели по принципу кольцевой причинности участвуют в созидании мира (познание как конструирование, внесение в мир нового) (Петренко, 2002).

Ну и, наконец, наиболее последовательную конструктивистскую позицию занимает создатель теории личностных конструкторов Дж. Келли (1955, 2000).

Его известное положение о том, что «психические процессы канализируются по руслам тех конструкторов, в рамках которых антиципируются события», является по духу конструктивистским, так как выводит активность действующего и строящего мир субъекта, исходя из вариантов его картины мира. Забегая вперед, отмечу, что дальнейшее развитие идей Келли в рамках отечественной психосемантики (Петренко, 1983, 1997; Петренко, Митина, 1997; Шмелев, 1983, 2002) неизбежно интегрирует идеи конструктивизма и интуитивизма, ибо построение многомер-

ных семантических пространств как операциональных моделей сознания и фиксация коннотативных значений (смыслов субъекта по поводу анализируемых объектов) дают своеобразную ориентировочную основу для эмпатии, встраивания в сознание, картину мира другого. Само же эмпатийное сопереживание имеет не рационалистически конструктивистскую, а интуитивистскую природу.

Вообще-то стихийный конструктивизм имманентно присущ психотерапии вообще как системе психологических технологий, призванных перестроить «психический мир» пациента, рациональной психотерапии, адептом которой являлся Дж. Келли, и особенно нарративной психотерапии (М. Мэхони, Ней Мейер — см.: Соколова, 2002), где рассказ пациента о прошлом и перекомпозиция этого рассказа с иными акцентами на произошедшие события и переживания ведут к перестройке автобиографической памяти (см.: Нуркова, 2000) и, как следствие, изменению личности. Методическими средствами изучения исторической психологии в рамках конструктивизма могли бы быть построения семантических пространств на основе тезаурусов исторических текстов. Такого рода исследования вполне реализуемы, хотя и требуют компьютерной обработки огромных массивов исторических материалов. Трактовка же построенных исторических семантических пространств как ментальных карт прошедших эпох неизбежно содержит интерпретационный плюрализм и различные герменевтические версии.

Если для эпистемологической парадигмы «теории отражения» когерентной является общественно-формационная модель истории с «объективными законами развития» и включающая идею «эквивализма» самого исторического процесса, то конструктивистская модель подразумевает как вариативность возможных сценариев будущего, так и плюрализм истинности в версиях прошлого. Обе вышеупомянутые парадигмы включают некую методологию и систему научных методов опосредо-

ванного изучения исторического процесса и менталитета людей, его реализующих. Для формационной модели он прямо детерминирован социальной принадлежностью индивида.

Психосемантический подход к исследованию сознания и личности в психологической науке традиционно относят к когнитивистской парадигме. Так, в четырех из пяти изданных на русском языке американских учебниках по психологии личности теория личностных конструктов отнесена к когнитивистскому подходу, для которого свойственны операционализация теоретических понятий и широкое употребление математического аппарата и формализаций в построении ментальных карт. Такая классификация справедлива лишь отчасти¹. Действительно, психосемантика использует аппарат многомерной статистики (факторного, кластерного, детерминационного анализа, многомерного шкалирования и структурного моделирования) для построения семантических пространств, выступающих операциональной моделью индивидуального и общественного сознания. И отдельные параметры этих семантических пространств отражают когнитивную организацию сознания индивида (см.: Петренко, 1983, 1997). Так, размерность семантического пространства (число независимых факторов) отражает когнитивную сложность личности в данной содержательной области. Семантические склейки дескрипторов языка описания выделяют личностные конструкты как индивидуальные эталоны категоризации, при-

¹ Я вполне солидарен с мнением Д.А.Леонтьева о том, что философская основа теории личностных конструктов Келли, или, как ее еще называют его последователи (Procter, Parry, 1978; Bannister, 1979; Fransella, 1982), конструктивистского альтернативизма, близка экзистенциальной психологии, и неслучайно прямым учеником Дж. Келли был один из лидеров современной экзистенциальной психологии Дж. Бьюджентал. Как отмечает Д.А. Леонтьев, Келли отстаивал понимание жизни как эксперимента, включающего проверку и пересмотр исходных гипотез и теорий, «единственный способ валидизировать которые — жить» (Леонтьев, 2005).

сущие субъекту. Мощност выделенных факторов (перцептуальная сила признака), выраженная во вкладе фактора в общую дисперсию, отражает субъективную значимость для индивида данного основания категоризации. И наконец, координаты коннотативных значений в семантическом пространстве (как проекции образов анализируемых объектов на координатные оси семантического пространства) выступают коррелятами личностного смысла субъекта (термин А.Н. Леонтьева) относительно анализируемого объекта. Казалось бы, семантический аппарат дает достаточно формализованную модель содержания сознания субъекта, и отнесение психосемантики к когнитивистской парадигме вполне правомочно. Но в отличие от объектного описания, присущего естественнонаучной парадигме в психологии, субъективные семантические пространства выступают для интерпретатора не как некий идеальный модельный объект, изоморфный объекту исследования. Если, как подчеркивает герменевтика, естественные науки — это науки о познании, то гуманитарные — о понимании. Применительно к построению субъективных семантических пространств Чарльз Осгуд, один из основателей психосемантического подхода (и автор метода семантического дифференциала), рассматривал семантическое шкалирование как «поддержанную интроспекцию». С нашей точки зрения, система личностных смыслов, представленных в семантическом пространстве облаком координат коннотативных значений, выступает как ориентировочная основа процесса эмпатии, встраивания сознания исследователя в мироощущение другого (или в свое собственное при исследовании самосознания). То есть, интерпретация построенных семантических пространств как необходимое и важнейшее звено психосемантического анализа необходимо включает эмпатийно-интроспективную составляющую. Интроспекция как непосредственное (прямое) знание собственной психической жизни, многократно и справедливо раскритикованная многочисленными

психологическими школами, начиная с бихевиоризма и психоанализа и заканчивая теорией деятельности и когнитивистской психологией, остается тем не менее ведущим источником информации о психической жизни субъекта. Ведь подчас «забывается», что тексты испытуемого — основной источник информации для психолога-исследователя и практика — порождаются на основе интроспекции (самоотчета) испытуемого. И здесь, в наших теоретических построениях и рассуждениях, мы перекидываем мостик между конструктивизмом и интуитивизмом как взаимосвязанными и необходимыми процессами построения идеальных моделей в познании. (Отметим, что в математике эта связь вырисовывается с очевидностью — см.: Непейвода, 2001.)

Идею прямого, не опосредованного знания дает подход, который можно условно назвать интуитивистским и который наиболее последовательно представлен в философии Анри Бергсона (1998). В интуитивистской парадигме (в исторической психологии скорее потенциально возможной, чем реально существующей, и связанной больше с религией и теософией, чем с позитивной наукой) предполагается возможным непосредственное восприятие исторической ментальности и в пределе исторического факта как непосредственно наблюдаемого события.

В новаторской работе «Творческая эволюция» А. Бергсон пишет о принципиальной невозможности научными методами, годными только для фиксации синхронических (фотографических, в терминах Бергсона) срезов, описать живое движение, динамику эволюционирующего (в нашем случае исторического) процесса. Применительно к биологической эволюции Бергсон вводит понятие интуиции, интуитивного вчувствования одного живого существа в психику другого как механизм прямого знания. Так, рассуждает Бергсон, оса безошибочно наносит жалящий укол в нервные ганглии гусеницы (чтобы в дальнейшем использовать ее как пищу для собственной личинки) не путем на-

учения (через систему проб и ошибок, — объяснили бы бихевиористы), а непосредственно чувствуя, ощущая в себе самой эти ганглии и их местоположение, т. е. моделируя средствами своей психики самоощущение другого существа. Аналогичный пример приводит Пол Бренер, когда он попробовал лечить с помощью акупунктуры жеребца, который покрывал кобылу и при этом повредил себе спину: «Прикинув, в каком бы месте у меня бы начала стрелять спина при активных занятиях любовью, я быстро воткнул двухдюймовую иглу в спину лошади с апломбом китайского мастера-мудреца, который вылечил тысячи больных жеребцов» (П. Бренер, 2003, с. 38). Попытка увенчалась успехом, и жеребец выздоровел.

Возможность интуитивной эмпатии Анри Бергсон объясняет наличием общих эволюционных корней у живых существ. Это чувство единства всего живого, генетического родства с миром животных и даже растений может непосредственно переживаться тонкими поэтическими натурами. «Со всей этой летающей, плавающей, бегающей тварью я чувствую родственную связь, и для каждой в душе есть образ-памятка, всплывающий в моей крови через миллионы лет: все это было во мне, гляди только и узнавай». «Мы потеряли способность плавать как рыбы, и качаться на черенке, прикрепленном к могучему стволу дерева, и носиться из края в край семенными летучками, и все это нам нравится, потому, что это все наше, только было очень, очень, очень давно» (Пришвин, 1928).

В рамках трансперсональной психологии С. Гроф (1994) полагает возможность в измененных состояниях сознания проникать в опыт предыдущих реинкарнаций (воплощений) человека. Глубина этой памяти, возможно, опускается вниз по эволюционному генетическому древу, и в глубинах человеческого бессознательного содержится информация о наших далеких животных предках. По крайней мере, это справедливо относительно морфологических трансформаций в ходе эмбриогенеза (от «рыбки»

к человеческому существу). Можно высказать гипотезу и об эмбриогенезе психики, ведь доказано, что и в утробе матери развивается психика ребенка и он чувствует состояния матери, слышит музыку и т. д. Но ведь эти способности с чего-то начинались. Поэтому представляется разумным предположение о наличии и хранении в подкорке человека некоего надындивидуального опыта предков. Ключом, способным открыть это хранилище, может выступать гипноз. «Знакомая из биологии формула „онтогенез повторяет филогенез“ справедлива не только по отношению к закономерностям физического развития человека, но и применительно к становлению его психических функций» (Гримак Л.П., 2004, с. 10).

Предлагаемое ниже описание, взятое из психотерапевтической практики моего друга и сотрудника, гипнолога В.В. Кучеренко, может иметь множество различных интерпретаций. Одна из интерпретационных версий может работать на гипотезу даже не родовой, а «типовой» (тип позвоночных) памяти. Так, одна из пациенток Кучеренко, наряду с психосоматическими расстройствами, страдала булимией (обжорством без насыщения). В юности она училась в балетной школе и вынуждена была ограничивать себя в еде. Иногда она срывалась и в тайне от окружающих поела пирожные, испытывая потом сильнейшее чувство вины. Оставаясь стройной и миниатюрной, она воспринимала себя толстой и непомерно разъевшейся. Во время гипнотического сеанса ею был воспроизведен опыт переживания той далекой молодости, даже детства, когда ее балетный партнер, застав ее за пожираньем пирожка, отвесил ей оплеуху и назвал коровой: ведь ему требовалось поднимать ее при исполнении па-де-де. Ненасытное чувство голода преследовало ее и во взрослом состоянии. В состоянии гипнотического сеанса психотерапевт отправлял пациентку в иллюзорную реальность «греческого пира», в обильное застолье усадьбы русского барина и даже в оргию первобытного племени, празднующего добычу мамонта. Но нигде воображае-

мая ситуация не позволяла ей наесться и насытиться. Так, в последней ситуации аппетитный поджаренный на костре кусок мамонтичины у нее грубо отнял здоровенный амбал в звериной шкуре, и ей осталось только обиженно скулить о незаслуженной обиде. Блаженство насыщения она смогла пережить только в гипнотическом сеансе в образе птеродактиля, когда социальные запреты оказались сняты и в теле доисторического животного она смогла реализовать свои нереализованные желания. Барражируя на своих перепончатых крыльях и испытывая, как она сама потом выразилась, «чувство территориального хищника» («моя территория, моя добыча»), и затем, спикировав на воображаемое земноводное (крупное и вкусное, типа эволюционного предка жабы), она с неизъяснимым удовольствием сожрала его. С тех пор нормальное чувство сытости стало регулярно возникать у нее в реальной жизни.

Возможность интуитивной эмпатии русский философ Серебряного века Н.О. Лосский объясняет координацией «субстанциональных субъектов» — своего рода резонансом душ живых существ. Применительно к общению людей, эмпатическим камертоном взаимопонимания выступает эмоциональная близость.

Так, например, опираясь на этнографические зарисовки южноафриканского писателя Лоуренса Грина, психолог А.Г. Сулейманян (2003) обсуждает возможность телепатической связи между членами первобытного племени. По мнению Л. Грина, «язык дымов» африканских бушменов и австралийских аборигенов, с помощью которого передаются довольно детальные сообщения, не является языком в собственном смысле слова, так как скорость передачи сообщений слишком велика для примитивной сигнальной системы. Костры — только стимул, призывающий туземцев настроиться на прием сообщения. «Я развожу костер для того, чтобы другие знали, что я уже начал думать, — объяснял один австралийский абориген писателю. — И они тоже начинают думать, пока наши мысли не совпадают» (Грин,

1966, с. 43). Анализируя текст книги Грина, Сулейманян приводит ряд психологической литературы по телепатии и связывает ее возможность со способностью туземцев к крайнему сосредоточению внимания, присущему и животным, а также с очень тесным и близким отношением между собой членов племени. Сходные телепатические феномены, по мнению Сулейманяна, могут наблюдаться и у «цивилизованных людей» в экстраординарных обстоятельствах. Есть множество свидетельств того, что матери испытывают, казалось бы, беспричинную тревогу по поводу детей, находящихся за многие сотни километров от матери и действительно попавших в это время в беду. Утрату этих телепатических способностей у современного человека Сулейманян видит в духовной нищете и утрате любви к ближним, ссылаясь на свидетельство Матери Терезы: «„Вечером я ходила по вашим городам. Входила в ваши дома, и обнаружила в них еще более глубокую нищету, чем у нас в Индии: нищету душ, лишенных любви“. Не в этом ли лежит ключ к разгадке тайны?» (Сулейманян, 2003).

Возможно, дорогу к состоянию единения душ дает гуманистическая психология, а конкретнее, групповая психотерапия в духе К. Роджерса. Трудно описать тому, у кого нет опыта прохождения Т-групп, эти состояния измененного сознания и то нервное возбуждение, которое в определенный момент вдруг одновременно охватывает всех участников группы и ощущается как единое напряженное поле. Это чувство единства группы, включающей всех участников группового процесса — как приятных, так и неприятных тебе людей. Каждая группа уникальна, и рассказ о происходящем в группе даже близкому тебе человеку ощущается как некоторое предательство группы, потому что происходящее надо непосредственно пережить во всех нюансах, а рассказ вне контекста — всегда огрубление, граничащее с опошлением, и, наоборот, уход, выпадение из группы даже неприятного тебе человека воспринимается болезненно, как будто

в едином поле образовалась дыра и группа лишилась одного полноценного, имеющего свою правду жизни, голоса.

К. Роджерс приводит самоотчет одного из участников психотерапевтической группы: «Это было глубокое духовное переживание. Я чувствовал единство духа нашей группы. Мы дышали вместе, чувствовали вместе, даже говорили друг за друга. Я чувствовал мощь „жизненной силы“ (чем бы она не была), наполнявшей каждого из нас. Я ощущал ее присутствие без привычного деления на „я“ и „ты“ — это было похоже на медитативное ощущение, когда я чувствовал себя центром сознания. И вместе с этим экстраординарным ощущением единства никогда еще так ясно не сохранялась настоящая отдельность каждого человека» (Роджерс, 2002).

В отличие от акцентуации ценности и неповторимости бытия отдельной личности в философии экзистенциализма и гуманистической психологии в восточной буддистской традиции культивируется идея ухода от «индивидуальной биографии», от уникальности личности.

В дзен-буддизме возможность актуализации в сознании человека предыдущего исторического опыта связана с идеей иллюзорности бытия отдельной личности (принцип **анатман**) и идеей общности всего живого как формами воплощения единого духа.

Дзен-буддизму вторит сингхизм: «Как множество искр возникает из одного огня и, в конце концов, гаснет и поглощается опять этим огнем, так и бесчисленные волны рождаются из одного океана и, несмотря на это, поднимаются как одна та же вода, так и мириады форм Творения, все проявления одного Единого Бесформенного. Все люди происходят из человеческого рода и должны пониматься едино» (Гуру Гобинд Сингх, Десятый Гуру сингхов, цит. по: Баба Вирса Сингх, 2004, с. 30).

Общие индуистско-буддистские представления о растворении просветленного сознания в трансцендентально-космиче-

ском (Брахмане) повлияли и на современную трансперсональную психологию. «Знания о том, что мы вневременны, неограниченны и поэтому космически свободны, кладут конец иллюзии отдельности и всем тем болезненным деструктивным защитным механизмам, которые мы индивидуально или коллективно создали для сохранения нашей эгоистической иллюзии за счет всего остального. В Майтраяне Упанишаде так говорится об этом: „Постигнув свое я как высшее Я, человек лишается я“». (Уайт, 2004, с. 18)

Это мироощущение, на мой взгляд, выражено и в идеях духовной интеграции и соборности, в духе В.С. Соловьева (1989), в христианской традиции.

Противопоставление тварного мира как пространственно-временного, в котором только и возможна история, сверхпространственному и сверхвременному «Я» — «субстанциональному деятелю» (в терминах Лосского, 1992) присуще и русской религиозной, и околорелигиозной философии бытия. «Так как субъект есть существо сверхвременное и сверхпространственное, — пишет Н.О. Лосский, исходя из представления о бессмертии души, — то и координация его с объектами не есть пространственная близость и не есть сосуществование во времени; это связь субъекта с миром, стоящая выше всякой пространственной и временной раздробленности. Поэтому возможно знание о предметах, далеких от моей теперешней жизни во времени. На этом основании может быть выработана интуитивистская теория памяти, согласно которой воспоминание есть интенциональный акт, направленный субъектом через пропасть времени прямо на событие, пережитое или воспринятое вчера или даже 20–30 лет тому назад; при этом акт воспоминания есть теперешнее событие, а вспоминаемое есть само прошлое в подлиннике, опять наличествующее в сознании» (Лосский, 1992, с. 151).

В любом случае, безотносительно к возможным интерпретациям, идея исторической памяти на все события и все деяния

человечества и отдельных «человеков» заслуживает внимания (по крайней мере, в психотерапевтическом плане обеспечивающая если и не личное бессмертие, так всеобъемную и бесконечную память обо всем нашем бытии). Аргументами в пользу этой идеи могли бы быть следующие соображения. Индивидуальная человеческая память содержит, по мнению А.Р. Лурии, практически все события, происшедшие с человеком в ходе его жизни. Эксперименты Х. Дельгадо по электростимуляции мозга позволили ему утверждать, «что нейроны сохраняют полную запись прошлых событий, включая всю сенсорную информацию — зрительную, слуховую, проприоцептивную и т. д., а также эмоциональное звучание событий» (Дельгадо, 1971, с. 154). Созвучны этому утверждению и результаты экспериментов Б.М. Величковского по определению объема долговременной памяти визуального материала и гипнотические опыты В.В. Кучеренко по извлечению из пассивной памяти свидетеля событий прошлого.

Память Бога, интегрального сознания или эволюционирующей Вселенной, насчитывающей миллиарды лет существования, вполне могла бы содержать механизмы, обеспечивающие фиксацию и хранение всей информации обо всем произошедшем и пережитом. Вспомним, по сути, религиозное пророчество «рукописи не горят» М. Булгакова. Конечно, подобное допущение в науке, согласно принципу Оккама «не умножать сущности без нужды», должно бы быть элиминировано. Но не укладываются в естественнонаучную парадигму линейного времени «вещие сны», предчувствия и пророчества, ощущения присутствия в себе других личностей («вселение бесов»), парадоксальное ощущение чувства менталитета не высказавших свои переживания, страдания других людей. Пример тому — переживания никогда не сидевшего А. Галича, но остро чувствовавшего и описавшего мироощущение зеков, населявших Гулаг; никогда не воевавшего В. Высоцкого, через военные песни которого возопили души погибших солдат, или автора исторического романа «Петр Пер-

вый» А. Толстого, вообще жившего в другую эпоху, но предельно четко и детально описавшего менталитет прошедшей эпохи Петра Великого, да и нас самих, способных удивиться тонкости исторического чутья этих авторов, а следовательно, соотносящих их творчество с ощущаемой нами самими исторической достоверностью.

Какими средствами творческой эмпатии осуществляется подключение к этим историческим ментальным эгрегорам таких писателей, как Александр Пушкин, Томас Манн, Лион Фейхтвангер или Алексей Толстой, мы еще не знаем. Перефразируя слова Тиля Уленшпигеля в романе Ш. де Костера — пепел прошлого (погасших звезд) стучит в нашем сердце, мы можем вспомнить, что наша плоть, наше тело включает, например, металлы, которые образуются при вспышках сверхновых звезд, т. е. звезд, частично выгоревших и под действием гравитации коллапсирующих и сжимающихся в сверхмалые по галактическим масштабам объемы, где в силу гигантского давления и сверхвысокой температуры и образуются те самые элементы, которые через миллионы лет эволюции вошли в нашу плоть. Мы — по крайней мере, то вещество, из которого мы состоим, — столь древние, что не можем однозначно отрицать возможные адаптационные механизмы хранения информации самой этой материей, возникшие за миллиарды лет космической эволюции, или не допускать иных гипотетических механизмов памяти и самосознания вселенной. Можно полагать, что не только (экспериментально не доказанные, но широко используемые в теоретических построениях) коллективные юнговские архетипы присутствуют в нашем подсознании, но и другие формы эволюционной памяти и исторического опыта. Ключ, открывающий доступ как к индивидуальному опыту личности, так и к наследственной памяти человечества могут дать формы измененных состояний сознания (Юнг, 1997; Гроф, 1994, 2002; Минделл, 2004; Тарт, 2003; Хант, 2004; Уилбер, 2004; Уайт, 2004;

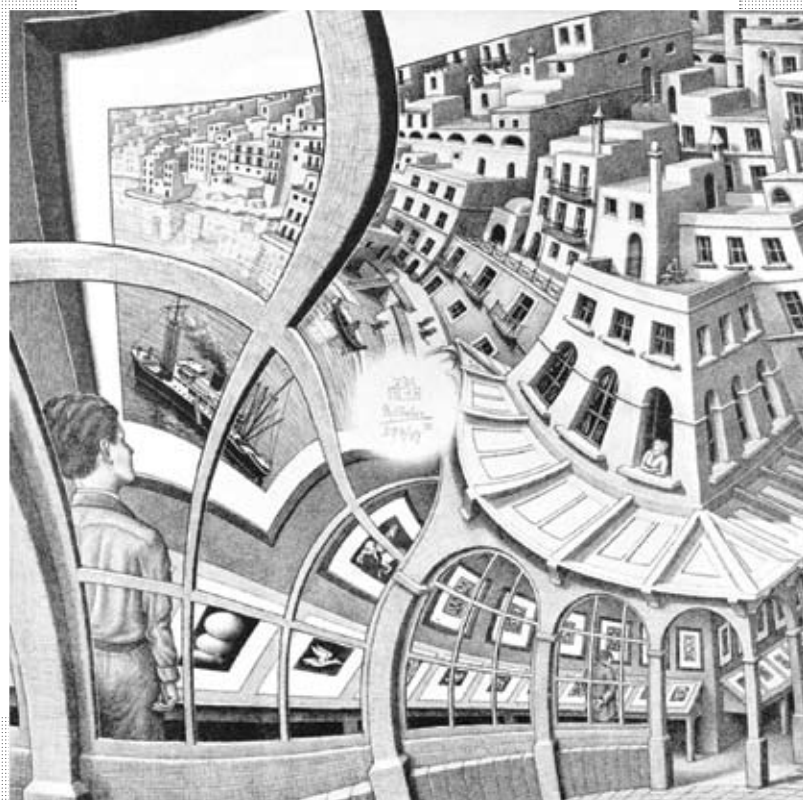
Феррер, 2004; Кучеренко, Петренко, Россохин, 1998; Майков, Козлов, 2004) и медитация (Конзе, 1993; Шеток, 1994; Andresen, 2000; Wallace, 1999). И, обратив медитативный взгляд внутрь себя, реализовав призыв древних мыслителей «познай себя» и осуществив своеобразную «ментальную археологию», мы обретем еще один ключ к познанию внутреннего мира человека, его жизненного пути, или же к познанию культурно-исторического менталитета и коллективной истории человечества.

ЛИТЕРАТУРА

- Аллахвердов В.М.** Методологическое путешествие по океану бессознательного к таинственному острову сознания. М., 2003.
- Аллахвердов В.М.** Блеск и нищета эмпирической психологии // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2005.
- Баба Вирса Сингх.** Объяснение в любви (избранное). М., 2004.
- Бергсон А.** Творческая эволюция. М., 1998.
- Бернштейн Н.А.** Очерки по физиологии движений и физиологии активности. М., 1966.
- Бренер П.** Будда в приемной. М., 2003.
- Выготский Л.С., Лурия А.Р.** Этюды по истории поведения. М., 1930.
- Гримак Л.П.** Тайны гипноза. Современный взгляд. СПб., 2004.
- Грин Л.** Последние тайны старой Африки. М.: Мысль, 1966.
- Гриндер Д., Бэндлер Р.** Формирование трансa. М., 1994.
- Гроф С.** Области человеческого бессознательного. М., 1994.
- Гроф С.** Холотропное сознание. М., 2002.
- Гумбольдт В.** Избранные труды по языкознанию. М., 1984.
- Гуревич А.Я.** Категории средневековой культуры. М., 1972.
- Давыдов В.В.** Виды обобщения в обучении. М., 1972.
- Дельгадо Х.** Мозг и сознание. М., 1971.
- Касавин И.Т.** Традиции и интерпретации. СПб., 2000.

- Келли Дж.** Теория личности. Психология личностных конструкторов. СПб., 2000.
- Конзе Э.** Буддийская медитация. М., 1993.
- Кучеренко В.В., Петренко В.Ф., Россохин А.В.** Измененные состояния сознания: Психологический анализ // Вопросы психологии. 1998. № 3.
- Леонтьев Д.А.** Непонятый классик. К 100-летию Джорджа Келли // Психологический журнал. 2005. № 6.
- Лосский Н.О.** Учение о перевоплощении. Интуитивизм. М., 1992.
- Лурия А.Р.** Об историческом развитии ознательных процессов. М., 1974.
- Майков В., Козлов В.** Трансперсональная психология. Истоки, история, современное состояние. М., 2004.
- Минделл А.** Сновидения в бодрствовании. М., 2004
- Московичи С.** Машина, творящая богов. М., 1998.
- Назаретян А.П.** Цивилизационные кризисы в контексте Универсальной истории. М., 2001.
- Непейвода Н.Н.** Интуитивизм // Новая философская энциклопедия. М., 2001.
- Нуркова В.В.** Свершенное продолжается: психология автобиографической памяти личности. М., 2000.
- Патнэм Х.** Разум, истина и история. М., 2002.
- Петренко В.Ф.** Введение в экспериментальную психосемантику: исследование форм репрезентации в обыденном сознании. М., 1983.
- Петренко В.Ф.** Основы психосемантики. М., 1997.
- Петренко В.Ф.** Конструктивистская парадигма в психологической науке // Психологический журнал. 2002. № 3.
- Петренко В.Ф.** Что есть истина? Или наш ответ лорду Чемберлену // Психология. Высшая школа экономики. 2005. № 1.
- Петренко В.Ф., Митина О.В.** Психосемантический анализ динамики общественного сознания (на материале политического менталитета). М.: МГУ, 1997.
- Пиаже Ж.** Структуры математические и операторные структуры мышления // Сборник. Преподавание математики. М., 1960.
- Покровский Н.Е.** Глобализационные процессы и возможный сценарий их воздействия на российское общество // Город и село в современной России: перспективы структурного воссоединения. М., 2004.

- Пришвин М. Родники Берендея. М., 1928.
- Роджерс К. Клиентоцентрированный/человекоцентрированный подход в психотерапии // Московский психотерапевтический журнал. 2002. № 1.
- Рубинштейн С.Л. Человек и мир. М., 1997.
- Соколова Е.Т. Психотерапия: Теория и практика. М., 2002.
- Соловьев В.С. Сочинения в двух томах. М., 1989.
- Спивак. Д.Л. Измененные состояния сознания. СПб., 2002.
- Сулейманян А.Г. О «языке дымов» бушменов // Проблемы медиа-психологии–2. М., 2003.
- Тарт Ч. Измененные состояния сознания. М., 2003.
- Тойнби А. Дж. Постижение истории. М., 1991.
- Уайт Дж. Что такое просветление. М., 2004.
- Уилбер К. Интегральная психология. М., 2004.
- Фейерабенд П. Избранные труды по методологии науки. М., 1986.
- Феррер Х. Новый взгляд на трансперсональную психологию. М., 2004.
- Фукуяма Ф. Великий разрыв. М., 2003.
- Хант Г. О природе сознания. М., 2004.
- Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М., 2003.
- Хинтика Я. Логико-эпистемологические исследования. М., 1980.
- Шеток И.Х. Ньянапоника // Медитация. М., 1994.
- Шмелев А.Г. Введение в экспериментальную психосемантику: теоретико-методологические основания и психодиагностические возможности. М., 1983.
- Шмелев А.Г. Психодиагностика личностных черт. СПб., 2002.
- Шкурагов В.А. Историческая психология. Ростов-на-Дону, 1994.
- Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. М., 1998.
- Щюц А. Избранное: Мир, светящийся смыслом. М., 2004.
- Уорф У.Л. Наука и языкознание // Новое в лингвистике. Вып. 1. М., 1960.
- Элен П. Удивление — пафос философской мысли // Разум и экзистенция. СПб., 1999.
- Юнг К. Синхроничность. М.: Киев, 1997.
- Юревич А.В. Системный кризис психологии // Вопросы психологии. 1999. № 2.
- Юревич А.В. Психология и методология // Психологический журнал. 2000. № 5.
- Юревич А.В. Методологический либерализм в психологии // Вопросы психологии. 2001. № 5.
- Andresen J. Meditation Meets Behavioural Medicine: The Story of Experimental Research on Meditation // Cognitive Models and Spiritual Maps. Bowling Green, USA, 2000.
- Kelly G.A. The psychology of personal constructs. N.Y., Norton & Company, 1955.
- Stehr N. Knowledge Societies. L. Sage, 1994.
- Wallace B.A. The Buddhist Tradition of Samatha // The View From Within. Thorverton, 1999.

глава
VI

ПСИХОСЕМАНТИКА
КАК НАПРАВЛЕНИЕ
КОНСТРУКТИВИЗМА
В КОГНИТИВНОЙ
ПСИХОЛОГИИ

Психосемантика как направление конструктивизма в когнитивной психологии

Не вливают также вина молодого в мехи ветхие; а иначе прорываются мехи, и вино вытекает, и мехи пропадают; но вино молодое вливают в новые мехи, и сберегается и то и другое» — описано в трех Евангелиях. Стареют и умирают не только люди, но и философские понятия, несущие в себе мировоззрение прошлых эпох, ветшают и умирают. Причем, как уходят человеческие поколения любивших и враждовавших друг с другом, но приговоренных жить в одно время, так и системы понятий «истинных» и «ложных», «сциентистских» и «антисциентистских», исчерпав свою борьбу и полемику, вокруг проблем которые они должны были разрешить, уступают место новым понятиям, место битвы которых — новые проблемы нового видения. Такие понятия, как объективная действительность или объективная реальность (независимая от субъекта восприятия), истина как наличие единственно правильного мировоззрения, представление о том, что можно изучать нечто, как «то есть на самом деле», независимо от позиции интерпретатора, принадлежащие «корреспондентной теории истины» или «теории отражения» (ее отечественному аналогу), постепенно уступают место таким понятиям, как «жизненное пространство» (зависимое от системы отсчета), «жизненный мир» (подразумевающее наличие «пристрастного», «страдающего» человека, плюрализм или «множественность истины», адекватность и эвристичность модели взамен самого понятия «истины»). Эта система методологических понятий, под разными именами уже активно используемая

в квантовой физике и структурной лингвистике, находит свою реализацию и в гуманитарной науке как парадигма конструктивизма. Идеи конструктивизма, по мнению авторитетного американского философа Тома Рокмора, восходят к Гоббсу, Вико, Канту. С точки зрения Рокмора, Фихте, Гегель, Маркс также развивали различные формы конструктивизма.

Термин «конструктивизм» (constructivism) используется в столь широких областях науки, культуры и искусства, что его можно рассматривать как омоним, за которым стоят совершенно разные словоупотребления. Тем не менее можно полагать, что есть нечто общее на уровне метафорических связей и соответствий в использовании этого термина в философии, психологии, социологии, математике, архитектуре, поэзии и живописи. И это общее — построение субъектом-творцом идеальных, как в математике или философии, или материальных, как в архитектуре, конструкций, исходя из функционально необходимых задач в деятельности. Например, в понимании Ле Корбузье «дома как машины для жилья» — в архитектуре; или конструкта (познавательного эталона) как функционального элемента в построении модели мира, себя, других людей — в психологической теории личностных конструктов Дж. Келли.

В конце 1970-х годов термин «конструктивизм» вошел в употребление для обозначения теоретических и методологических установок в гуманитарных науках, подчеркивающих роль социальных ценностей и познавательных мотивов в построении «картины мира» данной культуры, сети научной коммуникации и деятельности научных коллективов в производстве научных знаний. Как философия познания конструктивизм находится в скептической позиции относительно эпистемологических представлений классической науки.

Согласно методологическому принципу конструктивизма в философии, психологии, социологии (Дж. Келли, Ж. Пиаже, А. Шюц, К. Герген, П. Бергер, Т. Лукман, В.С. Степин, У. Матурана,

Ф. Варела, Р. Ватславик, И. Глазерфельд), знания не содержатся непосредственно в объекте (в «объективной действительности») и не извлекаются из нее в ходе «движения от относительной к абсолютной истине», а строятся (конструируются) познающим субъектом в виде различного рода моделей, которые могут быть как альтернативными, так и взаимно дополнительными. В этом плане конструктивизм стоит на позициях плюрализма или множественности истины и находится в оппозиции «ленинской теории отражения» и родственной ей «корреспондентной» теории истины (см. понятие «истины»: Касавин, 2001).

Иллюстрацией противопоставления позиций конструктивизма и реализма, а также «диалектического материализма» может служить заочный спор двух выдающихся психологов — швейцарского психолога Ж. Пиаже, утверждавшего, что в логике выражается специфика деятельности субъекта и различные культуры могут иметь несовпадающие логики, и отечественного психолога П.Я. Гальперина, утверждавшего в полном соответствии с «ленинской теорией отражения», что логика скрыта в самих объектах познания и их отношениях. Немецкий философ и культуролог О. Шпенглер в фундаментальной работе «Закат Европы» писал о существовании различных логик: о логике Аристотеля, арабской логике, логике индуизма.

Проблему соотношения истины и объективности обсуждает один из основателей синергетики, лауреат Нобелевской премии И. Пригожин, на примере диалога-дискуссии между великим физиком, создателем теории относительности А. Эйнштейном и индийским поэтом и философом Р. Тагором.

«В диалоге с Тагором Эйнштейн отстаивал концепцию реальности, которую наука должна описывать независимо от существования человека. Не будь этого идеала, наука была бы лишена для Эйнштейна всякого интереса. В то же время Эйнштейн сознавал, что доказать „сверхчеловеческую“ объективность научной истины не удастся никогда. Таким образом, эйнштейновская

концепция реальности была основана на некоторой форме религиозной веры, религиозного чувства, исключительную важность которого в своей научной жизни Эйнштейн остро ощущал. С другой стороны, Тагор определяет реальность, к которой стремится истина, будь то истина научная, этическая или философская, как относительную: „Существует реальность бумаги, бесконечно отличная от реальности литературы. Для разума моли, пожирающей бумагу, литература абсолютно не существует, но для разума Человека литература обладает большим истинностным значением, нежели сама бумага. Аналогичным образом, если какая-то истина не имеет чувственного или рационального отношения к человеческому разуму, то она навсегда останется ничем до тех пор, пока мы останемся человеческими существами“. Таким образом, по Тагору, истину надлежало понимать как открытый диалог, идеал которого состоит не в достижении независимой реальности, а в достижении согласия между „универсальным человеческим разумом“ (т. е. совокупностью проблем, интересов и мнений, на которые реагируют или могли бы реагировать человеческие существа) и „индивидуальным“ разумом, выражающим ту или иную конкретную точку зрения» (Пригожин, Стенгерс, 2009, с. 43–44).

В рамках постнеклассической философии (термин и теория В.С. Степина, 2000), разновидностью которой выступает и методология конструктивизма, на продукт познания (концепции, теории, модели) влияют не только особенности объекта познания, но и субъекта познания (с его культурой, ценностно-мотивационной сферой и языком описания), а также специфика инструментов познания, начиная от органов чувств и перцептивных эталонов субъекта и заканчивая наличием сложных технических приспособлений, таких как электронный микроскоп, циклофазотрон или радиотелескоп. Операциональные (инструментальные) средства познания определяют каркас познавательных моделей, где наряду с информацией, идущей от объекта (согласно классической

науке, извлечь можно то, что позволяют органы чувств и инструментальные орудия¹), в свернутой форме присутствует и ценностно-мотивационная составляющая познания (определяющая зону поиска и его ограничений) в конструировании моделей мира. Знания и информация о мире не тождественны. На знание о мире влияют культурно-исторические аспекты бытия познающего субъекта и понимаемый в широком плане язык его описания, зависящий от специфики лексики и грамматики естественного языка, от уровня развития математических формализмов и визуальных средств, включая кино, телевидение, Интернет. Образ, картина мира оказывается производной от ценностно-мотивационной сферы (единичного или коллективного) субъекта познания, степени развития и характера инструментальных средств познания, от модельного языка, в котором создаются образы познаваемого.

Понятие «конструктивизм» не имеет четко очерченных смысловых границ и не представляет собой некую авторскую концепцию. Это мировоззрение, скорее, реакция на наивный реализм и вульгарный материализм. Этот концепт (термин Ж. Делёза) содержит ряд конструктивных идей, в том или ином сочетании встречающихся у целого ряда мыслителей и ученых.

1. Так, идея активности познающего субъекта проходит красной линией от И. Канта и Ф. Гегеля до отечественных вариантов теории деятельности (С.Н. Рубинштейн, А.Н. Леонтьев, Г.П. Щедровицкий) и основывается на идее возможности активного преобразования социального мира у К. Маркса: «Все философы занимались тем, что объясняли мир, а действительная задача состоит в том, чтобы преобразовать его».

Идея опосредующей роли языка в познании восходит к В. Гумбольдту, полагавшему, что «различные языки — не разные обоз-

¹ В рамках философии интуитивизма, медитации и голографических моделей памяти допускается возможность и неопосредствованного познания вне обычных органов чувств.

начения одного и того же предмета, а разные видения его», к идеям Э. Сепира–Б. Уорфа, сформулировавшим гипотезу «лингвистической относительности», полагающую определяющую роль того или иного национального языка в особенностях мышления людей различных культур и в содержании их картины мира. Близка этой позиции и культурно-историческая теория Л.С. Выготского, подчеркивающая эволюцию человеческого познания и его обусловленность культурно-специфичными формами общественного сознания — образованием, наукой, искусством.

В рамках разделения «наук о природе» (естественных наук) и «наук о духе» (гуманитарных наук) в конце XIX века В. Дильтей ввел понятие «социальной реальности», которое затем получило широкое применение в работах А. Шюца, П. Бергера, Т. Лукмана, включавших в это понятие субъективные представления, элементы веры и вымысла. «... социальная реальность содержит в себе элементы веры и убеждения, поскольку так их определяют участники, и которые ускользают от чувственного наблюдения. Для жителей Салема в XVII столетии колдовство не было обманом, а элементом их социальной реальности, и, вследствие этого, оно является предметом изучения общественной науки» (Шюц, 1994, с. 487). Как полагают отечественные историки И.М. Савельева и А.В. Полетаев: «Социальная реальность есть продукт человеческих действий, поэтому к знанию социальной реальности не применим тезис о предсуществовании объекта познания по отношению к познающим субъектам, который лежит в основе религиозного и естественнонаучного знания. С точки зрения феноменологической социологии, любое знание в некотором смысле тождественно самому объекту: объект — это существующие на данный момент коллективные представления о нем» (Савельева, Полетаев, 2003, т. 2, с. 97). Понятие конструируемой «социальной реальности», развиваемое социологами и историками, отрицающее «объективную» социальную действительность, близко понятию «психологической реальнос-

ти» в работах В.П. Зинченко и М.К Мамардашвили (1977), где навязчивым и патологическим процессам, выявляемым бессознательным, предубеждениям и иллюзиям также не отказывается в статусе психической реальности, ибо наличие их в сознании субъекта оказывает влияние на его деятельность и принимаемые им решения.

Идея о том, что социальная реальность в значительной мере определяется тем, что мы думаем о ней, постепенно входит в общественное сознание через журналистику и масс-медиа. «Современная дипломатия, — пишет корреспондент „Новой газеты“, — если она хочет быть эффективной в отстаивании интересов страны должна принять законы телевизионного ньюсмейкерства. Широкие улыбки, остроумные, но незлые реплики, легкие и прямые аргументы — все то, от чего наших политиков почти физически тошнит. Это сильно противоречит нашему глубоко культурному стремлению разделять „на самом деле“ и „на словах“. Однако мир теперь живет словами, и они определяют то, что есть „на самом деле“» (Коровкин, 2008, с. 5).

Конструктивизм как понимание того, что познающий (единичный или коллективный) субъект создает модели мира, которые по принципу кольцевой причинности определяют ту социальную реальность, в которую он погружен, содержит ряд базовых идей, выдвинутых и развитых рядом выдающихся гуманитариев.

2. Идея конструирования моделей в познании содержится в работах швейцарского психолога Ж. Пиаже, использовавшего язык логики и теории множеств для описания психологических когнитивных структур мышления, а также американского психолога Дж. Келли, определившего свою теорию «личностных конструктов» как «конструктивистский альтернативизм», подчеркивая тем самым множественность возможных моделей мира, себя, других людей. Келли рассматривает построение картины мира обычным человеком по аналогии с ученым, создающим гипоте-

зы о мире, проверяющим их адекватность и корректирующим их. Важно подчеркнуть, что конструктивистский подход создает собственный язык (тезаурус) своей методологии. В рамках конструктивизма принято говорить не об истинности или ложности теории (модели), а о ее соответствии (или несоответствии) критериям научности и рационального мышления, научной картине мира, о ее конвергентной валидности в сопоставлении с теоретическими построениями смежных областей знания, о ее прогностической (эвристической) силе, о широте охвата круга феноменов, ею объясняемых, о ее внутренней непротиворечивости, лаконичности и даже красоте. Картина мира выступает не слепком с действительности, а одной из удобных форм ее описания. «Это карта, а не территория», — пишут основатели Нейролингвистического программирования (НЛП) Р. Бэндлер и Д. Гриндер (1995). В рамках методологии конструктивизма понятие самой действительности можно рассматривать как сложную методологическую культурно-историческую конструкцию, где познающий субъект и его познавательные действия, получаемая эмпирическая фактология, ее осознание и теоретическое конструирование реальности, рефлексия субъектом собственного познания и его мотивов, влияние культурных стереотипов и представлений, влияние языка и «социальный заказ» в познании — входят как единый контур в сложную динамическую систему познавательной деятельности, продуктом которой и является так называемая «объективная реальность», или «действительность».

Даже собственное Я, ощущаемое человеком как безусловно достоверная реальность, как та «объективная действительность», с которой начинается день, стоит человеку только проснуться, в методологии конструктивизма рассматривается как сложная конструкция деятельности самосознания, включающая осознаваемые и бессознательные компоненты. Я конструирует не только свой автопортрет (образ Я), но, обладая свободой выбора и совер-

шая поступки, конструирует и самое себя. Нобелевский лауреат Д. Канеман выделяет Я переживающее (чувствующее) и Я интерпретирующее, творящее автобиографическую память как версию рассказа о собственном прошлом. В нарративной психологии и психотерапии (Дж. Брунер, Т.Р. Сарбин, Д. МакАдамс) иная трактовка, иная версия собственного прошлого пациента, инициированная психотерапевтом, смена акцентов в выделении наиболее значимых событий жизненного пути ведут к изменениям и трансформациям личности пациента, психокоррекции его травмирующих и невротических переживаний. Автобиографическая память трактуется в нарративной психологии не как склад воспоминаний прошлого, застывших в своей неизменности, а скорее как динамический механизм, конструирующий версии прошлого, исходя из актуальных задач настоящего и потребностей саморазвития личности.

3. Принцип множественности истины наиболее присущ постмодернизму (Фуко, Ж. Деррида, Р. Барт, Ж.-Ф. Лиотар), но его истоки можно найти в религиозной философии и Востока, и Запада. Так, в буддизме, в частности, дается на эту тему поэтический образ: «То, что является рекой Ганг для человека, будет потоком гноя и нечистот для голодного духа и потоком амброзии для божества». И, как отмечает выдающийся отечественный востоковед Е.А. Торчинов, буддисты школы йогачары не считали возможным утверждать, что за этими субъективными «Гангами» находится некий объективный, «правильный» Ганг» (Торчинов, 2005, с. 53). Релятивизм познания можно найти уже у древних греков — в высказывании Гераклита о том, что нельзя дважды войти в одну реку. В позднем Средневековье Фома Аквинский высказал мысль, что истина для Бога гораздо полнее и объемнее, чем истина для человека. Сопоставление картины мира людей разных культур привело К. Леви-Брюля к заключению об отличии мышления людей примитивных культур от мышления современного человека и к введению понятия «прологическое мыш-

ление». Различие мировосприятия, присущее людям разных эпох и культур, описано в работах О. Шпенглера, представителей французской исторической Школы Анналов (М. Блок, Л. Февр), в работах А.Я.Гуревича. На формирующуюся методологическую парадигму конструктивизма, бесспорно, влияют теория относительности А. Эйнштейна и принцип «дополнительности» Н. Бора, учитывающие позицию наблюдателя (исследователя и интерпретатора) и постулирующие возможность сосуществования и взаимодополнения альтернативных теорий и моделей. Как полагает буддизм, альтернатива Великой Истине тоже великая Истина.

Как показывает А. Вежбицкая (1996), не существует объективных, т. е. безличных, высказываний, и высказывания типа «смеркается» подразумевают наличие некоего субъекта, находящегося в некоторой точке пространства и времени, в восприятии которого осуществляется этот процесс. Позиция наблюдателя, его средства наблюдения, система ценностей и язык описания необходимо участвуют в построении познаваемой реальности. В этом плане можно сформулировать один из ведущих принципов конструктивистской парадигмы, согласно которому ученый не только изучает познаваемую реальность, но и создает, конструирует ее. Радикальный конструктивизм (конструкционизм в терминах Гергена) идет дальше, и, согласно К. Кнорр-Цетиной, ученые замкнуты в пространстве лаборатории и производят там собственную «научную действительность», которая и является единственной научной реальностью.

4. Согласно базовому постулату Дж. Келли, «поведение личности канализируется (структурируется) по тем же руслам тех конструкций, по которым происходит антиципация событий». Близкую мысль выразил С.Л. Рубинштейн в утверждении о «единстве сознания и деятельности». Система значений, категорий человеческого сознания опосредует восприятие и осознание социальной реальности. Введение новых понятий, трансформация кате-

гориальной сети мировосприятия тем самым, согласно принципу Дж. Келли, меняет и само человеческое поведение, что по принципу кольцевой причинности меняет в свою очередь и саму социальную реальность. Кеннет Дж. Герген (Джерген — в иной транскрипции) выразил эту мысль следующим образом: «...с точки зрения конструкциониста, социально-психологическое исследование способно участвовать в сотворении новых форм культурной жизни. Разрабатывая новые теоретические языки, исследовательские практики, формы выражения и методы вмешательства, психология создает благоприятные условия для культурной трансформации» (Джерджен, 2003, с. 43). Действительно, в современных научных обществах научное знание представляет собой не только способ мысленного освоения социальной реальности, но и средство ее практического творения. В этой связи, пишет социолог Н.Е. Покровский, сообщество ученых исполняет не только функцию экспертов, но и «драматургов» самого действия (Покровский, 2004).

История стекает с кончика пера мыслителя, озвучивается политиками и средствами массовой информации, входит в сознание людей и реализуется многомиллионными массами. «В начале было Слово». Сходную мысль о сотворении мира мыслителем я встретил у известного американского экономиста Дж. Кейса. «Идеи экономических и политических мыслителей, и когда они правы, и когда они ошибаются, имеют гораздо большее значение, чем принято думать. В действительности только они и правят миром — безумцы, стоящие у власти, которые слышат голоса с неба, извлекают свои сумасбродные идеи из творчества какого-нибудь академического писака, сочинившего несколько лет назад». (цит. по: Гринберг, 2008, с. 586). Соглашаясь с близкой мне по духу цитатой, я хотел бы тем не менее отметить, что идеи все же «приходят с неба» и принадлежат тем «академическим писакам», о которых несколько пренебрежительно отозвался Кейс, а политики их озвучивают, подчас занимаясь плагиатом.

том, о котором они даже часто и не подозревают. Впрочем, «каждому свое» и перейдем к обсуждению психосемантики как специфической формы конструктивизма внутри когнитивной психологии.

Соглашусь с мнением В.П. Зинченко о том, что «нет ничего нового под луной» (по крайней мере, последние тридцать лет) и новомодные направления в психологической науке представляют собой, скорее, перелицовку старых идей и теорий, помимо новых названий, включающих более современный математический аппарат и более совершенный методический инструментарий. Но это, так сказать, экстенсивный рост, движение в рамках уже сложившихся методологических парадигм. Не то чтобы психологическая наука топчется на месте: бесспорно, она развивается достаточно экстенсивно и налицо множество новых исследований, особенно в области так называемой нейронауки, томографических исследований мозга и поиска психофизических коррелятов между морфофизиологическими структурами мозга и выполнением тех или иных психических функций и процессов. На стыке лингвистики и психологии появилась новая интересная область психологии — нарративная психология (Sarbin, 1995; Josselson, Lieblich, 1993), рассматривающая личность через призму ее рассказа, а через него — рефлексии самое себя и осуществляющая психотерапевтическую трансформацию личности путем изменения, нового прочтения этой летописи собственной жизни (см. также проблемы автобиографической памяти: В.В. Нуркова, 2000, 2004). Мощным стимулом изучения нелинейных динамических процессов в психической жизни и ее нейропсихологических коррелятов могла бы стать синергетическая парадигма. Но ее успехи в области психологии пока весьма скромны, и это, на наш взгляд, объясняется тем, что эта парадигма создавалась на материале естественных наук (физики, химии), где на молекулярном уровне действуют законы больших чисел,

термодинамические процессы и химические процессы организуют структуры из хаоса, включающего миллионы активных элементов. В психологической науке сходные процессы могут наблюдаться применительно к самоорганизации нейронных ансамблей, насчитывающих миллионы образующих элементов, или в социальной психологии больших групп, где социальные процессы, включающие миллионные массы людей, в силу специфики этих процессов (например, панического поведения) могут рассматриваться как однородные (деперсонализированные) элементы. Применительно же к классу экзистенциальных задач психологии личности (связанных, например, со свободой воли, принятием решения или решением творческих задач) адекватность синергетического подхода не столь очевидна.

Одной из сравнительно новых областей когнитивной психологии сознания и личности является экспериментальная психосемантика (Петренко, 1997, 2005; Шмелев, 2002).

Междисциплинарный подход к исследованию сознания и личности: экспериментальная психосемантика

Экспериментальная психосемантика, использующая методологию построения субъективных семантических пространств как операциональных моделей категориальных структур индивидуального и общественного сознания, является областью пересечения интересов психологической науки, языкознания и семиотики, что следует из самого названия подхода и особенностей его методологии. К проблемам реконструкции картины мира индивидуального или коллективного субъекта причастны социология, экономика и право (ведь любые социально-экономические формации не могут функционировать без особых социальных репрезентаций, принятых в обществе, — термин

Московичи); история, связанная с необходимостью реконструкции менталитета людей прошедших эпох (в духе Школы Анна-лов или работ А.П. Гуревича); культурология, эмпирическая эстетика и теория массовых коммуникаций как науки, широко использующие структурные методы анализа и связанные с оценкой эффективности коммуникативного воздействия.

В задачу психосемантики входит реконструкция индивидуальной системы значений, через призму которой происходит восприятие субъектом мира, других людей, самого себя, а также изучение ее генезиса, строения и функционирования. Психосемантика, реализуя базовую пространственную метафору, позволяет применять различные методы семантического анализа и дает формы представления (репрезентации) семантических связей; позволяет определять сходство/различие лексических единиц и фрагментов текста, касающихся описания различных форм психической жизни и деятельности, т. е. раскрывать парадигматические отношения анализируемых объектов (значений) через их метрические расстояния в семантических пространствах.

Психосемантика исследует различные формы существования значений в индивидуальном сознании — образы, символы, коммуникативные и ритуальные действия, а также словесные понятия.

Экспериментальная парадигма психосемантики в основе своей заимствована из работ по построению семантических пространств Ч. Осгуда (так называемый метод семантического дифференциала) и теории личностных конструкторов Дж. Келли (метод репертуарных решеток — см.: Kelly, 1955; Дж. Келли, 2000; Франселла, Баннистер, 1987) и включает в себя использование аппарата многомерной статистики для выделения категориальных структур сознания субъекта. Отечественная психосемантика базируется на методологических позициях школы Выготского–Леонтьева–Лурии и близкой ей школы Рубинштейна. Как пишет хорошо известный в России американский психолог Майкл

Коул: «Петренко заимствует американский технологический инструментарий для решения традиционных российских проблем психологии, идущих от Л.С. Выготского» (Cole, 1983).

Психосемантика, являясь областью психологии, имеет тем не менее ярко выраженный междисциплинарный аспект, переключаясь с философией и культурологией (см. работы В.С. Степина о категориальной структуре сознания, А.Я. Гуревича о категориях средневековой культуры), языкознанием (модель Смысл–Текст И.А. Мельчука, лексическая семантика Ю.Д. Апресяна, представления Ю.Н. Караулова о «языковой личности», Ю.С. Степанова о «трехмерном пространстве языка»), социологией (работы С. Московичи о социальных представлениях, П. Бурдые о социальном пространстве), информатикой (работы Д.А. Поспелова о формах репрезентации знаний).

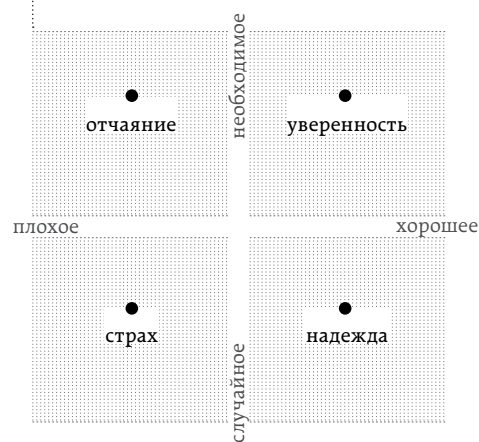
В гносеологическом плане психосемантика стоит на позициях конструктивизма, трактующего психическое отражение как моделирование, включающее в образ мира аксиологические, ценностные компоненты (пристрастность позиции наблюдателя и в силу этого «плюрализм истинности»); полагающего множественность возможных моделей мира («принцип дополнительности Бора» применительно, например, к этническим картинам мира или картинам мира «политических партий»); принимающего ценность разнообразия и, как следствие этого, полагающего многоальтернативность путей развития как для отдельного индивида, так и применительно к некоей социальной или этнической общности, государству или цивилизации. Отсюда вытекает интерес психосемантики к теории динамических систем и синергетике.

Основным методом и одновременно модельной формой репрезентации содержания сознания субъекта в экспериментальной психосемантике является построение субъективных семантических пространств. Субъективные семантические пространства, образованные объединением (с помощью мето-

дов многомерной статистики) неких характеристик исходного языка описания (дескрипторов — в терминах лингвистики или конструкторов — в терминах языка психологии) в более емкие категории-факторы, позволяют разложить любое значение (понятие, содержание образа, символа, выразительного движения, жеста и т. п.) на некий набор базисных смысловых единиц (сем, семантических множителей, «атомов смысла» и т. п.), осуществить семантический анализ.

Программа описания любого содержания через ограниченный набор смысловых элементов была выдвинута еще в XVII веке в трудах Декарта, Паскаля, Арно, Лейбница, Локка. Алфавит человеческих мыслей «есть каталог тех понятий, которые мысленно представимы сами по себе и посредством комбинаций которых возникают основные наши идеи» (Вежбицкая, 1996, с. 229). В качестве примера, характеризующего это направление, можно привести попытку Спинозы описать область человеческих эмоций с помощью ограниченного числа категорий и фактически построившего тем самым первое семантическое пространство (см. рис. 1). Анализируя содержание значений слов, обозначаю-

рис. 1 СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО ЭМОЦИОНАЛЬНЫХ СОСТОЯНИЙ (ПО Б. СПИНОЗЕ)

щих эмоциональные состояния, — «надежда», «страх», «уверенность», «отчаяние», он использует для их описания сочетание двух категорий: оценочной (хорошие ↔ плохие вещи) и той, которую мы сейчас назвали бы вероятностью события (случайные ↔ необходимые вещи). Это позволило ему дать следующую трактовку рассматриваемых эмоциональных состояний: «Если мы знаем о будущем вещи, что она хороша и что может случиться, то вследствие этого душа принимает форму, которую мы называем надеждой. С другой стороны, если полагаем, что могущая наступить вещь дурна, то возникает форма души, которую мы называем страхом. Если же мы считаем, что вещь хороша и наступит с необходимостью, то в душе наступает покой, называемый нами уверенностью. Когда мы считаем, что вещь дурна и наступит с необходимостью, то в душе возникает отчаяние» (Спиноза, 1957, с. 128).

В конце 1950-х годов появилась методика семантического дифференциала Ч. Осгуда как одна из наиболее ранних и простых техник построения семантического пространства. Возникла она как побочный продукт в ходе исследования психологических механизмов синестезии как кроссмодального перекодирования переживаний из одной чувственной формы в другую. Отражением синестетических связей являются, в частности, цветомузыка Скрябина, музыкально-художественные сюиты Чюрлениса. По мнению А.Р. Лурии, нейропсихологические механизмы синестезии обусловлены коллатеральными нейронными связями проекционных зон мозга, и отражение этих связей в языке мы можем найти в таких выражениях, как «бархатный голос», «скука зеленая», «кислая физиономия». Механизмы синестезии осуществляют обобщение и категоризацию, так сказать, на уровне организма. Мозг как бы стремится по восприятию одной модальности реконструировать целостный интермодальный образ мира.

Метод семантического дифференциала построен на основе шкалирования разного рода понятий и зрительных, слуховых,

тактильных стимулов с помощью шкал-антонимов естественного языка. Например, испытуемому предъявлялись понятия «ураган», «хлеб» «мать», имена собственные, например «президент Стивенсон», цветные карточки, например красного или синего цвета, поверхности различной текстуры, например гладкие или шероховатые, звук горна, падающего в воду камешка или скрежет по стеклу и т. п. и просили оценить по антонимичным шкалам типа: хороший — плохой, большой — маленький, быстрый — медленный, активный — пассивный, долговременный — краткий и т. п., насколько каждый объект соответствует левому или правому полюсу биполярной шкалы. Шкалы использовались градуальные (семибалльные), и испытуемый мог поставить цифры 3, 2, 1, 0, -1, -2, -3 в зависимости от того, к какому полюсу шкалы (левому или правому) и в какой степени у объекта выражено оцениваемое качество. Полученные таким образом матрицы данных суммировались по испытуемым, и уже групповая матрица данных подвергалась процедуре факторного анализа, позволяющего сгруппировать исходные шкалы — дескрипторы в более емкие категории — факторы. Используя для оценки объекты самого разного рода и большое количество шкал — антонимов английского языка, Ч. Осгуд выделил три базисных фактора, названных им факторами «Оценки», «Силы» и «Активности». По содержанию эти факторы очень близки базисным категориям «трехкомпонентной теории эмоций» Вундта, полагавшего, что все богатство эмоциональной жизни можно описать на языке трех базисных категорий. Действительно, что общего между понятиями «мать», «стул», «президент «Стивенсон»? Только сходство или несходство эмоционального тона, вызываемого этими объектами (фактор Оценки), силой переживания (фактор Силы) и его длительностью (фактор Активности). Представим себе примитивный организм, передвигающийся по земле и наткнувшийся на преграду. На языке своих простейших чувств он способен только «ощутить» боль или приятное переживание (пищу), кото-

рые приносит ему соприкосновение с этим препятствием; насколько активна или пассивна эта преграда (движется ли она или неподвижна) и насколько интенсивно переживаемое от этого контакта ощущение. То есть, по-видимому, действительно простейшей формой отражения является переживание, которое может быть выражено тремя категориями. В дальнейшем построение семантических пространств на материале различных национальных языков показало инвариантность и присутствие во всех языках этих трех категорий, правда, добавило к ним еще два измерения, суммарно именуемых как «большая пятерка». (Голдберг, Шмелев, 1993).

Однако при оценке объектов узкого семантического класса размерность пространства (число независимых категорий-факторов) оказалась производным от знания субъектом этой области. Например, при построении Ч. Осгудом пространства восприятия абстрактной живописи художниками было выделено порядка 6–7 независимых факторов, в то время как оценочные суждения (дескрипторы) непрофессионалов высоко коррелировали друг с другом и сводились всего к одному оценочному измерению — фактору (нравится — не нравится). То есть, семантическое пространство не интересующихся живописью людей (как говорят американцы, «людей с улицы») сводилось к одному фактору, было одномерным. В то время как при оценке так называемых «экзистенциальных понятий»: «я — сам», «мое сокровенное Я», «мой отец», «мой друг», «мой враг» и т. д. — по оценкам тех же респондентов были построены 7–9-мерные пространства. То есть, для различной содержательной области, например, семантического пространства политических партий (Петренко, Митина, 1997; Petrenko, Mitina, 1997, 1999); семантического пространства этнических стереотипов (Петренко, 1988; Петренко, Митина, 1997); семантического пространства русских фразеологизмов (Петренко, 2005), семантического пространства грузинских фразеологизмов (Петренко, Сурманидзе, 1994), семантиче-

ского пространства профессиональных стереотипов (Петренко, 2005) и т. п. размерность пространства (число независимых факторов) определяется знанием субъекта (субъектов) этой области. Поэтому наряду с универсальными (трехфакторными или пятифакторными) семантическими дифференциалами, построенными для самых разных понятийных классов, я использую понятие «частных семантических дифференциалов», построенных для конкретных содержательных областей. Применительно к этим частным семантическим пространствам, при факторизации индивидуальных протоколов, можно говорить о когнитивной сложности сознания испытуемых относительно конкретной содержательной области. В одной из разработанных нами психосемантических методик — «Сказочном семантическом дифференциале» — на основе шкалирования детьми сказочных персонажей определяется когнитивная сложность этих детей в сфере межличностного восприятия. И этот параметр оказался зависимым не только и не столько от возраста ребенка, сколько определялся его индивидуальными особенностями.

Другой основой психосемантики явилась теория личностных конструктов Дж. Келли (Theory of personal construct). Если Ч. Осгуда интересовали общепсихологические закономерности категоризации, то область интересов Дж. Келли связана с индивидуальными различиями в категоризации себя и других и в изучении динамики этих процессов. Профессиональный психолог Дж. Келли занимался практикой рациональной психотерапии. В отличие от психоанализа, ориентированного на работу с бессознательным, рациональная психотерапия обращается, скорее, к сознанию пациента (скорее, даже клиента), в роли которых у Дж. Келли выступали «высоколобые» — студенты и профессура американских университетов. Келли рассматривал любого человека как своеобразного житейского ученого, формирующего гипотезы о мире, о себе и других людях, и полагал, что эти гипотезы могут трансформироваться в ходе психотерапии. Собственно

и метод «репертуарных решеток» как метод построения семантических пространств был разработан Дж. Келли как средство фиксации того, что же меняется в картине мира пациента в ходе психотерапии. Личностные конструкты у Келли являются тем строительным материалом, на основе которого создаются эти гипотезы о мире. Дж. Келли, как и Ч. Осгуд, исходил из представлений о принципиальной бинарности языка, разделяемых большинством лингвистов и рядом физиологов, связывающих бинарность с двухполушарностью мозга. Дж. Келли полагал невозможность мыслить, например, категорию «добра» без образа «зла», понятия «большой величины» без «малой» и т. п.²

² В наших исследованиях при построении семантических пространств в качестве шкал-дескрипторов мы используем, как правило, не биполярные, а униполярные шкалы-конструкты (фрагменты литературных текстов, политические высказывания и манифесты, описание поступков персонажей). Я исхожу из того, что физический мир, хотя для его описания используются биполярные характеристики типа: далекий — близкий, тяжелый — легкий, большой — маленький, описывается униполярными характеристиками от нуля до бесконечности. «Легкий» — это не противоположная гравитации характеристика, а малая степень тяжести. «Близкий» — малая степень удаленности, а температурная шкала Кельвина построена от абсолютного нуля до запредельно высоких величин и т. п. Для описания же людей мы и используем биполярные характеристики типа: умный — глупый, смелый — трусливый, добрый — злой. Однако эти характеристики служат, скорее, для оценки, для передачи своего мнения другим людям. Воспринимаем же и осознаем других и себя мы целостным и нерасчлененным образом. Например, в этом человеке — что-то от Грушницкого, а в этом — от Печорина, в этом — от Леши Карамазова, а этот — вылитый Иудушка Головлев. Поэтому и образы «смелого» или «трусливого» человека мы домысливаем, представляя конкретные человеческие персонажи. И генезис, формирование каждого из антонимических образов, имеет свою историю, свою логику происхождения, свою культурно-историческую обусловленность. То, что в одной культуре или в сознании конкретного человека антонимично одному образу, в другой культуре или в другом сознании может быть антонимично совсем другому. Поэтому оценка некоего объекта по

Однако в отличие от Ч. Осгуда, использовавшего в качестве шкал прилагательные — антонимы английского языка, Дж. Келли ввел понятие личностного конструкта как субъективную антонимию и предложил процедуру выделения таких антонимов — так называемый «метод триадического выбора». Испытуемым предъявлялись тройки персонажей (в терминах Келли — ролевые позиции), например, «я», «мой отец», «мой друг». Испытуемому требовалось сформулировать некое качество, объединяющее двух персонажей, и качество (субъективно антонимическое), по которому третий персонаж противостоит первым двум. Например, «я» и «мой друг» — имеем либеральное мировоззрение, а «мой отец» — сторонник коммунистической идеологии. Но выделенный в качестве примера конструкт не является классическим антонимом, и по словарю антонимов русского языка «либеральный» антонимичен «консервативному». Но либеральное мировоззрение может быть противопоставлено и социал-демократическому, и национал-патриотическому, и христианско-демократическому. Для кого-то понятие «интеллигент» противопоставлено «необразованному», для кого-то — понятию «хама», а для кого-то это ассоциируется с прилагательным «паршивый» и противопоставлено образу «крутого братана». В работах Дж. Келли ролевые позиции оценивались (шкалировались) по выделенным конструктам, и на основе матрицы данных (репертуарных решеток — в терминах Келли) с помощью факторного анализа (и его модификаций) строилось семантическое пространство, аналогичное осгу-

биполярной личностной шкале может иметь двугорбое распределение. Некто соответствует (в какой-то степени) одному образу и одновременно (в какой-то степени) — антонимичному. Только 60 процентов личностных конструктов принадлежат к классическим языковым антонимам.

Поэтому практика применения в наших работах униполярных шкал-дескрипторов дает дополнительную степень свободы исследования, позволяя выявлять субъективную антонимию/синонимию шкал на основе процедуры их группировки-факторизации.

довскому. Достоинством процедуры Келли являлось то, что испытуемые сами порождали шкалы (антонимы) или личностные конструкты (в терминах Келли), а не шкалы навязывались испытуемым, как в методике Осгуда. Однако процедура порождения личностных конструктов требует известного интеллектуального напряжения (и плохо реализуема для маленьких детей, малообразованных респондентов или интеллектуально сниженных пациентов), а различие в наборе шкал-дескрипторов (конструктов) как исходного общего базиса у Осгуда затрудняет сопоставление индивидуальных семантических пространств для различных испытуемых (пациентов).

Представление о взаимосвязи естественного языка и сознания в психосемантике

Проиллюстрируем роль языка в осознании мира на примере наших экспериментов с постгипнотической инструкцией. Если испытуемому, находящемуся в глубоком гипнозе, дается запрет видеть какой-либо предмет, то, выходя из этого состояния, он тем не менее не воспринимает не только «запрещенный» предмет, но и «не видит» семантически связанные с ним. Например, на запрещение видеть сигареты при просьбе перечислить ряд предметов, находящихся перед ним, он не воспринимает также пепельницу, спички или окурки или же, указав на семантически связанный предмет, забывает его предметную функцию. Так, один из испытуемых, находившийся под влиянием постгипнотической инструкции, смог увидеть зажигалку, но, называя ее «цилиндриком», забыл ее предназначение. При этом, если запрещенный объект или семантически связанные объекты достаточно громоздки и закрывают при перечислении поле других, испытуемый не «протыкает» пальцем «невидимый» объект, а отклоняет свой указующий перст. Последующий ассоциативный

эксперимент, проведенный с испытуемыми, показал, что из их памяти выпадают слова, обозначающие запретное и гипнотической инструкцией как бы «вырезается» определенный лексический пласт языкового сознания. Испытуемый видит объект, но не осознает его. Эти эксперименты являются наглядной иллюстрацией идей И.П. Павлова о первой и второй сигнальной системах и позволяют рассматривать сознание как своеобразное вторичное восприятие мира в знаковой форме. При этом заостренная «гипотезой лингвистической относительности» Сэпира–Уорфа роль языка как формы упорядочивания перцептивного опыта обретает новый ракурс рассмотрения, а положение А.Р. Лурии об «удвоении мира в языке», объясняющее возможность выхода сознания субъекта за рамки наличной ситуации, находит косвенное подтверждение.

Согласно фундаментальному принципу теории личностных конструктов Дж. Келли, «поведение личности канализируется (структурируется) по тем же руслам, по которым происходит антиципация событий». Это положение конструктивистской психологии является, на наш взгляд, своеобразной перифразой принципа «единства сознания и деятельности» А.Н. Леонтьева и С.Л. Рубинштейна в отечественной психологии. Являясь средством осознания, такие формы обобщения, как стереотипы, житейские понятия и представления, сами как таковые могут не осознаваться субъектом.

Приватная и общественная жизнь человека дает множество примеров использования малорефлексируемого знания. Каждый человек строит свои отношения с другими людьми, выступая «житейским психологом», планирует свой бюджет, выступая «стихийным экономистом», имея политические пристрастия, как-то упорядочивает свои представления о власти, государстве, партиях. Этические ценности, представления о «добре» и «зле», «чести» и «долге» также имеют когнитивную представленность. Для обозначения этого донаучного знания, которым располага-

ет каждый человек, Дж. Брунер и Р. Тагиури ввели понятие «имплицитной теории» (модели) субъекта относительно той или иной содержательной области.

Невозможность прямого доступа к этим знаниям, ограниченность интроспекции диктуют необходимость косвенных методов анализа их проявления, методов «деятельностного опосредования». Специфика психосемантического подхода заключается в том, что анализ категориальной структуры сознания, реконструкция системы значений, опосредующих осознание мира субъектом, исследуются в «режиме употребления». Субъект что-либо классифицирует, оценивает, шкалирует, выносит суждения о сходстве и различии объектов и т. п.

Последующее применение многомерной статистики (факторного, кластерного анализа, многомерного шкалирования, латентного и детерминационного анализа) позволяет выявить структуры, лежащие в основе полученной матрицы данных. Интерпретация выделенных структур осуществляется через поиск смыслового инварианта пунктов, входящих в фактор или кластер, а также через анализ содержания объектов, наиболее полярных по выделенным факторам. Для формулировки гипотезы о содержании факторов привлекаются компетентные эксперты (метод независимых судей), для облегчения интерпретации вводятся в исходный набор эталонные объекты и т. д.

При геометрическом представлении семантического пространства категории-факторы выступают координатными осями такого n -мерного семантического пространства, где мерность пространства определяется числом независимых, некоррелирующих факторов, а значения анализируемой содержательной области задаются как координатные точки (или вектора) внутри этого пространства.

Математически построение семантического пространства является переходом от базиса большой размерности (признаков, заданных шкалами, дескрипторами) к базису меньшей размер-

ности (категориям-факторам). Семантически категории-факторы являются неким метаязыком описания значений, поэтому семантические пространства позволяют разложить значения на фиксированный алфавит категорий-факторов, т. е. проводить семантический анализ этих значений, выносить суждения об их сходстве и различии, вычислять семантические расстояния между значениями путем вычисления расстояния между соответствующими координатными точками внутри n-мерного пространства.

Психосемантика реализует принцип операциональной аналогии между параметрами семантического пространства и категориальной структурой сознания.

Так, размерность пространства (число независимых категорий-факторов) соответствует когнитивной сложности сознания субъекта в некоей содержательной области. Обучение, развитие личности ведет к увеличению размерности сознания, появлению новых содержательных факторов. В частности, эффект коммуникативного воздействия, наряду с изменением личностного смысла субъекта по поводу объектов (и соответственно их координат в семантическом пространстве), в своем «сильном выражении» может вести и к появлению новых измерений в осознании субъектом мира и себя. С другой стороны, как показали наши исследования, наличие аффекта ведет к уменьшению размерности семантического пространства и переходу к более примитивным формам категоризации.

Когнитивная сложность отражает дифференцированность, развитость сознания. Тем не менее сознание гетерогенно, и субъект может иметь высокую когнитивную сложность в одной содержательной области и низкую — в другой. Например, субъект или группа субъектов могут иметь высокую когнитивную сложность при дифференциации футбольных команд и низкую — при различении политических партий, высокую сложность сознания в сфере межличностного восприятия и низкую, скажем, при определении стилей живописи.

Важным качественным показателем организации семантического пространства является само содержание выделенных факторов, которое может быть в рамках одной содержательной области различным для разных испытуемых. Семантическое пространство, построенное на базе оценок объектов конкретной содержательной области, оказывается производным от знания субъектом данной содержательной области, от его «имплицитной теории» данной области. Значения являются одновременно операторами классификации. И проявиться в психосемантическом эксперименте, и отобразиться затем в виде факторов-координат семантического пространства могут только те основания классификации, которые присущи самому субъекту. Например, в семантическом пространстве дифференциации видов животных вряд ли проявится фактор «съедобности — несъедобности» для вегетарианца или фактор «политические убеждения» в дифференциации людей у маленького ребенка.

Другим показателем когнитивной организации индивидуального сознания является так называемая «перцептуальная» (различительная) сила признака. Субъективно более значимые основания категоризации дают и больший вклад в общую вариативность оценок объектов (вклад в общую дисперсию), и соответствующие им факторы — координатные оси семантического пространства более сильно поляризуют анализируемые объекты. Пространство, как «резиновое», растягивается по оси субъективно значимого фактора.

Построение семантических пространств реализует две задачи: координатные оси, образующие «скелет» семантического пространства, выступают операциональным аналогом категориальной структуры индивидуального сознания в рамках некоей содержательной области; размещение же в семантическом пространстве анализируемых значений позволяет реконструировать семантический состав значений как единиц индивидуального сознания.

В случае семантических пространств малой размерности, когда доминирует объединение признаков описания в факторы не по денотативным, а по коннотативным основаниям, размещение значений в таком пространстве отражает их коннотативные значения, в которых отражение и отношение слиты, т. е. значения, личностный смысл и их чувственная ткань находятся в нерасчлененном единстве. Такие пространства характеризуют личностные смыслы индивида и применяются при исследовании социальных установок, стереотипов и т. д.

Психосемантический подход к исследованию личности реализует парадигму «субъектного» подхода к пониманию другого. Содержательная интерпретация выделяемых структур (факторов) необходимо требует увидеть мир «глазами испытуемого», почувствовать его способы осмысления мира. Реконструируемая в рамках субъективного семантического пространства индивидуальная система значений выступает своеобразной ориентировочной основой такого эмпатийного процесса, дает ему смысловые опоры. Психосемантический подход позволяет наметить новые принципы типологии личности, где личность испытуемого рассматривается не как набор объектных характеристик в пространстве диагностических показателей, а как носитель определенной картины мира, как некий микрокосм индивидуальных значений и смыслов.

Психосемантические методы реконструируют имплицитные картины, модели мира, присущие субъекту, которые он может сам и не осознавать, но которые актуализируются в «режиме употребления». В лингвистике есть понятия «*language competence*» и «*language performance*» — «знание языка» и «владение языком». Маленький ребенок может прекрасно говорить на родном языке, не осознавая его структуры (грамматики, синтаксиса). Но ведь если он порождает правильные грамматические конструкции, значит, он владеет некими правилами порождения, но они не осознаются. Аналогично взрослый человек, покупая (или не

покупая) товары, голосуя за того или иного кандидата, оценивая свои и чужие поступки, выступает стихийным, житейским «экономистом», «политологом», «этиком», «правоведом». Его имплицитные модели этих содержательных областей опосредствуют вынесение частных суждений. Организуя последние в матрицы данных и подвергая статистическим процедурам, исследователь «вытаскивает на свет» их имплицитную структуру. Семантические пространства являются мощным многомерным инструментом анализа картины мира человека.

Важно подчеркнуть, что если классическая психометрика рассматривает человека как точку в пространстве диагностических показателей, то в экспериментальной психосемантике сам субъект выступает носителем смыслового, семантического пространства. В психосемантике человеку ставится в соответствие пространство смыслов, некий микрокосм, образованный облаком их позиций, и, прочитывая эту «нотную» запись личностных смыслов другого человека, исследователь дешифрует, реконструирует сознание респондента.

В классической психометрике субъект отвечает на множество вопросов, которые уже сгруппированы в некие категории на основе шкалирования большой выборки других людей. Его данные как бы засовывают в «прокрустово ложе» общегрупповых структур, получая его профиль личности, гистограмму — что математически аналогично фиксации точки в многомерном пространстве диагностических показателей — на основе группировки пунктов опросника по статистическим корреляциям, полученным на всей выборке. Но система конструктов, опосредствующих мировосприятия данного человека, может разительно отличаться от неких общегрупповых норм, и, объединяя ответы испытуемого в структуры, выделенные на основе общегрупповой матрицы данных, мы совершаем насилие.

При этом процедура насилия осуществляется дважды. Что можно сказать о человеке на основе сырых баллов по тесту Кет-

телла? Восемь баллов по шизотимии. Что это, много или мало? И человека опять сопоставляют со всей группой, всей выборкой, переводя сырые баллы в так называемые стены (от английского «standard ten» — «стандартная десятка») и тем самым находя его место среди других испытуемых в нормальном гауссовом распределении испытуемых по некоему качеству.

Процедура «втискивания» индивидуальных данных в «прокрустово ложе» неких статистических норм, таким образом, задействована дважды: структурно и количественно.

В отличие от классической психометрии, исследования в экспериментальной психосемантике являются более трудоемкими, но каждый субъект выступает носителем некоего уникального семантического пространства, где каждая координатная точка отражает отношение субъекта к какому-то единичному объекту, его личностные смыслы. И все это звездное небо выступает средством эмпатии сознанию другого человека. Вся эта картинка есть не что иное, как система ориентиров, реперных точек для процесса эмпатии, встраивания в сознание другого человека.

Семантические пространства выступают средством самосознания человека и общества, рефлексии ими собственных проблем. Если же исходить из широкого спектра реальных психологических задач, то большая часть их заключается в помощи осознания собственных проблем, расширении сознания пациента и, как следствие, расширении спектра возможностей. Это фактически конструирование треков возможных форм реализации, помощь людям в движении личностного становления или становления группы, коллектива, социума. Картина мира субъекта, таким образом, раскрывается через становление самого субъекта, в широком контексте его смыслообразования «еще не ставшего бытия», в контексте малоизученной категории «судьбы», а может, и в ее преодолении. Ибо эволюционируют не только наши знания о человеке, но и он сам в ходе осознания самого себя.

В нашем изучении личности в рамках психосемантического подхода широко используется прием описания человека через оценку его поведения в предлагаемых обстоятельствах и построения семантических пространств поступков человека. Размещение в семантическом пространстве поступков, образов значимых других, самого себя, своего альтер-эго, образов современников, исторических или литературных персонажей позволяет встроиться в мировосприятие данного человека, понять его систему ценностей, установок, личностных смыслов. Предложенный нами метод атрибуции (приписывания мотивов поступкам с позиции того или иного персонажа) оказался перспективным и в области психологии восприятия искусства. Специфика психосемантического подхода в этой области заключается в том, что исследователь обращается к произведению искусства через посредника — реципиента, ставит задачу увидеть, услышать, понять и пережить произведение с позиции зрителя, читателя, слушателя, описать произведение в его превращенной форме — форме события, опыта духовной жизни другого человека. Реконструкция субъективного инобытия произведения искусства осуществляется через построение субъективных семантических пространств, где в качестве дескрипторов (шкал описания) используются фрагменты поведения, поступков персонажей, взятые непосредственно из сюжета произведения, а испытуемые оценивают вероятность того, насколько тот или иной мотив выступает причиной поступка того или иного персонажа. Исследования показывают, что, чем больше приятие, идентификация зрителя с персонажем, тем более многомерным и сложным оказывается приписываемая персонажу мотивационная палитра поведения, тем более субъектным, а не объектным оказывается восприятие персонажа зрителем (см.: Петренко, Сапсолова, 2005).

Проблематика визуального мышления, разработка проективных личностных методик, исследование бессознательного, которое «разговаривает» на языке образов, символов, метафор,

требует исследования семантики образа, построения невербальных семантических пространств. Дж. Брунер выделяет три формы семантической репрезентации: через образ, действие (в том числе и поведение) и через знаковую, т. е. вербальную, форму.

В наших исследованиях ставится задача изучения различных форм существования значения непосредственно в образной форме. Так, на материале рисунков Чюрлениса, символов, рунических знаков был построен ряд невербальных семантических пространств, координаты которых, выделенные с помощью факторного анализа, отражали устойчивую систему отношений, т. е. некоторую парадигматику «языка образов». Была показана идентичность структуры образной репрезентации у разных испытуемых, единство и вербальной, и образной семантики на уровне глубинных структур. Эти результаты вплотную приводят к проблеме генетических корней вербального сознания. Демонстрация устойчивости системы отношений в рамках образного материала доказывает возможность существования невербальных значений, заданных непосредственно в образном плане, а применение разработанной экспериментальной парадигмы, минующей средства вербального опосредования (субъективное шкалирование, техника «параллельной полярности», методы сортировки), открывает возможности исследования категориальной структуры индивидуального сознания при восприятии живописи, портретов, человеческого лица.

Подводя итог этому обзору, отметим, что развитие психосемантического подхода в наших работах осуществляется в ряде направлений. Так, исследования влияния эмоций на процесс категоризации, на организацию семантического пространства необходимо требуют использования неевклидовой метрики для построения пространства. Аффекты, эмоциональные комплексы как мощные гравитационные массы изменяют кривизну пространства, возникают разрывы, инкапсуляции содержания, и требуется использование топологических моделей, что пере-

кликается с идеями К. Левина о построении топологической психологии.

Описание динамики психических процессов, в свою очередь, требует разработки динамических моделей психосемантики, построения функций — операторов отображения одних семантических пространств в другие, в предположении их генетической связи. В частности, проведенное нами исследование изменения личностных и социальных установок в ходе гипнотерапии продемонстрировало наличие аффинных преобразований, позволяющих предсказывать изменения системы смыслов субъекта по результатам изменения его отдельных установок. И в настоящее время нами ведутся работы в этом направлении на материале измененных состояний сознания и динамики политического менталитета российского общества.

Философско-методологические аспекты психосемантики

1. Методологической основой психосемантики является деятельностный подход (Л.С. Выготский, С.Л. Рубинштейн, А.Н. Леонтьев, А.Р. Лурия — в психологии; Г.С. Батищев, В.А. Лекторский, Г.П. Щедровицкий, Э.Г. Юдин — в философии) и семиотическая, культурно-историческая трактовка сознания, где образующими («субстратом») сознания выступает система значений, данных в единстве с чувственной тканью и личностным смыслом (А.Н. Леонтьев). Согласно А.А. Леонтьеву и М. К. Мамардашвили, значения выступают свернутой, превращенной формой деятельности, поэтому в рамках психосемантики значения раскрываются не с помощью «лингвистической интроспекции», как в модели «Смысл–Текст» И.А. Мельчука и работах по лексической семантике Ю.Д. Апресяна, а в режиме искусственной деятельности, когда испытуемый оценивает, категоризирует или сор-

тирует объекты (чаще всего лексику, но, возможно, и образы, символы, фрагменты символических действий) некоей содержательной области.

2. Психосемантика реализует субъектный подход, акцентирующий пристрастную активность субъекта познания и деятельности. Психосемантика изучает сознание человека как пристрастного наблюдателя (А.Н. Леонтьев). Согласно современной структурной лингвистике (А. Вежбицкая), не существует безличных (бессубъектных) предложений, и высказывания типа «смеркалось» имплицитно содержат и наблюдателя, и место, и время его наблюдения. То есть, полноценным значением обладают предложения, содержащие глубинную синтаксическую структуру, описывающую деятельность субъекта в мире (Ч. Филмор, Ю.Д. Апресян). В картину мира имплицитно включены пристрастная позиция наблюдателя, его язык, его культура, его коллективная и индивидуальная система ценностей. Язык психосемантики не описывает «объективную действительность, существующую независимо от познающего субъекта», а опосредует построение мира человеческого бытия. Вместо бессубъектной «объективной действительности» объектом психологического рассмотрения и осознания у С.Л. Рубинштейна оказывается «мир существования как мир человеческого страдания...» (Рубинштейн, 1997, с. 19).

3. Психосемантика реализует принцип конструктивизма, согласно которому психологическая наука не столько описывает некую реальность, сколько создает ее, конструируя возможные миры, в которые вписывает и образ (реконструкцию) самого человека. Как полагал В. Гумбольдт, «различные языки — это не различные обозначения одного и того же предмета, а разные видения его». Создавая категории и понятия психологической науки, которые, входя в культуру, опосредуют затем индивидуальное и общественное сознание, психолог (философ) тем самым по принципу кольцевой причинности создает и эту реальность (Петренко, 2002).

Как полагает один из лидеров социального конструкционизма Кеннет Дж. Джерджен: «С точки зрения конструкциониста, социально-психологическое исследование способно участвовать в сотворении новых форм культурной жизни. Разрабатывая новые теоретические языки, исследовательские практики, формы выражения и методы вмешательства, психология создает благоприятные условия для культурной трансформации» (Джерджен, 2003, с. 43).

Действительно, в современных обществах научное знание представляет собой не только способ мысленного освоения социальной реальности, но и средство ее практического творения. В этой связи сообщества ученых исполняют не только функцию экспертов, но и «„драматургов“ самого действия» (Покровский, 2004, с. 23).

Интерпретация семантических пространств как специфических текстов порождает нарратив, как некий рассказ, версию себя, другого или социального мира в целом.

4. Используя субъективные семантические пространства как операциональные модели индивидуального и общественного сознания, психосемантика совмещает когнитивистские и интуитивистские подходы в психологии.

Согласно герменевтике (П. Рикер, Х.Г. Гадамер), естественные науки — науки о познании, в то время как гуманитарные — о понимании. Для естественнонаучного подхода характерно исследование повторяющихся событий, феноменов. Отсюда — выделение законов как формы детерминизма, связующих несколько параметров некоей константой (например, закон Ома или Бойля–Мариотта), или использование статистики для построения вероятностных моделей. Одну из наиболее известных версий психосемантики — «теорию личностных конструктов» Дж. Келли — традиционно относят к когнитивной психологии, для которой характерно использование измерения, широкое применение математики. Однако, на наш взгляд, использование

семантических пространств, хотя и построенных с помощью математического аппарата, принципиально отличается от количественных описаний (измерения) естественнонаучной парадигмы и по своей сути ближе к проективным методам психологии. Действительно, облако смыслов субъекта по поводу объектов некоей содержательной области (коннотативных значений), представленное в форме координатных точек в семантическом пространстве, не описывает некий объект анализа, а представляет собой, скорее, ориентировочную основу для эмпатии, встраивания одного субъекта в сознание другого. Это смысловое облако — некая наводка, намек для опознания. Мы можем опознать в фигуре, мелькнувшей в конце коридора, своего хорошего знакомого — по кожаному плащу, по присущей ему походке, т. е. узнать, опознать целое по части или по отдельному признаку. Так и математические процедуры в психосемантике скорее подготавливают информацию в компактной и хорошо структурированной форме, которой и являются семантические пространства, чем представляют собой измерение анализируемого объекта или группы объектов. Семантические пространства являются, скорее, сложными знаками (неоконченными предложениями), нуждающимися в прочтении и интерпретации, и в этом плане полностью подпадают под проблематику герменевтики.

5. Психосемантика стоит на позициях плюрализма, множественности описаний («картин мира») в зависимости от пристрастной позиции наблюдателя, а отсюда и принцип многоальтернативности (сценарных вариантов) развития как индивидуально-го субъекта, так и коллективного субъекта (государства, нации, человечества). Чем более сложной и развитой является система, тем большее число степеней свободы в своем развитии и трансформации она имеет.

ЛИТЕРАТУРА

- Бергер П., Лукман Т.** Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: Медиум, 1995.
- Вежбицкая А.** Язык, Культура, Познание. М., 1996.
- Выготский Л.С.** Собрание сочинений в 6 томах. М.: Педагогика, 1982.
- Гринберг Р.С.** Пятнадцать лет рыночной экономики в России // Вестник Российской академии наук. Т. 77. 2008. № 7.
- Гриндер Д., Бэндлер Р.** Структура магии. М.: Каас, 1995.
- Голдберг, Шмелев А.Г.** Межкультурные исследования лексики личностных черт: «Большая пятерка» факторов в английском и русском языках // Психологический журнал. 1993. № 4.
- Джерджен Дж. Кеннет.** Социальный конструкционизм: знание и практика. Минск: БГУ, 2003.
- Зинченко В.П., Мамардашвили М.К.** Проблема объективного метода в психологии // Вопросы философии. 1977. № 7.
- Знаков В.В.** Категория правды и лжи в русской духовной традиции и современной психологии понимания // Вопросы психологии. 1994. № 2.
- Знаков В.В.** Психология понимания правды. СПб.: Алитея, 1999.
- Касавин И.Т.** Истина // Новая философская энциклопедия. М.: Мысль, 2001.
- Келли Дж.** Психология личности. Теория личностных конструктов. СПб.: Речь, 2000.
- Келли Дж.** Теория личности. Психология личностных конструктов. СПб.: Речь, 2000.
- Коровкин В.** Обама и мы // Новая газета. Свободное пространство. 2008. № 44.
- Матурана У., Варела Ф.** Древо познания. М.: Прогресс-Традиция, 2001.
- Назаретян А.П.** Истина как категория мифологического мышления // Общественные науки и современность. 1995. № 4.
- Нуркова В.В.** Совершенное продолжается: Психология автобиографической памяти личности. М., 2000.
- Нуркова В.В.** Роль автобиографической памяти в структуре идентичности личности // Мир психологии. 2004. № 2.
- Петренко В.Ф.** Психосемантика сознания. М., 1988.
- Петренко В.Ф.** Основы психосемантики. М., 1997.

- Петренко В.Ф.** Конструктивистская парадигма: в психологической науке // Психологический журнал. 2002. № 3.
- Петренко В.Ф.** Основы психосемантики. 2-е доп. издание. М.; СПб.: Питер, 2005.
- Петренко В.Ф., Митина О.В.** Психосемантический анализ динамик общественного сознания. М.: Изд. МГУ, 1997.
- Петренко В.Ф., Нистратов А.А., Собкин В.С.** Методика исследования восприятия мотивационной структуры киноперсонажа зрителем // Мотивационная регуляция деятельности и поведения. М. 1988.
- Петренко В.Ф., Сапсолова О.Н.** Психосемантический анализ художественного фильма // Вопросы психологии. 2005. № 1.
- Петренко В.Ф., Сурманидзе Л.** Исследование стереотипов обыденного сознания (на материале фразеологизмов на грузинском языке) // Этнографическое обозрение. 1994. № 6.
- Покровский Н.Е.** Глобализационные процессы и возможный сценарий их воздействия на российское общество // Город и село в современной России: перспективы структурного воссоединения. М., 2004.
- Пригожин И., Стенгерс И.** Квант. Хаос. Время. К решению парадокса времени. М., 2009.
- Рубинштейн С.Л.** Человек и мир. М., 1997.
- Савельева И.М., Полетаев А.В.** Конструирование прошлого // Знание о прошлом: В 2-х т. СПб.: Наука, 2003.
- Спиноза Б.** Избранные произведения. Т. 1. М., 1957.
- Степин В.С.** Теоретическое знание. М.: Прогресс-Традиция, 2000.
- Торчинов Е.А.** Введение в буддизм. СПб.: Амфора, 2005.
- Франселла Ф., Баннистер Д.** Новый метод исследования личности. М.: Прогресс, 1987.
- Харре Р.** Метафизика и методология: некоторые рекомендации для социально-психологического исследования // Социальная психология: саморефлексия маргинальности. Хрестоматия. М.: ИНИОН РАН, 1995.
- Шмелев А.Г.** Психодиагностика личностных черт. СПб., 2002.
- Шюц А.** Формирование понятия и теории в общественных науках // Американская социологическая мысль: тексты. М.: МГУ, 1994.
- Josselson R., Lieblich A.** The narrative study of lives. Thousand Oaks, 1993.
- Kelly G.A.** Theory of personality. The Psychology of Personal

Constructs. N. J., 1955.

Petrenko V., Mitina O. The Psychosemantic Approach to Political Psychology // States of Mind. American and Post-Soviet Perspectives on Contemporary Issues in Psychology Edited D.Halpern & A.Voiskounsky. New York. Oxford Univer.Press, 1997. P. 19–48.

Petrenko V., Mitina O. Attitudes toward political parties // The Russian Transformation.Eds. B.Glad & E.Shirayev. N. Y.: St. Martin s Press, 1999. P. 179–198.

Sarbin T.R. Narrative psychology: the storied nature of human conduct. N. Y., 1995.

глава VII

МЕДИТАЦИЯ
КАК НЕОПОСРЕДОВАННОЕ
ПОЗНАНИЕ

Медитация как непосредственное познание¹

Неисповедимы пути Господни, и сознание людей, путешествующих в ментальных пространствах и разделенных расстоянием, временем, культурой и религией, может пересечься и даже слиться, резонируя сходными эмоционально-образными переживаниями на «вечные» проблемы, объекты, мысли.

Концентрируясь «здесь и сейчас» на вид величественной горной гряды или глядя на горизонт великого океана, мы испытываем состояния, близкие к тем, что испытывал другой человек, стоявший на этом месте и погруженный в созерцание столетие назад. В этот момент времени прошлое и настоящее, а также будущее (в восприятии еще не родившегося человека) сливаются, и мы чувствуем бездну вечности. Это чувство человека, сталкивающегося с запредельным, похоже на чувство моряка парусного флота, стоящего на берегу океана, всматривающегося в морскую даль и тоскующего по еще неоткрытым землям, опасным и манящим. В старинных китайских новеллах эти резонансные психические состояния могли выступать для литературных персонажей в функции каналов перемещения в пространстве и времени (Ню Сэн-жу, 1970).

Поэтическая строка давно умершего поэта, как опавший лист осеннего сада, пробуждает мысли о бренности бытия и воспоминания о пиршестве ушедшего лета, и мы на время становимся этим поэтом, живем его чувствами и переживаниями.

Задача настоящей статьи — возбудить интерес отечественных психологов и психотерапевтов к медитативным практи-

¹ Глава написана при участии В.В. Кучеренко.

кам буддизма и индуизма, дающим, на наш взгляд, бесценный опыт соприкосновения с беспредельным, учения которых являются собой неисчерпаемый клад психологических знаний. Западные психологи, начиная с К.Г. Юнга (Юнг, 1997; Моаканин, 2004) и продолжая в лице лидеров трансперсональной психологии — С. Грофа (2002), А. Минделла (2004), К. Уилбера (2004), Р. Уолша (2004), уже соприкоснулись с бездонной глубиной этих учений и многое взяли в собственные практики и психотехники. В отечественной психологии также имеются яркие исследователи (Козлов, Майков, 2000; Козлов, 2005; Карицкий, 2002; Волкова, 2002; Ожиганова, 2004), работающие резонансно буддийским практикам. В смежных с психологией гуманитарных областях изучения культуры и истории существует глубокая традиция русской школы изучения буддизма, представленная трудами С.Ф. Ольденбурга (1994), О.О. Розенберга (1991), Ф.И. Щербатского (1988); Н.В. Абаева (1989), Г.М. Бонгард-Левина (1980), Б.Д. Дандорона (1997), А.М. Пятигорского (2004), Г.Ц. Цыбикова (1991) и продолженная в работе Института востоковедения РАН (Андросов, 1990), Санкт-Петербургского филиала Института востоковедения РАН (Е.А. Торчинов, 2005; В.И. Рудой, 1990), Института этнологии и антропологии РАН, Института монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения РАН (А.А. Базаров, 1998; С.Ю. Лепехов, А.М. Донец, С.П. Нестеркин, 2006), Санкт-Петербургского университета (А.В. Парибок, В.Г. Эрман, 2003).

Настоящая работа не является систематическим исследованием конкретной психологической проблемы в рамках философии буддизма. Не является она и неким справочником или глоссарием, переводящим понятия буддийской ментальности на язык современной психологии. Не является она даже рефератом прочитанных нами книг по философии и психологии буддизма. Скорее всего жанр статьи можно охарактеризовать как отклик сознания современных психологов начала XXI века, коими мы

и являемся, на пережитый опыт постижения буддийской ментальности, наложившийся на наш внутренний опыт работы в измененных состояниях сознания. Этот опыт постижения буддийской ментальности включает как опыт общения с буддийскими ламами, который мы приобрели в формате экспедиции членов нашей лаборатории «Психология общения и психосемантика» факультета психологии МГУ летом 2006–2007 годов в Бурятию² и Туву по буддийским дацанам, так и знания, вычерпанные из сутр и шастр — канонических текстов буддизма и из чтения современной научной литературы, посвященной философии и психологии буддизма.

Настоящая статья посвящена описанию и анализу общности ряда буддийских медитативных практик и современных психотерапевтических методик, связанных с работой с образами. Эти психотехники, возникшие в разные эпохи в буддийской и христианской культурах, имеют, на наш взгляд, схожие психологические механизмы и близкую феноменологию, что мы и стремимся показать в этой публикации.

Наш текст, где буддийские притчи перемежаются со случаями и примерами современной психотерапии, а буддийская терминология соседствует с христианскими понятиями, может восприниматься эклектичным. Но мы выбрали такой стиль изложения, чтобы сетью ассоциативных связей и установлением аналогий показать, что за разнообразием культурных артефак-

² Авторы благодарят за общение, комментарии и ценные замечания буддийских лам Еше-Лодой Ринпоче, Хамбо-ламу Дамба Аюшеева, ламу Чой-Доржи Будаева, Догба-ламу, Ригзен-ламу, Данзаньяма-ламу, ламу Григория, хуварака (студента) Эрдэни, врачей — специалистов в области тибетской медицины — Каратуева Н.К., Крупского М.А., Лыгжиму Аюшееву, востоковедов академика РАН Г.М. Бонгарда-Левина, В.Н. Андросова, ученых буддологов Института монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения РАН — член-корр. РАН Б.В. Базарова, проф. С.Ю. Лепехова, С.П. Нестеркина, к.ф.н. Дулму Аюшееву, буддиста С. Корнилова.

тов и «многообразием религиозного опыта» (Джеймс, 1993) скрывается ряд единых стержневых психологических феноменов, которые может успешно исследовать психологическая наука. Скромные шаги в этом направлении и признана совершить настоящая публикация. Она посвящена практике работы с образами и изменению базовых смысловых установок человека в ходе медитации и гипнотерапии.

Истоки медитативных практик восходят в седую древность ведической культуры Индии. Но наиболее глубокое развитие они получили в буддизме и индуизме. Буддисты в целях отвлечения от суеты этого бренного мира (сансары) и страдания, вызванного привязанностью к нему, а также для дисциплинирования ума и концентрации внимания на трансцендентальных объектах разработали множество практик работы с сознанием и его измененными формами, а также ввели понятия, описывающие эти состояния. Сознание индусы трактовали широко, относя к нему и восприятие, и мышление, и память. В этом плане, хотя возникновение психологии историки науки относят к XIX веку и связывают с появлением первой психологической лаборатории В. Вундта, эта дата касается только возникновения экспериментальной, саентистско-позитивистской ветви психологии. Эмпирическое же изучение сознания и его измененных форм, широкое использование психотехник практиковалось в индуизме

³ «Общеизвестно, что в течение веков Будду почитали или продолжают почитать в Индии, в Центральной Азии, Тибете, Китае, Монголии, Корее, Японии, на Цейлоне, в Бирме, Индокитае, Индонезии, в ряде областей Сибири, в Калмыкии. Менее известно, что в качестве святого Будда проник в христианскую, манихейскую, зороастрийскую, мусульманскую религии. Еще в конце XVI в. под именем святого Иоасафа он появляется в «Римском мариологе». Православная церковь 19 ноября отмечает память Иоасафата, царевича индийского, вместе с памятью преподобного Варлаама. О них же, и прежде всего об Иоасафе Прекрасном, пели в России раскольники и странники» (Топоров, 1991, с. 68).

и практике йогов, а, предположительно, начиная с V–IV веков до нашей эры — в буддизме. Эти практики и их «теоретическая часть» тщательно описывались в форме сутр (текстов, пересказанных со слов Будды³ его ближайшими учениками⁴) и шастр (этико-философских трактатов), где, как правило, также поименно фиксировалась и линия (цепочка) передачи знания, так как практики осваивались под руководством учителя и важна была прямая линия преемственности от авторитетного, достигшего просветления учителя⁵. (Учитель в санскрите — «гуру», а на тибетском языке — лама.) Особенно это касалось «коренных» тек-

⁴ Буддизм возник в Индии предположительно в V или IV веке до нашей эры и передавался в устной традиции (форме). Самые ранние письменные тексты относятся только к III веку уже нашей эры. Поскольку в Махаяне состояние Будды (буддовость) превращается в высший универсальный принцип, любой монах или йогин, испытавший состояние пробуждения, истинность которого по определению имманентна и самоочевидна, мог рассматривать свое понимание и свое видение как понимание и видение Будды и фиксировать их в традиционных формах сутр, свидетельствующих о том, что данный текст есть подлинные слова Будды. Как пишет Е.А. Торчинов, ссылаясь на замечания неназванного буддолога: «Будда через пятьсот лет после своей кончины произнес во много раз больше речей и проповедей, чем за всю свою жизнь» (Торчинов, 2005, с. 91).

⁵ Наряду с передачей знания от учителя ученику, в виде цепочки восходящей к самому Будде, в Махаяне существует практика сокрытия или тайного знания (см.: Тулку Тондуб Ринпоче, 2006), которую практиковал основатель буддизма в Тибете — гуру Падмасамбхавы. Последователи школы Ньингма почитают его как второго по важности учителя после Будды. По указанию гуру Падмасамбхавы в расщелинах скал, пещерах было оставлено множество фрагментов канонических текстов (так называемых «терма»), которые используются спустя столетия как ключи для пробуждения воспоминания об учении. Просветленный медитирующий («тертон» — в терминологии Махаяны), входя в измененные состояния сознания, способен восстановить полный текст учения. Как тут не вспомнить представление Платона об обучении как о воспоминании и булгаковское: «рукописи не горят»?!

стов, т. е. принадлежащих Будде Шакьямуне, «мирское» имя которого Сиддхартха Гаутама, и его прямым ученикам, великим архатам и бодхисаттвам. Развитие буддийской литературы в основном шло как собрание комментариев на коренные тексты, комментарии на комментарии и т. д.

Изучение психологического наследия буддизма имеет глубокое теоретическое значение, так как основным и даже единственным объектом буддийского интереса выступает проблема сознания и понятийный тезаурус буддийского учения, посвященный сознанию, заведомо превышает понятийный словарь современной психологии. Но не менее важен и психотехнический опыт буддизма, в рамках которого разработаны эффективные методы психотренинга и психической саморегуляции. Можно сказать, что буддизм предельно «практичен» и «прагматичен». «Буддизм утверждает, что каждый человек в потенции способен перейти от состояния страдания к состоянию полной безмятежности, высшего покоя, глубокой мудрости, причем путем собственных волевых усилий и практических действий. Поэтому центральное место в буддийской концепции „спасения“ от мирских заблуждений и страданий заняло учение о достижении состояния „просветления“ или „пробуждения“, которое стало высшей сотерологической целью всех буддийских школ. А это обусловило важное значение в буддизме не только „теории“ достижения „просветленного“ состояния, но и практических методов изменения исходного морально-психологического состояния человека» (Абаев, 1989, с. 5).

То, что ставили в качестве сверхзадачи отечественные психологи в начале революционного XX века, а именно формирование «нового человека», с иными целями, с большим успехом осуществляли буддийские учителя два с половиной тысячелетия назад. Так что основателем психологии как экспериментально-эмпирической науки о сознании можно считать Будду Шакьямуни, тем самым сдвинув сроки возникновения психологии на две с полови-

ной тысячи лет назад, хотя, конечно, истоки медитативных практик уходят в еще более древнее прошлое (см.: Андросов, 2001).

Стоит напомнить, что Будда — это не имя собственное и не титул. Будда — тот, кто достиг просветления и пребывает в состоянии нирваны. (Санскритское слово «нирвана» происходит от глагольного корня «нирва» — успокаиваться, гаснуть, как свечка или как солнце на закате.) Психологически нирвана — особое измененное состояние сознания, характеризующееся внутренним покоем, снятием двойственности (выделения себя из мира), ощущением интеграции с бесконечным космосом и переживанием единства со всем миром живой и неживой природы. На наш взгляд, полноту этого состояния выразил исламский мистик ал Халладж⁶ (т. е. человек, исповедовавший совсем иную религию) в суждении: «я — есть Бог», которого за это, как за богохульство, казнили. Хотя это высказывание можно трактовать и как величайшее смирение, отказывающее собственному «я» в какой-либо субъектности и полностью растворяющее эго в Боге. Оно же может рассматриваться и как апофеоз солипсизма, оставляя за «я» — субъектом восприятия и познания — роль единственного демиурга. Это могли быть и слова индуиста, пережившего единство слияния себя и Всесущего, растворения «я»

⁶ «Судьба одного из величайших суфиев, ал Халладжа, напоминает судьбу Христа. Пережив чувство единства с Богом, он открыто об этом говорил. Хранители закона сочли это кощунством. Халладж был казнен в Багдаде в 922 году. Его публично бичевали, отсекали кисти рук, повесили вниз головой, побили камнями, а в заключение отрубили голову и сожгли тело (чтобы оно не могло воскреснуть в день Страшного суда). Ярость охранителей правоверия вызвало то, что ал Халладж открыто пренебрегал обрядами, правилами, установленными Кораном. Когда его спрашивали, надо ли совершить паломничество в Мекку, он отвечал: „Обойди вокруг меня, во мне тоже есть Бог“. Иногда в состоянии экстаза, он говорил слова, напоминающие евангельские: „Я — истина“. Для религии страха божьего это — невыносимое кощунство» (Померанц, Миркина, 2006, с. 101).

(Атмана) в Абсолюте (Брахмане). Достигший просветления, т. е. Будда, находясь в этом состоянии недвойственности (невыделенности себя и мира), отказался бы от любой категоризации, сохранив «благородное молчание».

Использование измененных форм сознания (и, как следствие этого, накопление опыта работы с состояниями сознания) присуще не только буддизму, но и другим религиям. Измененные состояния сознания достигаются различными психотехниками — от поста, медитации и молитвы, сенсорной депривации (затворничество) до динамических медитаций (чтение мантр, нанесенных на вращающийся молитвенный барабан у буддистов; круговые движения танца дервишей в суфизме; ритмическое раскачивание молящихся иудаистов, танцы шамана и ритуальные пляски африканцев, экстаз вакханалий древних римлян и ритуальный секс тантристов в Индии). В христианстве лице-зрение святых, девы Марии или видения страданий самого Христа многократно описывались в религиозной литературе (например, видения Святой Терезы или Хуана де ля Круса в католицизме) и рассматривались не как следствие собственной активности верующего, что не приветствуется христианской церковью, а как форма благодати, когда сам святой являет себя человеку.

В Новое время в рамках европейской науки линию преемственности работы с измененными состояниями сознания можно провести от Парацельса (Т.Б. фон Гогенгейм), Ф. А. Месмера, аббата Фария, М. Брэда, маркиза де Пюисегюра, Ж. Шарко, Г. Бернгейма, В.М. Бехтерева к так называемому эриксоновскому гипнозу (Эриксон, 2005).

В классическом гипнозе монотонность звучания речи гипнотизера (суггестора), фиксация глаз пациента на зрительный раздражитель (или на зрачки самого суггестора) вызывают, в силу монотонии и утомления рецепторов, торможение второй сигнальной системы (в терминах И.П. Павлова) и впадение в гипнотическое состояние (гипноз по-гречески — сон). Эриксонов-

ский гипноз основан на работе с представлениями или, как их еще называют, вторичными образами, т.е. образами не непосредственно наблюдаемых объектов, а вызываемых силой воображения, и в отличие от классического гипноза связан с внутренней или внешней активностью пациента. (Типологическая феноменология образов дается в работе А.А. Гостева, 1998.) Можно проиллюстрировать работу со вторичными образами на примере введения пациента в трансовое состояние в эриксоновском стиле: пациента просят представить нечто хорошо знакомое, например его собственную комнату, и описать расположение мебели в комнате, цвет обоев, штор. Внимание пациента, таким образом, переключается с внешних объектов восприятия на внутренние, вызываемые силой воспоминания и воображения представления. Так актуализируются вторичные (или ментальные) зрительные образы. Выполняя инструкцию суггестора, пациент в своем воображении как бы отключается от наличной ситуации, и требуется лишь незначительный толчок, чтобы полностью перевести его внимание в воображаемый (иллюзорный) мир. Например, ему говорится: «А сейчас уже близится вечер, свет в комнате тускнеет, вы зажигаете свечу (вновь вводимый иллюзорный объект) и видите колеблющиеся тени от предметов, проецирующиеся на стене». То есть, в его воображении оказываются присутствующими не только образы, извлеченные из памяти, но созданные воображением. Пациент все глубже погружается в иллюзорную реальность. Далее используется прием эриксоновского гипноза, названный Эриксоном «точкой сопряжения модальностей», позволяющий дополнить зрительный образ слуховыми и кинестетическими компонентами. Например, расспрашивая пациента о наличии в его комнате настольных или настенных часов, суггестор обращает его внимание на звуки работы часового механизма. Пациент начинает «слышать» тиканье часов. Тут же, глядя, как «качаются» при движении воздуха шторы, испытуемый начинает чувствовать прохладу ветерка с улицы, а «выглянув» в окно на дорогу, где про-

езжают машины, испытываемый «слышит» их движение и «вдыхает» запахи улицы. Такая форма введения в трансовое состояние у опытного суггестора может быть вплетена в обычный разговор и плохо рефлексирована пациентом.

Отметим при этом, что трансовые состояния не представляют чего-то экстраординарного в нашей жизни, и увлекательный просмотр художественного фильма с идентификацией себя с героями также дает пример трансового состояния, отличающегося от эриксоновского гипноза только глубиной включенности.

Но вернемся к буддизму. Близость приемов западной психотерапии к буддистской психопрактике (во многом и получивших ее «через вторые руки» не прямых культурных заимствований) отмечал К.Г. Юнг, признавая, что его путь «постижения мира буддийской мысли лежал не в направлении изучения истории религии или философии. К знакомству со взглядами и методами Будды, этого великого учителя человечества, побуждаемого чувством сострадания к людям, обреченным на старость, болезни и смерть, привел меня профессиональный интерес врача, долг которого — облегчить страдания человека» (цит. по: Альбедиль, 2006, с. 30).

Несмотря на то, что опыт пребывания в измененных состояниях сознания присущ практически всем религиям, сознательная и целенаправленная активность по произвольному вхождению в трансовое состояние через медитацию, через ретрит (форма уединения с целью духовной практики, по сути близкая к православному «затворничеству»), через дыхательные практики и йоговские асаны присуща тем не менее именно соцветию индийских религий: брахманизму, индуизму, джайнизму и, конечно, буддизму, имеющему также ряд ветвей — Хинаяна, Махаяна, Ваджраяна, также, в свою очередь, имеющих ряд ответвлений — школы Кагью, Ньингма, Дзогчен, Сакья и Гелуг (к которой принадлежит далай-лама). Основное отличие Хинаяны — Малой колесницы (яна на санскрите — колесница) от Махаяны (Великой колесницы) в том, что конечная цель Хинаяны — достижение

состояния архата, заключающегося в личном освобождении-просветлении и достижении нирваны, разрывающими круг сансары и прерывающими цепочку кармических рождений. «У совершившего странствие, у беспечального, у свободного во всех отношениях, у сбросившего все узы нет лихорадки страсти. Его удел — освобождение, свободное от желаний и условий. Его стезя, как у птиц в небе, трудна для понимания. Чувства у него спокойны, как кони, обузданные возницей. Он отказался от гордости и лишен желаний. Такому даже боги завидуют» — так характеризует архата великая книга буддизма Дхаммапада (1991, с. 18).

Практику Хинаяны (это 18 школ) еще называют Тхеравадой, что на языке пали означает «учение старейших», и в ее канонические тексты включена, в частности, «Трипитака» («три корзины учения»). Тхеравада более связана с южным ареалом буддизма, а Махаяна — с северным и дальневосточным.

Цель Махаяны — достижение состояния Бодхисаттвы (бодхи — пробуждение, саттва — существо), т. е. существа, достигшего просветления, но не ушедшего в нирвану как форму освобождения от цикла рождений, а из чувства сострадания продолжающего практики во благо всем живым существам и несущего учение людям. В этом плане Махаяну сближает с христианством позиция любви и жертвенности. Однако есть и принципиальные различия. В христианстве подчеркивается, что «вера без дел мертва» и помимо молитвы, покаяния, поста и прочего от верующего (особенно в католицизме и протестантизме) требуются активные деяния в миру, помощь страждущим и нуждающимся, а также участие в благотворительности. Буддизм же гораздо менее активен, так сказать, в социальном плане, и акцент делается на передаче учения (т. е. на просветлении человека) и на работу в форме медитирования в ментальном плане. Буддизму не свойственна идея дуальности мира (идеального и материального⁷),

⁷ Исключением является школа Вайбхашики.

идущая от платоников и Ветхого завета, и мысль подразумевает не менее действенной, чем поступок. Поэтому, например, медитативная техника «собираения и отдачи» (см.: Ело Ринпоче⁸, 2006), когда медитирующий вбирает в себя в форме черного света чужие страдания и горести и отдает в виде золотого сияния добрые энергии страждущим, считается вполне действенной психопрактикой гармонизации мира.

Как тексты Тхеравады, так и книги Махаяны содержат подробное описание медитативных методик, которые могут быть сведены к двум основным направлениям (см.: Бхикку Квантипалло, 2005):

- 1) Самадхи (или Шаматха) — путь безмятежности и спокойствия и
- 2) Випассана (или Випашьяна) — путь прозрения и осознающей мудрости, трансцендентального анализа и интуитивно-го созерцания.

Самадхи достигается концентрацией внимания и остановкой цепочки вербальных ассоциаций и мыслей («потока сознания» — по Джеймсу). «Шраддхотпада — шастра» дает следующее описание медитации: «Если кто-то хочет практиковать шаматху, он должен обитать в спокойном месте, сидеть прямо, упорядочив мысли (т. е. сконцентрировав их в одной точке. — *Н.А.*). Его внимание не должно задерживаться на том, что он видит, слышит, ощущает или знает. Все мысли, как только они возникают, должны быть отброшены, и даже сама мысль об искоренении мыслей тоже должна быть изгнана» (цит. по: Абаев, 1989, с. 25). Другие техники успокоения мыслей связаны с сужением сознания, фиксацией его не на понятийных формах, а на непосредственных ощущениях, поступающих от органов

⁸ Слово Ринпоче не является именем собственным, это, скорее, титул, уважительное обращение к просветленному учителю, «перерожденцу», знающему свои предыдущие воплощения.

чувств. Например, практика многодневной фиксации внимания на ходьбе, включающей непрерывное осознание каждого движения или концентрацию внимания на процессе вдоха и выдоха, ведет к сужению сознания, а затем к переходу к его измененным формам. И.Х. Шеток, проходивший трехнедельную практику специального курса погружения в медитативное состояние (курс сатипаттхана) как воспитание ума, разработанного на основе древних практик буддийским священником Махаси-саядо в Центре Саасана Йита в Рангуне (Бирма), дает описание такой непрерывной концентрации внимания в течение всего курса: «При ходьбе нужно удерживать внимание на движении каждой ступни по мере того, как она поднималась, двигалась вперед и опускалась на пол или на землю; каждое из этих действий ходьбы следовало сопровождать повторением в уме слов „вверх“, „вперед“, „вниз“ или „поднять“... Во время каждого из шагов нельзя позволять, чтобы внимание отвлеклось от движения ног. Всякий раз, пройдя нужное расстояние, следовало переместить внимание на то, чтобы остановиться, повернуть и опять начать ходьбу... Всякий раз, когда ум отклоняется от своего объекта, когда внимание привлечено чем-то внешнем, нужно отметить в уме этот факт и мягко, но настойчиво возратить его к предмету созерцания... Вскоре моя жизнь оказалась подчинена монотонному распорядку — ходьба, сидение, снова ходьба. И в этом процессе произошло то, что неизбежно должно было произойти, — внешний мир стал удаляться из моих сознательных мыслей» (Шэток, 1994, с. 33). Цель буддиста, пишет Шэток, предпринявшего курс сатипаттхана, заключается в приобретении випасаны, или прозрения. Только тогда, когда ум успокоен, прозрение, или интуиция, может получить доступ к переживаниям, лежащим в основе буддийской доктрины. Они возникают спонтанно в сознании, как визуальные образы или как предельно достоверные сюжеты, напоминающие притчи.

В гипнотических сеансах (гораздо более кратковременных), где концентрация внимания пациента облегчается помощью суггестора, практикуется фиксация внимания на тяжести рук, на скованности тела и на его последующем «растворении» в пространстве. Концентрация внимания ведет к остановке потока сознания, и пациент, как правило, воспринимает однородное гомогенно окрашенное пространство, цвет которого, очевидно, определяется эмоциональным состоянием пациента.

В православной практике исихазма (см.: Хоружий, 2000), используется (по сути медитативная) практика «трезвления» ума: «Для желающих принадлежать самим себе и сделаться подлинно „монахами“ (единицами) по внутреннему человеку, обязательно нужно вводить ум внутрь тела и сдерживать его там. Именно поскольку у только что приступивших к борению даже сосредоточенный ум постоянно скачет, и им приходится снова его возвращать, но он ускользает от неопытных, которые еще не знают, что нет ничего более трудноуловимого и летучего, чем их собственный ум, то некоторые советуют внимательно следить за вдохом и выдохом и немного сдерживать дыхание⁹ в наблюдении за ним как бы задерживать дыхание и ум, пока, достигнув с Богом высших ступеней и сделав свой ум неблуждающим и несмешанным, трезвенники не научатся строго сосредоточивать его в „единевидной свернутости“» (Палама, 2005, с. 47 — 48). После «наивысшего восхождения мы, — цитирует Палама Деонисия — соединяемся с невыразимым». Концентрации внимания на сердце молящегося¹⁰ вызывает поток интенсивного белого света, интерпретируемого исихастами как эманация божественной энергии (Фаворский свет).

На фоне восприятия цветового пространства или потока света у медитирующего могут возникать спонтанные переживания

⁹ Здесь Григорий Палама ссылается на сочинение Семиона Нового Богослова «Способ священной молитвы и внимания к себе».

¹⁰ Сердечной чакре (анахате) — в терминах индуизма и теософии.

в виде движения в энергетических потоках, путешествия в не-обычные, трудно описуемых в естественном языке, миры и т. п. В гипнотических сеансах это могут быть и спонтанно появляющиеся картины из прошлого пациента, образы величественных мест, переживания себя в образе свободно парящей птицы или мощного животного, или даже сверкающей на солнце капли дождя, скатившейся на зеленый листочек.

В тантрических практиках випассаны¹¹ медитация обычно осуществляется на конкретный объект, на так называемый Йидам. Это мужское или женское просветленное существо, которое визуализирует практикующий и мантру которого он непрерывно повторяет с целью идентифицироваться с йидамом, обрести присущее ему состояние сознания (ума). Идентифицируясь с йидамом, практикующий обретает различные, присущие данному божеству сиддхи (способности), такие как дар ясновидения, врачевания или ментального перемещения в пространстве. В роли йидама может выступать и образ непосредственного учителя, Амиабха (Будда — воплощение мудрости), а также такие великие бодхисатвы, как Авалокитешвара (воплощение сострадания), Манжджушри (олицетворение запредельного знания), Ваджра-

¹¹ Тантрический буддизм (Ваджраяна или Алмазная колесница) и школа йогачары стали ведущим направлением буддизма махаяны в Индии накануне его заката VIII — XII века, вызванного во многом мусульманскими завоеваниями севера Индии, и в такой форме буддизм был заимствован тибетской традицией, а через нее проник в Монголию, Бурятию, Туву, Калмыкию. Тантрический буддизм в настоящее время получает распространение и на христианском Западе (см.: Аюшева, 2003). Тантры (т. е. доктринальные тексты) Ваджраяны утверждают, что благодаря сложной литургии, эффективной практике мантр и визуализации образа божеств (йидамов), а также созерцания мандал можно добиться состояния Будды в течение одной человеческой жизни. Последующие примеры описываемых нами буддийских практик будут касаться в основном именно тантрического буддизма Ваджраяны.

пани, Белая и Зеленая Тары¹². В тантрическом буддизме, распространенном в первую очередь в Тибете и распространяющемся тибетскими учителями по всему миру, медитативные практики сопровождаются мантрами и мудрами.

Мантрами называют звуковые символы (например, ОМ МАНИ ПАДМЕ ХУНГ — мантра Авалокитешвары или ОМ МУНИ МУНИ МАХА МУНИЕ — мантра Будды Шакьямуни), имеющие сакральный смысл (Джампа Тинлэй, 1995, с. 23). Сами по себе мантры могут не иметь конкретных вербальных значений, но характер звукового паттерна, в силу «звукового символизма», создает некоторый эмоциональный настрой (коннотативное значение). Ритмический повтор, напевность мантр, подобно музыке, создают настроение, возвышают дух медитирующего. Кроме того, длительное повторение одного и того же слога останавливает поток вербального сознания, вербальных ассоциаций и способствует яркой визуализации. На примере мантр стоит отметить существенное различие таких форм измененного состояния сознания, как медитация и молитва. Мантры («слова медитации») в ходе многократного повторения десемантизируются. Ничто не должно потревожить зеркальную гладь медитативного покоя, никакая эмоция не должна вызвать волнение этого вселенского состояния, как говорится, «ничего личного». Как горное чистое озеро, состояние медитации отражает бездонную глубину неба. Сознание человека резонансно безличному Абсолюту.

Молитва же в первую очередь есть обращение к личностному Богу, просьба (мольба) о помощи, выражение любви к Богу. Она предельно эмоционально (душевно) и духовно насыщена. «Лучшие молитвы, — пишет Ф.Е. Василюк, — есть плод вдохновенного поэтического выражения душевно-духовных состояний,

¹² Белая и Зеленая Тары — женские божества, родившиеся, согласно легенде, из слез Будды.

когда-то впервые пережитых святым, т. е. духовно-гениальным человеком, и вылившихся в прекрасную форму. Как в пушкинской строке «Я помню чудное мгновенье», сколько раз ее ни повторяй, живет, не увядая, трепет изумления влюбленного взгляда, так и в словах молитвы кристаллизовалось живое молитвенное чувство святого, и стоит человеку отогреть эту молитву своим дыханием, своей искренностью, как она начинает пульсировать и откликаться. Стремясь посредством этой молитвы выразить свое **личное**, человек обретает возможность впитывать из слов и образов молитвы духовный и душевный опыт святости, смирения, покаяния и открытости и прочее, включать его в свое переживание, усваивать, обогащать переживание теми духовно-творческими движениями, которые под действием благодати и молитвенного порыва совершила душа святого» (Василюк, 2005, с. 44).

Мудры — ритуальные символические жесты, напоминающие фигуры, образуемые пальцами рук индийских танцовщиц. Мудры имеют символическое значение, резонансное тем или иным состояниям сознания. С нашей точки зрения, мудры выполняют ту же функцию стимула, рефлекторно вызывающего нужную реакцию, что «якоря»¹³ в нейролингвистическом про-

¹³ Якорь — стимул, запускающий условно-рефлекторную реакцию пациента, с помощью которого суггестор (или сам пациент) может управлять поведением пациента. Например, страдающему навязчивыми страхами пациенту внушается, что когда он будет касаться мочки собственного уха, то ужасающие видения исчезнут. Установленная условно-рефлекторная связь дает возможность пациенту контролировать свои состояния. Техника якорения может использоваться и для манипулирования человеком, например средствами массовой коммуникации. Так, диктор или политический обозреватель сообщает текущие новости, приятные телезрителям, находясь в правой части экрана, а неприятные — в левой. Затем он рассказывает о биографии некоего политического лидера, о котором хочет сформировать благоприятное мнение, находясь в правой части экрана, и перемещается в левую — при комментировании действий отвергаемого им (или заказчиком) персонажа.

граммировании (Бэндлер, Гриндер, 1995). Только в отличие от «якоря», которым в НЛП может быть любой внешний стимул (прикосновение, звук, поза суггестора), мудры имеют фиксированное, освященное ритуалом, опозитизированное символическое значение, способствующее медитирующему в достижении высших состояний сознания.

Запахи благовоний, активирующие сопряженные с «эмоциональным мозгом» (включающим гиппокамп, лимбическую систему, области гипоталамуса, образующих круг Папеца — по А.Р. Лурии, 1968) зоны подкорки; сопровождающая медитацию музыка, выводящая нас за пределы значения слов и погружающая в состояние интуитивного восприятия; ритмические удары барабана и гонга, поддерживающие (активируя ретикулярную формацию резкими звуковыми стимулами) высокий уровень внимания, — все это способствует выходу сознания из обывденной реальности в его измененные формы (см.: Кучеренко, Петренко, Россохин, 1998).

В медитации на йидам «медитирующему предлагается божество, выбранное в соответствии с его потребностями и его конкретными духовными способностями. Его просят все свое внимание посвятить форме божества, которое он должен создать в своем разуме. Самые ничтожные детали этого образа во всей его сложности и во всех его цветах визуализируются таким способом, что образ становится таким же реальным, как и сам практикующий. Естественно, практикующий не только созерцает это божество — он отождествляется с ним, как бы являясь этим божеством. В этот момент он преобразуется в божество: архетипическая сущность божества передается ему. Сердцевина визуализации заключается в этом единении с божеством. Речь идет о динамическом процессе, где эго медитирующего, его обычное сознание оставляется и заменяется высшем сознанием божества. В юнгианских терминах можно сказать, что эго индивида было принесено в жертву Самости» (Моаканин, 2004, с. 75).

Практикующий может выбирать для визуализации одного или несколько йидамов. В прошлом великие мастера, исходя из кармической предрасположенности своих учеников, прямо назначали йидама, соответствующего их духовному настрою: «Твой Йидам такой-то».

Рассмотрим несколько текстов — практик визуализации йидама.

«...Визуализируйте Амитахбу, Будду Безграничного Света, восседающего над макушкой вашей головы, а вокруг себя представьте всех живых существ, в частности, справа от себя собственного отца, а слева — мать. Затем вообразите вокруг себя своих друзей, семью, врагов и всех остальных живых существ шести миров, и над головой каждого из них — Будду. Во время повторения шестислоговой мантры, подобный молоку нектар истекает из сердца Будды Амитахбы, постепенно проникая через макушку головы и полностью наполняя ваше тело. Тогда все омрачения и злодеяния начинают покидать ваше тело. В точности как содержимое сосуда просачивается через отверстие в его дне, все ваши проступки и омрачения в виде жидкой сажи вытекают через ваши нижние отверстия и ступни ног. Земля под вами разверзается, и потоки сажи стекают вниз, где их поглощает Яма, Владыка Смерти. Представьте, что удовлетворили и насытили его, в результате чего отплатили свои кармические долги посредством этой практики. Затем представляете, что вы очистились от всех неблагих деяний и омрачений, тревожащих эмоций, двойственного восприятия и привычных склонностей. Ваше тело становится безупречным, ослепительным и блистающим как хрустальный шар. Произносятся молитвы и мантры вновь и вновь, представляете, как Будда Амитабха растворяется в свете. Его светоносные формы уже подобны радуге, но в этот момент он растворяется и сливается с вами, так что вы становитесь неотделимыми от Амитабхи. Его просветленное Тело сливается с вашим телом, его речь — с вашей собственной речью, его ум —

с вашим умом, полностью и неделимо, как вода сливается с водой. В этот момент следует пребывать в изначально чистом Великом совершенстве, самосуществующей пробужденности. Затем вы представляете, что получили все четыре посвящения. Это значит, что вы достигли всех просветленных качеств, которыми обладает Будда Амитабха, так что его любящее сострадание и активность становятся вашими собственными. С большим наслаждением и радостью вы пребываете в покое» (Чоки Нима Ринпоче, 2006, с. 115).

Для понимания буддийской теологии важно отметить природу существ, являющихся йидами для практикующих. Если в христианстве явления образа Богоматери или святого Николая Угодника верующим воспринимаются как экстраординарное событие, где реальность этих сакральных фигур не подлежит сомнению, а факт явления рассматривается как благодать, ниспосланная свыше, то для практикующего буддиста медитация на йидам является каждодневной практикой, а вопрос о форме существования йидама имеет разные ответы для буддистов, находящихся на разных ступенях постижения Учения и, соответственно, на разных ступенях духовного развития. Для массы верующих это божества реально существующие, требующие подношений и поклонения.

Мы были на Цейлоне, в храме «Зуба Будды» в древней столице Кале — одном из главных религиозных центров Хиньяны (Малой колесницы) Юго-Восточной Азии. Подношение фруктов и молока помещенному в золотую статую Будды — «зубу Будды» — сопровождалось пышной церемонией и ревом труб, что вполне могло интерпретироваться представителем авраамических религий (христианства, иудаизма и ислама) как языческий ритуал поклонения идолу. Возможно, в массовом сознании верующих это отчасти и так, и Будда Шакьямуни из вполне конкретной исторической личности основателя учения превратился в их сознании в сверхъестественное существо. В агиографии Будды

имеются как жизнеописания вполне земного человека Сиддхардха Гаутамы, так и в более поздних источниках — его мифологизированный образ. Согласно этим источникам, «Бодхисаттва, которого тронули невзгоды людей, богов и духов, приняв образ белого слона, вышедшего из неба Тушита (места, где обитают боги), решает вложить в правый бок целомудренной принцессы Майи зародыш будущего Будды. Там он пребывает ровно девять месяцев. Майя рождает стоя, правой рукой обнимая дерево. Через семь дней она умирает. Ее сестра Махапраджапати Гаутами вскармливает Будду. Ясновидящий брахман Асита предрекает младенцу великое будущее. В момент рождения в парке Лумбини с неба дождем сыплются цветы, звучит музыка сфер, в воздухе парит балдахин, колеблются миры, событие сопровождается необычайным сиянием и чудесами, знаменующими его величие и неповторимость. Новорожденный делает семь шагов по небу в каждом направлении и говорит (Будда, родившись, сразу начал говорить), что он положит конец перевоплощению, старости, болезням и смерти» (Луц, Михаэльс, 2005, с. 24). Мифологизирован и образ основателя тибетского буддизма — гуру Падмасамбхавы. Согласно легенде, он родился не из чрева женщины, а найден был в цветке лотоса. Получив сиддхи бессмертия, он пребывает в одном и том же теле и становится зримым в нужное время и в нужном месте. Явив миру множество чудес, он (как позднее пророк Магомед) улетел на крылатом коне¹⁴.

¹⁴ Тем не менее мифологические компоненты, скорее, поэтизируют мировосприятие и для просветленного буддиста могут вполне сосуществовать с глубокой рефлексией бытия. Так, великий буддийский философ V века Васубандху в «Вместилище Адмихармы» в соответствии с учением кашмирских вайбхашиков рассматривает ад как вполне реальное место в преисподней, а в своем произведении «Вимшатика виджняптиматра сиддхи» (это значит — Двадцать стихов только о сознании), написанном с позиции йогачары, определяет ад как чисто ментальную иллюзию, объективизацию сознания «грешника» (см.: Торчинов, 2005, с. 54).

В то же время мифологизация или демифологизация образа основателя учения не так важны для практикующего буддиста, как само учение — Дхарма, и колоритное жизнеописание призвано, скорее, подчеркнуть значимость этого события для пишущего и читателей. Каноническая структура сутры, как правило, включает слова: «Так я слышал» или «Так мной было услышано», призванных подчеркнуть аутентичность текста, но имплицитно дающих намек на субъективность интерпретации, на пристрастность услышанного¹⁵. О.О. Розенберг (1991) отмечает, что в буддийском менталитете объекты не существуют отдельно от наблюдателя и, например, для человека, наблюдающего событие, оно становится частью его внутреннего мира. Например, не существуют отдельно человек и солнце, а «есть единое поле опыта — человек, видящий солнце». Реальность для буддиста — не мир, в котором мы живем, но мир, который мы переживаем. «Мир как „местопребывание“ четко коррелирует с уровнем развития сознания разных живых существ, и один и тот же мир в себе оказывается совершенно разными психокосмосами для разных живых существ. Как позднее скажет один махаянский мыслитель, то, что является рекой Ганг для человека, будет потоком гноя и нечистот для голодного духа и потоком амброзии для божества. И лишь буддисты школы йогачары не считали возможным утверждать, что за этими субъективными „Гангами“ находится некий объективный, „правильный“ Ганг» (Торчинов, 2005, с. 53).

Получая удовольствие от прекрасной цитаты Е.А. Торчинова, авторы тем не менее обращают внимание, что в выражении Торчинова «один и тот же мир в себе» имплицитно подразумевает наличие некой инвариантной («одной и той же») кантов-

¹⁵ Будда проповедовал Дхарму иносказательно, приспособившись к уровню развития слушателей, учитывая их заблуждения и предрассудки. Отсюда «буддийская герменевтика» выделяет два типа сутр: сутры «окончательного значения» (нитартха) и сутры, требующие интерпретации (нейартха).

ской «вещи в себе», что, очевидно, чуждо школе йогачары. Согласно их воззрениям существует только сознание (Чаттерджи, 2004), и, значит, нет не только объективно «правильного Ганга», но нет и «одного и того же „мира в себе“ для разных „Гангов“.

Мысль о включенности наблюдателя, его пристрастной позиции чрезвычайно близка современной когнитивной лингвистике. Например, А. Вежбицкая подчеркивает, что за так называемыми бессубъектными суждениями типа «смеркается» стоит позиция наблюдателя, в определенном месте и в определенное время наблюдающего этот процесс.

Мировосприятие субъектно, отсюда возможны и плюрализм в позиции наблюдателя, и его пристрастность.

В монотеистических религиях Бог открывается в своей личной ипостаси, являясь одновременно и Абсолютной системой отсчета, носителем абсолютного знания.

Иисус Христос возвещает: «Я есмь путь и истина». И если Ф. М. Достоевский вкладывает в уста своего героя фразу, которая вполне могла бы характеризовать и самого праведного христианина: «Если бы на одну чашу весов положили истину, а на другую Христа, то я бы предпочел быть с Христом, а не с истиной», — то сам Будда призывал учеников доверяться в первую очередь своему непосредственному опыту, своей практике — «быть светильниками самим себе».

Как пишет Х.Л. Борхес: «Другие религии (в отличие от буддизма) в большей степени зависят от нашей способности верить в то, что из Божественной Троицы один снизошел на землю, чтобы быть человеком, и был распят в Иудее. Если мы мусульмане, то должны верить в то, что нет бога, кроме Аллаха, и Магомет пророк его. Мы можем быть праведными буддистами и отрицать, что Будда существовал. Или, лучше сказать, мы можем думать, что наша вера в его историческое существование не важна, важна вера в Учение». И далее: «... верить в историческое существование Будды или интересоваться им было бы чем-то наподо-

бие смешения изучения математики с биографией Пифагора или Ньютона. Одна из тем медитации у монахов Китая и Японии — сомнение в существовании Будды. Это одно из сомнений, которое они должны преодолеть, чтобы постичь истину» (Борхес, 1995, с. 22).

В исследовании посвященном герменевтике буддизма, С. Ю. Лепехов, А.М. Донец, С.П. Нестеркин (2006) полагают, что можно говорить о религиозном и нерелигиозном буддизме. Эта же мысль содержится и у О.О. Розенберга (1991).

Вот характеристика просветленного, или архата: «Человек, который не верует и знает несозданное, разорвал привязанности, положил конец случаю, отказался от желания, — поистине благороднейший человек» (Дхаммапада, 1991, с. 19).

Будда называл таких людей «неверующими» в том смысле, что у них нет ни веры, ни верований, они обладают знанием благодаря проникновенной медитации прозрения. Тот, кто верит, все еще не знает. Платон, живший примерно во времена Будды Шакьямуни, выразил эту мысль так: «Мудрому не нужна вера, у него есть разум».

Мы задавали буддийским ламам Бурятии (как бурятам, так и выходцам с Тибета), как правило, высокообразованным людям, следующий вопрос: «В современной физике часто используют такие понятия, как „демон Лапласа“, „демон Максвелла“, где термином „демон“ персонифицируют некие физические принципы, закономерности, которые мог бы реализовать гипотетический „некто“ или „нечто“. При этом, конечно, физики не подразумевают реального существования этих демонов, точно так же как современный человек, говоря о поэтической музе, эльфах и гномах, не подразумевает их реального существования и, в отличие от поиска лох-несского чудовища или снежного человека, не организует экспедиции для их обнаружения. Так являются ли Манджушри, Белая или Зеленая Тара реальными персонажами или нет?» Мы получали разные ответы, но наиболее полный ответ

нашли в книге Чоки Нима Ринпоче (2006): « В конечном счете, — пишет Ринпоче, — колоритно украшенные божества со множеством рук и символов не существуют в реальности как вещественные и материальные. Занимаясь этими практиками, мы можем устранить нашу привычную склонность воспринимать вещи плотными, например, нашу веру в материальное существование физического тела, звука нашего собственного голоса и прочее. Если мы визуализируем тело йидама, повторяя мантру в качестве речи йидама и практикуем самадхи ума (состояние медитативного сосредоточения) йидама, то эти эффективные техники предоставляют искусные средства для очищения наших привычных стереотипов, которые способствуют материальному восприятию реальности». Принцип иллюзорности бытия Ринпоче распространяет и на образы божества. «Практикуя божество, мы очень быстро и легко достигаем сиддхи (способности) его тела, речи и ума. Поскольку божество — йидам олицетворяет полное просветление, качества отречения и реализации, то с практикой таких божеств, как Манжушри или Авалокитешвара, в нас очень быстро возникнут такие же качества, подобно изображению, отлитому из формочки. Визуализация образа божества в виде нашего собственного тела устраняет склонность к восприятию реальности плотной... однако в абсолютном смысле, на самом деле не существует ничего такого, как тело йидама или его речь. **Нет такой вещественной субстанции, как йидам. Настоящие миры Будд также не обладают реальным существованием**» (Чоки Нима Ринпоче, 2006, с. 36).

При такой трактовке понятие йидама, на наш взгляд, перекликается с понятием интроекта в психоанализе. Образ отца или значимого другого, согласно З. Фрейду, выступает неким эталоном (своеобразным йидамом) в процессе социализации ребенка, пусковым механизмом которого, по Фрейду, является эдипов комплекс. Идентификация ребенка с отцом идет на неосознанном уровне, и ребенок, в отличие от целенаправленной практи-

ки буддиста, медитирующего на «значимого другого» (йидам) и идентифицирующегося с ним, сознательно не управляет этим процессом.

Тем не менее эффект идентификации со значимым другим или даже сам факт присутствия значимого другого в одном пространственном локусе значительно меняет не только внешнее поведение ребенка (см. исследования Е.В. Субботского, 1983, по моральному развитию ребенка), но, по мнению А.У. Хараша (1980) даже усиливает его творческий потенциал, стимулируя к креативным ходам при решении творческих задач. Доказательство «инобытия личности в другом» (термин А.В. и В.А. Петровских) реализовано в остроумных экспериментах И.П. Гуренковой, В.А. Грязевой, А.Н. Смирновой, Е.Ю. Уварина, выполненных под руководством В.А. Петровского (см.: Петровский, 1996; Грязева, Петровский, 1993), где присутствие портретов «любимого» или «нелюбимого» учителя вызывало расширение или сужение зоны поиска креативных (творческих) решений предложенной экспериментатором задачи. В современной психотерапевтической практике систематическая работа с образами пока не стала распространенной практикой, и к ней прибегают лишь талантливые одиночки, использующие ее как для психокоррекционной практики, так и для развития творческого потенциала личности. Так, классикой стали эксперименты В.Л. Райкова (1992) с внушением испытуемому личности великого живописца. Испытуемые не только начинали лучше рисовать (по оценкам экспертов), но и обнаруживали в своем творчестве признаки стиля письма внушенной личности художника. Райков выставлял целые художественные галереи творчества пациентов с внушенной личностью великих художников.

Однако можно полагать, что мера идентификации пациента с внушаемой в гипнозе личностью отнюдь не полная. Мы были свидетелями забавного гипнотического сеанса, проводимого В.М. Шкловским в семидесятых годах прошлого века в рамках

Психологической школы молодых ученых. Неуверенному в себе, скованному пациенту внушалась личность А.С. Пушкина, и он, «войдя в роль» и расхаживая по сцене, как по мостовым Царского Села, вдохновенно читал стихи великого поэта (кем он был в тот момент), и это явно доставляло ему огромное удовольствие. Шкловский ввел в ситуацию третье лицо (ныне покойного П. Шихирева), представив его лицейским другом Александра Сергеевича — Кюхельбекером (Кюхлей, как его звали близкие друзья по лицейскому братству), и предложил выпить за дружбу. Наш пациент, с восторгом приняв предложение и «выпив шампанское», неожиданно для самого гипнотизера, в лучших традициях гусарского застолья, шарахнул об пол граненый стакан, обдав осколками наблюдавших это действие зрителей. На высоте эмоционального подъема Шкловский вскричал: «А теперь в „Яр“, к цыганам, к девочкам!», на что эмоциональное возбуждение пациента вдруг сменилось тревогой. Он явно скис: «А может, не надо к девочкам? Могут быть конфликты, а там и дуэли». То есть глубинная охранительная мотивация, защитные механизмы личности как были, так и остались присущими нашему тревожному пациенту и ограничили его фантазийную активность. Гипнотическое внушение «другой личности», очевидно, не трансформирует полностью личность внушаемого, а наслаивается на нее, функционируя в тех пределах, которые допускают моральные ценности, этические установки исходной личности, подвергаемой внушению.

Приведенные примеры психотерапевтической (или около нее) практики влияния интроекта или «значимого другого» на личность пациента близки, на наш взгляд, практике медитации на йидам, правда, с существенным различием в звене интерпретации, так как принцип «анатта» в буддизме отрицает реальность личности («я» или эго), как, впрочем, и иной реальности. Буддийская концепция пустоты («шуньята») утверждает иллюзорность представленного в сансаре мира, как и иллюзорность

личности самого наблюдателя. В отличие от академической (западной) американской и европейской психологии (куда относится и отечественная), где личность выступает вершиной психики, а «Я», по образному выражению О. Кюльпе (1914), — верховным правителем (хозяином) психических функций, буддийское мировоззрение полагает их иллюзией омраченного сознания. Буддизм отрицает то, что в брахманизме или джайнизме получило название «джива» (душа) или «пудгала» (личность). «Все, что мы считаем „своим“ или „собой“, например, „мой дом“, „моя семья“, „мое тело“, „мои мысли“, „мои взгляды“ — все это не является нашим, так как в действительности не существует никакого обладателя» (Квантипалло, 2005, с. 64). В ведическом брахманизме, откуда и в оппозиции чему возник буддизм, существует понятие «Атман» — своего рода «искра божественная», которая есть в любом живом существе, которая затем возвращается, сливается океаном космического Абсолюта (Брахмана). В буддизме же принцип «анатман» отрицает существование «Я», подчеркивает иллюзорность этого переживания.

Рассуждения буддистов, а конкретнее, школ йогачары и Махаяны просантики, на наш взгляд, близки современному конструктивизму (Келли, Герген, Петренко, Харре). Так, Р. Харре, призывает психологов переключить внимание в исследовании с поиска «Я» как некой сущности, которую надо раскрыть и описать, на конструирование «Я».

В конструктивистском подходе в духе Дж. Келли сознание человека рассматривается по аналогии с работой ученого, который конструирует модели мира, себя, других людей. «Личность», или «Я», рассматриваются как когнитивные конструкции, «Я-концепции», построенные нашим сознанием, чтобы связать индивидуальный опыт, нанизав на временную нить и интегрировав те события, свидетелем которых было сознание.

Буддисты выражают сходные идеи «несубстанциональности», иллюзорности «Я» более образно. «Это как если бы горная

тропа оказалась завалена каменными глыбами и осыпавшейся землей; и вот для того, чтобы взобраться на вершину, кто-то расчищает и разравнивает тропу, пока ему, в конце концов, не удастся вскарабкаться наверх и достичь полного кругозора. Эти факторы просветления можно сравнить с расчисткой и разравниванием такой тропы. Единственное различие в этом сравнении состоит в том, что когда открывается полный обзор, оказывается, что на вершине никого нет!» (Бхикку Квантипалло, 2005, с. 79).

Идея иллюзорности «Я» имеет огромный психотерапевтический эффект. Если в психоанализе эффект вытесненного в бессознательное травмирующего переживания снимается путем его осознания и переосмысления, «на место Оно надо поставить Эго», полагал Фрейд. Таким образом, через осознание и тем самым обобщение (за сознанием стоит человеческая культура) снимается эффект единичной уникальности психологической травмы. («Это может быть с каждым») «От тюрьмы и сумы не зарекайся» — гласит русская пословица. Единичный аффект растворяется во всеобщем социальном.

Буддизм в концепции «аннатман» (санскрит) или «анатта» (пале) идет еще дальше психоанализа, снимая эффект страдания — просто за отсутствием адресата. «Я» как временное мимолетное сочетание дхарм (элементов сознания) просто не несет тяготы прошлого за спиной. Осознание иллюзорности «Я» снимает проблему личного страдания, замещая ее состраданием ко всем существам — людям, животным, богам, духам и т. д. На место Я (Эго) буддизм ставит Единое Сущее (единство всех живых существ).

Рассмотрим другой пример йидама. «На ясном и чистом диске луны вы помещаете слог-источник. Из этого слога-источника исходят лучи ярко-синего цвета, которые распространяют огромное и живое сострадание, лучащееся за пределы неба и пространства. Он удовлетворяет потребности и исполняет желания чувствительных существ, принося с собой горячую и сердечную

атмосферу, позволяющую осветить смятения. Затем, исходя из этого слога-источника, вы создаете Махавайрочану Будду белого цвета с чертами аристократа — ребенка восьми лет, невинного вида, чистого, мощного, царского. Он одет в костюм индийского средневекового царя. Он носит искрящуюся золотую корону с инкрустацией из волшебных драгоценностей для исполнения желаний. Часть его длинных волос развеивается по плечам и спине; другая часть образует на макушке его головы пучок волос, украшенных искрящимся голубым алмазом. Он сидит в позе лотоса на лунном диске, его ладони сложены в мудру медитации и держат ваджр, вставленный в чистый белый кристалл» (Моаканин, 2004, с. 77).

Эта практика, как нам кажется, связана с индивидуальным очищением от негативных эмоций, пробуждением ребенка в себе, яркости и чистоты чувств. В современных гипнотерапевтических практиках (например, в работе Милтона Эриксона, В. Кучеренко) используется регресс в прошлое, когда у пациента, находящегося в трансе, из глубин памяти актуализируются эмоционально насыщенные картины прошлого, энергетика которых меняет краски дня сегодняшнего: «Я маленькая девочка, с большими бантами, вплетенными в косы, с огромным букетом пионов иду в первый класс в школу. Меня ведет моя мама, совсем молодая. На мне коричневое платьице с кружевным воротничком и белый передник. Я смотрю себе под ноги и вижу разбитую после падения с велосипеда коленку. На мне те самые кожаные сандалики и белые носочки. Я беру маму за руку и перевожу взгляд в голубое небо. Мне тревожно и радостно».

Другой пример отчета пациентки 60 лет, проходившей у нас сеансы по поводу тяжелого соматического заболевания. Ей полтора года. Она на руках у матери. Они на высоком берегу и перед глазами море. Она первый раз видит море. Она чувствует запах водорослей. Рядом папа. Папа и мама молодые. Она одета в легкое платьице и башмачки. На вопрос гипнотизера: «А как

застегнуты башмачки?» отвечает: «На пуговку». Этот прием возрастной регрессии позволяет актуализировать образ «Я» и схему тела того времени, когда человек был юн и здоров. Пациентка до этого была не способной управлять движением руки, после курса сеанса стала одинаково хорошо владеть обеими руками.

Еще один пример визуализации йидама, связанный с махаянской практикой «Тонг-лен» («отдавание и принятие») приводит Чоки Нима Ринпоче: «Мы представляем себя в образе Великого Сострадательного, белого пробужденного Авалокитешвары, и визуализируем, что лучи света, представляющие наши заслуги, наши знания, сострадание, добродетельную карму, славу, удачу и прочее, исходят из нашего тела во всех направлениях. Они струятся вовне и расходятся подобно лучам света, падая, как снежные хлопья, осыпая живых существ и растворяясь в них. Таким образом, мы распределяем всю нашу позитивную энергию между всеми остальными существами. Затем мы представляем, что в нас впитываются все их страдания, плохая карма, омрачения и тому подобное. Наконец, мы представляем, что улучшили накопленные заслуги и что наше тело в образе Авалокитешвары стало еще более ярким, ослепительным и чистым, чем ранее» (Чоки Нима Ринпоче, 2006, с. 50).

Если в буддийских практиках визуализации используется, как правило, образ йидама, взятый из сакрального (мифологического) пантеона, носителя тех или иных востребованных психических состояний, то, объектом созерцания может стать и заурядный бытовой объект.

Есть история о том, как пастух буйволов стал учеником Нагарджуны, одного из великих буддийских учителей, жившего в Индии предположительно во II веке. Простец пастух испытывал затруднение при медитации на йидам, так как всю жизнь пас буйволов и привык видеть только их морды, образы которых и лезли ему в голову при сосредоточении внимания. Тогда Нагарджуна посоветовал своему незадачливому ученику пытаться

при медитации представить себя могучим буйволом с торчащими рогами. Пастух практиковал так долгое время, и однажды Нагарджуна получил от него послание, в котором тот извинялся, что долгое время не появлялся у учителя, так как не мог выйти из своей пещеры из-за своих слишком великих рогов: они оказались шире выхода из пещеры. Нагарджуна в ответ послал письмо, в котором говорилось: «Это очень хорошо. Ты достиг некоторой устойчивости в шаматхе (практика медитативного успокоения ума), и теперь тебе нужно визуализировать, чтобы рога исчезли». Выполняя такую визуализацию, пастух смог через некоторое время покинуть пещеру. «Эта история, — пишет Чоки Нима Ринпоче, — не просто шутка. Благодаря устойчивости ума, обретенной на этом этапе, позднее ученику было легче получить указующее наставление. Это было искусное средство, примененное Нагарджуном, так как этот человек не мог сосредоточиться ни на чем другом, кроме головы буйвола» (Чоки Нима Ринпоче, 2002, с. 63).

Эта почти анекдотическая история имеет прямой аналог в нашей практике гипнотерапии. В целях энергетической подпитки пациентам внушался образ огромного, могучего тигра, с которым они идентифицировались, т. е. воображали себя этим тигром (если пользоваться буддийской — тантрической — терминологией, тигр являлся йидамом для пациентов). Пациенты ощущали себя сильным могучим животным, мягко и упруго ступающим на когтистые лапы. Пациенты чувствовали себя способными прыгнуть на десять — пятнадцать метров. (Сильным переживанием одного из авторов статьи при отработке этой практики было необычное чувство расширения лица до ширины морды животного и увеличение межглазного расстояния.) Сильное пружинистое тело было полно жизни и энергии. В дальнейшем пациенты учились входить в этот образ тигра, когда того требовало болезненное физическое состояние или напряженная бытовая ситуация. Пациенты успешно применяли этот прием

в жизни, но однажды одна из пациенток созналась: «Я вхожу в образ тигра, когда в своей фирме я чувствую себя неуверенно. Все бы было хорошо, но все время хвост начинает стучать об пол». Другой пациент после внушения ему образа могучего гиганта, отправляясь по утрам на машине на работу, при въезде в туннель все время инстинктивно пригибал голову.

Если в буддийской практике визуализации на йидам в его роли выступает некое просветленное божество мужского или женского рода, то в гипнотерапии образы визуализации не задаются заранее, а спонтанно всплывают при концентрации внимания и остановке вербального сознания. Пациент может ощутить себя маленьким плачущим ребенком, а потом вдруг видит себя грозным средневековым рыцарем, скачущим с копьем наперевес, с развивающимся красным плюмажем на острие боевого шлема. То он ощущает себя бабочкой крылышками «бьяк, бьяк», которую встречные порывы ветра заносит то в одну, то в другую сторону; а то вдруг птичкой, склевавшей бабочку и теперь на упругих крыльях устремившуюся ввысь, в синеву неба, или даже капелькой росы на зеленом листике, искрящейся на солнце. Выбор того или иного образа и логика их переходов (как и динамика сна), очевидно, диктуются внутренней динамикой эмоциональных состояний пациента, грамматику и синтаксис которых еще предстоит понять и реконструировать. В любом случае логика бессознательного, проявляющаяся в последовательности всплывающих образов и в их содержании, обусловлена задачами «работы переживания» («работы горя» — в терминах Василюка, 1984) и связана с самолечением и гармонизацией нашей психики (или души).

Наряду с просветленными образами Бодхисаттв в роли йидама могут выступать и гневные защитники учения, наводящие страх и трепет на практикующего.

Рассмотрим описание одного из этих божеств: «Махаваджрабхайрава должен иметь тело интенсивно-синего цвета, де-

вать лиц, тридцать четыре руки и шестнадцать ступней. Ноги с левой стороны должны быть впереди, а правой — сзади. Он способен проглотить три мира. Он хихикает и издает сильные крики. Его язык вогнут. Он скрипит зубами и хмурит брови. Из его глаз и бровей вырываются языки пламени, подобные космическому огню в момент разрушения Вселенной. Его желтые волосы бесконечны. Он угрожает богам материальных, равно как и нематериальных сфер. Он нагоняет страх даже на ужасающие божества. Он выкрикивает слово „страдание“ голосом, подобным грохоту грома. Он пожирает человеческую плоть, костный мозг и жир и пьет кровь. На его голове венки из пяти ужасающих черепов, и он носит ожерелье из пятнадцати свежесрубленных голов. Его жертвенный шнур имеет форму черной змеи. Его серьги и украшения сделаны из человеческих костей. У него огромный живот, он наг, и его пенис пребывает в эрекции» (Моаканин, 2004, с. 76).

У читателя может вызвать недоумение полезность визуализации, а через нее и идентификации практикующего со столь ужасающим образом. Какие сиддхи (сверхестественные качества) мы можем обрести, идентифицируясь с ним? И здесь опять очевидна параллель с психотерапевтическими практиками. В психотерапии детей, страдающих детскими страхами, боящихся Бабу-ягу, вурдалаков или иных чудовищ, используют прием, когда дети рисуют страшных персонажей или сами изображают, играют их. С дикими воплями ребенок бежит по комнате, изображая страшилище: «Мы страшные, страшные бабы-яги». Играя пусть негативного, но могучего персонажа, он сам становится всемогущим, устрашающим других. И в то же время появляется возможность для самоиронии. Так он не идентифицируется полностью со злым персонажем, изображая его: он гротескно преувеличивает его характеристики и тем самым как бы отстраняется от них. Как актер брехтовского театра масок, он не идентифицируется полностью с персонажем (как в методе уподобления в режиссуре Станиславского), а как бы комментирует его.

Интересная психотерапевтическая и, можно сказать, режиссерская находка — «прием эмоциональной инверсии» — принадлежит В.В. Кучеренко. Неуверенному, тревожному ребенку, проходящему психотерапию, внушается образ ночного леса. Вот он идет по лесной тропинке, под ногами хрустит валежник, где-то ухает филин, слышны крики ночных птиц, рев животных, а деревья приобретают причудливые образы грозных великанов. И вдруг из ближайшего куста на него смотрят не мигая, в упор, два огромных светящихся глаза. Ребенка охватывает ужас. Тело сковано, ноги прилипли к земле. Бежать невозможно. Ужас! Ужас! Нет возможности терпеть этот ужас.

И вдруг из-за кустов, откуда на ребенка смотрели два фосфоресцирующих глаза, выползает маленький черный котенок с расширенными, огромными от ужаса зрачками. Он потерял маму, он весь трясется от страха. Его огромные глаза умоляюще смотрят на ребенка. Он нуждается в помощи. Происходит трансформация ситуации и катарсис: «Так вот кто на самом деле нуждается в помощи и защите. А ты такой большой и сильный в сравнении с котенком можешь ему помочь». И вот уже ребенок чувствует себя великаном и заступником слабого. Он большой и добрый и никого не боится.

Другая функция медитации на страшных опасных ситуациях, например «медитация на смерти», «медитация на трупах» (см.: Ньянапоника, 1994), связана с культивированием непривязанности к телу (практика чод — отсечения страха), с необходимостью осознания иллюзорности «Я» (принцип анатман), а в психотерапевтических практиках — с активизацией инстинкта самосохранения и активизацией работы иммунной системы. Внушается переживание тяжести в теле, нет возможность двигаться, как будто тебя засасывает жирная, зловонная тряпина. Болотная жижа сдавливает тело все сильнее и сильнее. Пузыри болотного газа скользят по телу. В кожу впиваются болотные пиявки. В рот попадают остатки гниющих растений и разлага-

ющиеся останки животных. Захлебываясь, человек ощущает судороги, конвульсии. После переживания предсмертной агонии возникает ощущение разлагающегося трупа. На теле возникают трупные пятна. Разлагается мясо, стекая с костей. Все тело как бы растворяется в болоте.

С растворением, с исчезновением тела (для буддистов это переживание равносильно утрате эго) человек освобождается от страха смерти. «Я», утратившее физическую оболочку, оказывается внутри гораздо более обширного и богатого образа (пространства): элементами схемы тела (оболочки «Я») выступают движения воздушных потоков, потоки солнечного света, водные и лесные просторы — жизнь во всех ее проявлениях.

Остается опушка леса на краю болота, покрытая яркой зеленью. Яркое солнце Белоснежные облака плывут по синему небу. Слышится пение птиц. Все наполнено движением звуков, красок. Все полно движением жизни.

На этом примере можно почувствовать, что работа по визуализации в измененных состояниях сознания связана с изменением категоризации, со снятием субъект-объектной оппозиции «Я» и мира, или, говоря языком буддизма, «снятием двойственности». Меняются границы самоидентификации. В состоянии медитации физическое тело как бы растворяется в самых разных проявлениях «божьего мира» и сознание резонансно всему миру. В измененных состояниях сознания изменяется категоризация себя, других существ, мира и в состояниях близких к нирване в пределе снимается. Переживания глубокой медитации трудно выразимы в естественном языке. Вербальное, выраженное в языке, сознание по своей сути направлено на объекты внешнего мира, т. е. интенционально, и, так сказать, обслуживает социальное бытие человека. Даже будучи направлено внутрь себя, оно остается опосредованным языком, социальным и культурно-историческим, т. е. пристрастным. Человек смотрит на себя глазами своей эпохи, своей культуры, своей религии. Сознание культур-

но-исторично (Выготский, Лурия, 1930; А.Н. Леонтьев, 1981; Коул, 1997; Асмолов, 1996; Шкуратов, 1997) и в силу этого неизбежно пристрастно, так как оно призвано воспринимать мир, исходя из нужд и потребностей деятельного человека, из его мотивом и ценностей, следовательно, с точки зрения буддийской философии является «омраченным», включающим «клеши» (эмоции и аффекты), привязывающие человека к миру сансары.

Вербальное сознание дискретно, дискурсивно и семиотично. Оно категоризует мир, исходя из логики языка (см. теорию лингвистической относительности Сэпира–Уорфа), дискретного по своей природе, и следует логике этого языка, заложенной в синтаксисе и грамматике. «Любая попытка, — пишет Торчинов, излагая и интерпретируя взгляды Нагарджуны в «Сутре сердца праджня–парамиты», — создать адекватную реальности метафизическую систему обречена на провал: думая, что мы описываем бытие, мы описываем лишь наши представления о бытии, созданные нашей различающей мыслью, положившей, прежде всего субъект-объектную дихотомию как условие эмпирического познания. Вначале мы навешиваем на реальность ярлыки, а потом принимаемся изучать их, принимая их за саму реальность, или, другими словами, принимаем за луну палец, указывающий на луну» (Торчинов, 2005, с. 126).

В теории личностных конструкторов Дж. Келли дается обоснование языка как инструмента конструирования опосредованного знания в форме моделей мира, других людей и самого себя. Язык — «дом бытия» (Хайдеггер) — позволяет человеку обжить пространство существования и ограничить его пределы.

Однако, как показывают религиозные практики, медитация и психотерапия, помимо опосредованного языком канала мировосприятия, существует и канал (или каналы) прямого, неопосредованного знания. Неопосредованное знание имеет две формы, или два аспекта, которые можно условно обозначить как горизонтальный и вертикальный. Горизонтальный канал — интуиция

(в терминах Анри Бергсона, 1998; Лосского, 1992), или эмпатия, позволяющая одному живому существу сопереживать, сочувствовать другому, ощущать боль и страдание другого существа, чувствовать его эмоциональное состояние¹⁶. Авторы сборника «Психотерапия и духовные практики» пишут: «Боль и тревога клиента — это как бы призыв к терапевту оставить свою привязанность к положению эксперта и вместо этого проникнуть в мир психики клиента и разделить с ним его горести. Работая со страхом пациента, психотерапевт находит, что и сам получает возможность дальнейшей работы над собственным страхом. Помогая кому-то исследовать чувство пустоты и одиночества, лежащее в глубине даже самых интимных его взаимоотношений, одновременно получает шанс заметить эту часть собственной психики и тоже установить с ней взаимоотношения. В действительности существует только одно сознание. Хотя для некоторых людей это может звучать какой-то непонятной мистикой, тем не менее в момент подлинного контакта осознание пациента и осознание психотерапевта оказываются двумя концами одного континуума» (Дж. Нидлман, Р. Скиннер, Дж. Уэлвуд, Э. Фромм, Р.Д. Сакаи, 1998, с. 8).

Работа эмпатийного канала проявляется в феноменах любви, альтруизма, лицедейства; благодаря ему мы сопереживаем персонажам театра и кино, становясь на время этими персонажами. Работа этого канала может иметь не только положительный с точки зрения человеческой морали, но и негативный знак.

¹⁶ А. Бергсон приводит в качестве примера интуиции то, как оса-наездник наносит парализующий укол в ганглии гусеницы, чтобы использовать ее в качестве пищи для собственной личинки. Оса безошибочно находит ганглии у гусеницы не в результате «проб и ошибок» (как следует из теории научения в бихевиоризме), а благодаря интуиции чувствуя эти ганглии в себе, моделируя средствами собственной психики чужую телесность. Механизм интуиции, с точки зрения Бергсона, возможен в силу того, что живые организмы имеют общие эволюционные корни, позволяя идентифицироваться живому относительно живого.

Так, престарелые, страдающие импотенцией римские патриции переживали сексуальные эмоции, наблюдая за сексуальными оргиями рабов, идентифицируясь с ними. Или серийные маньяки и садисты типа Чекатило подхлестывают собственную импотенцию чувств через сопереживание боли, наносимой ими жертве.

В случае художественной литературы и поэзии с их вымышленными персонажами («ночевала тучка золотая на груди утеса великана») труднее объяснить в духе А. Бергсона сопереживание как эмпатию живых существ живым существам. Хотя можно предположить, что поскольку за вымышленными персонажами скрывается вполне реальный автор, то мы сопереживаем эмоциональным движениям его души, либо допустить в качестве объекта эмпатии существование мысле-форм, порожденных творчеством писателя, в виде интроектов. Вспомним пушкинское «Над вымыслом слезами обольюсь», образы «Стойкого оловянного солдатика» или «Штопальной иглы» Г.Х. Андерсена.

Эмпатия, или интуиция, подразумевает некоторую активность воспринимающего («поднастройку» — в терминах НЛП; см.: Бэндлер, Гриндер, 1995). Мы (зрители) затаили дыхание, напрягаемся в момент опасности для экранного героя. Желательно принять позу, дышать в том же ритме, что и человек, к сознанию которого подстраивается гипнотизер, суггестор. Трудно в гипнозе ощутить себя птицей, сидючи со сложенными руками. Только раскинув их («расправив крылья»), можно ощутить встречный ветер, почувствовать давление воздуха и планировать на упругих крыльях, опираясь на воздушные потоки.

Вертикальный канал непосредственного, лишённого категоризации познания связан с полным прекращением какой-либо ментальной активности. Концентрация внимания на непредметный объект (типа плоскости или пространства определенной окраски) ведет к остановке потока мыслей, образов. Анализируя концепцию «просветления» в «Махаяне — Шраддхотпада — шаштре», Н.В. Абаев (1989) пишет, что согласно этой шаштре ис-

тинное («неомраченное») сознание обладает недвижимой природой, но «клеши» (эмоции и желания) вызывают движения мысли. «Это подобно воде в океане, волны которого поднимаются под действием ветра. Подобно этому, сознание человека, чистое по природе, приходит в движение (т. е. возбуждается) под действием ветра неведения. Сознание обладает неподвижной природой, и если неведение исчезает, то поток ложной активности тоже прекращается, но природа мудрости остается неизменной и не исчезает» (Ашвагоша, 1989, с. 251). В приведенной цитате шастры содержится идея пассивности истинного, «неомраченного», сознания, диаметрально противоположная представлениям о сознании в теории деятельности А.Н. Леонтьева (1975), С.Л. Рубинштейна (1935), где подчеркивается активная, деятельностная природа сознания. В известных экспериментах А.Л. Ярбуса (1965), где с помощью присоски объект наблюдения устанавливался непосредственно на глазном яблоке наблюдателя, лишая тем самым его возможности сканировать объект, т. е. осуществлять двигательную активность глаза в поле восприятия, объект, через некоторое, весьма незначительное время исчезал из поля зрения наблюдателя, становился для него невидимым. Эти эксперименты иллюстрируют идею того, что процессы восприятия и осознания требуют активных действий самого наблюдателя. В.П. Зинченко и Н.Ю. Вергилес, воспроизводя эти исследования, показали, что поддерживать восприятие объекта можно не только внешней активностью движения глаза, но и внутренними действиями переключения внимания. Эти движения внимания по полю стабилизированного изображения были названы ими «викарными перцептивными действиями». Возможность викарных перцептивных действий ставит, по крайней мере, под вопрос полное отрицание какой-либо активности субъекта в состоянии «неомраченного», непосредственного, связанного с «верикальной» медитацией сознания и требует своего экспериментального решения. Электрофизиологические исследования энцефалограмм людей в глубо-

кой медитации показывают несводимость их биоритмов ни ко сну, ни к бодрствованию и позволяют выдвигать гипотезы о нейрофизиологии особых измененных состояний сознания.

Но вернемся к медитации как вертикальному каналу прямого непосредственного познания. В разных традициях он обозначается как «озарения», «йоговская интуиция», «сошедшая благодать», «прямое видение», «пророческое видение». Медитативное знание целостно и недискретно. Оно не содержит в себе каких-либо конструктов. «У него не существует свойства „хорошее“ и „плохое“, „большое“ и „маленькое“, „красивое“ и „безобразное“, в этом заключается его недвойственность. Сущность его абсолютно чиста». И далее: «В медитативной практике происходит процесс перехода от сампраджнятасамдхи к асампраджнята, где созерцающий теряет в объекте мышления его форму и различия. Вместо созерцаемого объекта появляется неопределенность, бездна, нечто противоположное всему феноменальному. Здесь, в этот момент, теряя феноменальную природу объекта, индивид раскрывает в себе ноуменальную реальность мира. Через совпадение блаженства и шуньи (пустоты) он обнаруживает вместиорожденную мудрость (джняна)» (Дандарон, 1997, с. 12).

И когда мы определили медитацию как прямой канал познания, то открытым остается вопрос: а познание чего? Возможно ли открытие какой-либо позитивной информации о мире, о себе, о прошлом и настоящем, а может быть, и о будущем?

Представления о невременном характере медитативных состояний допускает такую возможность: «Махамудра — это не событие во времени, она скорее есть время, не ограниченное драгоценным „сейчас“, но включающее прошедшее и будущее, о которых мы обычно думаем как о несуществующих» (цит. по: Дандарон, 1997, с. 18).

Мы не беремся ни утверждать, ни опровергать возможность «заглянуть» в медитативном состоянии в прошлое или будущее, по крайней мере, в рамках настоящей статьи. Что мы доподлин-

но утверждаем? Медитация через концентрацию внимания, через многократное повторение мантр останавливает «поток сознания», прерывая процесс вербальной категоризации. Категоризация (или опосредованность значениями, по А.Н. Леонтьеву) всего того, что Л.С. Выготский называл высшими психическими функциями (восприятие, память, внимание, мышление) позволяет человеку использовать кристаллизованный в значениях опыт человечества, опыт предков. Но опыт, обогащая, одновременно ограничивает. «Границы моего языка определяют границы моего мира», — писал Л. Витгенштейн (2003, с. 5). Медитация снимает (на время, конечно, для человека, не достигшего уровня сознания ботхисаттвы) все возможные формы категоризации, в том числе и категоризацию собственного «Я». Вернее, если исходить из принципа «аннатман» (иллюзорности «личности»), того рефлексивного сознания, которое, опираясь на события прошлого, мнение других, самооценку и тому подобное, категоризует самое себя, создавая «Я»-образ. Декатегоризация «Я» напоминает «снятие ошибки стимула» Э. Титченера, т. е. ту специфическую установку сознания по распределению предметных образов, когда взамен известных предметов (например, книги лежащей на столе) психолог в рамках аналитической интроспекции описывает контуры и перепады яркости, цветовые пятна, соответствующие «феноменальной ткани» того, что при категоризации мы называем «книгой». Однако в отличие от установки по распределению предметного мира при медитации сознание устремлено внутрь себя. Измененные состояния сознания ведут к изменениям форм категоризации мира, себя, других (см.: Петренко, Кучеренко, Вяльба, 2006). Процесс декатегоризации «Я», как шелуху, снимает стереотипы привычных форм осознания собственной личности, значимости «Я». И здесь этот процесс, по-видимому, когерентен важнейшей человеческой проблеме — проблеме духовности. Под духовностью мы понимаем обретение смысла

человеческих деяний и самой жизни. Нечто (поступок, жизнь индивида, существование цивилизации, существование человечества) имеет смысл в контексте, выходящем за рамки означаемого, в контексте чего-то большего, в которое это нечто включено. Поднимаясь вверх по «духовной вертикали», человек осознает как мимолетность собственного бытия, так и его значимость как звена рода, носителя национальной и общечеловеческой культуры и, наконец, носителя частицы, искры Мирового Духа (или Интегрального сознания). Феномен Духовность, возникнув в первую очередь в рамках религиозного сознания, где высшим мерилom вечности, абсолютной системой отсчета является Бог, на наш взгляд, не является феноменом только религиозного сознания. Расширение границ идентичности расширяет контекст существования и наполняет смыслом собственное бытие человека, делая его духовным. Процесс медитации изменяет формы категоризации мира и себя, раздвигает границы идентичности, в пределе вообще снимая какие-либо формы категоризации. В пределе декатегоризация ведет к восприятию пустоты (шуньяты), а состояние измененного (лишенного категоризации) сознания — к нирване. При этом нирвана не есть тупое созерцание беспредметного ничто, а полный блаженства эмоциональный аккорд, лишенный, впрочем, какого-либо чувственного начала. Это чувство единства со всем миром живого и неживого (впрочем, в состоянии нирваны нет этой дихотомии), с миром, в котором нет и индивидуального сознания. Сознание как светлый поток, впадая в безбрежный океан, становится частью Единого. Сознание верующего христианина, ощутив присутствие Бога, вкушает беспредельную благодать. Сознание буддиста, лишенное двойственности и каких-либо форм категоризации, раскрывается как беспредельный покой и свобода — свобода от кармических перевоплощений и освобождение от сансары. Сознание ученого, испытав искушение нирваной (подобно бодхисатве, оставшемуся в миру

ради просвещения всех живых существ) и пережив внеопи- симость трансперсонального опыта, тем не менее пытается «за- глянуть» в возможные формы внеземного бытия, обратив взор «внутри самой себя», внутрь собственного сознания.

ЛИТЕРАТУРА

- Абаев Н.В.** Чань-Буддизм и культурно-психологические традиции в средневековом Китае. Новосибирск: Наука, 1989.
- Альбедиль М.** Буддизм. СПб.: Питер, 2006.
- Андросов В.Н.** Нагарджуна и его учение. М., 1990.
- Андросов В.Н.** Будда Шакьямини и индийский буддизм. Современное истолкование древних текстов. М.: Восточная литература, 2001.
- Асмолов А.К.** Культурно-историческая психология и конструирование миров. М.: Воронеж, 1996.
- Ашвагоша.** Шаstra о пробуждении веры в Махаяне/ Пер. Н.В. Абаева «Махаяна-шрадхотпада-шастры» // Чань-Буддизм и культурно-психологические традиции в средневековом Китае. Новосибирск: Наука, 1989.
- Аюшева Д.В.** Современный тибетский буддизм на Западе. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 2003.
- Базаров А.А.** Институт философского диспута в тибетском буддизме. СПб.: Наука, 1998.
- Бергсон А.** Творческая эволюция. М.: Канон-Пресс, 1998.
- Бонгард-Левин Г.М.** Древнеиндийская цивилизация. Философия, наука, религия. М., 1980.
- Борхес Луис Борхес.** Вкус спасения // Культурно-Экологический журнал. Байкал. Улан-Удэ, 1995. Спецномер.
- Буддизм. Каноны, История, Искусство. Научное издание. М.: ИПЦ «Дизайн, Информация, Картография», 2006.
- Бхикку Квантипалло.** Секреты медитации. М.: Беловодье, 2005.
- Бэндлер Р., Гриндер Д.** Шаблоны гипнотических техник Милтона Эриксона с точки зрения НЛП. М.: Независимая ассоциация психологов-практиков, 1995.
- Василюк Ф.Е.** Психология переживания. М.: МГУ, 1984.

- Василюк Ф.Е.** Переживание и молитва. Опыт общепсихологического исследования. М.: Смысл, 2005.
- Витгенштейн Л.** Языки как образ мира. М., 2003.
- Волкова А.Н.** Феноменология мистического опыта. СПб., 2002.
- Выготский Л.С., Лурия А.Р.** Этюды по истории поведения. М.: Л., 1930; 2-е изд. М.: Педагогика, 1993.
- Гостев А.А.** Дорога из зазеркалья: психология развития образной сферы человека. М., 1998.
- Гриндер Д., Бэндлер Р.** Структура магии. М.: Каас, 1995.
- Гроф С.** Холотропное сознание. М., 2002.
- Грязева В.А., Петровский В.А.** Одаренные дети: экология творчества. М., 1993.
- Зинченко В.П., Вергилес Н.Ю.** Формирование зрительного образа // Исследование деятельности зрительной системы. М.: МГУ, 1969.
- Дандарон Б.Д.** Письма о буддийской этике. СПб.: Алетея, 1997.
- Джаммапада /** Пер. с пали, введ. и коммент. В.Н. Топорова. Рига: УГУНС, 1991.
- Джампа Тинлей.** Значений мантры Будды Шакьямуни «Ом Муни Муни Маха Муни Суха» // Культурно-Экологический журнал. Байкал. Улан-Удэ. 1995. Спецномер.
- Джеймс У.** Многообразии религиозного опыта. М., 1993.
- Ело Ринпоче.** Боевая чакра. Махаянское преобразование мышления. Комментарии к тексту Дхармаракшиты. Улан-Удэ: Ринпоче — Бакша, 2006.
- Карицкий И.Н.** Теоретико-методологическое исследование социально-психологических практик. М.; Челябинск: Социум, 2002.
- Козлов В.В.** Психотехнологии измененных состояний сознания. М.: Институт психиатрии, 2005.
- Козлов В.В., Майков В.В.** Основы трансперсональной психологии. Истоки, история, современное состояние. М., 2000.
- Коул М.** Культурно- историческая психология. Наука будущего. М., 1997.
- Кучеренко В.В., Петренко В.Ф., Россохин А.В.** Измененные состояния сознания: психологический анализ // Вопросы психологии. 1998. № 3.
- Кюльпе О.** Современная психология мышления// Новые идеи в философии. СПб. 1914. № 16.
- Леонтьев А.Н.** Деятельность. Сознание. Личность. М., 1975.

- Леонтьев А.Н. Проблемы развития психики. М., 1965.
- Леонтьев А.Н. Проблемы развития психики. М.: МГУ, 1981.
- Лепехов С.Ю., Донец А.М., Нестеркин С.П. Герменевтика буддизма. Улан-Удэ, 2006.
- Лосский Н.В. Учение о перевоплощении. Интуитивизм. М.: Прогресс, 1992.
- Лурья А.Р. Лекции по общей психологии. М.: МГУ, 1968.
- Луц У., Михаэльс А. Иисус или Будда. Жизнь и учение в сравнении // М.: Библейско-богословский институт св. апостола Андрея, 2005.
- Минделл А. Сновидение в бодрствовании. М., 2004.
- Моаканин Р. Психология Юнга и буддизм. М.: СПб., 2004.
- Ньянапоника. Внимательность как средство духовного воспитания (буддийский метод сатипаттхана) // Медитация. М.: Олма-пресс, 1994.
- Нью Сэн-жу. Путешествие в далекое прошлое // Танские новеллы (VII–IX вв.). М., 1970.
- Ожиганова Г.В. История психологии: концептуальные подходы и методы исследования // Психологический журнал. Т. 25. 2004. № 3.
- Ольденбург С.Ф. Жизнь Будды. СПб., 1919; 2-е изд. Новосибирск, 1994.
- Палама Г. Триады в защиту священо-безмолвствующих. М.: Изд. «Канон +», 2005.
- Парябок А.В., Эрман В.Г. Перевод и предисловие к «Джатаки: избранные рассказы о прошлых жизнях Будды». СПб., 2003.
- Петренко В.Ф. Конструктивистская парадигма в психологической науке // Психологический журнал. 2002. № 3.
- Петренко В.Ф., Кучеренко В.В., Вяльба Ю.А. Психосемантика измененных состояний сознания // Психологический журнал. 2006. № 5.
- Петровский В.А. Личность в психологии. Ростов-на-Дону: Феникс, 1996.
- Померанц Г.С., Миркина З.А. Великие религии мира. 3-е изд. М.: Издательский дом Международного университета в Москве, 2006.
- Психотерапия и духовные практики. Подход Запада и Востока к лечебному процессу / Сост. В.Хохлов. Минск: Вида-Н, 1998.
- Пятигорский А.М. Непрерывающийся разговор. Лекции по буддийской философии. Изд. «Азбука-классика», 2004.
- Райков В.Л. Гипноз и постгипнотическая инерция как модель исследования творчества // Психологический журнал. 1992. № 3.
- Розенберг О.О. Труды по буддизму. М., 1991.
- Рубинштейн С.Л. Краткие основы психологии, 1935.

Рудой В.И. Отечественная историко-философская школа буддологии: вклад в проблему научного истолкования буддийских философских текстов // Буддизм. Проблемы истории, культуры, современности. М., 1990.

Субботский Е.В. Нравственное развитие дошкольника // Вопросы психологии. 1983. № 4.

Топоров В.Н. Перевод с пали, введение и комментарии к Джаммапада. Рига: Угунс, 1991.

Торчинов Е.А. Введение в буддизм. СПб.: Амфора, 2005.

Тулку Тондуб Ринпоче. Тайные учения Тибета: объяснение тибетской буддийской традиции терма. СПб.: Культурный центр «Уддияна», 2006.

Уилбер К. Интегральная психология. М., 2004.

Уолш Р. Основание духовности: семь главных практик для пробуждения сердца и ума. М.: АСТ, 2004.

Хараш А.У. Принцип деятельности в исследовании межличностного восприятия // Вопросы психологии. 1980. № 3.

Хоружий С.С. Православная аскеза — ключ к новому видению человека. М.: Омега, 2000.

Цыбиков Г.Ц. Избранные труды: В 2 т. Новосибирск: Наука, 1991.

Чаттерджи А.К. Идеализм йогачары. Изд. «Центр буддологических исследований «Шеген», 2004.

Чоки Нима Ринпоче. Единство Махамудры и Дзогчена. Казань: Бланкиздат, 2002.

Шестун Е.В. Православные традиции духовно-нравственного становления личности (историко-теоретический аспект). Автореф. дис. ... д-ра филос. наук. Казань. 2006.

Шэток И.Х. Опыт внимательности // Медитация. Практика буддийского метода духовного воспитания. М.: Олма-пресс, 1994.

Шкуратов В.А. Историческая психология. М.: Смысл, 1997.

Щербатской Ф.И. Избранные труды по буддизму. М., 1988.

Эриксон М. Мой голос останется с вами. М., 2005.

Юнг К.Г. Синхроничность. Изд. «Рефл. Бук» и «Ваклер», 1997.

Ярбус А.Л. Роль движения глаз в процессе зрения М.: Наука, 1965. Cognitive Models and Spiritual Maps. Edited by **Jensine Andresen** and **Robert K.C. Forman** // Journal of Consciousness Studies. Special issue. Vol. 7. № 11–12. 2000.

The view from within. First-person approaches to the study of consciousness. Edited by **Francisco J. Varela** and **Jonathan Shear**. Published in the UK Imprint Academic. UK, 1999.

глава **VIII**

КРОСС-КОНФЕССИОНАЛЬНОЕ
ИССЛЕДОВАНИЕ
РЕЛИГИОЗНОЙ КАРТИНЫ МИРА
В КОНТЕКСТЕ БОРЬБЫ
С ТЕРРОРИЗМОМ

Кросс-конфессиональное исследование религиозной картины мира в контексте борьбы с терроризмом¹

Данная статья представляет собой обсуждение проекта кросс-конфессионального исследования религиозных менталитетов и ценностных ориентаций в контексте проблемы экстремизма и терроризма. События 11 сентября 2001 года стали во многом переломным рубежом в истории человеческой цивилизации, обнаружив цивилизационный кризис в системе ценностей и проблеме гуманитарной, культурной и религиозной идентичности. Известный, но опальный в советский период историк Б.Ф. Поршнев (1979) как-то выразил парадоксальную мысль, сказав, что в истории человечества не существовало каннибализма (что, конечно же, противоречит известным фактам антропологической науки), так как те, кто пожирал, не воспринимали как людей тех, кого пожирали. Мысль Поршнева, очевидно, генерализируется (распространяется) и на феномены геноцида и терроризма в силу того, что крайние националисты, сторонники классовых диктатур, или религиозные фанатики, ответственные за экстремистские деяния, не рассматривают свои жертвы как рядоположных себе и своей культуре людей. Одним из аспектов, под которым может быть рассмотрена проблема геноцида и терроризма, является проблема самоидентичности личности террориста по национальным, клано-

¹ Текст главы был представлен в форме доклада на конференции Россия–НАТО, Брюссель, 2002.

Глава написана совместно с Ярцевой А.И. и впервые опубликована в Вестнике РАН № 2 в 2005 году.

вым или религиозным основаниям, при отсутствии в его категоризации обобщений на основе общечеловеческих ценностей.

Терроризм и близкий к нему геноцид существовали и до XXI века, но ряд отличительных особенностей, которые будут рассмотрены ниже, позволяет рассматривать терроризм XXI века именно как новообразование — своеобразную мутацию религиозного сознания и ценностных ориентаций.

Большинство мировых религий формировалось на базе преодоления родовых и клановых форм идентификации, и идея единого Бога подразумевала и единение человечества на основе религиозной веры. Христианский принцип «нет грека и нет иудея» в иных формулировках присущ и буддизму, и исламу. Появление мировых религий было причиной и следствием образования огромных империй, государств, где сосуществование различных этнических групп осуществлялось (помимо принуждения силой) на основе общности религиозной веры и системы ценностей, диктуемых религиозной идеологией. Управление полиэтническими территориями, развитие экономики и торговли, да и последовательная гуманизация человеческого духа вели к появлению «общечеловеческих ценностей», к осознанию человечеством себя как единого вида, имеющего «мировую историю», к появлению самого понятия «человечество», объединяющего людей вне зависимости от их расы, вероисповедания и национальности. Наконец, современная наука, развитие эволюционной биологии и генетики показывают наличие популяционного единства и общности генофонда, где болезни, активизировавшиеся на одном конце света, с легкостью переносятся современными транспортными средствами на другой.

До 11 сентября акцент на безопасности в экономически развитых демократических странах делался на оборону страны от внешнего агрессора.

В XX веке символом военного могущества являлась атомная бомба, и обладание ядерным оружием казалось надежной гаранти-

ей военной безопасности страны. В России в шестидесятых годах прошлого века среди интеллигенции были популярны строки поэта Б. Слуцкого: «что-то физики в почете, что-то лирики в загоне». Современная энергоемкая цивилизация, иерархичность систем управления (когда малое воздействие может вызвать сбой всей системы, например, электроснабжения или интернет-коммуникации), высокая плотность и мобильность населения, делающая особо опасным биотерроризм, и позволили «приватизировать» возможность масштабных разрушений малой группе (секте) людей или даже отдельному индивиду. Источником опасности становится «больное сознание» фанатика. Поэтому в плане обеспечения безопасности возрастет роль гуманитарных наук — от философии, психологии социологии, этнологии и этнографии, религиоведения культурной антропологии до педагогики, этики и эстетики, призванных не только изучать сознание и культуру человека, но и формулировать и продвигать новые, в том числе футурологические, идеи бытия человека в усложняющемся мире.

Трагические события осени 2001 года, показавшие уязвимость от международного терроризма даже такого лидера западной цивилизации, как США, вызвали эмоциональный шок в мире не только в силу количества человеческих жертв и материальных разрушений — был брошен вызов как ценностям демократии и открытого общества, так и ценностям религиозного сознания. Эти события отобразили цивилизационный разлом, предсказанный С. Хантингтоном (2003), и переструктурировали геополитическую карту мира. Шок, по крайней мере, большей части цивилизованного мира от этих террористических актов был вызван и тем, что в новой и новейшей истории вариативность системы ценностей и морали была ограничена достаточно широкими, но все же рамками так называемых общечеловеческих ценностей, представленных в эксплицитной форме, например Декларацией прав человека. Согласно эволюционным моделям «Большой истории» — «закон Седова» (см. работу А.П. Назаретяна «Цивилизаци-

онные кризисы...», 2001), сложно организованная система, коими являются также и политические институты, может увеличивать «степени свободы» своего развития, только уменьшив их вариативность на низлежащих уровнях, проведя некую стандартизацию базовых форм организации. Развитие, например, биологического многообразия форм жизни связано с унификацией на клеточном уровне; развитие техники ведет к стандартизации требований к техническому продукту и т. д.

Стандартизация бытовых форм поведения в рамках человеческой культуры, появление политического и экономического права обеспечивают широту общения и свободу экономической деятельности. Некая стандартизация норм морали, общий базис явно или неявно заданных общечеловеческих ценностей позволяли взаимодействовать различным цивилизациям в рамках единого мира. И этот базис был нарушен террористическими актами 11 сентября, продемонстрировав патогенную мутацию системы ценностей, по крайней мере, одной из культурно-религиозных составляющих мировой цивилизации.

Хотя терроризм как социальный и культурологический феномен имеет уже длительную историю (некоторые авторы рассматривают его уже на примере историй из Библии, однако большинство датируют его появление XIX веком), террористические акты 11 сентября имеют ряд особенностей, в сумме позволяющих рассматривать их как некое новое образование, как некую патогенную мутацию культуры и религиозной идеологии. По моему мнению, это ряд следующих особенностей:

1. Акты направлены не на конкретную личность (как правило, политического лидера), а на мирное, непосредственно ни к чему не причастное население. Например, подрыв русскими народо-вольцами императора Александра II или подрыв индийского президента Ганди самоубийцей из организации «Тигры освобождения Тамил Илама» был направлен на конкретного человека, который, по мнению террористов, лично в чем-то виновен.

2. Акты направлены на устрашение населения, стремление вызвать хаос и панику, а не на привлечение внимания к своей политической позиции, возможность диалога с противоположной стороной. Так, русские народо-вольцы, а позднее эсеры, совершая террористический акт против конкретной персоны, не скрывались с места происшествия, стремясь превратить последующий суд в политический процесс.

3. Акты имели ярко выраженную окраску религиозного жертвоприношения, как изначально включали и собственную гибель террористов. Здесь явно отсутствовала личная родовая или кровная месть террористов жертвам. Террористы пользовались всеми правами гостеприимства подвергнувшегося атаке государства и даже обучались на его территории. Совершение террористического акта, скорее, диктовалась религиозными ветхозаветными мотивами в духе «приношения Авраамом в жертву своего сына». Здесь же в роли «сына» выступали не многочисленные безвинные жертвы террора, а скорее сам террорист. Ислам, как большинство религий, отрицательно относится к самоубийству, однако «размен» собственной жизни на множество чужих может быть интерпретирован как «гибель в бою».

4. Впервые в качестве средства террористического акта использовались такие мирные высокотехнологические и энергоемкие средства, как гражданская авиация. Сознательное использование сугубо мирных технологических достижений человечества для уничтожения себе подобных — своеобразное «ноу-хау» террористов.

5. Акты не были формой протеста против конкретного политического или военного события. По аналогии с институциональной рекламой, направленной на позиционирование не конкретного товара, а на позиционирование некоего стиля жизни, можно говорить об «институциональном терроризме», направленном против некоей системы ценностей, некоего американского образа жизни, символом которого выступали башни-близ-

нецы Всемирного торгового центра и Пентагон, или шире — европейско-американской цивилизации.

В наших послылках мы исходим из того, что террористические акты 11 сентября идеологически являются патогенной мутацией ислама, который как одна из мировых религий содержит в своей основе некие общечеловеческие ценности, и как мутация могут произойти и в рамках иного религиозного или квазирелигиозного сознания. Яркий пример такой мутации — религиозная секта Аум Сенрике (адепты ее совершили ряд террористических актов в токийском метро), базировавшаяся в своей идеологической основе на вполне миролюбивом буддизме.

Для противодействия группам религиозных фанатиков и идеологических экстремистов с позиций свободного и открытого демократического общества важна реконструкция картины мира экстремистов и, в частности, их системы ценностей. Внутри любой религии и идеологии есть полярные полюса, и поиск идейного «противоядия» религиозному экстремизму возможен внутри самой религиозной конфессии.

Обоснование программы исследования

В российской психологической науке активно разрабатывается экспериментальная психосемантика (Петренко, 1982, 1988, 1997), истоки которой восходят к теории личностных конструктов Дж. Келли и исследованиям семантических пространств Ч. Осгуда. Мы используем технику построения семантических пространств для анализа политического или этнического менталитета, описываем динамику изменения общественного сознания через анализ трансформации семантических пространств, строим типологию респондентов, политических партий или этнических культур через сходство их семантических пространств и, наконец, используя

детерминационный анализ, разработанный российским математиком С. Чесноковым (1982), выделяем характеристики респондентов (или детерминанты), определяющие их принадлежность к тому или иному типу менталитета, к той или иной картине мира. В наших предыдущих исследованиях этнического и политического менталитета россиян (Петренко, Митина, 1997; Petrenko, Mitina, 1985, 1997, 2001) предлагаются методы и техники анализа общественного сознания и экстраполяции его динамики. В этих работах хотя специально и не ставилась задача исследования религиозного сознания россиян и их отношения к религии, тем не менее был получен ряд интересных фактов относительно религиозной составляющей жизни общества. Так, при исследовании отношения россиян к экономической и политической реформе, при сопоставлении различных социальных институтов по их морально-нравственной позиции проявился (относительно слабый) фактор религиозного сознания, в частности, влияния Русской Православной Церкви на российское политическое пространство. В исследовании геополитических представлений россиян (Petrenko, Mitina, Berdnikov, 2003) при восприятии зарубежных стран российскими гражданами также присутствует фактор религиозности населения этих стран. То есть, анализ современного менталитета и политического сознания россиян неизбежно выводит на тематику религиозного сознания и конфессиональных установок.

Основная цель исследования — кросс-конфессиональное исследование системы ценностей, имплицитно присущих распространенным в России религиям, и определение духовной близости к ним россиян. Методами психосемантики, близкими к методу репертуарных решеток Дж. Келли, семантическому дифференциалу Ч. Осгуда и Q-сортировке, на материале 300 фрагментов религиозных канонических текстов, содержащих некие ценностные установки (православие, католицизм, протестантизм, иудаизм, буддизм, ислам, индуизм — в форме учения кришнаитов, а также текстов таких идеологий, как коммунизм

и фашизм, претендовавших в XX веке на статус квазирелигий, основываясь на результатах оценок этих текстов представителями указанных выше религий, построить многомерное аксиологическое семантическое пространство, которое будет отражать ценностные установки этих религий. Базовое семантическое пространство предполагается построить на основе оценок этих текстовых фрагментов носителями культа — священниками, пасторами, ламами, раввинами, муфтиями, а также коммунистами и крайними националистами, где последующая факторизация базы данных позволит выделить категориальную структуру аксиологического пространства, а размещение конфессий и квазирелигий внутри этого многомерного пространства позволит выявить сходство и различие конфессий и идеологий по разнообразным ценностным аспектам бытия и веры. Проводя затем опрос населения по тем же дескрипторам, что и носителей культа, и проецируя позиции населения различных российских областей и национальных регионов на базовое семантическое пространство ценностей, предполагается определить «плотность» паствы (приверженцев) тех или иных религий и идеологий и определить духовное состояние российского общества и его отдельных регионов, а также проанализировать толерантность и веротерпимость различных слоев населения.

Это будущее исследование религиозного сознания предполагает использование уже апробированных при анализе этнического и политического сознания психосемантических методик применительно к представлению российских граждан — как верующих, так и неверующих и как русских, так и представителей других национальных групп, являющихся гражданами Российской Федерации.

Мы полагаем, что по первым, ведущим факторам позиции религий в базовом аксиологическом семантическом пространстве будут близки для различных конфессий и противопоставлены как обыденному сознанию неверующих, так и тоталитарным

идеологиям, что будет подтверждать духовную близость мировых религий.

Естественно ожидать духовную близость православия, католицизма и протестантизма как христианских конфессий, а также их генетическую связь с иудаизмом в рамках иудейско-христианской культуры.

Можно предположить и уплощенность аксиологических семантических пространств для религиозных фанатиков и носителей тоталитарных идеологий (меньшую когнитивную сложность), их «черно-белое» (манихейское) сознание.

Задачи исследования включают:

- А) **Кросс-конфессиональное исследование ценностных установок**, предполагающее построение базового аксиологического семантического пространства, на основе оценок служителями культа (православными, католическими священниками, протестантскими пасторами, мусульманскими муллами и муфтиями, буддистскими ламами, иудаистскими раввинами, индуистскими священнослужителями) фрагментов канонических текстов различных религий и ряда идеологий (коммунизма и фашизма — в роли носителей последнего выступают крайние националистические группировки). Матрицы данных будут подвергнуты процедуре факторного и кластерного анализа для выделения категориальной структуры мировосприятия каждой религии. Реконструкция позиций различных религий в базовом многомерном пространстве ценностей позволит сопоставить сходство и различие ценностных установок различных конфессий, что позволит выделить как общечеловеческие ценности (в форме инвариантов), так и специфику различных религий, понимание которой необходимо для ведения конструктивного межконфессионального диалога и взаимодействия различных культур.
- Б) **Определение нравственно-ценностных установок населения России**, различных регионов и национальных республик путем

проекции позиций населения (в результате шкалирования респондентами тех же фрагментов канонических текстов, которые предлагались носителям культа) на базовое аксиологическое семантическое пространство. Скопление «облака» респондентов около той или иной конфессии или идеологии показывает плотность сторонников («паствы») религии или электората (в случае идеологии).

В) Определение социально-демографических детерминант принадлежности той или иной конфессии или идеологии. Применение разработанного российским математиком С. Чесноковым «детерминационного анализа» позволит определить возрастной, социальный и национальный состав представителей тех или иных конфессий и идеологий.

Г) Исследование религиозных и идеологических корней фанатизма и экстремизма.

Это факультативная задача, так как ее выполнение, в частности, работа с представителями экстремистских групп и религиозных фанатиков требует особого опыта и, конечно, работы с особым типом респондентов, носителей этого фанатического менталитета. В нашем исследовании мы собираемся только наметить методические пути и подходы к исследованию тоталитарного сознания и религиозного экстремизма.

Пилотажное исследование представлений россиян о ценностных ориентациях мировых религий

В качестве примера и иллюстрации реализации психосемантического подхода к анализу ценностных установок можно привести наше **пилотажное исследование**, проведенное на 200-х респондентах.

Все респонденты имели высшее образование и согласились принять участие в трудоемком исследовании, так как проявили

интерес к религиозной проблематике. В этом пилотажном исследовании респонденты заполняли так называемые **рефлексивные матрицы**, т. е. отвечали, в терминологии Дж. Келли, с ролевой позиции православного, католика, буддиста, кришнаита, иудаиста, мусульманина, а также собственной позиции «я-сам», обычного человека (как говорят, «человека с улицы»), коммуниста или фашиста.

Пилотажное исследование, конечно же, не отражает «объективную» позицию религий по предложенным дескрипторам, а соответствует представлениям об этих религиях российских респондентов. Более объективную позицию религий по кругу анализируемых проблем мы получим, проведя (о чем писали выше) **основное исследование, в котором в роли респондентов будут выступать непосредственно носители религиозного менталитета (священники, муллы, раввины, ламы и т. д.).**

Таким образом, речь идет о представлениях респондентов относительно этих ролевых позиций (или, в терминах С. Московичи, 1998, — «социальных репрезентаций»). Пилотажное исследование, помимо задач апробации списка ценностных суждений, имеет для психолога и самостоятельную ценность — как **исследование представлений населения** о тех или иных религиозных конфессиях и идеологиях.

В качестве метода использовалось построение семантических пространств на материале фрагментов религиозных текстов, содержащих некоторые ценностные или нормативные суждения. Наряду с фрагментами религиозных текстов (Ветхого и Нового Завета, Бхагават-гиты, Мусульманских Хадис, Корана, Исхода иудеев) использовались тексты коммунистической и фашистской идеологии, претендовавших в XX веке на роль квазирелигий.

Процедура опроса. Респондентам предъявлялись эти тексты или суждения и их просили выразить свое согласие или несогласие с ними по градуальной семибалльной шкале (от +3 при полном согласии до — 3 при полном несогласии).

Всего было 160 различных религиозных или идеологических суждений. Респондентам не сообщался источник данных суждений, хотя, конечно, некоторые суждения были им знакомы.

Обработка данных. Полученные индивидуальные матрицы данных размером 10 ролевых позиций на 160 суждений (или дескрипторов) суммировались в групповую матрицу, которая далее подвергалась процедуре факторного анализа. Использовался статистический пакет SPSS.

В результате факторного анализа было выделено 4 фактора, объясняющих 42; 27; 8 и 6 процентов общей дисперсии.

Первый фактор включал на одном полюсе такие суждения, как:

- Не убивай (Ветхий Завет, Пятикнижие Моисея, Исход);
- Любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас, благотворите ненавидящих вас (Новый Завет, Евангелие от Матфея);
- Никогда в мире ненависть не прекратится ненавистью, но отсутствием ненависти прекращается она (Дхаммапада);
- Не противься злему. Но кто ударит тебя в правую щеку твою, обрати к нему и другую (Новый Завет, Евангелие от Матфея);
- Войну нельзя вести ради захвата территории (мусульманские Хадисы).

Противоположный полюс фактора образовывали суждения типа:

- Недостойным нам представляется тот, кто лишен способности мстить (Ницше);
- Кто хочет жить, тот должен бороться, а кто не хочет участвовать в драке, тот не заслуживает права на жизнь (Гитлер);
- Более сильный должен властвовать над более слабым (Гитлер);
- Каждый должен быть наказываем смертью за свое преступление (Ветхий Завет, Пятикнижие Моисея, Второзаконие);
- Душа за душу, и око за око, и ухо за ухо, и зуб за зуб, и раны — отмщение (Коран);

- Даже если человек совершает самые дурные поступки, но занят чистым преданным служением, следует считать его праведником, ибо он на верном пути (Бхагават-гита).

Интерпретируя содержание этого фактора, можно отметить, что на его первом полюсе сосредоточены суждения, фиксирующие запрет на причинение насилия даже из самых благих побуждений. Многие из этих суждений начинаются через отрицание «не» — как отрицание деяний, приносящих кому-то вред, или даже самих мыслей о потенциальном вреде. В наиболее сильной форме отрицание ненависти и мести сменяется на требование любви даже к врагу.

Противоположный полюс фактора содержит суждения, принадлежащие в основном Ницше и Гитлеру и фиксирующие право сильного. Сюда же вошли суждения из Ветхого Завета и Корана о праве на равное воздаяние.

Рассмотрим размещение образов религий в семантическом пространстве (см. рис. 1). С точки зрения наших респондентов, христианство, буддизм, кришнаизм проповедуют всепрощение, терпимость, непричинение вреда даже ради благих целей.

Крайнюю позицию на противоположном полюсе заняли представления о «фашизме». Известно, что фашисты стремились утвердить свое расовое превосходство любой ценой, включая геноцид. Близки по этому фактору и представления респондентов о коммунизме, практиковавшем геноцид не на расовых, а на классовых основаниях. Таким образом, вполне логична оппозиция представлений о религиях ↔ представлениям об идеологиях. Исключение составляет представление об исламе, находящемся в аксиологическом пространстве в некоторой оппозиции к прочим религиям. Это может быть объяснено и более жесткой, нормативной позицией ислама, и тем, что, по крайней мере для части наших респондентов, ислам ассоциируется с фундаментализмом и негативными переживаниями, связанными с войной в Чечне. На нейтральной позиции по этому фактору оказались

представления об иудаизме, что может быть объяснено плохой информированностью об этой религии. Практически нейтральна по этому фактору и ролевая позиция «обычный человек», в то время как позиция «я-сам» несколько сдвинута в сторону терпимости.

Итак, **первый фактор** был интерпретирован так: «**Запрет на насилие ↔ Насилие дозвоительно ради благих намерений (или «цель оправдывает средства»)**».

Второй фактор включал суждения:

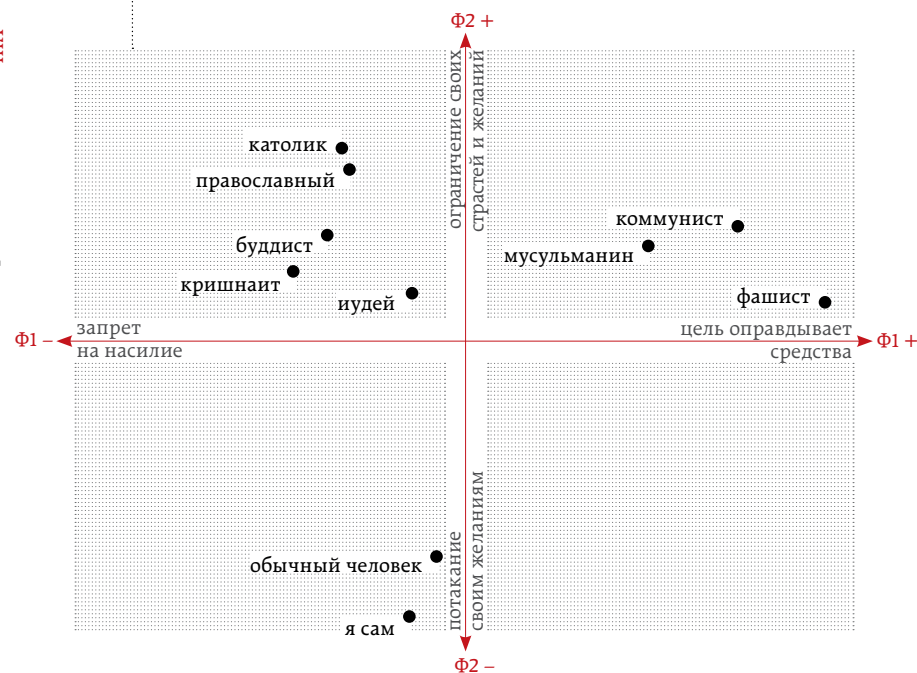
- Даров не принимай (Ветхий Завет, Пятикнижие Моисея, Исход);
- Кто возвышает себя, тот унижен будет, а кто унижается, тот возвысится (Новый Завет, Евангелие от Матфея);
- Нет мира тому, кто стремится удовлетворить свои желания (Бхагават-гита);
- Корень всех зол есть сребролюбие (Новый Завет, Первое послание к Тимофею);
- Богатство порождает неумеренные желания (Ислам Наджуд Балагха);
- Вино и азартная игра — великий грех (Коран);
- Хочешь жить спокойно и свободно — отлучай себя от того, без чего не можешь обойтись (Л.Н. Толстой);
- Гибели предшествует гордость и падению — надменность (Ветхий Завет. Притчи Соломона).

Противоположный полюс фактора включает утверждения:

- Следуй за своими страстными желаниями, будь они самыми хорошими или самыми плохими (Ницше);
- Дурные инстинкты столь же целесообразны, сколь же полезны для сохранения вида (Ницше).

Содержание второго фактора может быть выражено так: «**Требование к ограничению своих страстей и желаний ↔ Потакание своим желаниям**». Практически все религии требуют самоограничения и смирения (см. рис. 1). На противоположном

рис. 1 АКСИОЛОГИЧЕСКОЕ СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО (Ф1, Ф2)

полюсе фактора находятся позиции «я-сам» и «обычный человек». Религия задает некий идеал — то, к чему следует стремиться; обычный же человек подвержен страстям, гордыне, плотским желаниям и влечениям.

Коммунистическая идеология также требует некоторого ограничения (принцип: «общественное выше личного»), фашизм же, в представлениях респондентов, нейтрален по этому фактору.

Третий фактор включал суждения, фиксирующие оппозицию «**Жесткая нормативность поведения ↔ Возможность выбора**».

Жестко нормативным суждениям типа:

- вору и воровке нужно отсекают руки в воздаяние за то, что они приобрели (Коран),
- за все грехи и прегрешения женщин отвечает мужчина (Ницше),

- вино и азартная игра — великий грех (Коран),
- людям нельзя употреблять мясо животных (Бхагават-гита) и т. д.

противостоят суждения, оставляющие право выбора за сами человеком:

- когда только пожелает душа твоя, можешь заколоть и есть мясо (Ветхий Завет, Пятикнижие Моисея, Второзаконие);
- церковная вера — есть рабство (Л.Н. Толстой) и т. п.

По третьему фактору иудаизм и мусульманство как строго нормативные религии оказались противопоставлены христианству (православию и католицизму) как допускающему большую свободу в выборе деяний, а также позиции коммунизма, проповедовавшего примат сознательного выбора (см. рис. 2).

Слабый четвертый фактор включал суждения, фиксирующие иллюзорность бытия и примат индивидуализма (своеобразный нравственный солипсизм), типа:

- Кто смотрит на мир, как на мираж, того не видит царь смерти (Дхаммапада);
- Жить — значит постоянно отталкивать от себя то, что должно умереть (Ницше).

Противоположный полюс фактора задан суждениями, подчеркивающими включенность человека в мир людей:

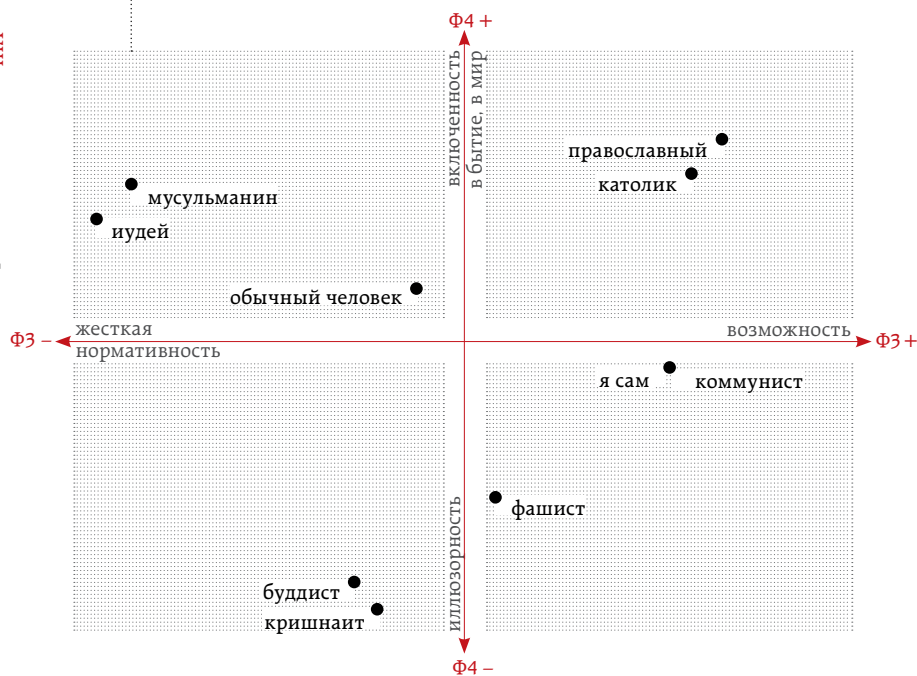
- Счастье свое человек находит только в служении близким (Толстой) и т. п.

По четвертому фактору буддисты и кришнаиты (как индивидуалистические религии) наиболее противопоставлены христианству, а также исламу и иудаизму, при нейтральных ролевых позициях «я-сам», «обычный человек», «коммунист» (см. рис. 2).

Четвертый фактор может быть интерпретирован, как «Иллюзорность бытия ↔ Включенность в бытие, в мир людей».

Напомним, что эти результаты отражают ментальное пространство религиозных представлений именно наших респондентов и не претендуют на глубокий религиозоведческий анализ.

рис. 2 АКСИОЛОГИЧЕСКОЕ СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО (Ф3, Ф4)

В настоящее время, как уже говорилось нами ставится задача анкетирования непосредственных, так сказать, профессиональных носителей той или иной религиозной картины мира: православных и католических священников, мулл, раввинов, лам, протестантских пасторов, а также убежденных носителей двух анализируемых идеологий — коммунизма и фашизма. Построение семантических пространств на базе оценок суждений, произведенных этими носителями религиозной культуры, даст более объективную позицию религиозных конфессий в многомерном аксиологическом пространстве религиозной мысли, а проекция в это пространство позиций населения (на основе опроса «людей с улицы») позволит определить ценностные ориентации населения, близость картины мира населения к тем или иным религиозным конфессиям и идеологиям.

Результаты исследования позволят более полно охватить картину религиозного самосознания россиян, при этом как бы «изнутри» самого этого сознания. Если при социологических опросах о конфессиональной принадлежности фиксируется чисто осознанная реакция респондентов на вопросы, включающая и «социальную желательность», и демонстрацию своей национальной принадлежности, и конформистское следование чисто обрядовой составляющей, то психосемантический анализ отношения к каноническим текстам позволяет понять глубинные религиозно-нравственные установки личности, по духу, а не по форме, ориентированной на религиозные ценности. Таким образом, можно приблизительно определить процент людей, считающих себя верующими и являющихся таковыми, и процент людей, только провозглашающих себя оными, а также людей, близких той или иной конфессии по своим глубинным нравственным установкам.

Применительно же к факультативной задаче «**Исследование религиозных и идеологических корней фанатизма и экстремизма**» для выявления позиций экстремистов в аксиологическом пространстве (семантическом пространстве ценностей) необходимо проведение опроса самих экстремистов. Ценностные ориентации экстремистов и, соответственно, их позиции в аксиологическом пространстве позволят четче понять картину мира этих людей. Речь, конечно, не идет о психодиагностической методике, позволяющей выявить «террористическую ментальность» и дать спецслужбам средство контроля в духе «полицейской мысли» Дж. Оруэлла. Рефлексирующий субъект, не желающий демонстрации своих установок, в состоянии имитировать социально желательные позиции. Но как для выработки вакцины против опасного вируса необходимо выделить в чистом виде сам этот возбудитель, так и для построения контрпропаганды и идеологического противостояния экстремизму необходимо реконструировать его идеологемы. Эту задачу и призвано решить психосемантическое исследование.

Наконец, данные относительно позиции различных религий в аксиологическом семантическом пространстве будут способствовать лучшему пониманию позиций этих религий в межконфессиональном диалоге церквей.

ЛИТЕРАТУРА

- Московичи С. Машина, творящая богов. М.: Изд. «КСП +», 1998.
- Назаретян А.П. Цивилизационные кризисы в контексте Универсальной истории: Синергетика, психология и футурология. М.: Изд. «ПЕР СЭ», 2001.
- Петренко В.Ф. Введение в экспериментальную психосемантику: исследование форм репрезентации в обыденном сознании. М.: МГУ, 1982.
- Петренко В.Ф. Психосемантика сознания. М.: МГУ, 1988.
- Петренко В.Ф. Основы психосемантики. М.: МГУ, 1997.
- Петренко В.Ф., Митина О.В. Психосемантический анализ динамики общественного сознания. М.: МГУ, 1997.
- Поршнев Б.Ф. Социальная психология и история. М.: Наука, 1979.
- Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М.: АСТ, 2003.
- Чесноков С.В. Детерминационный анализ социально-экономических данных. М.: Наука, 1982.
- Petrenko V., Mitina O., Brown R. The Semantic Space of Russian Political Parties on a Federal and Regional Level // *Europe-Asia Studies*, Vol. 47. № 5. 1995.
- Petrenko V., Mitina O. The Psychosemantic Approach to Political Psychology: Mapping Russian Political Thought // *States of Mind. American and Post-Soviet Perspectives on Contemporary Issues in Psychology*. New York, Oxford. Oxford University Press. 1997. P. 19–48.
- Petrenko V., Mitina O. A Psychosemantic Analysis of The Dynamics of Russian Life Quality (1917–1998) // *European Psychologist* Vol. 6. № 1. 2001, P. 1–14.
- Petrenko V., Mitina O., Berdnikov K. Russian Citizens Representations of the Country's Positions in the Geopolitical Space of the Commonwealth of Independent States, Europe, and the World. // *European Psychologist*. Vol. 8. № 4. 2003. P. 238–251.

глава IX

ПСИХОСЕМАНТИКА
ИЗМЕНЕННЫХ
СОСТОЯНИЙ
СОЗНАНИЯ
(на материале
гипнотерапии
алкоголизма)

Психосемантика измененных состояний сознания. (на материале гипнотерапии алкоголизма)¹

Настоящая глава посвящена описанию изменений социально-психологических установок больных алкоголизмом в ходе их лечения с помощью гипнотерапии. Такая направленность исследования связана с системным характером трансформации личности.

Алкоголизм, как, впрочем, и иная наркозависимость, представляет собой комплекс медико-биологических, личностных и социально-биологических нарушений и дизадаптаций, где причинно-следственные связи образуют сложные петли и кольца обратных связей и алкоголь из катализатора иллюзорной самоактуализации и антистрессора превращается в разрушителя организма и личности. Говоря об иллюзорной самоактуализации, мы соотносимся с работами С.Б. Братуся (1983, 1991) и К. Г. Сурнова (1981), описавших завышенную самооценку алкоголика в момент опьянения («я все могу», «я все знаю»), иллюзию социальной значимости («я тебя уважаю», «ты меня уважаешь») и теплоты общения («давай поцелуемся»). Алкоголь демократично объединяет людей разного возраста и статуса («алкогольная компания»), снимает робость, неуверенность в общении («за столом никто у нас не лишний»). Все мы в той или иной степени испытали воздействие этого магического зелья и можем пропеть ему осанну или предать его анафеме.

¹ Глава написана совместно с В.В. Кучеренко.

Говоря об алкоголе как об антистрессоре, мы можем сослаться в первую очередь на эксперименты с животными (крысами), где постоянно действующий фактор стресса (ток, пропускаемый через клетку, в котором находились животные) отчасти купировался алкоголем и животные, получавшие его, легче переносили негативное воздействие (большой процент выживания), чем животные контрольной группы, находившиеся в сходных условиях, но не получавшие алкоголь. Алкоголь, таким образом, выступал антистрессором, позволяющим выжить в неблагоприятных условиях.

Эта закономерность легко переносится и на человека как существо биологическое, и можно полагать, что одна из основных причин провала антиалкогольной кампании в период перестройки в нашей стране состояла в недоучете воздействия алкоголя как антистрессора, снимающего на время последствия социального напряжения. Стрессирующие факторы социальной жизни в перестроечную эпоху остались и даже возросли, а государственная политика в ограничении выпуска алкогольной продукции привела к резкому росту самогонварения и использования разного рода суррогатов. Тем не менее горбачевскую антиалкогольную кампанию, оказавшуюся неэффективной в первую очередь с экономической точки зрения, нельзя считать полностью провальной, так как ряд демографов склонны связывать кратковременное увеличение продолжительности жизни в нашей стране (в конце 1980-х годов) именно с государственной политикой ограничения производства и потребления алкогольной продукции.

Как антистрессор алкоголь — это также средство «внутренней эмиграции», бегства в сумеречные, измененные состояния сознания от невыносимой или бессмысленной жизни. Как выразил это мудрый Омар Хайям: «Мы от самих себя хотим на миг уйти и только потому к хмельному склонны зелью».

Мозг человека в норме вырабатывает кортикоиды (эндоморфины) — своеобразные гормоны радости и активации. Алкоголь

активирует и усиливает их выработку. При алкоголизме происходит перестройка организма, меняется химизм крови и мозг уже не в состоянии самостоятельно вырабатывать кортикоиды без воздействия внешнего фактора — алкоголя. Как в стране Зазеркалья Люиса Кэрролла, чтобы оставаться на месте, надо все время бежать, так и в мозгу алкоголика для поддержания относительно комфортного состояния требуются частые внешние «вливания», выступающие своего рода наркологическими костылями дряхлеющего организма. При этом постоянные, массивные доли алкоголя разрушают печень, отравляют токсинами мозг, ведут к его деградации. Сужается кругозор человека, его интересы. Снятие жизненных и житейских проблем в состоянии алкогольного опьянения лишь временно и иллюзорно и к тому же оттягивает их решение, а накопление нерешенных проблем создает уже объективные трудности, не говоря уже о том, что часто в измененных состояниях сознания, вызванных алкоголем, человек не может управлять своим поведением и совершает неадекватные действия и даже преступления.

Мы полагаем, что сами по себе измененные состояния сознания (Кучеренко, Петренко, Россохин, 1998; Майков, Козлов, 2004; Петренко, Кучеренко, 2002) являются одной из форм сознания, характеризующейся изменением форм категоризации (себя, других людей, мира) и переходом от понятийных форм к эмоционально окрашенному языку образов и символов (по типу сновидного). Измененные состояния сознания, по-видимому, не несут, с точки зрения человеческой культуры, заведомо положительную или негативную оценку. Понятия — как кристаллизация общественно выработанного человеческого опыта — держат наше сознание в узде социальной нормативности, и нарушение этических норм вполне открыто самосознанию нарушающего. То есть, он, как отмечает церковь, вполне осознано выбирает сторону добра или зла. В измененных состояниях сознания рефлексия ослаблена, хотя и возможна (см.: Россохин, Измагурова, 2004),

и то, что непосредственно переживается человеком в измененных состояниях сознания, является в каком-то плане воздаянием ему за предыдущие деяния и мысли, выражает своего рода «кармическую причинность». Так, во время холотропного дыхания (Гроф, 2002) катарсически выплескиваются неотреагированные эмоции и аффекты: отсюда и необходимость ситтера, наблюдающего за тем, чтобы человек в измененном состоянии сознания не навредил сам себе. Кто-то переживает агрессивные видения и лупит кулаками воображаемого противника, кто-то испытывает оргазм и оглашает пространство эротическим криками и рыданиями, кто-то созерцает бездонность звездного неба и слезы благоговения выступают на его глазах. В измененных состояниях сознания достигается некоторое раскрепощение, отстранение от стандартов, стереотипов культуры и движение к большей спонтанности, эмоциональной насыщенности (через состояние хаоса к творчеству).

Измененные состояния сознания достигаются различными психотехниками — от поста, медитации и молитвы, сенсорной депривации (затворничество) до динамических медитаций (чтение мантр, написанных на вращающемся молитвенном барабане у буддистов; круговые движения танца дервишей в суфизме; ритмическое раскачивание молящихся иудаистов, танцы шамана и ритуальные пляски африканцев, экстаз вакханалий древних римлян и ритуальный секс древних индустов). Измененные состояния сознания не являются чем-то экстраординарным, присущим только религиозной практике. Рок-концерты и спортивные состязания притягивают тысячи «паломников» в огромные стадионы и залы: там ритмическая музыка и эффект многотысячной толпы людей, испытывающих схожие переживания, вызывают (через эмоциональное заражение и деперсонализацию) измененные состояния сознания. Но и концентрация внимания на поплавке у рыбака, услада слуха путника звонким журчанием горного ручейка также могут вызвать у них измененные состояния сознания.

Измененные состояния сознания практикуют не только религия или мистика с их высоким движением духа навстречу божественному: их эксплуатируют и тоталитарные политические системы с их массовыми военными парадами, помпезными похоронами вождей, истерикой обличительных судебных процессов и торжественными массовыми собраниями, вызывающими деперсонализацию и призванными интегрировать людей в единую гомогенную массу.

Наконец, наиболее простой способ вхождения в измененные состояния сознания дает практика использования алкогольных, галлюцинаторных и других наркотических веществ. Практически любая человеческая цивилизация использовала в своей культуре те или иные наркологические вещества. Перебродивший виноградный сок и напиток сома, полученный перегонкой пищевой спирт, галлюцинаторные грибы и листья коки, сок опиумного мака или вытяжка кактуса, дымок листьев табака или пыльцы конопли — все эти вещества использовались в ритуальных или религиозных практиках, как и их более слабые аналоги — кофе, чай, кумыс, вошедшие в бытовой пищевой рацион. Психиатры XIX века даже предлагали классифицировать цивилизации, исходя из доминирующей для данной цивилизации формы наркотика. Так, если алкоголь, стимулирующий в первую очередь эмоциональные переживания, широко использовался в практике средиземноморских, а затем и общеевропейских цивилизаций, а галлюцинаторные грибы присущи северным варяжским и южноамериканским индейским цивилизациям, то опиумный мак, вызывающий чувственные оргазмические переживания, присущ цивилизациям Южной и Восточной Азии с их склонностью к культуре пассивного созерцания и расслабленности.

Являясь средством релаксации и вхождения в измененные состояния сознания, наркотическое вещество из союзника «путешествию к иным мирам» легко становится господином, тиранически подавляющим личность потребляющего его челове-

ка, и делает его полностью зависимым от наркотика. «В поте лица своего будешь добывать хлеб свой насущный» — гласит Библия. Измененные состояния, вызванные наркотиком, — дармовой суррогатный «хлеб», испеченный на энергии, взятой взаймы у организма. Он не дает психологическую силу (энергию), а истощает ее резервы, предназначенные для творчества и духовного поиска, ведет личность к деградации и тупику (Полунина, Давыдов, Брюн, 2005).

Для лечения алкогольной и наркозависимости широко используются разного рода, основанные на гипнозе, суггестивные техники (Тихомиров, Райков, Березанская, 1975; Овчинникова, Иткин, Авдеева, Насиновская, Перес, 1974; Мышляев, 1993; Овчинникова, Насиновская, Иткин, 1989; Шерток, 2002; Гриндер, Бэндлер, 1995; Гримак, 2002, 2004; Годэн, 2003; Япко, 2002).

Практика лечения алкогольной наркозависимости, разработанная Вяльбой и Кучеренко, основана на замещении негативного опыта измененных состояний сознания на позитивный. По разработанной ими методике гипнотерапии травмирующие переживания, тревоги, подавленности вытесняются высокопозитивными эмоциями радости, эстетическими переживаниями, вызванными медитативными образами величественных гор, безбрежного океана, звездного неба. В гипнотических сеансах у пациентов вызываются не только, как в методе кодирования Довженко, резко негативные переживания, связанные с потреблением алкоголя. Так, например, пациенты видят собственное разлагающееся тело, отвратительно пахнущее алкоголем, что не только вызывает отвращение к алкоголю, но и активизирует работу направленной на выживание иммунной системы пациента. В лечебных гипнотических сеансах пациенты Вяльбы и Кучеренко испытывают и весьма положительные переживания, стимулирующие выброс эндоморфинов (гормонов радости) в кровь. Пациенты купаются в волнах эфира, наблюдая с высоты землю, созерцают ночное небо с мириадами звезд и путешествуют в иные, трудноописуемые на земном языке

миры. Близкие технологии работы воображения используют американские психологи в рамках когнитивной психотерапии (см.: Т. Дауд, 2003; Beck, 1995; Ellis, 1993). В результате массированных положительных эмоций не только улучшается физическое состояние пациентов, но и меняется их самооценка, видение собственного будущего и жизненных перспектив. Если непосредственно перед лечением пациенты ориентированы на стабилизацию жизненной ситуации (ведь алкоголизация вредит отношениям в семье и на работе, и пациенты соглашались на лечение чаще всего под угрозой распада семьи и увольнения с работы), то к концу лечения у многие из них возникают новые жизненные планы и перспективы. Личностные изменения пациентов в ходе психотерапии дают основания полагать, что трансформируется система «базовой философии жизни пациента», включающая глубинные представления о доброжелательности—враждебности окружающего мира и значимости собственного «Я» (Падун, Тарабрина, 2004).

Новаторским приемом психотерапевтической практики работы с алкоголиками и наркоманами является и разработанный Кучеренко в рамках психосемантического подхода к измененным состояниям сознания метод сенсомоторного психосинтеза (Кучеренко, 1990; Петренко, Кучеренко, 2002). Этот метод позволяет вводить в гипнотическое состояние практически всех пациентов, не дифференцируя их по гипнабельности. Ведь и шаманы предварительно не отбирают при камлании наиболее гипнабельных соплеменников, а работают со всеми участниками, достигая группового эффекта. Суть метода сенсомоторного психосинтеза заключается в том, что гипнотизер (суггестор) последовательно и поэтапно формирует целостный интермодальный иллюзорный образ, привязываясь к наличным переживаниям пациента. Например, ставя задачу вызвать галлюцинаторный образ, скажем, иллюстрированного журнала, для того чтобы пациент прочитал вслух содержание этого журнала, гипнотизер вначале обращает внимание пациента на наиболее простые сенсорные ощущения, такие как

тяжесть собственных рук, «державших» толстый, объемный журнал. Наиболее просто вызываемое переживание тяжести дополняется ощущением глянцевой твердости дорогой обложки журнала. Пациента просят провести рукой по глянцевой поверхности воображаемого журнала и вводят тем самым проприоцептивные переживания и моторику в формирование иллюзорного образа. «Включив» моторику, можно уже попросить пациента перелистнуть страницы журнала и описать те картинки и фотографии, которые он «видит» на страницах журнала. Возникают зрительные образы, и пациент уже погружен в иллюзорную реальность, комментируя то, что он «видит». Для полноты иллюзорной реальности гипнотизер актуализирует ощущения различной модальности. Например, зрительный образ морских волн дополняется шумом прибоя, криками чаек, а брызги пены ощущаются пациентом вкусом соли на губах, запахом морских водорослей.

При групповой гипнотерапии окружающие люди и предметы могут вводиться как компоненты иллюзорной ситуации. Например, при внушении пациенту того, что он находится в ресторане, другие пациенты воспринимаются им как посетители этого ресторана. Погрузившиеся в трансное состояние пациенты ведут себя согласно своему типовому представлению о «посетителях ресторана». Они опустошают бокалы и рюмки с воображаемым алкоголем, раскачиваются на стульях в такт воспринимаемой «музыки» или сами горланят песни, выступая «подсадными утками» и заражая своим состоянием других пациентов.

В ходе формирования иллюзорного образа методом сенсомоторного психосинтеза можно выделить ряд феноменологических трансформаций:

— стадия «когнитивного видения». При гипнотическом внушении пациент еще не воспринимает объект, но доподлинно «знает», что он присутствует и находится от него на некотором расстоянии. Например, до «стакана с соком» можно дотянуться и взять его в руки;

— стадия «слайдового видения», когда внушаемый объект воспринимается как плоскостной, как образ объекта на киноэкране. Затем следует переход от плоскостных образов к объемным, «с глубиной»;

— стадия «перцептивной конкуренции» — последовательное видение то «иллюзорного» гипнотического образа, то непосредственно физического. Например, пациент видит то костер, то линолеум, покрывающий пол палаты, но затем линолеум начинает пузыриться и остается только «костер»;

— расширение гипнотического видения. Гипнотизер отталкивается от образа «костра», освещающего поляну, и обращает внимание пациента на звуки, например, доносящийся издали рев льва. И вот уже пациент наблюдает львов, вышедших семейством из высокой травы, на которую бросают отблески языки пламени костра;

— наконец, у погруженного в иллюзорную реальность пациента наступает феномен «телепатического видения», когда пациенту кажется, что образы, внушаемые гипнотизером, у него возникают еще до того, как он слышит речь гипнотизера. То есть, слова гипнотизера начинают восприниматься пациентом как комментарий к уже увиденному.

Эмпирическое исследование.

Влияние гипнотерапии на самокатегоризацию пациента (концепцию «Я» пациента) и на восприятие и оценку социальных стереотипов и типажей

В задачу нашего эмпирического исследования входило изучение трансформации семантического пространства самосознания пациента на фоне оценки ряда социальных типажей в ходе гипнотерапии.

Испытуемыми являлись пациенты обоего пола одной из наркологических больниц Москвы, которым был поставлен диагноз «хронический алкоголизм». На лечение с помощью гипнотерапии пациенты обращались добровольно; более того, очередь на лечение варьировалась от пары недель до нескольких месяцев. Так что мотивация лечения пациентов была достаточно высокой.

Процедура гипнотерапии осуществлялась в течение четырех недель и включала 10 сеансов длительностью около 2–3 часов.

Процедура исследования включала структурированное интервью в форме психосемантического шкалирования. Опрос проводился до начала курса гипнотерапии и сразу после него. Испытуемых просили по шестибальной шкале (от 0 до 5) оценить, насколько позициям «я — сам», «я — в мечтах» и «я — через три года», а также ролевым позициям (или социальным типажам) «несчастный человек», «хронический алкоголик», «делец», «семьянин», «верующий человек» свойственны такие психические, социальные и физиологические состояния, как «верить в свою звезду», «иметь хорошее физическое самочувствие», «пользоваться успехом у противоположного пола», «иметь теплые отношения с близкими», «злоупотреблять алкоголем», «конфликтовать с окружающими», «думать о самоубийстве» и т. д. — всего 55 суждений.

Индивидуальные протоколы испытуемых (всего 13 человек) группировались в суммарную матрицу данных (24 x 55) (12 ролевых позиций ДО гипнотерапии + 12 ролевых позиций ПОСЛЕ гипнотерапии на 55 суждений-дескрипторов), которая подвергалась процедуре факторного анализа: см. таблицу 1).

Обработка данных с помощью факторного анализа позволила выделить 4 значимых фактора, объясняющих 56, 15, 14 и 4 процента общей дисперсии. Ниже приводятся факторные нагрузки пунктов опросника, вошедших в тот или иной фактор. Напомним, что знак факторной нагрузки содержательного смыс-

ла не имеет, а показывает, к какому из двух полюсов фактора относится содержание каждого пункта.

Первый фактор включал следующие суждения:

Испытывать чувство одиночества, заброшенности, ненужности	0.94
Ощущать бессмысленность жизни	0.91
Испытывать постоянное чувство внутренней тревоги	0.87
Думать о самоубийстве	0.87
Употреблять алкогольные напитки	0.84
Развестись	0.77
Конфликтовать с окружающими	0.76
Сменить профессию	0.70

Противоположный полюс фактора представлен суждениями:

Уметь постоять за себя	-0.93
Ощущать себя полноценным в сексуальном плане	-0.92
Уметь делать деньги	-0.92
Заниматься спортом	-0.91
Иметь хорошее здоровье	-0.89
Уметь с достоинством выходить из различных ситуаций	-0.89
Иметь дополнительный заработок	-0.89
Пользоваться успехом у противоположного пола	-0.88
Хорошо зарабатывать	-0.86
Иметь хороший сон	-0.85
Иметь машину	-0.85
Жить в благоустроенной квартире	-0.85
Иметь чувство собственного достоинства	-0.85
Верить в свое высокое предназначение	-0.85
Иметь способность к творчеству	-0.84
Путешествовать, ходить в турпоходы	-0.84
Уметь ладить с людьми	-0.83
Конструировать, заниматься домашним ремеслом	-0.82

Переходя к интерпретации первого фактора, напомним, что интерпретация выделенных факторов осуществляется через поиск

таблица 1
ОЦЕНКИ РОЛЕВЫХ ПОЗИЦИЙ
БОЛЬНЫМИ АЛКОГОЛИЗМОМ
ДО/ПОСЛЕ ЛЕЧЕНИЯ
С ПОМОЩЬЮ ГИПНОТЕРАПИИ

ВОПРОСЫ

	«Я» такой, какой я есть	«Я» в мечтах	«Я» через три года	Средний типичный человек	Несчастный человек	Злоупотребляющий алкоголем	Уверенный в себе, целеустремленный человек	Верующий человек	Верующий человек	Взрослый бесмысленный образ жизни	Дети	Зак	Хороший семьянин
1	44/47	5/56	51/56	47/47	18/28	19/16	53/57	34/48	25/28	39/45	19/28	43/50	
2	48/48	47/55	44/53	40/46	16/25	10/14	54/53	23/37	18/27	38/51	11/24	46/47	
3	43/46	54/51	50/51	45/47	25/36	27/28	52/50	43/55	20/31	48/52	34/37	49/50	
4	50/55	56/59	57/58	43/49	24/30	24/22	55/53	34/47	28/27	53/59	12/20	52/56	
5	41/45	50/56	50/54	41/44	17/21	11/7	49/53	32/39	13/17	39/48	17/14	44/44	
6	10/14	9/13	7/14	19/23	37/37	13/8	10/12	53/60	13/15	14/16	18/23	19/20	
7	16/3	7/3	11/3	25/15	29/31	40/37	14/9	11/2	38/31	28/21	26/28	4/1	
8	41/37	37/42	37/42	42/39	25/20	11/9	54/52	38/44	9/10	50/45	12/7	45/48	
9	50/46	55/59	56/57	44/46	31/29	28/13	56/56	39/39	26/23	58/57	31/26	52/53	
10	7/4	5/0	3/2	16/11	33/43	32/46	9/4	25/12	22/32	19/7	24/42	14/10	
11	2/2	0/0	0/0	6/2	27/30	27/29	4/1	3/0	21/27	8/1	18/14	3/1	
12	36/29	44/41	46/41	46/42	21/16	10/2	47/47	45/45	8/8	33/32	2/6	57/45	

13	35/39	52/55	53/53	45/43	20/13	17/5	52/55	40/41	23/17	55/58	16/10	47/48	
14	19/14	22/17	23/11	24/27	30/30	35/33	14/11	18/10	33/32	35/17	31/30	31/23	
15	37/30	44/49	41/45	39/37	15/14	13/5	39/48	26/27	13/14	26/32	6/7	41/47	
16	35/36	48/47	43/41	36/38	14/14	9/5	52/51	30/37	10/12	55/52	12/11	43/42	
17	29/32	26/32	26/29	28/30	21/19	24/26	30/35	9/10	41/44	42/39	38/36	20/11	
18	36/32	25/27	26/26	39/37	21/18	9/7	41/43	37/39	10/16	26/33	7/18	48/43	
19	27/13	27/15	23/16	34/31	13/13	5/1	32/36	17/26	3/4	20/21	9/10	40/36	
20	38/35	43/42	44/42	37/36	14/14	7/4	43/46	27/33	11/3	30/41	8/8	52/47	
21	49/59	49/60	48/60	45/52	33/39	16/22	49/51	34/54	18/24	39/50	20/20	50/60	
22	41/36	42/44	41/42	37/41	19/18	11/8	44/46	32/43	4/8	35/35	6/7	49/51	
23	56/55	58/59	58/59	51/52	32/37	16/11	59/55	53/46	30/28	54/47	39/31	56/49	
24	4/1	4/0	3/1	8/7	31/45	34/47	2/0	11/11	26/36	10/5	18/29	7/1	
25	25/9	27/15	26/14	31/16	9/6	1/2	40/28	34/28	2/2	22/24	3/1	30/31	
26	23/21	29/29	24/30	35/29	14/15	9/3	37/33	45/48	8/4	26/23	10/4	36/37	
27	42/38	44/44	42/39	35/38	33/29	27/20	40/46	31/46	26/20	44/48	37/26	38/42	
28	49/50	54/52	52/53	47/47	29/27	24/15	48/45	40/46	14/14	34/32	13/12	52/50	

таблица 1
(продолжение)

ВОПРОСЫ

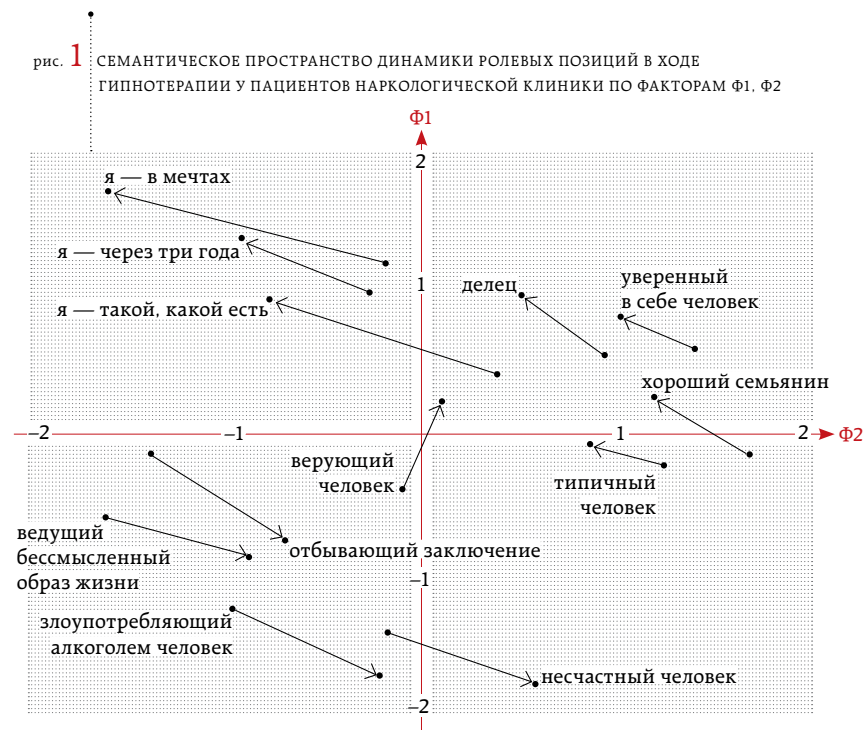
	«Я» таков, какой я есть	«Я» в мечтах	«Я» через три года	Средний типичный человек	Несчастный человек	Злоупотребляющий алкоголем	Уверенный в себе, предприимчивый человек	Верующий человек	Ведущий бесмысленный образ жизни	Делец	Зэк	Хороший семьянин
29	37/46	46/52	45/51	41/43	16/15	8/8	49/52	50/54	17/17	52/38	15/9	46/39
30	37/45	45/49	42/49	39/39	29/24	15/10	46/49	42/45	16/19	40/46	25/27	42/49
31	41/44	51/53	48/49	41/41	30/27	19/12	54/50	49/50	25/18	50/50	37/39	50/50
32	51/58	59/60	57/59	52/53	34/37	27/22	55/54	52/54	39/39	47/42	36/35	53/51
33	45/54	57/58	58/57	46/52	26/42	16/21	53/54	54/56	31/33	37/43	16/28	53/54
34	18/11	6/3	7/4	13/16	37/49	32/49	15/1	22/18	30/34	30/24	38/40	12/13
35	42/47	53/59	54/57	41/45	27/19	17/16	56/56	50/50	23/22	50/49	34/33	48/48
36	10/9	6/0	7/3	13/14	22/36	39/53	14/9	1/5	30/41	15/22	33/49	12/10
37	52/51	57/58	56/57	48/44	33/29	19/21	55/49	56/48	28/31	48/49	31/21	56/51
38	41/42	53/52	51/50	39/38	13/9	16/8	52/52	30/29	21/14	57/56	28/19	41/41
39	52/53	58/59	57/59	48/43	23/17	22/19	57/56	48/47	33/26	55/54	45/32	52/53
40	48/47	56/55	55/55	47/45	36/34	21/18	47/50	55/54	25/23	35/29	29/24	52/48

41	27/25	23/26	22/27	23/27	16/19	31/37	23/24	0/3	30/30	28/38	52/54	16/20
42	38/38	38/41	37/39	37/37	34/33	37/27	29/33	45/43	33/32	23/18	17/21	40/37
43	46/46	52/53	51/50	46/46	35/28	14/7	49/51	53/53	14/11	34/31	12/10	59/59
44	55/56	59/59	58/58	48/45	39/32	25/13	54/57	45/49	32/27	56/57	24/15	51/52
45	54/56	57/58	57/57	52/51	43/39	27/15	55/51	53/55	34/31	50/50	35/25	56/59
46	12/14	15/21	18/22	22/23	16/20	11/6	24/30	27/28	20/13	24/21	10/8	15/22
47	17/23	25/29	18/32	22/24	8/15	3/5	25/35	24/37	4/2	18/26	5/4	26/26
48	32/39	37/40	38/40	38/34	37/30	19/8	31/36	43/41	9/7	17/26	9/10	37/39
49	42/48	54/54	52/43	45/43	30/18	12/6	55/53	53/52	14/15	50/45	23/16	47/48
50	39/49	11/12	13/17	22/32	34/44	43/54	18/24	9/23	35/51	26/30	42/53	23/23
51	42/44	45/49	43/48	35/40	28/21	14/7	38/48	43/51	14/11	19/29	17/16	45/46
52	19/9	0/0	0/0	21/29	31/44	41/48	17/19	15/11	27/49	24/25	33/45	14/11
53	51/53	54/57	53/56	51/41	25/19	27/13	50/53	43/44	40/29	47/50	37/27	52/49
54	26/33	23/34	22/34	27/28	34/32	29/23	25/33	37/53	27/17	25/36	27/28	21/36
55	24/40	36/43	32/43	24/32	12/7	3/6	38/48	31/47	10/8	28/43	9/7	28/38

смыслового инварианта пунктов, входящих в фактор, а также исходя из того, какие объекты оценивания оказались наиболее контрастными по интерпретируемому фактору.

Исходя из того, что один из полюсов первого фактора представлен суждениями, образующими некий интегральный синкретический фактор «Общего благополучия», куда вошли пункты (суждения), посвященные физическому здоровью, экономическому и социальному благосостоянию и психологическому благополучию, включающему творческую реализацию и высокую самооценку, в то время как противоположный полюс включает разные фрустрирующие состояния и проблемы, назовем первый фактор фактором «Общего благополучия». Наиболее полярными объектами по этому фактору оказались ролевые позиции «я — в мечтах», «уверенный в себе человек», «делец» на полюсе благополучия и «несчастный человек» и «злоупотребляющий алкоголем человек» на полюсе неблагополучия.

Напомним также, что высокая факторная нагрузка некоего пункта (качества) вовсе не означает, что респонденту (пациенту) присуще качество или состояние, описываемое этим пунктом опросника. Хотя такие пункты опросника, как «способность к творчеству», «вера в свое высокое предназначение» и т. п., имеют высокие нагрузки по первому фактору, первичные оценки респондентами самих себя по этим качествам были, как правило, весьма низкие. То есть, высокие факторные нагрузки этих пунктов означают, что для респондента качества, описываемые этими пунктами, высоко коррелируют с представлениями пациента о «благополучии». Но это не значит, что респонденты обнаруживают эти качества у себя, и даже не свидетельствует о том, что они к ним стремятся. Интересным представляется также разнесенность в семантическом пространстве (см. рис. 1) ролевых позиция «я — такой, как есть» и «злоупотребляющий алкоголем человек». Здесь мы сталкиваемся с неким феноменом обыденного сознания, заключающимся в том, что люди, как прави-

ло, не идентифицируют себя со средним (типичным) человеком той социальной или этнической группы или тем социальным стратом, к которым принадлежат. В наших исследованиях социальных или этнических стереотипов (Петренко, 2005) респонденты давали различные оценки себе самому и типичному человеку социальной или этнической группы, к которой они принадлежали. В исследовании людей с физическими дефектами (Петренко, Вайшвилайте, 1993) слепые пациенты себя оценивали гораздо более социально адаптированными, чем таких же товарищей по несчастью. Аналогично наши респонденты, т.е. пациенты наркологической клиники, ощущают себя гораздо более сохранными (нормальными), чем окружающие их больные алкоголизмом, и не идентифицируются с ними, что, впрочем, не исключает дружеского общения в силу общности проблем и интересов. И в иных

сферах человек подчас не склонен идентифицировать себя с той общностью, к которой относит его общественное мнение. Так, дети чувствуют себя старше своего возраста и обижаются на отношение к ним, как к «маленьким»; старики же ощущают себя гораздо моложе и физически сохраннее, чем их воспринимают окружающие. То есть, категоризация с внешней и с внутренней позиции дает разные результаты. Сам себя (из внутренней позиции) человек, как правило, видит более сильным, умным, адаптивным, чем средний, «типичный» человек, коим он с точки зрения общества (позиции внешнего наблюдателя), как правило, является. Позиция «я — такой, как есть» — уникальная, единичная, пристрастная и привилегированная позиция. Можно перефразировать гордые слова Архимеда, касавшиеся мира физического: «Дайте мне точку опоры, и я сдвину землю» — в суждение относительно мира психического: «Стоит мне изменить себя, и весь мир изменится».

Исходя из вышесказанного, мы интерпретировали первый фактор как фактор «Общего благополучия ↔ неблагополучия».

Второй, униполярный (однополюсной) фактор

включал суждения:

Заниматься общественно-политической работой	0.72
Заниматься художественной самодеятельностью	0.64
Родить ребенка	0.64
Повысить профессиональную квалификацию на курсах или в институте	0.63
Работать на личном приусадебном участке	0.56
Участвовать в экологическом движении	0.55
Участвовать в общественных неформальных организациях	0.50
Конструировать, заниматься домашним ремеслом, изобретать	0.45
Иметь дополнительный заработок	0.41
Большую часть времени проводить в кругу семьи	0.41

Наиболее полярными по второму фактору оказались (см. рис. 1) ролевые позиции: «хороший семьянин», «уверенный в себе чело-

век», «типичный человек», с одной стороны, и «ведущий бессмысленный образ жизни», «отбывающий заключение», «злоупотребляющий алкоголем» — с другой. Содержание контрастирующих (образующих полюса фактора) пунктов опросника и характер размещения по этому фактору ролевых позиций (описанный выше) позволяет интерпретировать этот фактор, как «Упорядоченность бытия ↔ жизненная нестабильность (готовность к переменам)».

Третий фактор включал суждения:

Прощать обиды	0.94
Иметь домашних животных	0.70
Уметь понимать других людей	0.61
Проводить большую часть времени в кругу семьи	0.60

В оппозиции к суждениям:

Избить обидчика	-0.80
Иметь внебрачную связь	-0.79

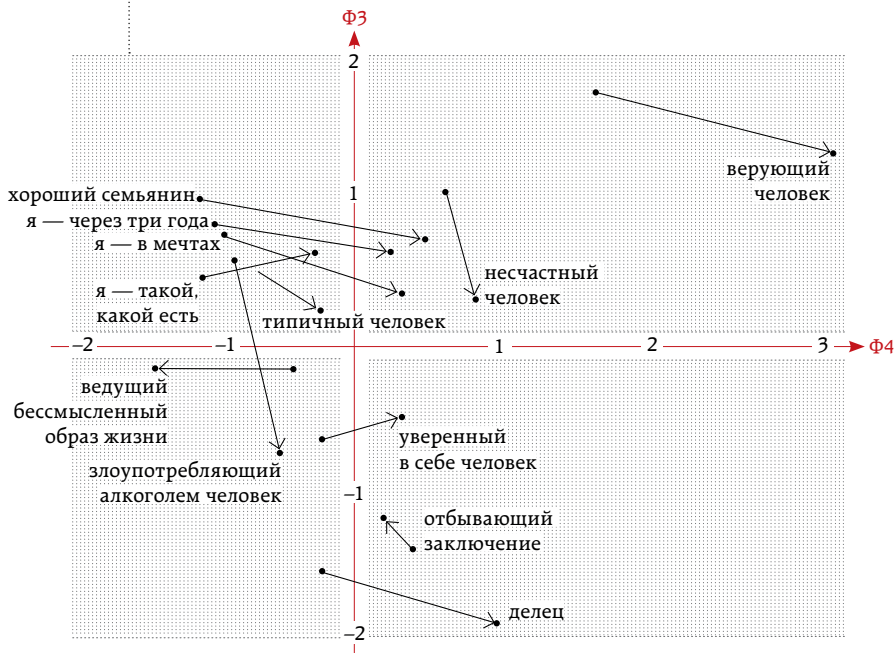
Мы назвали третий фактор фактором «Толерантности» «Терпимости» или «Ненасилия»). Наиболее контрастны по этому фактору «верующий человек» и «хороший семьянин», как склонные к терпимости. На противоположном полюсе фактора находятся ролевые позиции «отбывающий заключение» и «делец». Причем «делец» оценивается даже более склонным к насилию, чем человек, «отбывающий заключение».

Четвертый униполярный (однополюсный) фактор включал всего два пункта опросника:

Верить в Бога	0.93
Верить в предопределенность своей судьбы	0.78

Исходя из содержания пунктов опросника, входящих в четвертый фактор, и того, что наиболее полярные позиции по этому фактору занимали ролевые позиции «верующий человек», с од-

рис. 2 СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО ДИНАМИКИ РОЛЕВЫХ ПОЗИЦИЙ В ХОДЕ ГИПНОТЕРАПИИ У ПАЦИЕНТОВ НАРКОЛОГИЧЕСКОЙ КЛИНИКИ ПО ФАКТОРАМ Ф3, Ф4

МНОГОМЕРНОЕ СОЗНАНИЕ: психосемантическая парадигма

В. Ф. ПЕТРЕНКО

Глава IX ПСИХОСЕМАНТИКА ИЗМЕНЕННЫХ СОСТОЯНИЙ И ВИДЫ ИИКОМБИНИ (на материале гипнотерапии алкоголизма)

ной стороны, и «злоупотребляющий алкоголем» и «ведущий бессмысленный образ жизни», — с другой, мы интерпретировали этот фактор, как «Вера в Бога».

Рассмотрим теперь динамику изменения координат «ролевых позиций» в семантическом пространстве наших респондентов-пациентов ДО и ПОСЛЕ проведения гипнотерапии. (Исходные точки векторов на рисунках 1 и 2 семантических пространств соответствуют координатам ролевых позиций в семантическом пространстве до проведения гипнотерапии, а конец стрелки — координатам ролевых позиций после проведения гипнотерапии.)

По первому фактору «Общего благополучия» позиция «я — такой, какой есть» после проведения психотерапии значительно переместилась в сторону большего благополучия и практически

достигла позиции «я — в мечтах» до проведения гипнотерапии. То есть, наличное состояние пациентов после проведенного лечения почти достигло их мечты о желанном будущем; по крайней мере, в субъективном плане самоощущения пациента гипнотерапевтическое лечение достигло своей цели. Прогноз собственного будущего («я — через три года») также существенно сместился в благоприятном направлении. После лечения восприятие ролевых позиций «уверенный в себе человек», «делец», «хороший семьянин», «типичный человек» и «верующий» также стали оцениваться по фактору «общего благополучия» более позитивно, в то время как «отбывающий заключение», «ведущий бессмысленный образ жизни», «злоупотребляющий алкоголем» и «несчастный человек» стали восприниматься еще более несчастными и неблагополучными. Итак, в результате проведенных сеансов гипнотерапии произошла еще большая поляризация ролевых позиций по фактору «Общее благополучие».

Динамика ролевых позиций по второму фактору выявила парадоксальную тенденцию некоторого смещения «упорядоченных» ролевых позиций «хорошего семьянина», «уверенного в себе человека», «типичного человека», «дельца» в сторону меньшей упорядоченности бытия при существенной склонности к переменам ролевых позиций «я — такой, какой есть», «я — в мечтах» и «я — через три года». Восприятие же «неупорядоченных» ролевых позиций «человек, ведущий бессмысленный образ жизни», «отбывающий заключение» и «злоупотребляющий алкоголем» сместилось у наших респондентов в сторону несколько большей упорядоченности жизни. Этот неожиданный результат можно попытаться объяснить следующим образом. Как замечено наркологами, люди, «завязавшие» с употреблением алкоголя или наркотиков, очень часто меняют и предыдущий стиль жизни: разводятся, меняют работу, окружение. Вообще для людей, склонных к наркотизации, характерна несколько бунтарская натура, неудовлетворенность обыденной жизнью, тяга к трансценден-

тальному. Алкоголь (или наркотики) и являются такими ключами в измененные состояния сознания, бесплатным входом в запредельно-трансцендентальное, как сказал бы В.П. Зинченко, «на дармовщину». Но за все в своей жизни человек чем-то платит: в данном случае — здоровьем, временем и нереализованной потребностью в самоактуализации. Одна из интерпретаций библейского первородного греха заключается в том, что, сорвав в райском саду плод с дерева знания, Адам и Ева получили его без вложения труда, духовного поиска, искания, говоря словами Пушкина, «без божества, без вдохновенья, без слез, без жизни, без любви». Да и взять в сокровищнице запредельного можно только то, что ты способен увидеть, то, что доступно твоему духовному оку, а стяжатель духовности (трансцендентальный ворюшка) способен лишь украсть минуты замутненного сознания с последующим тяжелым похмельем.

Таким образом, парадоксальный результат еще большего отхода от структурированного бытия наших пациентов мы можем объяснить только возможным нарастанием после гипнотерапии чувства пассионарности (см.: Гумилев, 1997), тяги к изменениям, где неупорядоченность бытия является обратной стороной открытости к изменениям. Такая интерпретация динамики ролевых позиций по второму фактору является, конечно, не более чем гипотезой и нуждается в дальнейшем исследовании.

Динамика третьего фактора «Толерантности» (или «Терпимости») свидетельствует о незначительном, но планомерном нарастании миролюбия и доброго отношения к окружающим у наших пациентов. Возможно, что увеличение собственного благополучия, снятие тревожности и подавленности в ходе гипнотерапии благоприятно сказывается и на отношении к окружающим, делает человека более толерантным, а терпимость, в свою очередь, предохраняя от негативных эмоций, делает человека более благополучным в самых разных аспектах бытия. О взаимосвязи этих факторов свидетельствует и наиболее высокий (в матрице интер-

корреляций факторов) коэффициент корреляции первого и третьего фактора, равный 0,7, что говорит об их весьма относительной независимости. Содержание третьего фактора, являющегося отщеплением от первого и сохраняющего с ним смысловую связь, свидетельствует о том, что доброе отношение к окружающим — необходимое условие внутреннего благополучия человека, его физического, социального и психического здоровья.

Динамика четвертого фактора «Религиозность» показывает, что практика вхождения в измененные состояния сознания пробуждает интерес и тягу к трансцендентальному, к Богу. Читатель, поверхностно знакомый с современными психотехниками и конкретно с работой М. Эриксона, В. Кучеренко, может выразить недоумение: как состояние гипнотического сна (а слово «гипноз» и означает по-гречески сон) может способствовать такому высокому, связанному со свободным и осознанным выбором человека состоянием, как вера. Если практика измененных состояний сознания и в первую очередь медитация — существеннейший компонент буддийской, индуистской и отчасти суфийской религиозной практики, то Русская Православная Церковь весьма настороженно относится к психотехникам и, в частности, к гипнозу как средству воздействия на другого, пусть и с весьма благими (связанными с лечением) намерениями. Как выразился (чему были свидетели авторы статьи) один из высокопоставленных церковных иерархов на Международном семинаре по борьбе с алкоголизмом и наркоманией, проводившемся в Донском монастыре под эгидой РПЦ и патриархии: «Русская Православная Церковь никогда не опустится до воздействия на человека на бессознательном уровне». Столь настороженное, а отчасти и неприязненное отношение церковников и близких к ним людей, на наш взгляд, связано с устарелым и бытующим в обыденном сознании представлении о гипнозе как форме подавления одной (более сильной) воли другой (слабой и пассивной). Современные суггестивные лечебные психотехники включают как ме-

дицинский гипноз (чаще всего направленный на релаксацию пациента и погружение его в снимающий напряжение и тревогу гипнотический сон), так и непрямой мягкий эриксоновский гипноз, представляющий, скорее, медитативную работу с образами, где суггестор выступает как бы сталкером, вводящим пациента в мир измененных состояний сознания. Такой «постэриксоновский» лечебный гипноз, используемый Ю.А. Вяльбой и В.В. Кучеренко и опирающийся на разработанный Кучеренко метод сенсорного психосинтеза, представляет собой совместную работу двух людей, где один из них, входя в измененные состояния сознания и продуцируя эмоционально насыщенные образы, заражает, индуцирует другого своим творчеством, словно приглашая этого другого к сотворчеству. Как высказался однажды Н. Бердяев, нельзя выучить Гегеля, но можно научиться мыслить по-гегелевски. Аналогично гипнотизер не внушает готовые образы пациенту, а индуцируя эмоциональные состояния помогает ему построить эти образы. И от богатства чувственного и ментального опыта пациента зависит тот иллюзорный мир, который он возведет с помощью гипнотизера. Поэтому, согласно нашей интерпретации процесса немедицинского гипноза, пациент вовсе не является пассивной, подверженной директивному воздействию стороной, как не является пассивной стороной читатель поэтического текста или зритель театрального спектакля. И работа пациента в измененном состоянии сознания потенциально готовит его к установке на наличие иного, не сводимого к бытовой реальности мира, пробуждает его интерес к трансцендентальному.

При этом мы, конечно, далеки от приписывания пациентам, лечащимся от алкоголизма, чуть ли не духовного поиска и богоскательства. Но и не отрицаем возможности пробуждения вкуса к трансцендентальному не только через традиционные (для православия) религиозные практики поста и молитвы, но и через широко практикуемые, но плохо рефлекслируемые в канонической церковной службе суггестивные и медитативные практики.

ОБЩЕЕ ОБСУЖДЕНИЕ

Итак, если рассмотреть на рисунках векторы, описывающие динамику ролевых позиций, то совершенно очевидно, что их динамика представляет собой не случайное и хаотичное (броуновское) движение, а описывается некоей закономерной трансформацией, напоминающей движение звезд на ночном небе. При обсуждении этого феномена экс-президент Ассоциации искусственного интеллекта математик Д.А. Поспелов предположил, что картина трансформации ролевых позиций подпадает под так называемые аффинные преобразования, связанные со сжатием/растяжением семантического пространства, формула которых описывается неким функционал-оператором. Доказательство этой гипотезы представляет собой достаточно творческую задачу. Ее решение требует кооперации с математиками и нуждается в систематической проверке. Но если эта гипотеза верна, то ее следствия чрезвычайно важны для психосемантики, да и всей психологической науки. Действительно, если имеются закономерности трансформации семантических пространств, вызванные гипнотическим или эмоциональным воздействием на психическое состояние субъекта и эти закономерности можно описать единой формулой для каждого воздействия, то, зная функционал-оператор, трансформирующий семантическое пространство из одного фазового состояния в другое, можно предсказать трансформации коннотативных значений объектов, будь то социальные события, рекламные ролики товаров, образы литературных героев или имиджи политиков. Причем это не только касается тех объектов, исходя из трансформации коннотаций которых выводилась формула функционал-оператора, но и позволяет предсказать характер изменения отношений респондентов к тем реалиям, которые не были объектами предварительного рассмотрения, — аналогично тому, как «прикинув» кривизну «кривого зеркала» по растяжению или сжатию собственного лица, можно предсказать не только деформацию лиц

попутчиков, но и искажение отраженных ветвей деревьев, фасадов домов и т. п.

При таком понимании, эмоции, аффекты или психические состояния меняют кривизну, т. е. метрику, размерность семантических пространств сознания (см.: Петренко, Кучеренко, Нистратов, 1982; Петренко, Кучеренко, 2002), выстраивая бесконечное множество релятивистских ментальных миров человеческого бытия. Системы ассоциативных связей, функциональные ментальные карты, вся система памяти оказываются производными от эмоционального состояния и духовной жизни индивида, обеспечивая информационный ресурс субъекта, на порядки превышающий непосредственный жизненный опыт.

ЛИТЕРАТУРА

- Братусь Б.С.** Аномалии личности. М., 1991.
- Братусь Б.С., Сурнов К.Г.** Методика формирования установок на трезвость в ходе групповых психокоррекционных занятий с больными алкоголизмом // Вестник МГУ. Серия Психология. 1983, № 3.
- Годэн Ж.** Новый гипноз. Введение в эриксоновскую гипнотерапию. М., 2003.
- Гримак Л.П.** Как жить в гармонии с собой. М., 2002.
- Гримак Л.П.** Тайны гипноза: современный взгляд. СПб., 2004.
- Гриндер Д., Бэндлер Р.** Структура магии. М., 1995.
- Гроф С.** Холотропное сознание. М., 2002.
- Гумилев Л.Н.** Этногенез и биосфера земли. М., 1997.
- Дауд Т.** Когнитивная гипнотерапия. СПб.: Питер, 2003.
- Кучеренко В.В.** Сенсомоторный психосинтез // Психология. Словарь под ред. А.В. Петровского. М., 1990.
- Кучеренко В.В., Петренко В.Ф., Россохин А.В.** Измененные состояния сознания: Психологический анализ // Вопросы психологии. 1998, № 3.
- Майков В., Козлов В.** Трансперсональная психология. Истоки, история, современное состояние. М., 2004.

- Мышляев С.** Гипноз. Личное влияние? Нижний Новгород, 1993.
- Насиновская Е.Е.** Исследование мотивации личности с помощью гипноза // Автореф. дис. ... канд. психолог. наук. М., 1982.
- Овчинникова О.В., Насиновская Е.Е., Иткин Н.Г.** Гипноз в экспериментальном исследовании личности. М.: МГУ, 1989.
- Овчинникова О.В., Иткин Н.Г., Авдеева Н.Н., Насиновская Е.Е., Перес З.Л.** Опыт изучения мотивов человека с применением техники гипноза и применением косвенных внушений // Психологические исследования. Выпуск 6. М., 1974.
- Падун М.А., Тарабрина Н.В.** Когнитивно-личностные аспекты переживания посттравматического стресса // Психологический журнал. 2004. № 5.
- Петренко В.Ф.** Основы психосемантики. СПб., 2005.
- Петренко В.Ф., Вайшвилайте В.** Особенности категоризации собственного дефекта у людей с нарушением зрения // Вестник МГУ. Психология. 1993, № 3.
- Петренко В.Ф., Кучеренко В.В., Нистратов А.А.** Влияние аффекта на семантическую организацию значений // Текст как психолингвистическая реальность. М., 1982.
- Петренко В.Ф., Кучеренко В.В.** Цвет и эмоции // Вестник МГУ. Серия Психология. 1988, № 3.
- Петренко В.Ф., Кучеренко В.В.** Искусство суггестивного воздействия // Сборник. Российская наука: дорога жизни. Российский Фонд Фундаментальных Исследований. 2002.
- Полунина А.Г., Давыдов Д.М., Брюн Е.А.** Нейропсихологические исследования когнитивных нарушений при алкоголизме и наркомании // Психологический журнал. 2005, № 5.
- Россохин А.В., Измагурова В.Л.** Личность в измененных состояниях сознания. М., 2004.
- Сурнов К.Г.** Некоторые принципы психологической реабилитации больных алкоголизмом // Журнал невропатологии и психиатрии им. С.С. Корсакова. 1981. Выпуск 12.
- Тихомиров О.К., Райков В.К., Березанская Н.А.** Об одном подходе к исследованию мышления как деятельности личности // Психологические исследования творческой деятельности. М., 1975.
- Шерток Л.** Гипноз. М., 2002.
- Япко М.Д.** Введение в гипноз. М., 2002.
- Beck J.S.** Cognitive therapy: basics and beyond. N. J. 1995.
- Ellis A.** Rational-emotive imagery: RETversion. N. J. 1993.

глава X

ПСИХОСЕМАНТИКА
МАССОВЫХ
КОММУНИКАЦИЙ

Психосемантика массовых коммуникаций

Согласно концепции Тоффлера (2002), мир движется к постиндустриальному обществу, где на смену энерго- и материалоемким производствам приходит производство идей и информации. Уже сейчас в наиболее экономически развитых странах большая часть людей занята, если пользоваться классификацией трудовой деятельности Е.А. Климова (1995), не в сфере человек–объект (сырьедобывающая, обрабатывающая промышленность, производящая товары), а человек–знак (от финансово-банковской сферы и юриспруденции до производства компьютерных программ) и человек–образ (от художника, дизайнера, видеооператора, имиджмейкера до актера и режиссера). Уже сейчас в США в сельском хозяйстве задействовано только 3 % населения и около 13 % — в промышленности, в то время как более 60 % занято в сфере, связанной с производством и обменом информации (в сфере информатики). В будущем эта тенденция только усилится и основным производителем станет работник за монитором своего собственного компьютера (кстати, снимется и проблема собственника на средства производства), сидящий в своем собственном жилье (уменьшится и нагрузка на транспорт) и одновременно через «мировую паутину» включенный в возможность доступа к любым информационным ресурсам и контактам с любым жителем земли. Билл Гейтс в книге «Дорога в будущее» пишет: «Достижения технологии обязательно отразятся и на архитектуре. В стены домов начнут встраивать управляемые компьютерами дисплеи всевозможных размеров. О проводке, соединяющей различные компоненты, позаботятся еще при строительстве домов. Когда информационные устройства подключат к единой магистрали, отпадет надобность во многих

предметах: справочниках, стереоприемниках, компакт-дисках, факс-аппаратах, шкафчиках для папок и различных записей. Многие вещи, загромождающие сейчас комнаты, перейдут в иное состояние — в форму цифровой электронной информации, которая будет извлекаться только при необходимости. Даже старые фотографии мы сможем хранить в цифровом виде и вызывать на экран, вместо того чтобы вставлять в рамочки и развешивать по комнатам» (Гейтс, 1996).

Расширятся не только пространственные, но и временные рамки человеческого бытия. Фаустовское стремление остановить мгновение, реализованное в XX веке в форме фотографии и кино, получит дальнейшую реализацию в виде непрерывно пополняющегося всемирного архива, где любой человек будет иметь возможность не только быть свидетелем событий, происходящих в любой точке земного шара, но и обратиться к прошлому, пережить вновь исторические события или просмотреть любимые кинофильмы и спектакли с уже ушедшими из жизни актерами, очутиться в «местах силы», местах, связанных с приятными воспоминаниями, а обладая личным архивом, воспроизвести облик любимых людей и прокрутить значимые события из своей жизни.

Такая виртуализация бытия может иметь последствия в аутизации человечества. Ведь даже на смену привычным социальным группам, изучаемым социальной психологией, придут виртуальные сообщества и коллективы по «интересам», объединенные с помощью электронной «паутины». На смену социальной или этнической общности людей, обеспечивающей ценность многообразия, придет общность по менталитету, увеличивающая интеллектуальное и культурное многообразие человечества. В качестве антитезы «шизоидизации» человечества, связанной с отрывом сознания от чувственной ткани, усилится роль досуга — спорта, путешествий, игры. Уже сегодня есть много молодых людей, увлеченно играющих в миры Толкиена, и их более старших собратьев, разыгрывающих Бородинское сражение или битву при Аустерли-

це. Интеграция роли режиссера, психолога и историка — возможная профессия будущего. Имитационная игра, возможно, станет не только реализацией творческого досуга, но и формой исторического познания, постижения менталитета людей прошедших эпох, исторических персонажей, расширив рамки временного бытия человека. Человечество уже прожило огромную историю, накопив в «запасниках культуры» миллионы прожитых судеб, огромное количество живых и мертвых языков, религиозных и мифологических представлений, исторических документов, фольклорных и художественных произведений, являющихся формой «консервации» культурно-исторической ментальности, человеческих страстей, уникального этнического мирознания. Освоение и рефлексия этих безбрежных культурных пластов истории началось (по эволюционным меркам) сравнительно недавно, и человечеству, в частности психологической науке, еще предстоит проделать ту работу, о которой, правда в иной форме, пророчески писал Н.Ф. Федоров (1994) как о задаче «воскрешения предков своими потомками». Электронный доступ и возможность воспроизводства и тиражирования великих мировых шедевров (приватизация человеческой культуры), будь то музыка или живопись, увеличат роль искусства в жизни человека, значимость всего уникального и введут в массовую культуру великие духовные ценности, оставляя в то же время свободу в выборе, что, в свою очередь, увеличит культурную дифференциацию населения. Роль искусства в ее развивающей и терапевтической функции безмерно возрастет, появятся новые формы синтеза искусств, а новые компьютерные технологии обеспечат возможность творческого выражения личности.

Произвольность и возросшая осознанность человека в выборе своего жизненного пути, социального окружения, информационных и ментальных пространств, структурирующих его бытие, позволят ему эмансипироваться не только от Природы, перейдя, как писал Энгельс, из царства необходимости в царство свободы, но

и сделают его относительно независимым и от социума, открыв дорогу к свободе Духа. Создание искусственной среды обитания человека, вхождение человечества в им же созданные виртуальные миры, развитие ноосферы (Ларуа, Вернадский) и семиосферы (Лотман) как производных человеческой культуры, увеличивают степень свободы выбора путей дальнейшего развития человечества как коллективного субъекта и осознанную произвольность в принятии решения индивидом. Какова же роль средств массовой коммуникации в этом процессе глобализации человеческого духа?

В широком смысле в задачу массовой коммуникации входят поддержка, изменение, трансформация внутренней картины мира субъекта через сообщение ему некоей позитивной информации о мире или оценки этого мира. Тексту присуще «единство отражения и отношения» (С.Л. Рубинштейн), и всегда в той или иной пропорции читателю (зрителю, слушателю) передается и некоторое сообщение о мире, и эмоционально-ценностная позиция автора (или социального института, который он представляет). Но общение автора и реципиента, пусть и опосредованное средствами массовой коммуникации, не является перекачкой информации по каналам коммуникации, как в моделях Ласуэлла и Шеннона (см.: Матвеева, Аникеева, Мочалова, 2000). Важно ведь не только передать информацию, но и то, как эта информация будет воспринята реципиентом. В этой связи можно вспомнить евангельскую притчу о зерне, попавшем на разную почву:

«Слушайте: вот, вышел сеятель сеять;

И когда сеял, случилось, что иное упало при дороге,

и налетели птицы и поклевали то;

Иное упало на каменистое место, где не много было земли,

и скоро взошло, потому что земля была не глубока;

Когда же взошло солнце, увяло и, как не имело корня, засохло;

Иное упало в терние, и терние выросло и заглушило семя, и оно не дало плода;

И иное упало на добрую землю и дало плод, который взошел и вырос,

и принесло иное тридцать, иное шестьдесят и иное сто».

В семантической теории информации Ю.А. Шрейдера (1968) делается попытка оценить ценность этой информации для самого респондента. Общение двух людей рассматривается в этой теории как взаимодействие двух индивидуальных тезаурусов, т. е. симультанных структур, фиксирующих набор значений каждого субъекта и системы отношений между этими значениями. При графическом представлении тезаурус выступает как связный граф, где по его узлам стоят некие базисные понятия, а ребра графа помечены типом отношения между этими понятиями (Апресян, 1974; Мельчук, 1974). Все наличное знание субъекта о мире, полагает Ю.А. Шрейдер, можно выразить индивидуальным тезаурусом и оценить информационную емкость вновь полученного субъектом текста через степень изменения этого исходного тезауруса. Один и тот же текст, полагает он, например учебник по математическому анализу, будет иметь нулевую ценность для школьников младших классов в силу отсутствия у них базовых математических понятий, необходимых для понимания этого текста, максимальную — для студента и опять же нулевую для доктора наук в этой области в силу банальности текста.

Помимо информативной значимости текста, можно говорить и о его духовности, определяемой тем, насколько текст способствует развитию личности реципиента (Сосланд, 2003). Напомним, что в широком смысле слова к текстам могут быть отнесены и художественные, и научные книги, пьесы и фильмы, телевизионные сериалы, реклама и даже развлекательные шоу.

Часть из них, выполняя рекреационную функцию, выступает «духовной жвачкой», расслабляет и развлекает респондента, ничего не давая ни уму ни сердцу или заполняя его сознание калейдоскопом новостей; вызывают ощущение включенности в ритм страны и мира, не давая возможности осознать собственные экзистенциальные проблемы.

Ползет подземный змей, / Ползет, везет людей. / И каждый со своей / Газетой (со своей // Экземой!) / Жвачный тик, / Газетный костоед, / Жеватели мастик, / Читатели газет».

Кача- «живет с сестрой» / -ются — «убил отца!»- / — Качаются — тщетой, / Накачиваются. // Что для таких господ- / Закат или рассвет? / Глотатели пустот, / Читатели газет!

(Цветаева, 1991, с. 337)

В статье всемирно известного родоначальника абстрактной живописи, художника и философа В.В. Кандинского «О духовном в искусстве» дается визуальная модель духовного развития личности при взаимодействии с текстами искусства. Совокупность творцов и «пользователей» искусства В.В. Кандинский метафорически описывает в виде остроугольного треугольника, вершиною направленного вверх. Параллельные основанию треугольника линии разбивают его на секции, где находятся люди одного уровня духовного развития. «Весь треугольник медленно, едва заметно движется вперед и вверх и там, где „сегодня“ находился наивысший угол, „завтра“ будет следующая часть, т. е. то, что сегодня понятно одной лишь вершине, и что для всего остального треугольника является непонятным вздором, — завтра станет для второй секции полным смысла и чувства содержанием жизни. На самой верхней секции иногда находится только один человек. Его радостное видение равнозначуще неизмеримой внутренней печали. И те, кто к нему ближе всего, его не понимают. Они возмущенно называют его мошенником или кандидатом в сумасшед-

ший дом. Так, поруганный современниками, одиноко стоял на вершине Бетховен. Сколько понадобилось лет, прежде чем большая секция треугольника достигла вершины, где Бетховен когда-то стоял в одиночестве. И, несмотря на все памятники, так ли уж много людей действительно поднялось на эту вершину?

Во всех частях треугольника можно найти представителей искусства. Каждый из них, кто может поднять взор за пределы своей секции, для своего окружения является пророком и помогает движению упрямой повозки. Но если он не обладает этим зорким глазом или пользуется им для низменных целей и поводов, или закрывает глаза, он полностью понятен всем товарищам своей секции, и они чествуют его. Чем больше эта секция (то есть, чем ниже она находится), тем больше количество людей, которым понятна речь художника. Ясно, что каждая такая секция сознательно (или чаще неосознанно) хочет соответствующего ему духовного хлеба. Этот хлеб дают ему художники, а завтра этого хлеба будет добиваться уже следующая секция» (Кандинский, 1990, с. 18).

Из этой визуальной модели движения искусства к вершинам духа, следует важное следствие. Когда «духовный хлеб» более низкого уровня становится пищей людей, пребывающих на более высоких уровнях развития, он становится для них ядом и ведет к падению, «сбрасывающему душу во все более и более низкие секции». Это предостережение, пророчество В.В. Кандинского показывает пагубность потребления искусства «вообще» безотносительно к уровню духовного развития человека. Массовая культура, развлекающая и обольщая человека, предлагая ему готовые штампы и стереотипы, пичкает его «духовной жвачкой», создающей иллюзию включенности в мир искусства, в мир высоких чувств. Одна из трактовок первородного греха заключается в том, что плоды от дерева познания достались праотцам без труда, без усилий. Человек призван к сотворчеству в творении мира (яркий пример этому — искусство как поиск смысла бытия, создание новых форм, новых альтернативных миров). Пот-

ребление без духовной работы («в поте лица добывать будешь ты хлеб свой»), без решения собственных выстраданных проблем и вопросов выступает формой «духовного онанизма», когда, получая примитивные «удовольствия», человек дезертирует от главного предназначения — созидания и развития своего духа, своего сознания, а через них и осуществления своего вклада в «интегральное сознание» (см.: Сидерский, 1998).

Текст существует как «тест в тексте», в переключке с другими текстами, даже если последние явно не цитируются. Тексты в нашем сознании существуют скорее как гипертексты, включающие мириады ассоциативных связей, вязь перекрестных ссылок, «чувственную ткань сознания», сотканную сонмом образов и ароматом летучих настроений. Понимание предусматривает в той или иной степени совпадение смысловых установок, культурного кода — базовых знаний о мире коммуникатора и реципиента («одни книжки читали в детстве»). Забавный пример составления базовых культурных основ, необходимых для понимания, приводит известный политолог Г.К. Шахназаров (2001, с. 13), помощник первого Президента СССР М.С. Горбачева: «Однажды мы отправились в ресторан отметить завершение международной конференции. Все подвыпили, и один из русских, не знавший иностранных языков, завел оживленную беседу с итальянским коллегой. Заинтересовавшись, я прислушался. Они хлопали друг друга по плечу, закатывали глаза, поднимали большой палец и говорили: «Микеланджело — О! Пушкин — О! Травиата — О! Борис Годунов — О!».

При несовпадении культуральных тезаурусов возникают смысловые лакуны, когда понимание неполное и даже возможен когнитивный диссонанс (Фестингер, 2000). Более того, картина мира реципиента может меняться совсем не в ту сторону, в какую хотел бы автор сообщения, и содержание текста, резко контрастирующее с системой ценностей реципиента, может вызывать у последнего не ассимилятивную установку по приятию этой информации, а позицию контрастной установки, заключа-

ющейся в том, что субъект усиливается в своем неприятии навязываемой ему жизненной позиции, модели мира или ценностных ориентиров. Помню из детства один китайский художественный фильм о создании коммун в деревне, где охваченные жаждой возмездия крестьяне забивали насмерть палками помещика. Фильм, при всей очевидности задуманный сценаристом и режиссером как победная ода революции, глазами современного зрителя, имеющего иные политические установки, смотрится как вакханалия средневековой нетерпимости и насилия.

Похожий пример рассогласования намерений коммуникатора и понимания реципиента на своих лекциях приводит А.П. Назаретян. В 1960-е годы в Индии в рамках программы сокращения рождаемости местные пропагандисты выпустили ряд плакатов, где изображались оборванные родители с кучей чумазых и неприбранных детей и богатая преуспевающая пара с единственным ребенком. Местные кумушки останавливались около плаката и судачили на тему, которая могла бы быть переведена на русский язык и русскую ментальность так: «Несчастливые люди, все у них есть, а Бог детей не дает».

Какова же роль средств массовой коммуникации в структуре социума, социальной жизни?

Если, согласно классической философии, наука служит истине, а искусство красоте (прекрасному), то чему (или кому) служат журналистика и массовые коммуникации? Может, тоже истине, стремясь отобразить многообразие жизни «так, как она есть»? Но что есть истина? Вопрос, заданный Иисусу Христу римским прокуратором Понтием Пилатом две тысячи лет назад, так и не имеет однозначного ответа. Согласно ленинской теории отражения и близкой ей западной «корреспондентной теории истины», это форма соответствия нашего сознания объективному миру — тому, «что есть на самом деле». Теория отражения, как форма наивного реализма, подразумевает единственность истины и служит «социалистическому реализму». Другая трактовка

понятия истины, принятая в математике и логике, признает истину как систему тождественных преобразований. А. Тарский рассматривает доказательства в математике как последовательность тавтологических трансформаций исходных аксиом. Такая трактовка истины не слишком интересна в контексте функционирования массовых коммуникаций, ибо, согласно ей, человек, зачитывающий таблицу умножения, тем самым, непрерывно изрекает истины. В то же время глубокая трактовка истины как «пути» (Дао) предложена в даосизме и близка христианству. Как писал Ю. Шрейдер, следует задавать вопрос, не что, а Кто есть истина. «Я есть путь и истина», — утверждал Христос, и, значит, истинный путь верующего христианина состоит в уподоблении и отождествлении с личностью Христа.

Понимание истины как пути, как возможности выбора — между добром и злом, как в христианстве; между «суетой сует» и служением Богу, как в иудаизме; как верчение в колесе сансары и отречение от мирских влечений, просветление и уход в нирвану, как в буддизме.

Но со смертью Бога (Ницше) и секуляризацией общества все чаще ставится вопрос: «А есть ли истина?», и даже появляются высказывания о том, что «истина — это категория мифологического мышления» (Назаретян, 1995).

Одной из таких философских систем, полагающих, что понятийный тезаурус классической философии и науки, включающий понятие истины, должен быть замещен другой системой понятий, позволяющей фиксировать позиции субъекта познания (научной, ценностной, социальной, эстетической и пр.), его познавательные средства и язык, — является философия конструктивизма. Выше мы уже обосновали философские основы конструктивизма, важной характеристикой которых является принцип плюрализма истинности. Так каковы же основные задачи массовой коммуникации, если проблема служения истине ставится под сомнение? Может быть, информировать о текущих событиях? Может быть,

обучать? А может, развлекать и отвлекать (от раздумий над экзистенциальными и политическими вопросами)? А может, наоборот, заставить читателя (зрителя) на время отвлечься от суеты сует этого брэнного мира и уделить время для раздумий на тему, кто я и зачем пришел в этот мир? А может, будить совесть («глаголом жечь сердца людей») и обличать неправомерные дела сильных мира сего? А может, задуматься над тем, а я-то чем лучше, и разбудить теплящееся сострадание? А может, пророчествовать и предсказывать возможные варианты еще не ставшего (нереализованного) бытия, чтобы попытаться отсечь неблагоприятные и катастрофические варианты сценария развития событий?

Журналистика смотрит на мир, говорит языком фактов, презентуя, описывая и исследуя социальную реальность на языке ярких примеров, взятых непосредственно из жизни (case study — в терминах психологии). Ее цель — обратить внимание читателя или зрителя на эту яркую, эмоционально насыщенную единичность, заставить остановиться, осознать и осмыслить эти события в рамках его мировосприятия, а может быть, через шоковое воздействие и изменить в чем-либо, трансформировать его картину мира. Можно полагать, что одной из ведущих функций журналистики является рефлексия социальной жизни в рамках обыденного житейского сознания, осуществляющего обобщения на естественном языке национальной культуры. Единичное описание может выступать символом стиля жизни или жизненной позиции. Мы понимаем символ в духе Жана Пиаже как наиболее яркого представителя целого класса сходных событий, реалий приватной и социальной жизни. Конечно, и журналист может подниматься до уровня философского осмысления мира, работая уже не с единичным, выраженным в понятиях, общим, становясь философским публицистом или социологом.

Проигрывая журналистике в яркости, эмоциональной насыщенности и образности мировосприятия, философия дает более обобщенную системную картину мира, описывая его в катего-

риях, несущих общественный опыт не только своей, но и мировой культуры, позволяет единичное наполнить всеобщим, проецируя на единичное культурно-исторический опыт общественного сознания (см.: Выготский, 1982).

Картина, образ мира — удобные формы дискурса, позволяющие вписать единичный образ, поступок, событие, сценарий в системный контекст мировосприятия. Каркас «картины мира» образуют такие категории восприятия физического мира, как «пространство», «время», «причинность», «качество», «количество», «движение», «вещество», «материя», «энергия» и т. п., и категории социальные (экзистенциальные), такие как «долг», «вина», «стыд», «любовь», «сострадание», «справедливость», «преступление», «грех» и т. п. То есть, категориями мы называем более общие значения (в терминах лингвистики — архисемы), которые имплицитно содержатся в более частных понятиях. Например, значение слова «прийти», помимо частных признаков (сем), таких как «способ передвижения», фиксация «самостоятельности действия», указание на его «законченность», позволяющих отличить это слово от близких к нему по смыслу («идти» или «приехать»), содержит базовую категорию (архисему) — «движение», подразумевающую перемещение в пространстве и времени. Картина мира, каркасом которой выступает система взаимосвязанных категорий, и является той системой отсчета, на соответствие которой оценивается верность единичного наблюдения, или оценка его с точки зрения правды жизни. Так, входя в незнакомое помещение, мы не ожидаем (и не задумываемся, а действуем автоматически) того, что пол будет сверху, а потолок снизу, а уступая место в метро престарелой женщине, не ожидаем агрессии с ее стороны. Мало вероятен снег в июне и жара — в январе, но тем не менее имеется возможность таких событий, и в силу этого наша «картина мира» имеет еще и вероятностный характер, позволяя количественно оценить возможность реализации того или иного физического события или жизненного сценария. Понятие

«картины мира» встречается у Джеймса, но в активный научный оборот его ввел Р. Редфилд (см.: Соколов, 2002) определив его как мировоззрение, характерное для той или иной культуры.

В качестве иллюстрации понятия «картина мира» мне вспоминается невольно подслушанная дискуссии студентов об обоснованиях онтологии существования. Один из студентов взял под сомнение факт существования Америки, гипотетически предполагая, что это вымысел средств массовой коммуникации, сродни работе министерства «Правды» Оруэлла, публиковавшего героическую историю несуществующего героического солдата. Изо дня в день министерство «Правды» развивало миф о подвигах героя, повышало его в званиях — вплоть до его героической смерти. В рамках логики сконструированного мифа можно даже обнаружить на воинском кладбище скромную могилу героя и возложить к ней цветы. Спрашивается: а как можно верифицировать (подтвердить или опровергнуть) гипотезу о существовании Америки, если вы лично не имели возможности непосредственно наблюдать сей объект? Студенты бурно дискутировали на тему возможности эмпирического доказательства «бытия Америки», забыв о категории картины мира, которую они вроде бы должны были уже усвоить на семинарах по психологии. Действительно, большинство наших знаний о мире не были получены в нашем непосредственном личном опыте (и эмпирически не верифицируемы), а усвоены нами в школе, в общении с себе подобными, взяты из книг и художественных фильмов, из поучений родителей и средств массовой коммуникации. Не подвергаемый эмпирической проверке единичный факт тем не менее оценивается с точки зрения его правдоподобия в нашей целостной картине мира. И если вы наблюдаете вдруг появление нечто из ничего («чертика из табакерки»), то вы скорее поставите под сомнение ясность своего сознания, чем на основе эмпирического опыта подвергнете сомнению закон «сохранения вещества». Но если ваша картина мира сформирована в том числе и на основе религиозных текстов, то

возможность, например, превращения даваемой при причастии облатки в частицу плоти Спасителя будет оцениваться как форма таинства (или чуда) и не будет подвергаться сомнению. Картина мира включает в себя и ценностные (аксиологические) компоненты. Верить в разумность бытия или полагать его абсурдность, быть творцом или потребителем, служить или прислуживать, быть или иметь — дело выбора и веры. Исходя из аксиологических компонентов картины мира, субъект налагает на него систему смыслов, задающих координатную сеть (параллелей и меридиан) в выборе направления в плавании по морю бытия.

Задача журналистики направить в нужную (вопрос: кому?) сторону трансформацию картины мира зрителя (читателя) и, изменяя картину мира, а тем самым систему смыслов человека, влиять на принятие им решений, свершений, поступков и поведения. Но здесь возникает вопрос о векторе направления коммуникативного воздействия средств массовой коммуникации. Один из ярких философов современности, Пол Фейерабенд, исходя из сформулированных им позиций эпистемологического анархизма, вопрошает: «Не лучше ли будет всем традициям, придающим смысл жизни людей, предоставить равные права независимо от того, что думают о них представители других традиций? Не должны ли мы требовать, чтобы идеи процедуры, придающие смысл жизни людей, были сделаны полноправными членами свободного общества независимо от того, что о них думают представители других традиций?». И далее он продолжает: «Имеется немало людей, истолковывающих такие вопросы, как призыв стать на позиции релятивизма. Переходя на язык своих излюбленных терминов, они справедливо спрашивают нас, не хотим ли мы ложь уравнивать в правах с истиной или относиться к снам столь же серьезно, как к восприятию реальности. . . подобного рода инсинуации использовались в защиту единственного способа мышления и деятельности с тем, чтобы исключить все остальное» (Фейерабенд, 1986, с. 511). Соглашаясь с духом, но не буквой последнего абзаца Фейе-

рабенда, мы могли бы отметить, что позиция релятивизма, после разработок Альберта Эйнштейна, показавшего относительность измерений в зависимости от системы отсчета наблюдателя, вовсе не требует от ее сторонников необходимости оправдываться, а категория реальности, которой Фейерабенд противопоставляет сны, не менее культурно-исторически детерминированная конструкция, чем те же сны, детерминированные, как показал Зигмунд Фрейд, проективными механизмами защиты личности и в этом плане отражающие психическую реальность, не менее «реальной» для самого человека, чем физическая реальность.

И если мы стоим на позициях плюрализма истины, то на основе каких ценностных ориентиров выстраивать, конструировать свою версию происходящего, понимая, что это только одна из возможных позиций описания? Фейерабенд выдвигает два принципа, которым следует развитие культуры и науки. Один из них — принцип пролиферации, т. е. умножения конкурирующих и даже альтернативных друг другу гипотез (допустимо все). В духе высказываний Мао Цзедуна это звучит, как «пусть цветут все цветы» А другой принцип теоретического упорства требует от сторонника той или иной гносеологической позиции твердости в ее отстаивании. Мне этот принцип напоминает ситуацию с Арджуной из великого индийского эпоса Бхагавад-гиты. Великий воин Арджуна на поле битвы Курашетра сокрушается, что ему придется сражаться как с другими достойными войнами, так и с родственниками, принявшими противоположную сторону в битве. Не лучше ли самому погибнуть, но не пролить крови достойных мужей? — вопрошает Арджуна. Ему в образе возникшего отвечает сам бог Кришна: «Мудрец не скорбит ни о живых, ни о мертвых. . . Душа не рождается и никогда не умирает. Она не погибает, когда убивают тело. Сражайся, относясь одинаково к счастью и горю, потере и приобретению, к победе и поражению. Так ты избежешь греха». Долг воина — сражаться, а журналист (если он журналист, а не продажный «журналист»

га») также является воином, поле биты которого — ментальное пространство.

Механизм же конкурентной борьбы различных позиций Фейерабенд видит в свободном, ничем не ограниченном диалоге. Применительно к массовым коммуникациям можно интерпретировать это как необходимость свободы слова и плюрализм возможных точек зрения. С точки зрения генетической психологии Жана Пиаже, развитие интеллекта связано с так называемой децентрацией, т. е. способностью менять, как говорят физики, систему отсчета. В социальном плане это связано с умением встать на позицию другого, мыслить в системе иных категорий. Так, маленький ребенок легко найдет фотографию макета здания, снятого с его места восприятия. Но на просьбу экспериментатора найти фотографию этого же макета, но снятого с позиции сидящего напротив него ребенка, опять выберет ту фотографию, которая снята с его позиции. Аналогично на вопрос, есть ли у тебя братик или сестренка, ребенок может дать положительный ответ, но отрицать наличие брата, т. е. его самого у своей сестренки или братика. Таким образом, маленький ребенок не справляется с задачей встать на позицию другого и увидеть мир глазами другого. Так называемые психологические тренинги общения, тренинги сензитивности, тренинги духовного роста развивают эту способность встать на позицию другого и увидеть мир его глазами (осуществить децентрацию) и тем самым способствуют увеличению когнитивной сложности и многомерности сознания человека.

Но можно задать вопрос: чем в этическом плане ограничиваются возможные точки зрения и где границы плюрализма? Принцип «пусть цветут все цветы» дополнить (опять же изречением Мао Цзэдуна) ограничением: «кроме сорняков». На мой взгляд, человечество за последние более чем две тысячи лет выработало систему базовых этических ограничений, полученных в форме скрижалей Моисеем и разделяемых, по крайней мере, тремя мировыми религиями: не убий, не укради, не лжесвидетельствуй и т. д.

Сходные позиции, расширяющие эти положения и на мир всех живых существ, присутствуют и в буддизме. Так, базисное с точки зрения иудаизма суждение «не делай другому того, чего не хотел бы, чтобы делали тебе» разделяется и в буддизме, и в христианстве, и в исламе. Другое дело, что, принимая это как идеал, в реальной практике люди ограничивают его применение только кругом себе подобных, единомышленников и единоверцев. Как писал историк Б.Ф. Поршнев, в истории человечества не было каннибализма (хотя мы знаем противоположное), ибо тот, кого съедали, не считался человеком для того, кто съедал. В кругу японских военных преступников-врачей, проводивших вивисекцию на живых людях (военнопленных США и мирных гражданах Китая), приказом было запрещено называть последних людьми, и их обозначали, стремясь максимально их деперсонализировать, как «бревна».

Великое изречение Христа: «Нет грека и иудея, а есть христианин» — до сих пор игнорируется, и православный священник благословляет «православное воинство», католические и протестантские капелланы освящают «новый крестовый поход во имя демократии», а исламский аятолла призывает к новому «джихаду против неверных». Подчас это шовинистское по сути мировосприятие обретает гротескно-комическую форму. В телевизионном интервью один из российских участников Олимпийских игр, представитель отнюдь не самого агрессивного вида спорта (что-то типа бадминтона) выразил это следующим образом: «Россия — великая страна! Всех повём!!!» Отметим, что средствами массовой коммуникации подобные сентенции часто преподносятся чуть ли не с умилением, как свидетельство патриотической позиции говорящего. По моему мнению, патриотичность как идентичность на уровне национальности или гражданства, т. е. на более низком уровне иерархии, чем общечеловеческая идентичность, может успешно объединять людей, стимулируя к исполнению задач, поставленных государством, но никоим образом не должна противопоставляться общечеловеческим ценностям.

Обсудив философско-методологические проблемы плюрализма истины, конструирования социальной реальности и картины мира, имплицитно присутствующие в работе средств массовой коммуникации, перейдем к средствам описания «картины мира», создаваемой средствами массовой коммуникации, и методам оценки эффективности коммуникативного воздействия с помощью психосемантического подхода, развиваемого в психологической науке.

Психосемантические методы исследования картины мира субъекта

Журналист дает свою интерпретацию того или иного политического, социального, экономического события, феноменов культуры и искусства; берет интервью у известной, малоизвестной или совсем неизвестной личности и доносит свои представления о жизни, о людях до многотысячной аудитории, что-то меняя в их картине мира, в их сознании. Но для того, чтобы оценить эффективность коммуникативного воздействия, нужны операциональные методы оценки изменения картины мира читателей, средства описания их содержания сознания. Этим занимается область психологии — психосемантика, изучающая содержание и функционирование индивидуального и общественного сознания.

Понятие сознания имеет тысячелетнюю историю, истоки которой, можно найти как в ведийских гимнах, буддийских сутрах и шастрах древней Индии, так и в философии Древней Греции. Как греки, так и индусы сознание понимали широко, относя к нему процессы и восприятия, и мышления (как буддисты) и включая в объем этого понятия и сны, пророчества, формы измененного состояния сознания (как древние греки). В Новое время европейская культура, многое утратив из духовного опыта

древних, тем не менее сделала понятие «сознание» смысловым стержнем европейской философии. Основным методом изучения сознания в европейской культуре были и остаются самосознание и интроспекция (самонаблюдение). Казалось очевидным, что содержание сознания наиболее доступно внутреннему взору познающего субъекта, и уж собственные мысли и чувства наиболее представлены внутреннему взору человека.

Но Зигмунд Фрейд открыл и эмпирически доказал существование неосознаваемых мотивов, желаний, влечений. В гипнотических экспериментах, проводимых совместно с гипнотизером Э. Бюргеймом он обнаружил, что внушенный гипнотизером приказ пациенту совершить то или иное действие может не осознаваться последним и он не помнит ситуацию внушения, но тем не менее выполняет внушенное требование. Не зная истинных причин своего поступка, внушенных гипнотизером, пациент заполняет вакуум незнаемого вымышленным мотивом, в который искренне верит. Фрейд показал также, что в области бессознательного помимо неосознаваемых мотивов присутствуют и вытесненные в бессознательное воспоминания пациента, которые стали недоступны сознанию в силу того, что эти воспоминания снижают самооценку человека и вызывают травмирующие личность переживания.

Таким образом, в психологии XX века под влиянием психоанализа стали выделять область сознания и бессознательного. В философии же сохранилась более широкая трактовка понятия сознания, и когда говорят о содержании сознания, то включают туда и сознательные, и бессознательные компоненты. Понятие сознания в философской традиции оказалось близким к понятию «картина мира», пришедшему из культурологии (О. Шпенглер, А.Я. Гуревич) и ставшему широко употребляемым в психологии. Понятие «картина мира» удобно для описания менталитета человека и общества тем, что содержит целостную структуру знания человека о мире, включающую как осознава-

емые (понятийно выраженные), так и неосознаваемые и плохо осознаваемые (установки, стереотипы, психические состояния, верования и т. п.) компоненты.

Методом и формой представления содержания сознания или картины мира в психологии выступает экспериментальная психосемантика, использующая математический аппарат многомерной статистики (факторный, кластерный анализ, многомерное шкалирование, а также структурное моделирование) для построения семантических пространств, выступающих операциональными моделями сознания.

Методом и формой репрезентации этих представлений, или, что для нас синонимично, фрагментов картины мира субъекта, выступает экспериментальная психосемантика (см.: Kelly, 1955; Osgood, Susi, Tannenbaum, 1957; Петренко, 1983, 1988, 1997, 2005; Петренко, Митина, 1997). Невозможность прямого доступа к этим знаниям, ограниченность интроспекции диктуют необходимость косвенных методов анализа их проявления, методов «деятельностного опосредствования». Специфика психосемантического подхода заключается в том, что анализ категориальной структуры сознания, реконструкция системы значений, опосредствующих осознание мира субъектом, исследуются в «режиме употребления», а не интроспективно. Субъект что-либо классифицирует, оценивает, шкалирует, выносит суждения о сходстве и различии объектов. Возможно использование и психофизических методик (своеобразных лай-детекторов) типа «освобождения от проактивного торможения» или «семантического радикала» А.Р. Лурии, где генерализация условно-рефлекторной связи позволяет выделять семантические отношения анализируемых объектов. Эвристично применение и таких «экзотических» приемов установления семантических связей, как перенос постгипнотической инструкции на семантически родственные объекты. То есть, субъект в режиме «употребления», а не интроспекции порождает множество частных суждений или частных связей

(матрицу данных), в которой имплицитно присутствует некоторая внутренняя структура, отражающая имплицитную модель мира субъекта, на основе которой он и выносит эти суждения.

Последующее применение многомерной статистики (факторного, кластерного анализа, многомерного шкалирования, латентного и детерминационного анализа) позволяет выявить структуры, лежащие в основе полученной матрицы данных. Интерпретация выделенных структур осуществляется через поиск смыслового инварианта пунктов, входящих в фактор или кластер, а также через анализ содержания объектов, наиболее полярных по выделенным факторам. Для формулировки гипотезы о содержании факторов привлекаются компетентные эксперты (метод независимых судей), для облегчения интерпретации вводятся в исходный набор эталонные объекты и т. д.

При геометрическом представлении семантического пространства категории-факторы выступают координатными осями такого n -мерного семантического пространства, где мерность пространства определяется числом независимых, некоррелирующих факторов, а значения анализируемой содержательной области задаются как координатные точки (или векторы) внутри этого пространства.

Математически построение семантического пространства является переходом от базиса большой размерности (признаков, заданных шкалами-дескрипторами) к базису меньшей размерности (категориям-факторам). Семантически категории-факторы являются неким метаязыком описания значений, поэтому семантические пространства позволяют разложить значения на фиксированный алфавит категорий-факторов, т. е. проводить семантический анализ этих значений, выносить суждения об их сходстве и различии, вычислять семантические расстояния между значениями путем вычисления расстояния между соответствующими координатными точками внутри n -мерного пространства.

Психосемантика реализует принцип операциональной аналогии между параметрами семантического пространства и категориальной структурой сознания.

Так, размерность пространства (число независимых категорий-факторов) соответствует когнитивной сложности сознания субъекта в некоей содержательной области. Обучение, развитие личности ведет к увеличению размерности сознания, появлению новых содержательных факторов (Петренко, 1997). В частности, эффект коммуникативного воздействия, наряду с изменением личностного смысла субъекта по поводу объектов (и соответственно их координат в семантическом пространстве), в своем «сильном выражении» может вести и к появлению новых измерений в осознании субъектом мира и себя.

Когнитивная сложность отражает дифференцированность, развитость сознания. Тем не менее сознание гетерогенно и субъект может иметь высокую когнитивную сложность в одной содержательной области и низкую — в другой. Например, субъект или группа субъектов могут иметь высокую когнитивную сложность при дифференциации футбольных команд и низкую — при различении политических партий, высокую сложность сознания в сфере межличностного восприятия и низкую, скажем, при определении стилей живописи.

Важным качественным показателем организации семантического пространства является само содержание выделенных факторов, которое может быть в рамках одной содержательной области различным для разных испытуемых. Семантическое пространство, построенное на базе оценок объектов конкретной содержательной области, оказывается производным от знания субъектом данной содержательной области, от его «имплицитной теории» данной области. Значения являются одновременно операторами классификации. И проявиться в психосемантическом эксперименте, и отобразиться затем в виде факторов-координат семантического пространства могут только те основания

классификации, которые присущи самому субъекту. Например, в семантическом пространстве дифференциации видов животных вряд ли проявится фактор «съедобности-несъедобности» для вегетарианца или фактор «политические убеждения» в дифференциации людей у маленького ребенка.

Другим показателем когнитивной организации индивидуального сознания является так называемая «перцептуальная (различительная) сила признака». Субъективно более значимые основания категоризации дают и больший вклад в общую вариативность оценок объектов (вклад в общую дисперсию), и соответствующие им факторы: координатные оси семантического пространства более сильно поляризуют анализируемые объекты. Пространство, как «резиновое», растягивается по оси субъективно значимого фактора.

Наконец, размещение анализируемых персонажей, событий или иных объектов в семантическом пространстве (координаты этих объектов в новой системе категорий-факторов находятся путем умножения исходной матрицы оценок объектов, данных респондентами, на транспонированную матрицу факторных нагрузок исходных шкал-дескрипторов) позволяет отобразить отношение респондентов (их личностные смыслы или коннотативные значения) к объектам анализа. Совокупность этих коннотативных значений (своеобразные «облака» смыслов) дают «ориентировочную основу» (термин П.Я. Гальперина) для процессов эмпатии, встраивания в сознание респондентов, дают возможность увидеть события или персонажи «глазами» респондентов.

Построение семантических пространств реализует две задачи: координатные оси, образующие «скелет» семантического пространства, выступают операциональным аналогом категориальной структуры индивидуального сознания в рамках некоей содержательной области; размещение же в семантическом пространстве анализируемых значений позволяет реконструировать отношение респондентов к анализируемым событиям, персонажам.

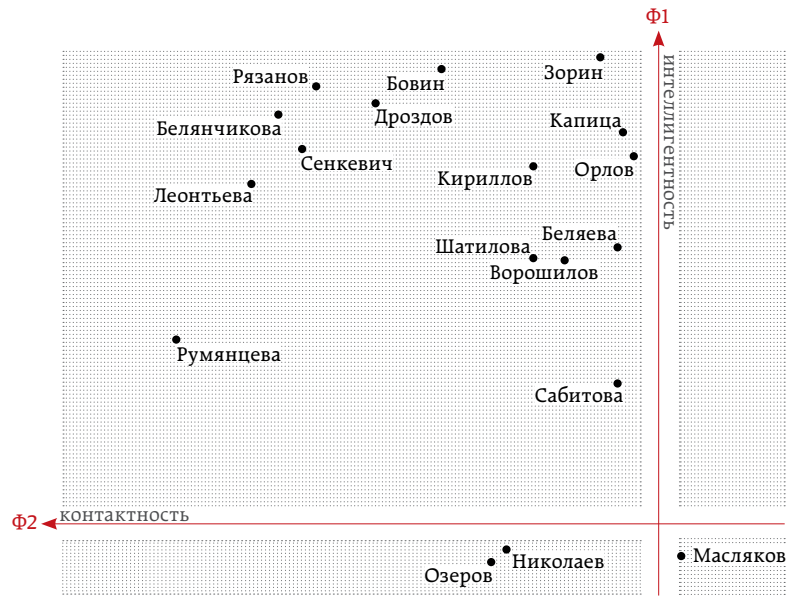
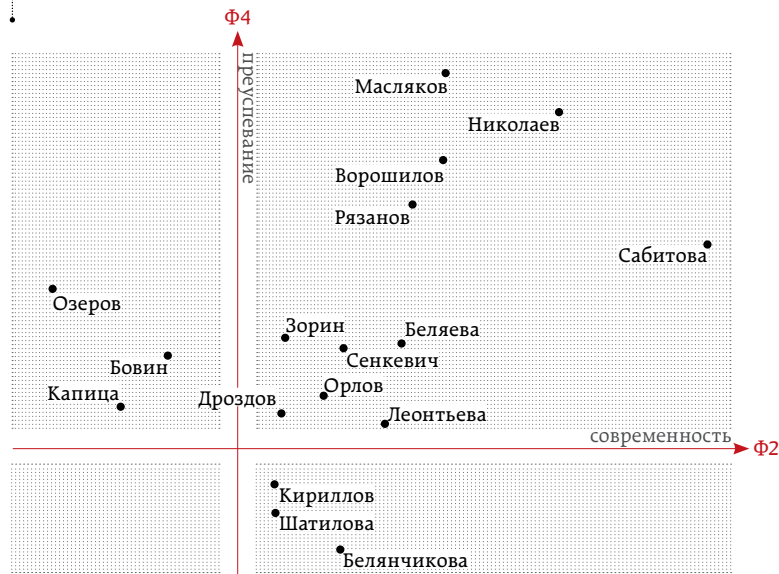

рис. 1 СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО ОБРАЗОВ ТЕЛЕВЕДУЩИХ (Ф1, Ф2)

рис. 2 СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО ОБРАЗОВ ТЕЛЕВЕДУЩИХ (Ф3, Ф4)

Рассмотрим в качестве иллюстрации размещение объектов в семантическом пространстве наше старое (Петренко, 1988) исследование отношения зрителей к телеведущим.

В случае семантических пространств малой размерности, когда доминирует объединение признаков описания в факторы не по деннотативным, а по коннотативным основаниям, размещение значений в таком пространстве отражает их коннотативные значения, в которых отражение и отношение слиты, т. е. значения, личностный смысл которых и их чувственная ткань находятся в нерасчлененном единстве. Такие пространства характеризуют личностные смыслы индивида и применяются при исследовании социальных установок, стереотипов и т. п.

Психосемантический подход к исследованию личности реализует парадигму «субъектного» подхода к пониманию другого. Содержательная интерпретация выделяемых структур (факторов) необходимо требует увидеть мир «глазами испытуемого», почувствовать его способы осмысления мира. Реконструируемая в рамках субъективного семантического пространства индивидуальная система значений выступает своеобразной ориентировочной основой такого эмпатийного процесса, дает ему смысловые опоры. Психосемантический подход позволяет наметить новые принципы типологии личности, где личность испытуемого рассматривается не как набор объектных характеристик в пространстве диагностических показателей, а как носитель определенной картины мира, как некоторый микрокосм индивидуальных значений и смыслов.

В наших исследованиях личности в рамках психосемантического подхода широко используется прием описания человека через оценку его поведения в предлагаемых обстоятельствах и построение семантических пространств поступков человека (Петренко, 1997). Размещение в семантическом пространстве поступков, образов значимых других, самого себя, своего альтер-эго, образов современников, исторических или литературных персонажей позволяет встроиться в мировосприятие данного человека, понять его систе-

му ценностей, установок, личностных смыслов. Предложенный нами метод атрибуции (приписывания мотивов поступкам с позиции того или иного персонажа) оказался перспективным и в области психологии восприятия искусства. Специфика психосемантического подхода в этой области заключается в том, что исследователь обращается к произведению искусства через посредника — реципиента, ставит задачу увидеть, услышать, понять и пережить произведение с позиции зрителя, читателя, слушателя, описать произведение в его превращенной форме — форме события, опыта духовной жизни другого человека. Реконструкция субъективного инобытия произведения искусства осуществляется через построение субъективных семантических пространств, где в качестве дескрипторов (шкал описания) используются фрагменты поведения, поступков персонажей, взятые непосредственно из сюжета произведения, а испытуемые оценивают, например, насколько тем или иным персонажам свойственны те или иные поступки, или вероятность того, насколько тот или иной мотив выступает причиной поступка того или иного персонажа. Исследования показывают, что, чем больше приятие, идентификация зрителя с персонажем, тем более многомерным и сложным оказывается приписываемая персонажу мотивационная палитра поведения, тем более субъективным, а не объективным оказывается восприятие персонажа зрителем.

Оценка же эффективности коммуникативного воздействия (прочтения книги или просмотр телефильма) на респондента в рамках психосемантического подхода осуществляется через оценку изменения картины мира (точнее, ее отдельного локуса), выражаемого семантическим пространством, т. е. через сопоставление семантического пространства некоторой содержательной области до и после коммуникативного воздействия на реципиента.

В качестве примера построения семантического пространства и демонстрации принципа оценки эффективности коммуникативного воздействия приведем пример эмпирического исследования оценки испытуемыми достоинств мобильных телефонов.

Оценка коммуникативного воздействия рекламы мобильных телефонов

Объектами оценки были различные средства коммуникации: стационарный телефон, мобильный телефон (мобильник), факсимильный аппарат, радиоприемник, телевизор, компьютер. Входивший в оцениваемый набор объектов мобильник предьявлялся в трех вариантах: нейтральном (мобильник), сопровождаемый позитивной рекламой (мобильник +), сопровождаемый негативной рекламой (мобильник —).

В позитивной рекламе подчеркивалась жизненная необходимость мобильного телефона для общения как на работе, так и в приватной жизни. Отмечалось, что слабое электромагнитное поле активирует жизненные функции организма.

Негативная реклама подчеркивала безусловную вредность исходящего от мобильного телефона излучения, вредность для работы головного мозга даже слабого электромагнитного излучения, ведущего в некоторых случаях к раку головного мозга.

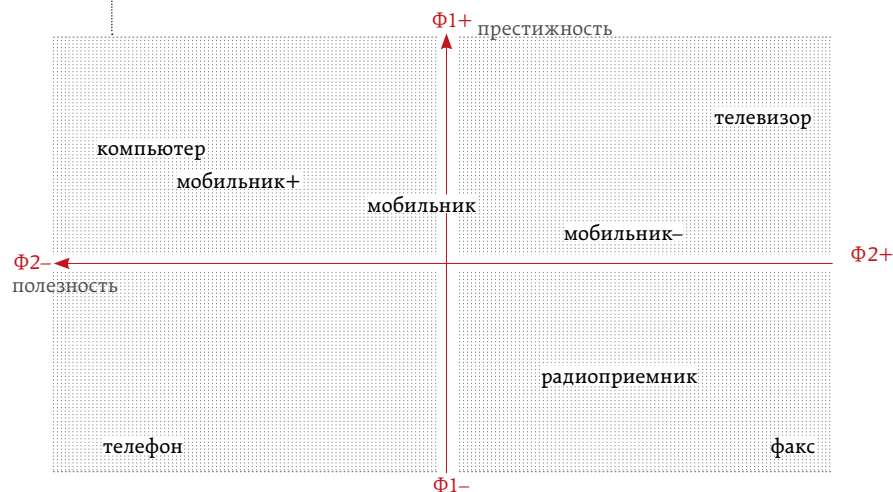
Респондентов просили оценить перечисленные средства информации по семибалльным градуальным шкалам. Инструкция респондентам: «Оцените, пожалуйста, насколько данное качество присуще данным объектам. Если данное качество максимально характеризует данный объект, то Вы ставите число +3, если максимально присутствует противоположное (антонимическое качество), то ставите -3. Если данное качество не характеризует данный объект, то ставите 0. Используйте весь диапазон градуальной шкалы (+3 +2 +1 0 -1 -2 -3)».

Шкалы (качества), по которым оценивались объекты, характеризовали полезность, престижность каждого средства получения информации его стоимость, простоту овладения и т. п.

Обработка данных: индивидуальные матрицы данных (8 объектов, оцененных по 18 шкалам) суммировались в группо-

вую матрицу данных, которая подвергалась процедуре факторного анализа (напомним, что данный пример иллюстративный и выборка респондентов нерепрезентативна). В результате факторного анализа было выделено 4 значимых фактора. Полученные результаты представлены на рисунках 3 и 4.

рис. 3 СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО СРЕДСТВ ИНФОРМАЦИИ (Ф1, Ф2)

Первый, однополюсный фактор, т.е. фактор имеющий значимые факторные нагрузки только на одном полюсе, был образован качествами: хороший подарок, красивая вещь, дорогой, престижный. Можно назвать этот фактор фактором «Престижность». Наиболее престижными оказались телевизор и компьютер. Наименее престижными оказались стационарный телефон и факс, очевидно, из-за относительно невысокой стоимости и доступности. Как можно видеть на рис. 3 позитивная и негативная реклама не оказали особого влияния на оценку мобильного по этому фактору.

Второй фактор включал качества: необходим для работы, необходим в быту, дает свободу в выборе информации, создает комфорт. Назовем этот фактор фактором «Полезность». Наиболее по-

В. Ф. ПЕТРЕНКО

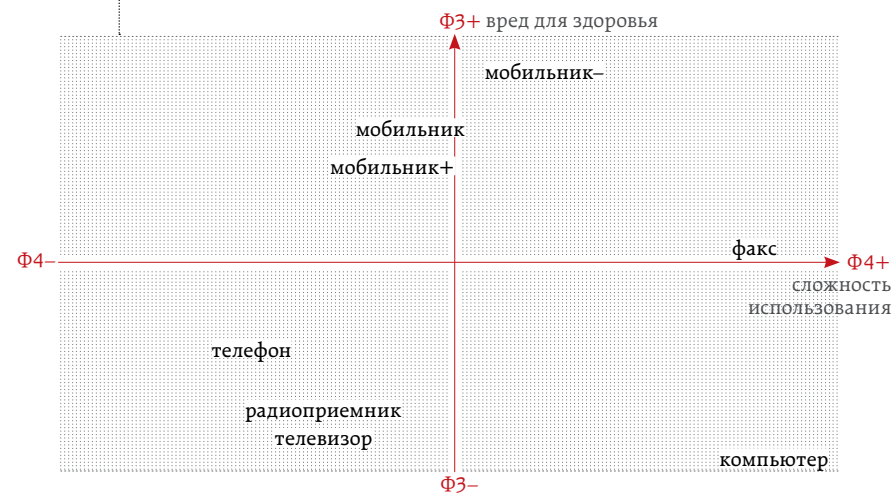
МНОГОМЕРНОЕ СОЗНАНИЕ: ПСИХОСЕМАНТИЧЕСКАЯ ПАРАДИГМА

Глава X

лезными оказались компьютер и стационарный телефон, мобильник + (с позитивной рекламой) занял третье место по этому фактору.

Третий фактор включал качества: опасен для здоровья, нервнрует. Назовем его по имени качества, набравшего максимальную факторную нагрузку, фактором «Опасность для здоровья пользователя». И без дополнительной рекламы среди средств связи наиболее представляющим риск для здоровья пользователя признан мобильный телефон. Негативная реклама только увеличила негативную оценку по этому фактору.

рис. 4 СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО СРЕДСТВ СВЯЗИ (Ф3, Ф4)

Четвертый фактор: «сложен в употреблении», «требует обучения» назван нами — фактором «Сложность использования». Сложными воспринимаются компьютер и факс. Наиболее простыми в использовании оказались стационарный телефон, радиоприемник и телевизор. Мобильник занимает нейтральную по этому фактору позицию, и слабый эффект коммуникативного воздействия мы видим (см. рис. 4) только для позитивной рекламы.

ПСИХОСЕМАНТИКА МАССОВЫХ КОММУНИКАЦИЙ

По результатам проведенного исследования можно сделать вывод, что как позитивная, так и негативная реклама вызвали коммуникативный эффект, выразившийся в изменении отношения респондентов к мобильному телефону, причем не только по фактору «Опасен для здоровья пользователя», бывшего собственно предметом обсуждения в рекламном тексте, но и по другим содержательным факторам — аспектам оценки средств информации (факторам «Полезность», «Престижность», «Сложность в использовании»).

Оценка эффективности коммуникативного воздействия в рамках психосемантического подхода осуществляется через сопоставление семантического пространства респондента до и после коммуникации. Можно выделить возможные формы трансформации семантического пространства респондента и соответственно формы изменения его картины мира. Слабое воздействие может проявиться в изменении позиций координат объектов (и, соответственно, отношения субъекта к этим объектам) в семантическом пространстве. В нашем примере воздействия рекламы на отношение к мобильным телефонам рассмотрен именно такой случай, когда коммуникативное воздействие рекламы привело к изменению позиции мобильного телефона среди других средств связи. Более сильный эффект вызывает увеличение или уменьшение мощности того или иного основания категоризации, когда семантическое пространство, как резиновое, растягивается (или сжимается) по оси фактора, содержание которого затронуто в публикации (передаче или художественном произведении). Наиболее сильные эффекты коммуникативного воздействия проявляются в изменении как размерности семантического пространства (числа значимых категорий-факторов), так и в самой конфигурации базисной системы супер-конструктов, выступающих категориальными осями семантического пространства. Эти сильные эффекты проявляются только в такой коммуникации, которая вызывает сильнейшее переживание, буквально меняет мировоззрение человека.

В общем виде возможен ряд трансформаций семантического пространства в зависимости от силы коммуникативного воздействия (представленных по степени возрастания воздействия):

- а) изменение координат анализируемых объектов (их коннотативного значения или личностного смысла) при неизменных категориальных осях (категориях сознания) семантического пространства;
- б) изменение перцептуальной мощности (вклада фактора в общую дисперсию) самих координатных осей, что выражает изменение субъективной значимости тех или иных оснований категоризации;
- в) изменение содержания самих категориальных осей, что отражает изменение системы конструктов, в рамках которых идет осознание некой содержательной области;
- г) изменение размерности семантического пространства (увеличение числа факторов-категорий сознания), изменение когнитивной сложности сознания.

Все эти параметры в отдельности или в их сочетании выступают операциональными критериями эффективности коммуникативного воздействия и позволяют количественно и качественно описать изменение картины мира субъекта под влиянием печатного слова, видеокadra или музыкального звучания или их синкретического единства в художественном произведении.

ЛИТЕРАТУРА

- Апресян Ю.Д. Лексическая семантика. М., 1974.
Асмолов А.Г. Деятельность и установка. М., 1979.
Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: Медиум, 1995.
Вебер М. Избранные произведения. М., 1990.
Вежицкая А. Язык, Культура, Познание. М., 1996.

- Выготский Л.С.** Мышление и речь. М., 1934.
- Выготский Л.С.** Собрание сочинений: В 6 т. М.: Педагогика, 1982.
- Гейтс Б.** Дорога в будущее. М., 1996.
- Гринберг Р.С.** Пятнадцать лет рыночной экономики в России // Вестник Российской академии наук. Т. 77. 2008. № 7.
- Гриндер Д., Бэндлер Р.** Структура магии. М.: Каас, 1995.
- Держен (Герген) К. Дж.** Социальный конструкционизм: знание и практика. Минск: БГУ, 2003.
- Зинченко В.П., Мамардашвили М.К.** Проблема объективного метода в психологии // Вопросы психологии. 1977. № 7.
- Знаков В.В.** Категория правды и лжи в русской духовной традиции и современной психологии понимания // Вопросы психологии. 1994. № 2.
- Знаков В.В.** Психология понимания правды. СПб.: Алитейя, 1999.
- Кандинский В.В.** О духовном в искусстве. Л., 1990.
- Касавин И.Т.** Истина // Новая философская энциклопедия. М.: Мысль, 2001.
- Келли Дж.** Теория личности. Психология личностных конструктов. СПб.: Речь, 2000.
- Климов Е.А.** Образ мира в разнотипных профессиях. М., 1995.
- Коровкин В.** Обама и мы // Новая газета. Свободное пространство. 2008. № 44.
- Леонтьев А.Н.** Деятельность, Сознание, Личность. М., 1975.
- Матвеева Л.В., Анисеева Т.Я., Мочалова Ю.В.** Психология телевизионной коммуникации. М., 2000.
- Матурана У., Варела Ф.** Древо познания. М.: Прогресс-Традиция, 2001.
- Мельчук И.А.** Опыт теории лингвистических моделей. М.: «Смысл — Текст», 1974.
- Московичи С.** Машина, творящая богов. М., 1998.
- Назаретян А.П.** Психология стихийного массового поведения. М., 2001.
- Назаретян А.П.** Истина как категория мифологического мышления // Общественные науки и современность. 1995. № 4.
- Новый Завет.** М., 2000.
- Петренко В.Ф.** Введение в экспериментальную психосемантику: исследование форм репрезентации в обыденном сознании. М., 1983.
- Петренко В.Ф.** Телевидение и психология // Телевидение: вчера, сегодня, завтра. М., 1986.
- Петренко В.Ф.** Психосемантика сознания. М., 1988.
- Петренко В.Ф.** Основы психосемантики. М., 1997.
- Петренко В.Ф.** Конструктивистская парадигма в психологической науке // Психологический журнал. Т. 23. 2002. № 3.
- Петренко В.Ф.** Основы психосемантики. 2-е доп. издание. СПб.: Питер, 2005.
- Петренко В.Ф., Митина О.В.** Психосемантический анализ динамики общественного сознания. М., 1997.
- Рубинштейн С.Л.** Человек и мир М., 1997.
- Савельева И.М., Полетаев А.В.** Конструирование прошлого // Знание о прошлом: В 2 томах. Т. 1. СПб.: Наука, 2003.
- Сидерский А.** Третье открытие силы. Изд. Ника-центр, 2005.
- Соколов К.Б.** Искусствознание и культурология. Аналитический обзор // Вестник РФФИ. 2002. № 2.
- Сосланд А.И.** Ключ к Хайдеггеру. Привлекательность текста // Московский психотерапевтический журнал. 2003. № 2.
- Степин В.С.** Теоретическое знание. М.: Прогресс-Традиция, 2000.
- Тоффлер Э.** Шок будущего. М., 2002.
- Фейерабенд П.** Избранные труды по методологии науки. М., 1986.
- Фестингер Л.** Теория когнитивного диссонанса. М., 2000.
- Федоров Н.Ф.** Сочинения. М., 1994.
- Франселла Ф., Баннистер П.** Новый метод исследования личности. М., 1987.
- Фукуяма Ф.** Конец истории. М., 2003.
- Хантингтон С.** Столкновение цивилизаций. М., 2003.
- Харре Р.** Метафизика и методология: некоторые рекомендации для социально-психологического исследования // Социальная психология: саморефлексия маргинальности. Хрестоматия. М.: ИНИОН РАН, 1995.
- Цветаева М.** Стихотворения. Поэмы. М., 1991.
- Шюц А.** Формирование понятия и теории в общественных науках // Американская социологическая мысль: тексты. М.: МГУ, 1994.
- Шахназаров Г.Х.** PASTHOCK, или роковое расставание с прошлым. М., 2001.
- Шрейдер Ю.А.** О семантических аспектах теории информации // Теоретические проблемы информатики. М., 1968.
- Bruner J.S., Tagiuri R.** The perception of people // The perception of people // Handbook of Social Psychology. N.J., 1954.
- Kelly G.A.** The Psychology of Personal Constructs. N. J.; Norton, 1955.
- Osgood Ch., Susi C.J., Tannenbaum P.H.** The measurement of Meaning. Urbana, 1957.

глава **XI**

ОБРАЗЫ, СИМВОЛЫ,
ПРЕДСТАВЛЕНИЯ
В ИДЕОЛОГИЧЕСКОЙ
БОРЬБЕ ЗА МЕНТАЛЬНОЕ
ПРОСТРАНСТВО

Образы, символы, представления в идеологической борьбе за ментальное пространство

Человек — существо не только прагматичное, стремящееся максимально удовлетворить свои индивидуальные желания и потребности; не только социальное, стремящееся занять достойное место в обществе, где область «моего я» распространяется и на ближайшее окружение (родителей, детей, друзей, коллег по работе, на мой город, мою страну), но и символическое, живущее в мире языка, знаков, символов, где, помимо экономической и политической борьбы за ресурсы и влияние, идет еще конкуренция в ментальном семиотическом плане за доминирование значимых символов и представлений, за собственную трактовку и интерпретацию исторических событий, словом, ведется идеологическая борьба за доминирование собственной картины мира, того или иного индивидуального или коллективного субъекта. Человек еще и существо трансцендентальное, стремящееся выйти за рамки собственного «я» и обрести смысл своего конечного бытия, соотносясь с чем-то вечным, служа, работая ради чего-то непреходящего, выходящего за рамки собственной жизни. Мое индивидуальное «я» через идентификацию с историей моей семьи, рода, страны, через идентификацию с профессией, наукой, искусством, которые могут восприниматься как форма служения чему-то вечному, непреходящему, обретает смысл собственного существования. Наконец, религиозная вера, но не только религиозная, как показывает история человечества, является наиболее апробированным путем обретения смыслов существования как единичного человека, так и человечества, дает множество символов, выступающих нравственными ориентирами че-

ловека в мире. В этом плане для изучения политики того или иного государства, прогнозирования его развития и места в мировом сообществе важны не только экономический и политический анализ его ресурсов, оценка его военной мощи, состояния социальной сферы (образования, культуры, медицины), но и (тесно связанная с последней) оценка состояния общества в духовной сфере, его пассионарность (в терминах Л. Гумилева), степень доверия в обществе, степень милосердия к нуждающимся в его опеке и поддержке. Иными словами, «состояние умов», «качество населения», «социальный капитал» и «ментальный ландшафт», «общественные установки» и «национальные отношения», «религиозная веротерпимость» и «толерантность общества» — необходимые компоненты в политическом прогнозе развития того или иного государства. Эти аспекты «ментального картографирования» составляют предмет области, известной под названиями «психосемантика сознания», «психосемантика ментальности».

Для того чтобы функционировали политические и экономические институты, необходимы определенные фигуры сознания людей, реализующих экономическое и политическое поведение. Например, для того чтобы существовало феодальное общество, необходимы феодалы, имеющие свои представления об отношениях вассала и сюзерена, о долге и чести рыцаря; крестьяне, имеющие свое отношение к земле и труду, погруженные в мир представлений сельской общины и ее традиционный уклад; и, наконец, необходима некая религиозная идеология, синхронизирующая взаимодействие различных сословий.

Для того чтобы существовало социалистическое общество советского типа (эпохи развитого социализма), необходима особая форма «двоемыслия» (Дж. Оруэлл), или «кентаврического сознания» (М. Мамардашвили), где нормы поведения граждан определяются не декларируемыми и конституционно закрепленными правами, а некими негласными правилами, нарушение

или даже попытка обсуждения которых каралась инквизицией XX века — спецслужбами ЧК, НКВД, КГБ. Специфика сложной семиотической игры декларируемого и реально действующего породила специфический тип еретика-правозащитника, ориентированного в своей правозащитной деятельности именно на соблюдение конституционных прав граждан.

Помимо социальных представлений (в терминах С. Московичи), в механизм социального взаимодействия входят и эмоциональные состояния: например, чувство религиозного воодушевления во времена крестовых походов, эсхатологические ожидания близкого конца света в Византии накануне первого тысячелетия или доминирующее чувство страха во времена разгула инквизиции в Средневековье или в современном тоталитарном обществе.

Современная Западная Европа и Северная Америка, коммунистический Китай и Черная Африка, Арабский Восток и Индия отличаются не только и не столько промышленными технологиями и обликами городов, которые в условиях глобализации имеют тенденцию к стандартизации, сколько системой ценностей и картиной мира людей, их населяющих. Множество аспектов бытия определяет национальную психологию и картину мира населения тех или иных государств, тех или иных регионов. Это и географические (север/юг, климат, ландшафт, наличие водных артерий, плодородие почв, наличие природных ископаемых и т. п.), геополитические (расположение государства, наличие естественных преград для вражеского вторжения, транспортные коммуникации и т. п.), а главное — история, культура и религия этого государственного образования.

Россия же по меткому выражению — «страна с непредсказуемым прошлым», где за одно прошлое столетие трижды кардинально менялись идеология, экономическая и социальная политика. В результате разные социальные, возрастные, этнические, религиозные и региональные слои населения представляют «ва-

вилонское смешение народов», вобрав в себя противоречивые ценностные установки различных исторических эпох России — от монархического православия и тоталитарного мировосприятия «гомо советикуса» до авторитаризма «управляемой демократии» и либерторианских идей в экономике. Не меньший хаос, или феномен «кентаврического сознания», присутствует в голове среднестатистического россиянина. По нашим исследованиям «Образ экономической и политической реформы в сознании россиян» (Петренко, Митина, 1997), только четверть населения имела более или менее непротиворечивые политические установки, совпадающие с идеологией действовавших на то время политических партий. Большая часть населения демонстрировало синкретическое мышление, в котором желание рыночной экономики и выборности власти соседствовало с ностальгической тоской по «сильной руке» и требованием государственного регулирования цен.

В условиях колоссальной неоднородности общества и его крайней дифференциации не только по экономическому статусу, но и по мировоззрению и политическим, ценностным установкам (что, с одной стороны, чревато возможностью социального взрыва, но с другой — обеспечивает, исходя из «принципа необходимого разнообразия» Эшби, возможность динамических трансформаций) чрезвычайно важными становятся проблемы терпимости (толерантности), достижения консенсуса и доверия друг к другу отдельных социальных, национальных и религиозных групп, проблема доверия общества к институтам власти, к экономическим институтам и институтам суда и права. Как показали исследования лауреата Нобелевской премии по экономике, американского психолога Дэниела Канемана, психологические установки, прогнозы и ожидания, а также доверие населения к экономическим институтам и органам власти влияют на состояние экономики не в меньшей мере, чем ее собственно «объективные» детерминанты.

Политическая психология: предмет, задачи

Кардинальные экономические и политические изменения нашего общества и вызванная ими трансформация общественного сознания необходимо создали потребность в психологическом осмыслении и рефлексии происходящих на наших глазах глобальных социальных процессов и анализа изменений политического менталитета отдельного человека как субъекта этих процессов. Ответом на этот социальный запрос стало появление практически новой для отечественной психологической науки области — политической психологии (см.: Петренко, Митина, 1991; Юрьев, 1992; Дубов, Пантилеев, 1992; Шмелев, 1992; Лебедева, 1993; Егорова Е.В. и др., 1993; Дилигенский, 1994; Гозман, Шестопал, 1996; Назаретян, 1998; Ольшанский, 2001).

Предметом политической психологии, по мысли Е. Шестопал, выраженной в «Психологическом словаре» (под ред. Б.Г. Мещерякова, В.П. Зинченко. М., 2003), следует считать «двусторонний процесс влияния психологических факторов на политическое поведение и политических действий — на психологические состояния». «Политическая психология, — пишет она, — исследует широкий круг проблем как внешней политики (психология войны и мира, терроризм, принятие политических решений, этнические и межгосударственные конфликты, взаимное восприятие партнеров по переговорам), так и внутривнутриполитической жизни (мотивация политического участия в традиционных институтах и новых движениях, дискриминация меньшинств, психология формирования политической идентичности и т. д.)».

Объект «политической психологии» — политика — выступает как особая деятельность людей по реализации коллектив-

ных интересов одной, сколько угодно большой группы людей (вплоть до государства или группы государств), сотрудничающих или противодействующих интересам другой социальной, этнической или профессиональной группы. Предмет науки, как мы знаем из социальной эпистемологии и науковедения, строится на базе объекта науки, в первую очередь исходя из особенностей метода и специфики языка данной области знания.

Методы политической психологии заимствуются из психологии личности и теории общения, рефлексивных игр и психотерапии, из синергетики и теории катастроф, психолингвистики и теории дискурса, этнопсихологии и кросс-культурной психологии, теории личностных конструктов и психосемантики. Общим здесь является только размытое и плохо определенное поле «политической деятельности».

В этом плане ситуация в «политической психологии» напоминает положение в советской школе в тридцатых годах прошлого века, когда практиковался так называемый комплексный подход в обучении. Комплексность заключалась в том, что на уроках давался последовательно комплекс знаний о некотором объекте. Например, изучается объект «корова». На одном уроке дети изучали, как пишется это слово, на другом — какой продукт она дает, на третьем — к какому биологическому классу она относится и т. д. То есть, организация обучения шла по «объектному», а не дисциплинарному основанию.

Близкое положение мы наблюдаем и в объединении проблематики политической психологии. В качестве проблематики политической психологии рассматривается, например, ситуация политических переговоров и широко применяются методы дискурс- и интенс-анализа. Объектом рассмотрения и применения методов контент-анализа могут быть и сами политические декларации, манифесты, тексты соглашения и т. п. Объектом анализа могут быть и сами «высокие переговоривающиеся стороны», особенности их характера, стереотипы поведения и осо-

бенности принятия решения, и тогда могут использоваться биографический, психоаналитический методы, методы эмпатийного моделирования (вплоть до наведения гипнотической идентичности) личности другого человека, методы проективного анализа «живого» поведения или его видеозаписи. Идеи Г. Ласуэлла оказали значительное влияние на создание спецслужбами разных стран «психологических портретов» политических лидеров (от Мао Дзедуня и Хрущева до Киссинджера и Жириновского).

Другая область политической психологии связана с анализом политических и социальных представлений как конкретных социальных, этнических, религиозных групп населения, участников или контрагентов неких общественных процессов, так и широких масс населения, являющихся электоратом в демократических обществах. Эта область изучения политического менталитета общества.

Политический менталитет включает картину мира субъекта, систему ценностей, его политические установки. Провести четкую грань между политическими и иными формами сознания вряд ли представляется возможным. Как выразился применительно к своему времени немецкий канцлер О. Бисмарк, «Франко-германскую войну выиграл прусский учитель», и уровень образования, когнитивная сложность населения могут выступать одним из значимых параметров политического сознания или менталитета. Последние два термина для нас, скорее, синонимичны, и если в философской литературе о содержательном наполнении картины мира принято говорить в терминах сознания, то в психологии, в силу фрейдовского разведения сознательного и бессознательного, уместнее термин «менталитет», включающий как сознательные, так и бессознательные пласты картины мира, политические установки, настроения, стереотипы, имиджи и прочие плохо рефлекслируемые компоненты политического опыта.

Психосемантический подход в политической психологии

Психосемантический подход в своей основе восходит к методу семантического дифференциала Ч. Осгуда (Osgood, Susi, Tannenbaum, 1957), теории личностных конструктов Дж. Келли (Kelly, 1955) и методу репертуарных решеток (Келли, 2000; Франселла, Баннистер, 1987).

В психосемантике операциональной моделью сознания, описывающей категориальную структуру сознания субъекта и личностные смыслы субъекта относительно некоторой содержательной области, выступают субъективные семантические пространства (Петренко, 1983, 1997, 2005). Субъективные семантические пространства представляют собой обобщения исходного языка описания, присущего субъекту (респонденту), где первичные дескрипторы (термин лингвистики), шкалы (в терминах Ч. Осгуда) или конструкты (в терминах Дж. Келли) группируются с помощью статистических процедур (факторного, кластерного анализа или методов структурного моделирования) в содержательно более емкие категории-факторы.

При геометрическом представлении категории-факторы выступают осями некоторого n-мерного семантического (как правило, декартового) пространства, а личностные смыслы субъекта по поводу анализируемых объектов задаются как координатные точки внутри этого пространства, создавая своеобразную «ориентировочную основу действия» (термин Гальперина), в нашем случае – эмпатического встраивания, вчувствования в сознание другого или других. В этом смысле психосемантический подход близок к проективным методам и, как и последние, чувствителен к проблемам интерпретации, но в отличие от проективных методов имеет дело с компактно представленными данными, включающими такие параметры, как когнитивная сложность (число независимых категорий-факторов), перцептуальная сила признака,

выражаемая во вкладе фактора в общую дисперсию и отражающая субъективную, связанную с мотивационной сферой, значимость данного основания категоризации категорий-факторов (как взаимосвязь различных оснований категоризации) и т. п.

Рассмотрим ряд типовых задач в области политической психологии реализуемых методами психосемантики.

1. Построение семантических пространств политических партий (см.: Петренко, Митина, 1991, 1993, 1997, 2004; Petrenko, Mitina, 1997, 1999).

Для решения этой задачи в качестве дескрипторов (суждений) мы используем декларации политических партий, фрагменты выступлений известных политических лидеров, выдержки из Конституции, документов ООН, ЮНЕСКО и т. п. Респонденты (испытуемые), коими является руководящий состав различных партий, выносят свое согласие/несогласие с каждым из суждений из списка или то, насколько каждое суждение (обычно несколько сотен дескрипторов) соответствует позиции представляемой им партии.

Позиции каждой партии представляют не менее десяти респондентов из руководящего состава (а как правило, несколько десятков респондентов, что зависит как от массовости партии, так и меры открытости ее общественному мнению, прессе, социологическим исследованиям и т. п.), что позволяет оценить величину дисперсии в ответах как меру, обратную степени идеологического единства. Факторизация матрицы данных позволяет выделить будущие факторы сходства/различия политических партий, определить размерность политического пространства как показателя дифференцированности политической жизни общества и когнитивной сложности общественного сознания, а также, проинтерпретировав содержание каждого фактора, выделить ведущие линии социального напряжения. Позиции каждой партии в семантическом пространстве представлены как координатные точки внутри этого политическо-

го пространства, и можно определить (через проекцию позиции партии на оси категорий-факторов), насколько в позиции партии выражен тот или иной политический аспект, представленный содержанием фактора. Расстояния между координатами партий в семантическом пространстве обратно пропорциональны сходству их политических установок. И, используя кластер-анализ, можно построить дендограммы или кластер-структуры, отражающие группировку партий, исходя из сходства их политических установок, и предсказать, таким образом, их возможные политические альянсы.

2. Семантическое пространство имиджей партий (см.: Петренко, Митина, 1997; Петренко, 2005.).

В отличие от предыдущей задачи, где респондентами являются сами члены (как правило, лидеры) той или иной партии, выступающие носителями ее идеологии, в роли респондентов для построения имиджей политических партий выступают рядовые избиратели, наблюдающие политику партий, так сказать, с «внешних позиций». В задачу респондентов (испытываемых) входит оценка списка партий по широкому диапазону шкал-дескрипторов (например, «партия имеет широкую поддержку у населения», «партия отражает интересы мелкого и среднего бизнеса», «партия пользуется поддержкой президента», «партия — носитель левой идеологии» и т. п.). При такой процедуре оценка партий оказывается более субъективной, чем в первой задаче, и зависимой от политической пропаганды, средств массовой коммуникации, политической рекламы. В отличие от политически более однородных респондентов — членов партий, оценки партий населением («людьми улицы») более разнообразны, их дисперсия выше, и представляется разумным для ряда специфических задач (например, для оценки образа партий различными социальными группами) строить семантические пространства имиджей для однородного контингента респондентов.

3. Оценка электоральной мощности политических партий (см.: Петренко, Митина, 1991, 1997).

Оценка степени поддержки населением той или иной партии осуществляется нами с помощью процедуры проекции позиций избирателей на семантическое пространство партий. Каждый респондент отвечает на все пункты опросника, на которые уже отвечали представители политических партий. Проведя, таким образом, своеобразную политдиагностику, можно определить координаты политической позиции данного субъекта в пространстве политических партий. Определить, к какой партии он ближе по политическим установкам. Эта процедура, умноженная на число респондентов, дает своеобразное электоральное облако политических позиций населения, что, в свою очередь, позволяет определить, вокруг каких партий наиболее высока плотность избирателей, т. е. степень популярности каждой партии у населения, а используя детерминационный анализ (см.: Чесноков, 1982), выделять социально-демографический портрет избирателей данных партий. Как показали наши исследования (Петренко, Митина, 1994, 1997), электоральная плотность партий, определенная методами психосемантики, высоко коррелирует с непосредственными данными парламентских выборов.

4. Выделение типологии политического менталитета населения.

Типовое построение семантического (в нашем случае политического) пространства подразумевает факторизацию (кластеризацию, применение метода многомерного шкалирования, структурного моделирования и т. п.) двухмерной матрицы данных. Полученное на основе групповых данных семантическое политическое пространство отражает позиции людей, стоящих на совершенно разных политических позициях. Построение таких общегрупповых пространств (на основе репрезентативных выборов), отражая настроения в обществе, позволяет совершать эвристичный прогноз парламентских или президентских выбо-

ров, но с методологической точки зрения соответствует «средне-групповой температуре по больнице».

Этот же методологический упрек может быть отнесен и социальной процедуре оценки рейтинга политических лидеров, учитывающей сторонников, но не учитывающей позицию людей, отвергающих этих лидеров. Процедура семантического многомерного рейтинга (Петренко, 2002, 2003, 2005; Петренко, Митина, 2003) дает, на наш взгляд, более адекватную оценку рейтинга лидеров.

Для широкого круга социально-психологических и социально-политологических исследований важно изучать не усредненное мнение населения, а политические идеи (идеологемы), политические конструкты, распространенные в обществе. Ставится задача построения политической типологии населения, выделения типов политической ментальности. Для решения этой задачи мы обращаемся ко всей базе данных (а не к двумерной матрице), образованной тремя переменными:

- шкалы-дескрипторы;
- объекты анализа;
- респонденты;

Такая база данных представляет собой куб (вернее, параллелепипед) данных, и для решения ряда задач с использованием многомерной статистики можно проводить сечение этого куба по разным основаниям: по испытуемому, по объектам, по шкалам (см.: подробнее Петренко, 1997, 2005). Для решения этой же задачи построения типологии политического менталитета нами (Петренко, Митина, 1997) разработан алгоритм, где политическая позиция респондента представлена единой атрибутивной матрицей, и последующая факторизация (по испытуемому) матрицы сходства матриц позволяет выделить группировки респондентов, имеющих сходные политические установки. Дальнейшее построение семантических пространств для политически однородных групп респондентов позволяет выделить когнитивную сложность политического сознания этих респондентов, а проведя содержательную ин-

терпретацию факторов, описать политические идеологемы и конструкты, присущие этим людям. Использование основанного на теории множеств детерминационного анализа (Чесноков, 1982; Петренко, Митина, 1997; Петренко, 2002) позволяет составить социально-демографический портрет респондентов (электората) — носителей того или иного политического менталитета.

5. Анализ динамики политического менталитета необходим для предсказания развития политических процессов, происходящих в обществе, целенаправленного выбора «модели потребного будущего» (термин Н. Бернштейна) из сценарного веера возможного и осознанных действий по элиминации нежелательных сценариев развития. Тем не менее описание «живого движения», эволюции и развития системы — одна из наиболее сложных методологических проблем науки. Как полагает Анри Бергсон, научные методы анализа динамических процессов способны дать только синхронические (фотографические — в терминах Бергсона) срезы процесса.

Для описания политической жизни общества методы психо-семантики (как и любой лонгитюд в психологическом исследовании) позволяют получить серию синхронических срезов политического процесса (в нашем случае — в форме семантических пространств), и встает вопрос, как от синхронических срезов перейти к описанию динамики. Проблема усложняется еще и тем, что со временем меняется не только менталитет, но и самое общество. Меняется политический контекст (дискурс), на передний план выступают новые проблемы, и, строя семантические пространства, релевантные времени, исследователь использует новые дескрипторы, а подчас вводит в исследование новых политических субъектов — государства, политические партии, политические персоналии.

Задачу установления генетической взаимосвязи семантических пространств, отражающих менталитет общества в различные временные этапы, мы решаем, устанавливая коррекционно-

факторные связи дескрипторов в предположении малой изменчивости идеологии партии (т. е. объектов) на достаточно малом интервале времени, а затем в объединенном пространстве дескрипторов описываем динамику самих объектов анализа с помощью аппарата разностных дифференциальных уравнений. Психосемантика нелинейных динамических процессов находится еще в стадии развития, и нами делаются попытки использования аппарата синергетики и теории диссипативных структур для описания динамики менталитета общества (см.: Митина, Петренко, 1993; Петренко, Митина, 1997, 2003; Abraham, Mitina, Petrenko, 2000; Petrenko, Mitina, 1999, 2003).

6. Анализ геополитических представлений населения позволяет увидеть (и оценить) внешнюю политику государства глазами его граждан. Вместе с советской идеологией ушло в прошлое, но осталось у старшего поколения на уровне установок деление стран мира на социалистические, капиталистические и развивающиеся (страны третьего мира). Российское общественное сознание мучительно ищет свою новую геополитическую идентичность, свое место в содружестве государств. На смену идеологического родства (подпитываемого многомиллиардными невозвратными займами и поставками оружия) пришли прагматические внешнеполитические отношения, согласно известному принципу Черчилля: «в политике нет постоянных друзей, а есть постоянные интересы». В этом контексте представляется интересным, а для поддержки внешнеполитического курса важным анализ представлений населения о геополитической карте мира; анализ образов (имиджей) различных стран; оценка степени дружелюбности по отношению к России и ее граждан со стороны правительств и граждан этих стран и, наконец, анализ авто-стереотипов, т. е. анализ образов России и ее населения в восприятии (глазами) самих российских граждан.

В психологической науке проблеме этнических ауто- и гетеростереотипов посвящено огромное количество исследований фа-

воритизма и этноцентризма (Дробижева, Аклаев, Каратаева, Солдатова, 1996; Лебедева, 1999; Berry, 1990; Taifel, Turner, 1986; Triandis, 1994). Значительно менее представлены (по крайней мере, на материале российского менталитета) исследования стереотипов восприятия стран — субъектов международной политики, так же как и исследования той системы категорий, через призму которой осуществляются восприятие и оценка этих стран. Эта задача решается путем построения семантических пространств (см.: Петренко, Митина, Бердников, 2000; Петренко, 2005; Petrenko, Mitina, 2003), где объектами оценок по множеству дескрипторов (характеризующих уровень развития экономики, культуры, политических свобод и демократических принципов, состояние вооруженных сил, религиозность общества и т.п.) выступают имиджи стран (их авто- и гетеростереотипы). Специфика психосемантической картографии геополитического пространства (мира, Европы, СНГ и т. п.) заключается в том, что путем наложения субъективных семантических пространств на географические карты, мы получаем визуальные геополитические пространства, где, раскрашивая эти карты по степени выраженности того или иного фактора, мы получаем визуально читаемый, целостный образ России в содружестве стран (по тем или иным экономическим и политическим аспектам), в частности, например, карты толерантности, дружелюбности по отношению к России окружающих ее государств. Ниже рассмотрим в качестве иллюстрации пример эмпирического исследования:

Образ России в пространстве геополитических представлений россиян и иностранных граждан¹

Настоящее исследование является частью большого проекта, посвященного анализу образа России за рубежом. Для прове-

¹ Исследования проводились совместно с О.В. Митиной.

дения международной политики и создания благоприятного климата за рубежом важно знать установки и представления граждан стран-партнеров, с которыми Россия реализует совместную экономическую и политическую деятельность. Это тем более важно, что правительства демократических стран вынуждены считаться с общественным мнением своих граждан и проводить внешнюю политику, учитывая настроения в обществе. Образ государства можно сравнить с брендом товара, где сам бренд (как торговая марка) имеет самостоятельную, отдельную от товара ценность, так как фиксирует репутацию фирмы, которая произвела товар или осуществила услугу. Бренды известных фирм стоят сотни миллионов долларов, так как задают ориентировку потенциальных покупателей в мире бизнеса.

Имиджи стран, их образы в глазах иностранцев также выступают своеобразными брендами, облегчая или усложняя получение займов, выступая гарантами надежности при заключении экономических договоров, привлекая или отпугивая инвесторов, направляя потоки туристов и т. п.

Имидж государства — одно из ключевых понятий, на основе которого формируются геополитические стратегии. Особенно это важно, когда процессы глобализации становятся доминирующими, «позиция силы» престаает быть универсальным ключом, открывающим все двери и политические элиты должны искать пути позиционирования своего общества таким образом, чтобы это могло позволить выгодно включиться в структурированное мировое пространство. Страны конкурируют друг с другом за внимание, уважение и доверие инвесторов, за освещение в СМИ, на рынках потребления и туризма, за партнерские отношения с другими странами на разных уровнях, включая правительственный.

Имидж является многомерной характеристикой и формируется в ходе различных социальных взаимодействий и в большей степени под влиянием средств массовой информации. Географи-

ческие, исторические, культурные, общественно-политические и прочие сведения о той или иной стране воспроизводятся в сознании человека на уровне конкретных понятий, обыденных представлений, чувств, мыслей, ассоциаций, организованных вокруг некоторого единого центрального значения, которое в определенном смысле можно сравнить с идеей бренда, определяющего репутацию и гарантирующего ожидаемое качество (см.: Петренко, Митина, 1997).

В ситуации исследования таких глубинных, часто неотрефлексированных представлений различных людей, особенно когда речь идет о групповых представлениях, наиболее адекватными и эффективными являются психосемантические методики, в результате применения которых строятся операциональные модели, позволяющие описывать и изучать категориальные структуры, опосредующие восприятие и осознание субъектом окружающего мира (Петренко, 2006). При этом могут решаться различные задачи. Например, сравниваться категориальные структуры жителей одной страны, опосредующие восприятие разных стран: своей ↔ чужих, дружественных ↔ враждебных. Также плодотворным оказывается анализ различий и их объяснение, когда речь заходит о восприятии одной и той же страны людьми, имеющими к ней различное отношение: гражданами ↔ иностранцами ↔ иммигрантами ↔ эмигрантами.

Преимуществом психосемантики является возможность наглядной визуализации, построение понятной геометрической модели, которую легко интерпретировать и изучать.

Наиболее распространенным способом визуализации является размещение объектов (в нашем случае — имиджей-образов стран) в виде точек-координат в семантическом пространстве, характеризующее отношение субъекта (группового или индивидуального) к этим объектам (странам) — его «личностный смысл» (в терминах А.Н. Леонтьева, 1975) по поводу этих стран,

или, более конкретно, применительно к нашей задаче, характеризующее ценностные и политические установки респондента или его стереотипы в отношении к этим странам.

Наряду с традиционной формой репрезентации психосемантических данных в виде геометрических пространств в случае, когда оцениваемыми объектами являются страны (географические объекты, наделенные пространственными географическими характеристиками), более адекватной формой структурирования и хранения информации являются географические информационные системы (Величковский, Блиникова, Лапин, 1986; Баранов и др., 1999). Наряду с пространственными характеристиками они содержат атрибуты иного рода, с местоположением, на первый взгляд, никак не связанные (например, ландшафтные, социально-демографические и т. п. данные). Однако их визуализация на географической карте представляет возможности для выявления имеющих место территориальных закономерностей. Так, отображение очагов распространения холеры в середине XIX века на карте Лондона выявило, что все они располагаются вокруг водонасосных станций с зараженной водой. Поэтому привязка оценок стран по различным социальным, экономическим, культурным и прочим характеристикам к географии может выполнять эвристическую функцию, позволяет устанавливать территориальную детерминированность. Степень выраженности того или иного показателя указывается, например, с помощью количественного фона: чем выше оценка, тем темнее (или, наоборот, светлее) окраска страны.

В случае, когда все выделенные категории положительно коррелируют между собой, т. е. несмотря на свою относительную независимость, одновременно являются составляющими положительного имиджа, результаты можно представлять с помощью имиджевых полигонов (лепестковых диаграмм). Для той или иной страны каждый лепесток диаграммы соответствует

своей категории и имеет величину, равную оценке этой страны по данной категории.

Сопоставление полигонов разных стран между собой позволяет выявить их сильные и слабые стороны, участвующие в создании имиджа, а также определить некий показатель, соответствующий интегральному имиджу, и использовать его для сравнительного анализа.

Стандартный дизайн психосемантического геополитического исследования предполагает установление списка оцениваемых объектов — стран. Это могут быть все страны мира, страны определенного региона, страны, имеющие общие исторические, политические, культурные и т. п. корни. Конечно, для наиболее корректного с точки зрения статистики анализа желательно, чтобы список стран был жестко задан, т. е. все респонденты высказывали бы свое отношение к одним и тем же странам. Однако, если испытуемые представляют из себя достаточно разнородную выборку, тем более если они являются жителями разных государств, то количество стран, ответы о которых даже на простые вопросы будут достаточно добросовестны, осмыслены и дифференцированы, а не просто случайны или в большинстве своем ограничены дежурным «не знаю, нет ответа», может оказаться очень маленьким и математические процедуры анализа полученных данных не позволят выявить никаких интересных содержательных закономерностей. Поэтому предпочтительнее осуществлять так называемый гибкий выбор: представляется некий общий список, достаточно репрезентативный с точки зрения исследователя, а испытуемые должны выбирать из него страны для шкалирования, соблюдая необходимую количественную норму, т. е. оценивать не менее определенного числа. Этот минимальный показатель определяется исходя из соображений среднестатистических временных затрат на заполнение психосемантического опросника (не более одного часа). Чтобы анализ результатов оценок

той или иной страны был корректным, число респондентов, выбравших ее для своего анализа должно быть не менее 60 (минимальный объем выборки, данные по которой при условии нормальной распределенности можно считать параметрическими).

Также успешность исследования, т. е. степень содержательной новизны результата, зависит от выбора шкал, по которым происходит оценка. Чтобы получить действительно новые результаты, необходима содержательная концепция и вытекающие из нее гипотезы. Шкалы должны подбираться в соответствии с этими гипотезами, не менее трех на каждую из предполагаемых категорий. Следует помнить, что использование стандартных осгудовских шкал вряд ли позволит выделить категории, отличные от тех, которые получил сам Ч. Осгуд, — силы, активности и оценки (Петренко, 1997, 2005). Поэтому, если речь идет о реконструкции категориальной системы, связанной с восприятием именно имиджа стран, шкалы должны характеризовать состояние дел этих стран в различных отраслях экономики, культуры, образования, во внутренней и внешней политике и т. п.

Как правило, шкалы должны иметь семи- (предпочтительнее) или пятизначную градацию. Например: 3, 2, 1, 0, –1, –2, –3, где число 3 означает максимальную оценку страны (данную респондентом) по предложенной характеристике, а число –3 указывает на наличие, с точки зрения респондента, противоположной по смыслу, антонимической характеристики.

Требования к испытуемым определяются необходимостью быть осведомленными хотя бы в минимальной степени в области страноведения, квалифицированно отвечать на вопросы в объеме обыденных знаний. При этом существенным является не столько соответствие субъективных представлений испытуемого объективной реальности, сколько сформированность этих субъективных представлений. То есть, оценки испытуемого

должны быть неслучайны, внутренне обоснованы и согласованы с его картиной мира.

Как правило, таким требованиям удовлетворяют студенты или люди, имеющие высшее образование. Кроме этого общего требования необходимо обеспечить репрезентативную выборку в соответствии с предметом и гипотезами исследования. Например, это могут быть иммигранты или коренные граждане, жители какой-то страны или геополитического региона, определенного возраста, рода занятий, знающие страну по собственному опыту или СМИ, и т. д.

Чтобы проанализировать полученные данные и представить их для содержательной интерпретации, возможно использование всего арсенала методов, принятых в психосемантике (см.: Петренко, 2005; Митина, 2006).

Проиллюстрируем вышесказанное на ряде примеров.

Семантическое пространство восприятия стран мира российскими гражданами. Результаты 1998 года

В задачу исследования входила реконструкция той системы категорий, которыми пользуется российское общественное сознание при восприятии стран СНГ, Европы, мира. Это предполагало:

- экспликацию категориальных структур, опосредующих восприятие российскими респондентами стран СНГ, Европы, мира и их сопоставительный анализ;
- построение географической информационной системы ментальных геополитических представлений россиян.

В роли испытуемых выступали жители Москвы, Санкт-Петербурга, Смоленска, Ижевска, Ростова, Саранска, Сургута, Каза-

ни и Абакана — всего 983 человека обоего пола в возрасте от 18 до 70 лет.

Всем испытуемым для оценивания по 32 шкалам предоставлялся единый фиксированный список стран мира, Европы и СНГ. Индивидуальные ответы респондентов суммировались в три общегрупповые матрицы данных по СНГ, Европе и миру и затем подвергались процедуре факторного анализа. Полный список шкал и стран, а также усредненные выборочные оценки приведены в подробной статье (Петренко, Митина, Бердников, 2000).

Сопоставляя семантические пространства восприятия стран мира, Европы и СНГ российскими респондентами, отметим сходство категориальных структур геополитического восприятия этих реалий, а также некоторые различия. Например, везде присутствуют четыре базисных категории восприятия:

- демократические, преуспевающие государства ↔ тоталитарно-неблагополучные,
- военная мощь государства,
- дружелюбность по отношению к России,
- религиозность, духовность общества.

Различия обусловлены спецификой объектов восприятия (стран мира, Европы и СНГ), поскольку семантическое пространство не является «вместилищем», в котором размещаются объекты восприятия, а его структура (семантика, метрика и топология) производны от наполняющего их содержания. Размерность семантического пространства восприятия стран мира (как более неоднородных) оказалась более высокой, что можно интерпретировать как наличие более высокой когнитивной сложности восприятия нашими респондентами мирового пространства.

Так, наряду с первым фактором, содержащим на одном полюсе прототипический образ преуспевающих западных демократических обществ в оппозиции к антизападным, существует и близкий ему четвертый фактор — также благополучия и высо-

кой культуры страны, но уже в сочетании с плановой, а не рыночной экономикой. Наибольшую нагрузку по этому фактору получили Скандинавские страны и в первую очередь Швеция. То есть, в сознании наших респондентов, несомненно, выделяются два фактора, отражающих два возможных пути экономического и культурного преуспеяния: западный, представленный США, Канадой, Японией и т. д., и «шведская модель социализма» с элементами плановой экономики.

Когнитивная сложность восприятию более однородного политического пространства Европы ожидаемо оказалась ниже. Первый фактор общемирового пространства, интерпретированный как «Архетипические страны западной демократии»² ↔ Антизападные страны», и относительно независимый от первого фактора четвертый фактор общемирового пространства «Политическая стабильность и преуспеяние по шведскому образцу» слились в единый фактор «Общее благополучие ↔ благополучие стран».

Один из самых серьезных выводов, которые можно сделать из проведенного исследования, — это наличие в политическом менталитете российских респондентов взаимосвязи между демократическим устройством государства и его экономическим процветанием. То, что богатые общества, как правило, более демократичны, связано со спецификой трудовой активности населения в постиндустриальном обществе, требующей творческой самостоятельности в принятии решений субъекта-труженика. Оптимальные условия обучения, развития и функционирования дает именно демократически устроенное государство. С другой стороны, экономическая депрессия и упадок способствуют становлению авторитарных и тоталитарных режимов.

Дружелюбность стран по отношению к России является одним из значимых факторов-категорий в структуре российской

² Сюда попадают, например, и Япония с Австралией.

геополитической ментальности. Хорошее отношение к другой стране существенным образом зависит от представлений о том, как эта страна относится к России, с которой каждый из респондентов в ходе опроса с различной степенью осознанности себя идентифицировал. Подобную закономерность мы встречаем и при формировании образа другого: человек хорошо относится к тем, кто хорошо относится к нему самому.

Семантическое пространство восприятия стран мира гражданами Узбекистана. Результаты 2006 года

Исследование проводилось по предыдущей схеме: те же 32 шкалы и фиксированный для всех список стран, который был изменен и включал страны значимые именно для жителей Узбекистана (Тихоокеанского и Азиатского бассейна). В роли испытуемых выступали жители Ташкента — всего 374 человека обоого пола в возрасте от 13 до 79 лет различных национальностей. Результаты во многом оказались схожи, и они подробно описаны (Петренко, Митина и др., 2000, 2007, 2009). Здесь же мы дадим различные примеры графических представлений. Проекция семантического пространства изображены на рисунках 1 и 2.

На рисунке 3 представлено картирование показателя выраженности фактора *Дружественность по отношению к Узбекистану*. Более светлый тон закрашки соответствует большей дружественности и духовной близости, а темный — удаленности. Коричневым цветом закрашены страны, не включенные в опросный лист. Великобритания и США представлены врезками.

В таблице 1 содержатся интеркорреляции четырех выделенных факторов между собой. Можно заметить, что все они положительно связаны друг с другом, и, таким образом, чем

рис. 1 СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО ВОСПРИЯТИЯ СТРАН МИРА (Ф1, Ф2)

рис. 2 СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО ВОСПРИЯТИЯ СТРАН МИРА (Ф3, Ф4)

рис. 3 КАРТА СУБЪЕКТИВНЫХ ОЦЕНОК СТРАН УЗБЕКСКИМИ РЕСПОНДЕНТАМИ ПО ФАКТОРУ «ДРУЖЕСТВЕННОСТЬ И ДУХОВНАЯ БЛИЗОСТЬ К УЗБЕКИСТАНУ»

МНОГОМЕРНОЕ СОЗНАНИЕ: ПСИХОСЕМАНТИЧЕСКАЯ ПАРАДИГМА

таблица 1 МАТРИЦА ИНТЕРКОРРЕЛЯЦИЙ ФАКТОРОВ

Факторы	1	2	3	4
1 Развитость демократии	1,00	0,41	0,40	0,15
2 Военная мощь государства	0,41	1,00	0,15	0,10
3 Культура и исторические ценности	0,40	0,15	1,00	0,33
4 Дружественность к Узбекистану	0,15	0,10	0,33	1,00

выше оценка той или иной страны по каждому из них в отдельности, тем лучше интегральный имидж. Поэтому мы можем построить имиджевый полигон (в данном случае квартогон — четырехлепестковую диаграмму). Для этого необходимо по каж-

Глава XI

ОБРАЗЫ, СИМВОЛЫ, ПРЕДСТАВЛЕНИЯ В ИДЕОЛОГИЧЕСКОЙ БОРЬБЕ ЗА МЕНТАЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО

В.Ф. ПЕТРЕНКО

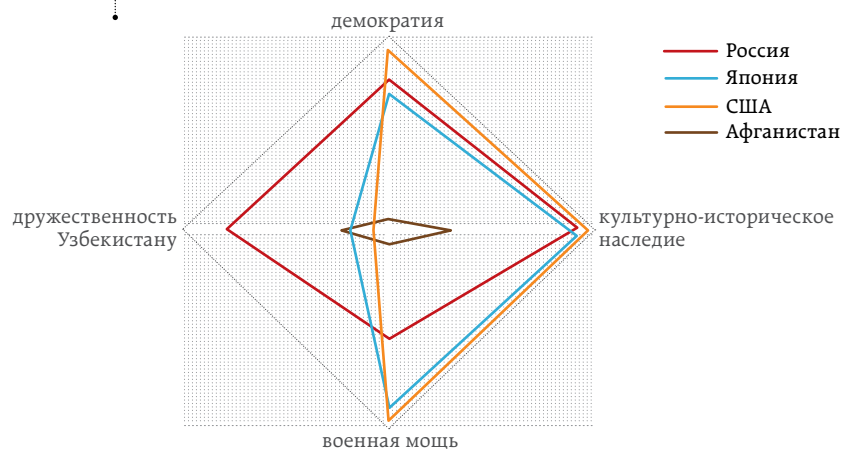
дой из четырех осей отложить показатель, который получила каждая страна по соответствующему фактору (Anholt, 2007). Показатель этот рассчитывался на основании факторных баллов полученных странами по формуле: $y = \frac{x - x_{min}}{x_{max} - x_{min}}$, где x — факторный балл, который получила страна по соответствующему фактору, x_{min} — минимальный возможный факторный балл, полученный какой-то страной по этому фактору (из всего списка стран), x_{max} — максимальный возможный факторный балл, полученный по этому фактору какой-то страной. Таким образом, все значения показателей стран, откладываемые по осям, лежат в диапазоне от нуля до единицы. Значения, равные единице, получают страны с максимальной выраженностью того или иного фактора. По каждому направлению это может быть своя страна, являющаяся своеобразным примером для подражания. В качестве интегрального показателя имиджа была взята сумма квадратов значений оценок страны по каждой из четырех составляющих. В определенной степени эта величина соответствует площади квартогона, однако не зависит от порядка расположения осей (порядок нумерации категорий на квартогоне — вещь достаточно субъективная). Все эти показатели теоретически могут лежать в диапазоне от 0 до 4, но фактически по реальным результатам оказались в диапазоне менее 2,5 (см. таблицу 2). Максимальный балл получила Россия, за ней идут наиболее развитые капиталистические страны, а также Китай. Самый низкий рейтинг получили проблемные страны, характеризующиеся внутренними конфликтами, нестабильностью. Этот результат вполне согласуется с ожиданием, а потому свидетельствует в пользу верификации используемого показателя.

На рисунке 4 приведены квартогоны ряда стран — лидеров и аутсайдеров. Все они представлены на одной диаграмме, что существенно облегчает возможность сравнительного анализа.

таблица 2 РЕЙТИНГ ИМИДЖЕЙ СТРАН С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ЖИТЕЛЕЙ УЗБЕКИСТАНА

СТРАНА	ИНТЕГРАЛЬНЫЙ ПОКАЗАТЕЛЬ ИМИДЖА
Россия	2,49
Япония	2,39
Китай	2,21
Великобритания	2,14
США	2,00
Узбекистан	1,97
Южная Корея	1,43
Казахстан	1,33
Турция	1,12
Индия	1,07
Северная Корея	0,84
Киргизия	0,71
Туркмения	0,60
Иран	0,53
Украина	0,53
Азербайджан	0,50
Ирак	0,38
Грузия	0,28
Афганистан	0,18

рис. 4 КВАРТОГОНЫ ИМИДЖЕЙ РАЗЛИЧНЫХ СТРАН В СОЗНАНИИ ЖИТЕЛЕЙ УЗБЕКИСТАНА

МНОГОМЕРНОЕ СОЗНАНИЕ: ПСИХОСЕМАНТИЧЕСКАЯ ПАРАДИГМА

Глава XI

ОБРАЗЫ, СИМВОЛЫ, ПРЕДСТАВЛЕНИЯ В ИДЕОЛОГИЧЕСКОЙ БОРЬБЕ ЗА МЕНТАЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО

В.Ф. ПЕТРЕНКО

Категориальная система восприятия имиджа стран. Результаты 2008 года

В задачу исследования входили реконструкция той системы категорий, которыми пользуются жители других стран при восприятии стран мира, и анализ в этой категориальной системе образа России. Иными словами, ставилась задача реконструкции имплицитной модели геополитического пространства и сопоставительный анализ положения России в этом пространстве. В роли испытуемых выступали граждане 19 стран мира — люди с высшим образованием, в большинстве студенты социальных и политологических специальностей университетов США и Западной Европы. Список шкал-дескрипторов был изменен по сравнению с используемым в предыдущих исследованиях исходя из гипотезы о существовании дополнительных категорий восприятия имиджа (наряду с теми, которые были выделены ранее).

Всем респондентам предлагался фиксированный список шкал, по которым они должны были оценить различные страны. Каждый респондент выбирал для оценивания не менее 10 стран из общего списка, состоящего из 33 стран мира, которые знал лучше всего и мог бы относительно них ответить на содержащиеся в анкете вопросы. Также в этот список предлагалось включить собственную страну респондента.

Индивидуальные ответы респондентов подвергались процедуре конфирматорного факторного анализа (Митина, 2006). Обработка данных осуществлялась в пакете EQS.

На рисунке 5 представлены факторы и детерминируемые ими переменные со значимыми факторными нагрузками. Факторы соответствуют обобщенным категориальным структурам восприятия стран, а факторные баллы, полученные той или иной страной, определяют ее имидж. Величина сравнительного критерия согласия (CFI) равна 0.85, а величина ошибки аппроксимации (RMSEA) равна 0.06. Можно говорить, что модель соответствует эксперименталь-

рис. 5 ФАКТОРНАЯ СТРУКТУРА ВОСПРИЯТИЯ СТРАН

МНОГОМЕРНОЕ СОЗНАНИЕ: психосемантическая парадигма

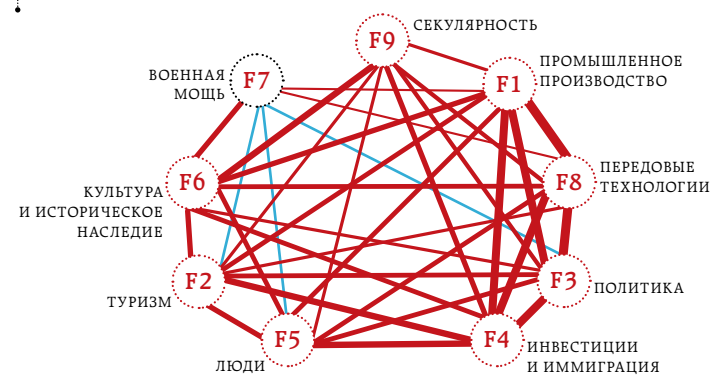
В. Ф. ПЕТРЕНКО

ГЛАВА XI ОБРАЗЫ, СИМВОЛЫ, ПРЕДСТАВЛЕНИЯ В ИДЕОЛОГИЧЕСКОЙ БОРЬБЕ ЗА МЕНТАЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО

ным данным и позволяет судить о наличии общих категорий в восприятии образа любой страны и описывать образ России в сравнении другими странами в единой категориальной системе.

Полученные факторы с детерминированными ими пунктами опросника согласуются с постулируемыми исходя из теоретических соображений, основными категориями восприятия стран (Петренко, Митина, Бердников, 2000). В большинстве своем пункты монотерминированы, каждый относится к своему фактору. Однако 8 пунктов из 40 оказались полидетерминированы (сразу несколькими факторами), что отражает факт взаимосвязи между выделенными факторами. Анализ интеркорреляций факторов показал, что все факторы, за исключением одного — «Военная мощь», положительно коррелируют друг с другом. Это означает, что все восемь факторов положительно работают на создание имиджа, а вот фактор военной мощи оценивается неоднозначно (см. рис. 6).

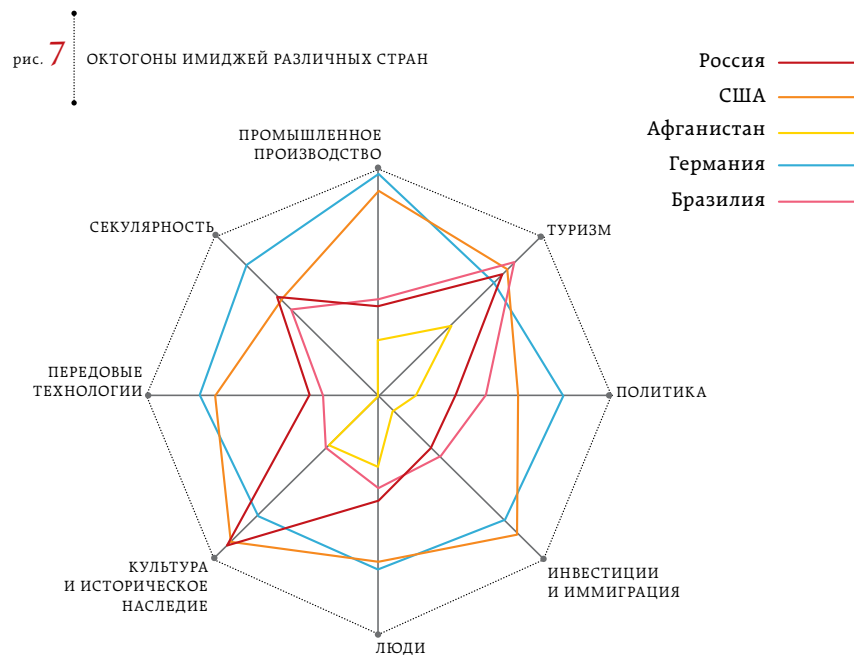
рис. 6 СВЯЗИ МЕЖДУ КАТЕГОРИЯМИ — ФАКТОРАМИ ВОСПРИЯТИЯ ОБРАЗА МИРА³

³ Красным цветом даются положительные связи, а синим — отрицательные. Толщина линий отражает силу связи, мерой которой является коэффициент корреляции Пирсона. Мы полагаем, что такое графическое представление при большом числе факторов является более наглядным, нежели числовая таблица интеркорреляций девяти факторов между собой.

С одной стороны, имперская политика и военная мощь могут негативно сказываться на привлекательности страны как места туристической поездки, а также политической составляющей имиджа страны. В то же время мощный военный потенциал является своеобразной гарантией качества промышленной продукции, производимой в стране, свидетельствует о наличии в стране высокотехнологичных производств, ибо без современных новых технологий производство военной техники в настоящее время невозможно. Также с этим «военным» фактором положительно коррелирует культурно-исторический фактор. Вполне возможно, это происходит из-за имплицитного присутствия и там, и там представлений о высокой образованности нации.

Таким образом, можно говорить о существовании 8-факторной модели положительного имиджа страны. Для визуализации этих представлений мы избрали форму представления в виде лепестковых октановых диаграмм.

На рисунке 7 приведены октогоны имиджей России, а также некоторых других в определенных аспектах показательных стран: Швеции — страны лидера привлекательности, Афганистана — одного из аутсайдеров, США и Германии как стран исторически сложившихся оппонентов России. Октонг Бразилии мы построили в связи с многочисленными сравнениями России с этой страной как учеными — политологами и экономистами, так и политиками, деятелями культуры, спорта.

Из рисунка видно, что страны с устойчивой и развитой экономикой и политической демократией — Швеция, США и Германия — обладают существенно более привлекательными имиджами. При этом наиболее привлекательная в суммарном отношении Швеция проигрывает США и Германии по факторам, связанным с промышленным производством. Имидж таких проблемных стран, как Афганистан, близок к нулю. В сравнении с Бразилией Россия выглядит существенно предпочтительнее в области культуры и исторического наследия, а по всем остальным показателям примерно одинаково.

Все показатели интегрального имиджа для восьмифакторной модели лежат в диапазоне от 0 до 8, но мы полагаем, что на настоящем этапе рассматривать их можно только с точки зрения построения рейтинга привлекательности. Для того чтобы ввести своеобразный барометр этой характеристики и говорить не только о том, что имидж одной страны лучше, чем другой, но и насколько он лучше, необходимы дальнейшие более масштабные (в плане выборок) исследования, а также стандартизация полученных показателей.

- Баранов Ю.Б., Берлянт А.М., Капралов Е.Г., Кошкарев А.В., Серпинас Б.Б., Филиппов Ю.А. Геоинформатика. Толковый словарь основных терминов. М.: ГИС-Ассоциация, 1999.
- Величковский Б.М., Блиникова И.В., Лапин Е.А. Представление реального и воображаемого пространства // Вопросы психологии. 1986. № 3.
- Гозман Л.Я., Шестопап Е.Б. Политическая психология. Ростов н/Д. 1996.
- Дилигенский Г.Г. Социально-политическая психология. М., 1994.
- Дробижева Л.М., Аклаев А.В., Каратаева В.В., Солдатова Г.У. Демократизация и образы национализма в Российской Федерации девяностых годов. М.: Мысль, 1996.
- Дубов И.Г., Пантеев С.Р. Восприятие личности политического деятеля. // Психологический журнал. 1992. № 6.
- Егорова Е.В. и др. Политиками не рождаются. Как стать и остаться эффективным политическим лидером. М., 1993.
- Келли Дж. Теория личности. Психология личностных конструктов. СПб., 2000.
- Лебедева Н.М. Введение в этническую и крос-культурную психологию. М., 1999.
- Леонтьев А.Н. Деятельность, Сознание, Личность. М., 1975.
- Лосев А.Ф. Философия. Мифология. Культура. М., 1991.
- Митина О.В., Петренко В.Ф. Синергетическая модель динамики политического сознания. // Гуманитарная наука в России: соросские лауреаты. М., 1993.
- Митина О.В., Петренко В.Ф. Моделирование динамики общественного сознания // Ученые записки кафедры общей психологии МГУ им. Ломоносова. М., 2002.
- Митина О.В., Петренко В.Ф. Использование систем дифференциальных уравнений малой размерности с нелинейной правой частью для изучения психологических процессов // Синергетика. По материалам круглого стола «Сложные системы: идеи, проблемы, перспективы». Т. 5. М., 2003.
- Митина О.В., Петренко В.Ф. Построение многомерного рейтинга политических лидеров // Моделирование в социально-политической сфере. М., 2004.
- Митина О.В. Основные идеи и принципы структурного моделирования // Ученые записки кафедры общей психологии МГУ. Вып. 2 / Под. общ. ред. Б.С. Братуся, Е.Е. Соколовой. М.: Смысл, 2006.

- Митина О.В. Математические методы в психосемантике // Когнитивные исследования / Отв. ред. В.Д. Соловьев. М.: Институт психологии РАН, 2006.
- Митина О.В., Петренко В.Ф. Психосемантическая реконструкция имиджа России в глазах иностранцев. 2008.
- Московичи С. Социальные представления: исторический взгляд // Психологический журнал. 1995. № 1, 2.
- Назаретян А.П. Политическая психология: предмет, концептуальные основания, задачи. // Общественные науки и современность. 1998. № 1.
- Ольшанский Д.В. Основы политической психологии. М., 2001.
- Петренко В.Ф. Основы психосемантики. М.: СПб., 1997; Изд. 2-е. 2006.
- Петренко В.Ф. Психосемантика сознания. М.: МГУ, 1988.
- Петренко В.Ф. Основы психосемантики. СПб.: Питер, 2005.
- Петренко В.Ф. Психосемантический подход к исследованию индивидуального и общественного сознания // Перспективы развития гуманитарных наук в Московском университете. М., 1996.
- Петренко В.Ф. Психосемантика политического менталитета // Політична культура менталитета демократического суспільства стан і перспективи в Україні. Київ, 1998.
- Петренко В.Ф. Язык метафоры в рейтинге политических лидеров // Социологический журнал. 2002. № 1.
- Петренко В.Ф. Метафора в многомерном рейтинге лидеров // Журналистика и культура русской речи. 2002. № 1.
- Петренко В.Ф. Психология и политика: конструктивистская парадигма // Психология и современные направления в междисциплинарных исследованиях. М., 2003.
- Петренко В.Ф., Митина О.В. Психосемантический анализ динамики общественного сознания. М.: МГУ, 1997.
- Петренко В.Ф., Митина О.В., Бердников К.А. Психосемантический анализ геополитических представлений России // Психологический журнал. Т. 21. 2000. № 2.
- Петренко В.Ф., Митина О.В. Семантическое пространство политических партий // Психологический журнал. 1991. № 6.
- Петренко В.Ф., Митина О.В., Шевчук И.В. Социально-политологическое исследование общественного сознания жителей Казахстана // Психологический журнал. 1992. № 1.
- Петренко В.Ф., Митина О.В., Бердников К.А. Психосемантический анализ геополитических представлений граждан России // Психологический журнал. 2000. № 2.

- Петренко В.Ф., Митина О.В., Карицкий И.Н., Кучеренко В.В.** Образ России глазами жителей Узбекистана // Человеческий фактор. Социальный психолог. 2007. № 2.
- Петренко В.Ф., Митина О.В., Менчук Т.И.** Образ России за рубежом // Наука. Культура. Общество. 2009. № 1.
- Петренко В.Ф., Митина О.В.** Психосемантическое исследование политического менталитета (Россия 1991–1993) // Общественные науки и современность. 1994. № 6.
- Петренко В.Ф., Митина О.В.** Динамика политического сознания как процесс самоорганизации // Общественные науки и современность. 1995. № 5.
- Петренко В.Ф., Митина О.В.** Психосемантический анализ динамики качества жизни россиян // Психологический журнал. 1995. № 6.
- Петренко В.Ф., Митина О.В.** Образ политической и экономической реформ в сознании россиян // Общественные науки и современность. М., 1997. № 4.
- Петренко В.Ф., Митина О.В.** Отношение граждан России к реформам и типология политических установок // Психологический журнал. 1997. № 5.
- Петренко В.Ф., Митина О.В.** Нелинейная модель в исследовании психосемантики мотивации: синергетическая парадигма // Синергетические исследования в области гуманитарных и естественных наук. Белгород, 2003.
- Чесноков С.В.** Детерминационный анализ социально-экономических данных. М., 1982.
- Франселла Ф., Баннистер Д.** Новый метод исследования личности. М.: Прогресс, 1987.
- Шмелев А.Г.** Психология политического противостояния: тест социального мировоззрения. // Психологический журнал. 1992. № 5.
- Юрьев А.И.** Введение в политическую психологию. СПб., 1992.
- Abraham E.D., Mitina O., Petrenko V.** Construction of System Dynamics from Multivariate Data // Nonlinear Dynamics in the Life and Social Sciences / Eds. W. Sulis & I. Trofimova. NATO Science Series. Series A: Life Sciences. Vol. 320. IOS Press. 2000. P. 325–332.
- Abraham E.D., Mitina O., Petrenko V.** Dynamical cognitive models of social issues in Russia // International Journal of Modern Physics Physics. Vol. 13. N 2. 2002. P. 229–251.
- Berry J.W.** Psychology of acculturation // Cross-Cultural Perspectives. Lincoln. 1990.
- Kelly G.A.** The psychology of personal constructs. N. Y., 1955.

Kelly G.A. A theory of personality. The psychology of personal constructs. N. Y., 1963.

Osgood Ch., Susi C., Tannenbaum P. The measurement of Meaning. Urbana, 1957.

Petrenko V., Mitina O., Braun The Semantic Space of Russian Political Parties on Federal and regional Level // Europe — Asia Studies. Vol. 47. 1995. N 5. P. 835–857.

Petrenko V., Mitina O. The Psychosemantic Approach to Political Psychology // States of Mind. American and Post-Soviet Perspectives on Contemporary Issues in Psychology / Ed. D. Halpern & A. Voicounsky. 1997. New York: Oxford Univer. Press. P. 19–48.

Petrenko V., Mitina O. Attitudes toward political parties // The Russian Transformation / Eds. B. Glad & E. Shiraev. New York: St. Martin's Press. 1999. P. 179–198.

Petrenko V., Mitina O. A Psychosemantic Analysis of the Dynamic of Russian Life Quality (1917–1998) // European Psychologist. 2001. Vol. 6. № 1. P. 1–14.

Petrenko V., Mitina O. Russian's Representations of Geopolitical Space // European Psychologist. 2003. Vol. 8. № 4.

Tajfel H., Turner J. An integrative theory of intergroup conflict // Psychology of intergroup relations / Eds. S. Worchel & W. Austin. Chicago: Nelson-Hall, 1986. P. 7–24.

Triandis H.C. Culture and social behavior. N. J.: McGraw-Hill, inc. 1994.

глава **XII**

ОБРАЗНАЯ СФЕРА
В ЖИВОПИСИ
И ЛИТЕРАТУРЕ.
ВИЗУАЛЬНЫЕ АНАЛОГИ
ЛИТЕРАТУРНЫХ ТРОПОВ

Образная сфера в живописи и литературе. Визуальные аналоги литературных тропов¹

Цель данной главы состоит в попытке рассмотреть типы тропа (метафоры, метонимии, оксюморона, гиперболы и т. д.), используемые в лингвистике и языкознании, не только как риторические фигуры и средства украшения речи, а как формы ментальных операций, связанных с работой (деятельностью) по порождению, преобразованию и трансформации смыслов художественной реальности как одного из множества возможных конструируемых миров и распространить анализ действий этих ментальных операторов на образную сферу визуального искусства. Так, в данной статье будут рассмотрены визуальные аналоги многих литературных тропов и дана попытка описания действия тропа на семантику психологического образа и, как следствие этого, на построение, трансформацию и преобразование смысла художественного произведения.

Хотя традиционно литература (муза эпической поэзии Каллиопа) и живопись (покровитель — бог Аполлон) рассматриваются как два различных вида искусства, грань между образом, представлением и словом достаточно условна. Художник не копирует на холсте собственное восприятие, а решает, как говорил А.Н. Леонтьев, задачу на смысл, или, говоря другими словами, на осознание экзистенции человеческого бытия и его места в мироздании. Создавая замысел, тему произведения, оперируя представлениями, образами, продумывая композицию, визуальные планы, цветовые и световые решения, художник мыслит формами, красками

¹ Глава написана совместно с Е.А. Коротченко.

ми, звуками, решая образными средствами вечные проблемы существования человека (смысла бытия). Представления (или, как еще их называют, вторичные образы — см.: Гостев, 1998), т. е. образы фантазии или памяти, возникающие у человека силой воображения и без наличия физических стимулов, вообще занимают какую-то малоизученную, в отличие психологии наличного восприятия (см.: Гибсон, 1988; Барабанщиков, 1997; Величковский, 2006), нишу перехода от образа к понятию. Эта область психологии практически terra incognita, но, на наш взгляд, эвристичным направлением для ее изучения являются голографические модели сознания и памяти (Прибрам, 1980; Талбот, 2008).

Представления и выступают тем виртуальным, незримым материалом, в котором художник творит еще не проявленное полотно. Как композиторы часто сочиняют музыку на так называемом «немом» (не издающем звуки) пианино, так и художник вначале рисует картину, не используя кисти, а в собственном воображении. Даже рисуя на пленере, он не копирует данность, а выбирает созвучное своим раздумьям, своему эмоциональному состоянию. Пейзаж выступает проекцией души художника (см.: Петренко, Коротченко, 2008). Сознание и воображение пронизывают творчество как литератора, так и художника. «Всякое искусство есть образное мышление, т. е. мышление при помощи образа» (Потебня, 1990, с. 163). О проблемах образа в искусстве см. работы П. Флоренского (1993, 1996), Р. Арнхейма (1973, 1974, 1994, 2004), А. Моля (1966), Ф. В. Басина, А.С. Прангишвили, А. Е. Шерозии (1978), В.П. Зинченко (2001), Г. Руубера (1985), С.Х. Раппопорта (1978), А. Л. Ярбуса (1965), В.Ф. Петренко (2005), В.В. Знакова (2005).

В своем творчестве художник не менее рефлексивен, чем писатель, создающий нарративы, или философ, оперирующий всеобщими категориями. И если художник движется от сознательного замысла и смыслового решения к непосредственному созданию материальной плоскости картины, то зритель, отталкиваясь

от визуального живописного поля, поднимается до высот замыслов и смыслов художника.

Восприятие живописи зрителем требует встречного движения так же, как понимание речи говорящего включает активный процесс встречного порождения, коррекции и реконструкции замысла текста слушающим (см.: А.А. Леонтьев, 1997; Ушакова, 2006). От покрытой красками поверхности картины (плана выражения — в терминах Ф. де Соссюра) зритель поднимается к вершинам замысла и духа творца, от относительно простого процесса зрительного восприятия цветовых паттернов — к реконструкции той системы смыслов, вопросов и ответов, которые решал художник.

Читая лекции по общей психологии, А.Р. Лурия любил повторять студентам мысль о симультанности образа и сукцессивности речи (текста), видя в этом одно из их базисных противопоставлений (см.: Лурия, 2004). Но и здесь, на наш взгляд, грань между образом и текстом далеко не абсолютна. В работах И.А. Мельчука (1974), Ю.Д. Апресяна (1995) разрабатывается модель формализации смысла текста, где содержание последовательности текста сводится к «картинке» — симультанному связанному ориентированному семантическому графу, по узлам которого стоят базисные смыслы (слова этого глубинного языка), а ребра задаются обобщенными отношениями (предикатами этого языка). Симультанный язык смыслов, на наш взгляд, чрезвычайно перспективен в психологии, где мог бы использоваться для изучения целостных инсайтных переструктурировок гештальтов в мыслительных задачах дункеровского типа.

Использование аналогии образа и текста позволило нам дать трактовку «образа как перцептивного высказывания о мире» (Петренко, 1975, с. 270) и открыло возможность использовать методы психосемантики и лингвистики для анализа визуального искусства (см.: Петренко, 2005).

Живописные произведения имеют, как правило, литературную тему, которая в простейшем случае присутствует уже в на-

звании полотна, давая литературный дискурс, направление движений, ассоциаций. Это утверждение справедливо в первую очередь для классической сюжетной живописи, которая тяготеет к развитию, но к развитию уже вне произведения. «Литературная тема обязательно выводит нас за пределы картины, требует, если можно так выразиться, развития» (Ингарден, 1962, с. 281). Чтобы понять изображенное на картине, нужно обратиться именно к ее литературному аспекту (к ее литературной теме). Р. Ингарден приводит пример: «Если, например, мы оставим в стороне всю легенду об Иисусе в том смысле, что выключим ее, рассматривая картину, из своего сознания, то картина Леонардо наверняка будет представлять для нас нечто совершенно иное, чем она „должна“ представлять применительно к своему названию. Мы бы видели тогда не Иисуса и его учеников, собравшихся на последнюю трапезу, и не понимали бы вкушение хлеба и вина в духе христианского учения, а видели бы перед собой всего лишь какое-то собрание мужчин разного возраста за общим столом, причем различные жесты и выражения лиц мы понимали бы с трудом или вообще не понимали. Но и тогда в рассматриваемой нами картине содержалась бы определенная литературная тема, хотя и совершенно иная, чем та, которая выражена в ней для нас, если мы знаем историю Иисуса и благодаря названию картины внимание наше заранее привлечено к определенному моменту этой истории» (Ингарден, 1962, с. 283). Великое произведение Леонардо да Винчи изображено на рисунке 1.

Художественный образ символичен по своей природе. «Художественный образ, лишенный этой обобщающей силы [символа] и мощной символической картины этой жизни, всегда есть только бессильная натуралистическая копия жизни...» (Лосев, 1991, с. 251).

Переход образа в символ, по выражению М.М. Бахтина, «придает ему смысловую глубину и смысловую перспективу.

рис. 1 Леонардо да Винчи
ТАЙНАЯ ВЕЧЕРЯ

Подлинный символ своим содержанием соотносен с идеей мировой целокупности, с полнотой космического и человеческого универсума» (Бахтин, 1986, с. 381–382).

Осознание символического значения произведения искусства, по мнению Р. Арнхейма, — это главная задача зрителя, наблюдающего картину (Арнхейм, 1994). Созерцая произведение, зритель переживает атмосферу, переданную в картине: изображается туманный берег реки, а переживается чувство забвения, успокоения; изображается гора — переживается чувство величия. Каждый из множества художественных (или изобразительных) символов, используемых в жанре пейзажа, имеет собственную интерпретацию и связан с собственным значением (см.: Петренко, Коротченко, 2008). Если вообразить, как можно изображать, например, умиротворение, то это может быть безмятежная морская

гладь и светлое небо, но вряд ли умиротворение будет выражать скопление людей в городском пейзаже.

Как элемент языка искусства художественный образ в каждом произведении искусства неповторим, уникален. Живописный символ многомерен: он рождает в зрителе больше, чем только, например, безмятежность. Он может навеять некоторую спокойную отстраненность, грусть; он может породить ощущение замедления хода времени или другие переживания: символ может стать резонансным состоянием, образу мысли зрителя. Сложные эмоциональные отклики зрителя на произведение — результат удачно использованных выразительных средств, служащих для создания художественного образа, которыми, в частности, являются тропы.

Одно из определений понятию «троп» было дано еще в Античности римским оратором Квинтилианом: «Троп есть такое изменение собственного значения слова в другое, при котором получается обогащение значения» (Лингвистический энциклопедический словарь, 1990, с. 520). В теории риторики дается следующее определение понятию «троп»: «троп (от греч. „тропос“) — слово или фраза в переносном значении, образное выражение, сдвиг в семантике слова от прямого к переносному значению, например, метафора, метонимия, аллегория, литота, гиперболоа и т. д.» (Александров, 1999, с. 45). В основе построения многих тропеических образований лежит «семантическая несовместимость». Порождая «парадоксальную семантическую ситуацию», тропы раздвигают границы между возможным и невозможным в языке, обеспечивают условия для проникновения в глубинную структуру реальности (Наер, 1976, с. 77).

Рассмотрим классическое определение тропа **метафора** (греч. *metaphora* — перенос) — «вид тропа, перенесение свойств одного предмета (явления или аспекта бытия) на другой по принципу их сходства в каком-либо отношении или по контрасту. Примеры метафоры: *Жизни гибельный пожар* (А.А. Блок),

Русь — поцелуй на морозе (В. Хлебников)» (Зарецкая, 2002, с. 261). Ряд авторов (например, см.: Л.И. Тимофеев и С.В. Тураев, 1978; Е.Н. Зарецкая, 2002) определяют метафору как скрытое сравнение, в котором слова *как, как будто, словно* опущены, но подразумеваются. Метафора замечательна своим лаконизмом, недоговоренностью и тем самым — активизацией читательского восприятия. В отличие от сравнения, где оба члена (то, что сравнивается, и то, с чем сравнивается) сохраняют свою самостоятельность, хотя ее степень в типах сравнения различна (Чернец, 2000), метафора создает единый образ, как бы размывает границы между предметами или понятиями (Чернец, 2000). «По отношению к метафоре такие приемы выразительности, как аллегория, олицетворение, синестезия, могут рассматриваться как ее разновидности или модификации» (Арутюнова, 1979, с. 130).

С точки зрения психологии, слова, образующие метафорическую пару, являются коннотативными (смысловыми) синонимами. Возьмем, например, известное стихотворение Ю.М. Лермонтова:

Тучки небесные — вечные странники,
 Степь лазурную, цепью жемчужною
 Мчитесь вы, будто, как я же, изгнанники,
 С милого севера в сторону южную.

Оценим (прошкалируем) с помощью семантического дифференциала Ч. Осгуда образ «тучки» и образ «изгнанника», и хотя эти понятия принадлежат к совершенно различным понятийным классам в пространстве семантического дифференциала, по ряду базисных факторов они займут близкие позиции, т. е. выступают коннотативными синонимами.

Действительно, что общего между человеком — путником и тучкой — облаком водяного пара? Но, исходя из архаической антропоморфизации, приписываемой языком неживым объектам («ветер дует», «дождь идет», «облака бегут, облака»), мы можем приписать элементам метафорической пары сходные пси-

хологические переживания и, установив тождество по ряду одних глубинных факторов, сделать перенос качеств одного объекта на другой. Например, установив близость «тучек» со «странником» по качеству одиночества говорить об их общей отверженности.

На основе метафоризации возможно и мифологическое мышление. Так, в 1990-х годах в дискуссиях о возможности свободной продажи земли в частную собственность использовался такой аргумент: земля — наша кормилица, она дает жизнь; земля нам мать, а мать продавать нельзя. Таким образом, из коннотативной синонимии (общности одного из смыслов: порождать жизнь) переносится качество одного объекта (матери) и на другой (земельный участок), а именно недопустимость продажи земли в собственность.

На языке метафоры разговаривают сны, поэзия, индивидуальное и коллективное бессознательное. Так, наличие аффекта уменьшает размерность семантического пространства (см.: Петренко, 2005), и категоризация объектов переходит от большего числа высокодифференцированных предметно-денотативных характеристик к ограниченному числу глубинных базисных коннотативных факторов. Объекты, относившиеся в нейтральном состоянии сознания к разным семантическим областями и, казалось бы, не имеющие ничего общего в предметном плане, в ситуации уплощения семантического пространства попадают в близкие координаты коннотативного пространства и становятся коннотативными синонимами, что позволяет использовать их как метафоры.

Понятия метафоры, метонимии используется рядом известных семиотиков и культурологов относительно такого визуального искусства, как кино (Лотман, 1973; Иванов, 1973, 1981; Арутюнова, 1979, 1990; Вяч. Вс. Иванов, 1998; Шкловский, 1983). Визуальные аналогии с метафорой, метонимией, сравнением, противопоставлением и другими литературными приемами

и тропами довольно часто встречаются как в средневековой, так и в современной живописи. «Живописная метафора» так же, как и «художественный образ», — понятие, хорошо известное искусствоведам, но редко применяемое в психологии. Обратимся в связи с этим к одному из интуитивных описаний метафоричности живописи в интернет-статье, посвященной юбилейной выставке работ Дмитрия Жилинского: «Ангелы Жилинского — метафоры. Язык метафор светской живописи (сакральная не в счет, ибо она — окно, раскрытое оттуда, где метафоры становятся Откровением) уместен, когда его расшифровка необязательна. Необязательность эта иллюстрирует библейское изречение: „Дух дышит, где хочет“. Вот пример из далекого прошлого. Мы смотрим на „Чету Арнольфини“ Яна Ван Эйка. Видим гениальный портрет. Ух! Сердце бешено колотится. На лбу испарина. И только тогда, в осознании, что привычный порядок более невозможен, что перед нами не повседневный хаос, а космическая мистерия, берем томик Эрвина Панофского и, жадно ища подтверждение нашим догадкам, принимаемся за расшифровку скрытых в бытовых мелочах эмблем и символов. Вот пример из не очень далекого прошлого. Портреты Валентина Серова. Портреты великолепные. Однако не претендующие на то, чтобы быть борхесовской каплей, в которой сверкает и дрожит Вселенная. Скрытые метафоры у Серова превращаются в остроумную живописную пантомиму. Сакрального символизма нет и следа. Зато присутствуют удачно найденные зрительные ассоциации: девочка — персики — свежесть; княгиня — ваза — роскошь и т. п. И в первом (Ван Эйк) и во втором (Серов) случае зрителю предлагается выбор: хочешь — смотри без перевода на метафорический язык, хочешь — угадывай и сопоставляй» (Хачатуров, 2002, с. 1).

Построение метафоры предполагает объединение разнородных образов, что порождает поэтическую выразительность. «Два момента, из которых она (метафора) состоит, эстетически вполне равноправны. И это равноправие доходит до того, что оба мо-

мента образуют нечто целое и неделимое» (Лосев, 1991, с. 59). «Метафора отвергает принадлежность объекта к тому классу, в который он на самом деле входит, и утверждает включенность его в категорию, к которой он не может быть отнесен на рациональном основании. Метафора — это вызов природе. Источник метафоры — сознательная ошибка в таксономии объектов. Метафора работает на категориальном сдвиге. Метафора не только и не столько сокращенное сравнение, как ее квалифицировали со времен Аристотеля, сколько сокращенное противопоставление» (Арутюнова, 1990, с. 17–18).

В современных статьях можно найти несколько определенных визуальной метафоры. Теоретик кино Carroll (1996) полагает, что визуальное изображение не может считаться метафорическим, если в нем нет слияния двух различных областей опыта, образующих новое, пространственно ограниченное бытие. Метафора образуется замещением ожидаемых визуальных элементов неожиданными (при этом между ними не должно быть существующей, конвенциональной связи) (Forceville, 1994, 1995, 1999). Такие определения проясняют природу визуальной метафоры, однако, похоже, являются частными описаниями визуальных метафор. «Изобразительная метафора» глубоко отлична от метафоры словесной: «Она не порождает ни новых смыслов, ни новых смысловых нюансов, она не выходит за пределы своего контекста и не стабилизируется в языке живописи или кино, у нее нет перспектив для жизни вне того произведения искусства, в которое она входит. Сам механизм создания изобразительной метафоры глубоко отличен от механизма словесной метафоры, непременным условием действия которого является принадлежность к разным категориям двух ее субъектов (денотатов) — основного (того, который характеризуется метафорой) и вспомогательного (того, который имплицитно связан ее прямым значением). Изобразительная метафора лишена двусубъектности. Это не более чем образ, приобретающий в том или другом художествен-

ном контексте символическую (ключевую) значимость, более широкий, обобщающий смысл» (Арутюнова, 1990, с. 22). Метафора в живописи — это источник ярких представлений, она создает образность произведения.

Визуальную и вербальную метафору следует отличать на основании того, что одна и другая метафоры имеют разные репрезентации, т. е. визуальная и вербальная метафоры рассматриваются как два способа выражения одного и того же. Значение и метафоричность изображения может также быть вызвана тем, как эта мысль отражена в вербальной форме (Refaie, 2003). «Мы читаем художественный текст как шифр... символ, знак, метафора и аллегория действительно подразумевают более или менее внятное вербально-смысловое значение» (Арабов, 2003, с. 30). Многие вербальные метафоры могут быть перенесены в визуальный план, могут быть изображены в рисунке, на картине. С другой стороны, в вербальном плане действительно лучше (проще) выражать действия и хронологию, а в визуальном — пространственные отношения.

Рассмотрим примеры визуальных метафор (см.: рис. 2, 3, 4). На автопортрете Ф. Кало «Сломанная колонна» автор на место своего позвоночника ставит античную сломанную в нескольких местах колонну, а боль изображает как гвозди, которыми усыпано тело. Сломанная колонна — так ощущает себя Фрида Кало: это метафора ее состояния и переживаний. В визуальной метафоре часто сочетаются самым неожиданным образом различные объекты и их свойства, что является источником новых смыслов.

Визуальная метафора — это всегда загадка для зрителя. Часто в ней сочетаются несочетаемые признаки различных предметов, а это ведет к мгновенному перевороту привычного хода восприятия. Если вербальная метафора может быть отражена в визуальном плане и может быть легко узнана, то чисто художественная визуальная метафора является более сложной для «прочтения».

рис. 2 Ф. Кало
СЛОМАННАЯ
КОЛОННА

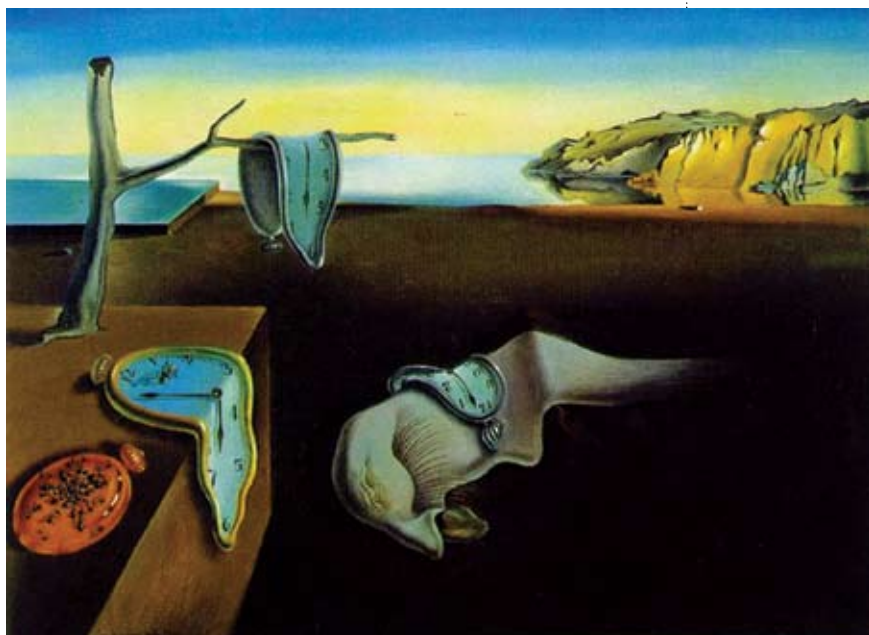

рис. 3 С. Дали
ПОСТОЯНСТВО
ПАМЯТИ

МНОГОМЕРНОЕ СОЗНАНИЕ: ПСИХОСЕМАНТИЧЕСКАЯ ПАРАДИГМА

ГЛАВА XIII
ОБРАЗНАЯ СФЕРА В ЖИВОПИСИ И ЛИТЕРАТУРЕ: ВИЗУАЛЬНЫЕ АНАЛОГИ ЛИТЕРАТУРНЫХ ТРОПОВ

Картина «Постоянство памяти» С. Дали (рис. 3) — это визуальная метафора. Анализ и интерпретацию ее давали разные авторы (Zeri F., 1999; Поперечный, 2005; и др.). В общем, можно отметить, что эта картина является метафорой гибкости времени, относительности времени (металлические карманные часы, изображенные рядом с «мягкими», указывают на то, что время может двигаться по-разному: плавно течь или четко идти).

Другой пример визуальной метафоры — картина И. Глазунова «Больной. Последний лист» (рис. 4). Открытая клетка, в которой нет птицы, — это метафора души, отлетевшей от тела. Одинокое дерево указывает на уходящие мгновения жизни. Бюст, стоящий на подоконнике, и тяжело больной человек, изображенный на картине, входят в оппозицию как жизнь и смерть, вечное и преходящее. Зритель «читает» «осеннее» настроение картины по облакам, видит последний лист на сухом дереве, пустую клетку птицы, бюст: человеческая жизнь вот-вот оборвется, как вскоре сорвется с ветки этот последний лист. Дан-

рис. 4 И. Глазунов
БОЛЬНОЙ. ПОСЛЕДНИЙ ЛИСТ

ная картина пересекается с литературным произведением — рассказом О'Генри «Последний лист», что является своеобразным визуальным цитированием.

Как и в художественном тексте, в картине часто имеет место переплетение множества выразительных средств (в данной картине можно найти как минимум две визуальные метафоры, оппозицию, а также синекдоху (о ней ниже), создающих в целом художественный образ. Картина И. Глазунова — этому пример. Вернемся к ней, рассматривая визуальные аналоги других тропов.

Метонимия (греч. *metonymia*, буквально — переименование) в лингвистическом понимании — это троп, в основе которого лежит принцип смежности. Вещь получает название другой, связанной с ней вещи. Явления, приводимые в связь посредством метонимии и образующие «предметную пару», могут относиться друг к другу самым разным способом: вещь и материал (*Не то на серебре, — на золоте едал.* — А.С. Грибоедов); (*Вся в тюле и в панбафхате в зал Леночка вошла.* — А.А. Галич.); содержимое и содержащее (*Трещит затопленная печь.* — А.С. Пушкин); носитель свойства и свойство (*Смелость города берет*); творение и творец (*Мужик... Белинского и Гоголя с базафа понесет.* — Н.А. Некрасов); место и люди, находящиеся на этом месте (*Вся Москва об этом говорит*) и др. Метонимия как перенос названия имени основывается на смежности значений, в основном пространственной, временной и причинно-следственной. Важным свойством метонимии является то, что связь между предметами предполагает, что предмет, имя которого используется, существует независимо от предмета, на который это имя указывает, и оба они не составляют единого целого (Зарецкая, 2002). Метонимия — это яркий символический троп. Она создает и усиливает зрительно ощутимые представления, характеризуя при этом явление не прямым способом, а косвенно. Ю.М. Лотман определяет акт метонимии как выделе-

ние существенно-специфического и исключение из рассмотрения несущественного (Лотман, 1994).

Рассмотрим в качестве примера метонимии в визуальном искусстве изображение куклы, лежащей на земле, на картине «Кукла» И. Глазунова (см. рис. 5). На ней не изображен ребенок, но кукла отсылает нас к образу ребенка: это аналог метонимии в визуальном плане.

рис. 5 И. Глазунов
КУКЛА

Такая «визуальная» метонимия функционирует иначе, чем вербальная: здесь нет названий предметов, но остается лишь связь между, например, куклой и ребенком, который с ней играл. Таким образом, изображение куклы отсылает зрителя к воображаемому ребенку и обозначает тем самым ретроспективную направленность сюжета. Перед зрителем явлена кукла, но он может дорисовать в воображении любые, даже самые ужасные, истории, произошедшие с ребенком, который играл с этой куклой.

В живописи метонимия может переходить в скрытое **цитирование**: например, французские импрессионисты часто использо-

вали сюжеты, темы, композиции великих мастеров эпохи Возрождения, чтобы увидеть в настоящем дне сегодняшнего вечные проблемы человеческого бытия, ввести собственное творчество в исторический контекст, хотя на то время соотнесение классических образов великих мастеров с собственно импрессионистами — ставшими со временем также великими — шокировало зрителей. В картинах Гойи «Обнаженная Маха» (рис. 6а) и Мане «Олимпия» (рис. 6б) усматривается цитирование знаменитой «Данай» и «Венеры Урбинской» Тициана (рис. 6 в, г). И Венера Урбинская, и Олимпия, и Маха изображены в домашней обстановке. И Венера Урбинская, и Олимпия одинаково опираются на правую руку, у обеих женщин одинаковое положение рук, а правая рука украшена браслетом, взгляд их направлен прямо на зрителя. На обеих картинах в ногах у Венеры Урбинской и Олимпии расположился котенок или собачка и присутствует служанка. Взгляд обнаженной Олимпии такой же прямой и открытый, как в «Махе обнаженной» Гойи.

Такое «визуальное» цитирование, как и цитирование в литературе, вводит новое произведение в уже известный контекст. Таким образом, на данное полотно переносится часть смыслов, новое осмысляется в категориях уже сложившихся. Подобное цитирование встречается не только в живописи, литературе, но и, например, в различных концертных шоу и перформансах (ср.: исполняя песню «Жить, чтобы рассказать», певица Мадонна предстает распятой на кресте и с терновым венцом).

Особым видом метонимии является синекдоха. **Синекдоха** (греч. *synekdoche*, буквально — соотнесение) определяется лингвистами (такими, как Д.Э. Розенталь и М.А.Теленкова, 1976; А.А. Реформатский, 1999; Е.И. Диброва и др., 1997) как перенос значения с одного предмета, явления на другой по признаку количественного отношения между ними. Например: «Эй, борода! А как проехать отсюда к Плюшкину?..» (Н.В. Гоголь), где совмещены значения «человек с бородой» и «борода»; «И вы, мундиры го-

глава XIII

рис. 6а Э. Гойя
МАХА
ОБНАЖЕННАЯ

рис. 6б Э. Мане
ОЛИМПИА

рис. 6в Тициан
ДАНАЯ

рис. 6г Тициан
ВЕНЕРА УРБИНСКАЯ

лубые, и ты, послушный им народ» (М.Ю. Лермонтов) — о жандармах. Синекдоха отличается от метонимии тем, что оба предмета составляют некоторое единство, соотносясь как часть с целым, а не существуют автономно (Зарецкая, 2002).

Возьмем живописный пример: изображение ног человека, лежащего в постели на картине И. Глазунова «Больной. Последний лист» (см. рис. 4). Это аналог синекдохи в визуальном плане.

Изображение части тела отсылает зрителя к целому образу человека. (О метафоре в данной картине см. выше.)

Еще один пример — картина современного художника А. Айзенштата (см. рис. 7): на картине изображены руки в разных положениях, а зритель в этом усматривает множество смыслов. С одной стороны, это руки разных людей, имеющих разные характеры (разную жестикуляцию) и беседующих между собой. С другой стороны, все они испытывают трудности (экстремальные трудности) лагерного бытия. У них разные судьбы, и одна вилка, чашка, бутылка... — одна участь.

рис. 7 А. Айзенштат
ПРАЗДНИК В ЛАГЕРЕ

В искусстве и литературе широко используется преувеличение, преуменьшение или какое-то иное нарушение измерения. В художественных образах, писал А.И. Герцен, «для резкости... увеличивают углы и выпуклости, обводят густой краской» (Герцен, 1955, с. 38).

Рассмотрим классическое определение гиперболы в лингвистике: **гипербола** (от греч. *hyperbole* — преувеличение) — «чрезмерное преувеличение тех или иных свойств изображаемого предмета или явления» (Аксенова, 1974, с. 59). Этот прием используется

для усиления нужного впечатления. Михайло Ломоносов, причисляя гиперболу к тропам, дает следующее определение гиперболы: «Гипербола, или превышение, есть когда представленная речь несколько натуральное понятие превосходит ради напряжения или послабления страстей, н. п.: бег скорейший вихря; звезд касающийся Атлас; из целых гор иссеченные храмы» (Ломоносов, 1952, с. 54). Визуальный аналог гиперболы также служит для «напряжения» или «послабления» «страстей», то есть для усиления эмоционального впечатления от изображенного предмета или явления.

В русской литературе к гиперболе охотно прибегали Н.В. Гоголь, М.Е. Салтыков-Щедрин и особенно А. К. Толстой: «*Мою любовь, широкую, как море, вместить не могут жизни берега*». Примером аналогии гиперболы в живописи будет изображение исполинской фигуры большевика, которая движется с красным знаменем по городу (картина Б. Кустодиева «Большевик», см. рис. 8).

рис. 8 Б. Кустодиев
БОЛЬШЕВИК

Очень часто приемы выразительности переплетаются в тексте, так же и в живописном тексте: на картине «Большевик» изображен русский городской пейзаж, который служит метафорой всей России в целом в дни революции (Сандомирский, 2007). Гигантская фигура большевика движется по улице сквозь толпу мелких людишек, он идет и неизбежно вместе со следующим шагом раздавит кого-то; достаточно его одного неловкого движения, и он снесет церковь. Так показана необузданная сила и страх перед ней. Без обращения к мнению искусствоведов и биографов Кустодиева нам трудно оценить то, насколько осознанно он закладывал страх перед несокрушимой силой большевизма, или же им владело амбивалентное чувство восхищения мощью всенародного подъема и неосознанный страх этой силы.

Литота (от греч. *litotes*) — «троп, противоположный гиперболе... это оборот, в котором содержится художественное преуменьшение величины, силы, значения изображаемого предмета или явления» (Трофимов, 1974, с. 197): Такой маленький рот, что больше двух кусочков никак не может пропустить (Н. Гоголь). Если говорить о визуальных аналогах литоты, то можно привести в пример картину И. Босха (рис. 9): изображение, например, мелких человеческих фигур указывает на ничтожность, суетливость, незначительность греховной человеческой жизни. Каждая фигурка занимается каким-то своим делом, копошится; это создает впечатление хаотичности, беспорядка: это своеобразный взгляд свыше на человеческие жизни.

Олицетворение (или персонификация — от лат. *personification*, *прозопопея* — от греч. *προσωποποιε*) — «такое изображение неодушевленных или абстрактных предметов, при котором они наделяются свойствами живых существ...» (Аксенова, 1974, с. 252). Это присвоение признака «духовности» объектам неживого мира; это выражение, дающее представление о каком-либо понятии или явлении путем изображения его в виде живо-

рис. 9

И. Босх
САД ЗЕМНЫХ НАСЛАЖДЕНИЙ
Центральная часть триптиха

рис. 10 И. Прокофьева
МОЙ ДОДЫР
(Союзмультфильм, 1954,
по сказке К. Чуковского)

го лица, наделенного свойствами данного понятия: *Пели нули, били пулеметы, ветер упира ладони в грудь; Все безрадостнее, все явственнее ветер за плечи рвет года* (Н. Асеев). Примером визуального аналога олицетворения можно считать персонажей из мультфильма «Мой додыр» (рис. 10). Главный

рис. 11 Дж. Баттиста Тьеполо
ВЕТРА
(Часть фрески)

МНОГОМЕРНОЕ СОЗНАНИЕ: ПСИХОСЕМАНТИЧЕСКАЯ ПАРАДИГМА

В. Ф. ПЕТРЕНКО

ОБРАЗНАЯ СФЕРА В ЖИВОПИСИ И ЛИТЕРАТУРЕ: ВИЗУАЛЬНЫЕ АНАЛОГИ ЛИТЕРАТУРНЫХ ТРОПОВ

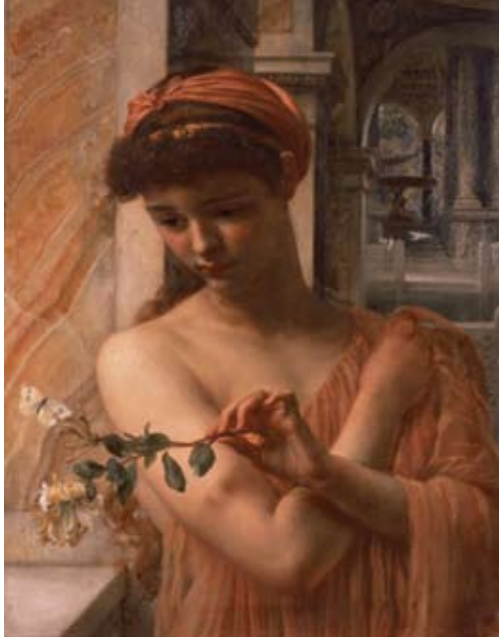
Глава XII

персонаж данного мультфильма (и сказки) наделен свойствами человека: он говорит, вздыхает, двигается, смотрит, но при этом является умывальником.

Кроме этого, олицетворение всегда есть там, где изображаются, например, античные боги или стихии в облике людей. На рисунке 11 изображены ветра в человеческом облике. Поскольку при использовании приема олицетворения неживой предмет наделяется свойствами живого, зритель получает возможность ярче и живее представить данный предмет.

Аллегория (греч. *allos* — иной и *agoreuo* — говорю) — это «иносказательное изображение отвлеченного понятия при помощи конкретного, жизненного образа: в баснях и сказках хитрость показывается в образе лисы, жадность — в облике волка, коварство — в виде змеи и т. д.» (Розенталь, Теленкова, 1976, с. 19). «Аллегория — конкретное изображение предмета или явления действительности, заменяющее абстрактное понятие или мысль. Зеленая ветка в руках человека издавна являлась аллегорическим изображением мира, молот являлся аллегорией труда и т. д.» (Крупчанов, 1974, с. 12). «Аллегория есть формально-логическая общность» (Лосев, 1995, с. 152), то есть автор, используя аллегорию, не отождествляет аллегоричный образ и изображаемое с его помощью явление: «Баснописец вовсе не думает, что животные по-человечески говорят» (там же).

«Происхождение многих аллегорических образов следует искать в культурных традициях племен, народов, наций: они встречаются на знаменах, гербах, эмблемах и приобретают устойчивый характер. Многие аллегорические образы восходят к греческой и римской мифологии. Так, образ женщины с завязанными глазами и с весами в руках — богини Фемиды — аллегория правосудия, изображение змеи и чаши — аллегория медицины» (Лингвистический энциклопедический словарь, 1990, с. 35). Богиня Психея часто изображается как бабочка или сопровождается бабочкой (рис. 12). Психея, согласно греческой мифологии, —

«смертная, обретшая бессмертие, стала символом души, ищущей свой идеал» (Годфруа, 1992, с. 83–84). Множество примеров аллегорий можно встретить в средневековой живописи.

Аллегория как средство усиления поэтической выразительности широко используется в художественной литературе. Она основана на сближении явлений по соотношенности их существенных сторон, качеств или функций и относится к группе метафорических тропов (Riesel, Schendels, 1975, с. 220). В психологическом смысле аллегория — это возможность пережить некоторое «озарение», переживание открытия, когда некоторая идея представлена с помощью неожиданных средств. В случае с живописью переживание такого «озарения» сохраняется, но оно переживается менее остро, поскольку зритель, как правило, осведомлен о том, что часто греческие божества изображаются в человеческом облике.

Оксюморон (греч. οξύμωρον — остроумно-глупое) в лингвистическом понимании — это «сочетание противоположных по смыслу определений, понятий, в результате которых возникает новое смысловое качество» (Аксенова, 1974, с. 252), это нарочи-

тое сочетание противоречивых понятий: *Смотри, ей весело грустить*, *Такой нарядно-обнаженной* (А. Ахматова). Оксюморон основан на неожиданном сочетании предметов или явлений. «Если в сознание одновременно ввести логически несовместимые вещи, то механизм сознания начинает искать способ связывания их в непротиворечивое целое... Сознание пытается избавиться от двусмысленностей» (Аллахвердов, 2001, с. 66–72).

В качестве оксюморона приведем пример анекдота советских времен. К очередному ленинскому юбилею в рамках социалистического соревнования различные промышленные производства выпустили юбилейную продукцию: мебельная фабрика — трехспальную кровать под лозунгом «Ленин с нами»; банно-прачечный комбинат — мочало под девизом «по ленинским местам» и т. п. Часовой завод, в свою очередь, выпустил часы с кукушкой. Ровно в двенадцать часов они отбивали бой, открывалось окошко, и из него выезжал на броневике, с указующим жестом, Владимир Ильич, и произносил... «ку-ку».

Совмещение несовместимого в оксюморе, объединение в одно двух противоположных частей создает, как в физике, эффект аннигиляции частицы и античастицы, сопровождающийся выбросом энергии. Объединение сакрального (образа великого вождя) и профанного (часы-кукушка), вызывая множество амбивалентных эмоций, уменьшает исходную энергетiku эмоционально значимого объекта². По-видимому, это достаточно универсальный прием карнавальной культуры (в духе М. Бахтина, 1965) или смеховой (в духе Д. Лихачева, 1984), кстати, не обязательно ведущей к десакрализации объекта осмеяния. В глубо-

² Интересно отметить, что этот анекдот уже не вызывает соответствующую эмоциональную реакцию у более молодого поколения. Образ вождя уже перестал быть для них сакральным, а анекдот кощунственным и дающим эмоциональный выброс. Очевидно, мы переживаем время не только «смерти богов» (Ницше), но и «смерти вождей».

ко религиозной средневековой Испании в дни карнавала прихожане вполне могли парадировать епископов и знать в духе раблеанских шуток на тему физического низа, а в современной католической Испании свободно можно купить куклы, изображающие монахов и священников: нажатие на расположенный сзади рычажок куклы поднимает ее огромный половой член. Можно вспомнить и отечественную телепередачу «Куклы» времен правления Б. Ельцина, в которой осмеяние политических лидеров вело, скорее, к их узнаванию и популярности в народе, к сближению с персонажами анекдотов типа Василия Ивановича или Петьки с Анкой-пулеметчицей. В 1990-х годах при вынужденной посадке правительственного вертолета с высшими государственными чиновниками где-то в глухой глубинке России к вертолету бежали местные жители с радостными криками узнавания: «Куклы прилетели!»

Приведем пример визуального аналога оксюморона: картина Ф. Гойи «Пожилая женщина, смотрящаяся в зеркало», или «Time Las viejas» (эту картину часто называют разными названиями), см. рис. 13 — яркий пример оксюморона.

В ней воплощена ирония сатирика: автору удалось создать выразительный острый и лаконичный образ пожилой женщины с ярким макияжем, характерными кокетливыми жестами и мимикой. Одежда, аксессуары, прическа — все это не сочетается с выражением лица и возрастом. Гротесковое преувеличение не остается незамеченным для зрителя: такой портрет воспринимается, с одной стороны, как глубокий психологичный, с другой — как юмористический.

Перифраз (греч. *periphrasis* — окольная речь) в лингвистике — троп, в котором название предмета, человека, явления заменяется указанием на его признаки...» (Аксенова, 1974, с. 267), «стилистический прием, заключающийся в непрямом, описательном обозначении предметов и явлений...» (БЭС: языковедение, 2000, с. 371): *Юная питомица Талии и Мельпомены,*

МНОГОМЕРНОЕ СОЗНАНИЕ: ПСИХОСЕМАНТИЧЕСКАЯ ПАРАДИГМА

В. Ф. ПЕТРЕНКО

Глава XII

ОБРАЗНАЯ СФЕРА В ЖИВОПИСИ И ЛИТЕРАТУРЕ: ВИЗУАЛЬНЫЕ АНАЛОГИ ЛИТЕРАТУРНЫХ ТРОПОВ

рис. 13 Ф. Гойя
ПОЖИЛАЯ ЖЕНЩИНА, СМОТРЯЩАЯСЯ В ЗЕРКАЛО

щедро одаренная Аполлоном — молодая талантливая актриса (А. Пушкин). Визуальный аналог данного тропа требует того, чтобы на картине были изображены действия, атрибуты, символы некоторого явления, которое само не показано. Таковы, на-

рис. 14 Жан Баттист Шарден
АТРИБУТЫ ИСКУССТВА

пример, иллюстрации на страницах или обложках учебников литературы, на которых изображены перо, чернильница, бумага при свете свечи. Примером визуального аналога данного тропа будет известная картина Жана Батиста Шардена «Атрибуты искусства» (см. рис. 14). На картине не изображен художник, но понятно, что все предметы на картине используются им и составляют натюрморт, над которым работает неизображенный художник.

Антитеза (греч. Antithesis — противоположность) — «резко выраженное противопоставление понятий или явлений» (Крупчанов, 1974, с. 18). Вот пример визуального аналога антитезы — карти-

рис. 15 Э. Делакруа
ТИГР, НАПАВШИЙ
НА ЛОШАДЬ

на Э. Делакруа «Тигр, напавший на лошадь» (рис. 15). Здесь противопоставление реализуется даже на уровне цвета: сталкиваются две роли, два характера — охотник и добыча.

В триптихах или на иконах (при изображении житий святых) части единой идеи представляют собой нечто похожее на рассказ, такое «серийное» изображение является приемом выразительности (см. рис. 16а, 16б). Рассматривая одну часть триптиха за другой, одно житие за другим, зритель имеет возможность проследить за изменениями сюжета. Триптих, изображение житий — это свое-

рис. 16а И. Босх
САД ЗЕМНЫХ НАСЛАЖДЕНИЙ
Центральная часть триптиха

рис. 16б ИКОНА
ПРЕПОДОБНОГО
СЕРГИЯ
РАДОНЕЖСКОГО
С ЖИТИЕМ

В.Ф. ПЕТРЕНКО

ОБРАЗНАЯ СФЕРА В ЖИВОПИСИ И ЛИТЕРАТУРЕ: ВИЗУАЛЬНЫЕ АНАЛОГИ ЛИТЕРАТУРНЫХ ТРОПОВ

Глава XIII

го рода кадры из кинофильма, в которых может хорошо быть передано развитие сюжета, так как образы развиваются.

Некоторые выразительные средства, используемые в живописи, не имеют аналогов в литературе, например, использование **противоречий предметной логики** (ср. у Пикассо изображение скрипки в разных проекциях на рис. 17). Изображение предмета в разных проекциях — это прием, позволяющий отойти от стереотипов, увидеть «разные правды», сравнить и сопоставить. Такое изображение рождает новые смысловые стороны изображенного.

рис. 17 П. Пикассо
СКРИПКА И ВИНОГРАД

В живописи, в отличие от литературы, неизбежно фиксируется **позиция наблюдателя**, как правило, совпадающая с позицией создавшего произведение художника. В литературном тексте возможно несколько позиций того, от имени которого ведется рассказ, — автора, рассказчика, главного героя, а также смена позиций в ходе повествования: например, герой произведения становится насекомым и начинает иначе видеть мир в «Превращении» (1915) Ф. Кафки и в «Общем деле Грентон Стар» (1996) в новелле Ирвина Уэлша. В литературном тексте смена позиций растягивается во времени, тогда как на картине это дано одномоментно. Так, используя прием — изображение **зеркала**, можно одномоментно зафиксировать несколько возможных позиций наблюдателя, как на картине «Смеющаяся пара (Joking Couple)» Ханса фон Аахена (Aachen) на рисунке 18. Мужчина, держа зеркало, вожделенно смотрит на молодую женщину; она же, глядя в зеркало, любуется собой. Таким образом в картине (как в полифоническом романе — по Бахтину) фиксирована множественность позиций наблюдателя: взгляд мужчины, молодой женщины и зрителя, позиция которого, по-видимому, совпадает с позицией художника.

Зеркало, можно сказать, — типичный прием в визуальной семантике, это так называемая «матрешечность»: изображение пространства в пространстве. Живописный рассказ дан всегда зрителю в определенном ракурсе: «Предметы... изображенные на картине, могут быть видимыми для нас только с какой-то определенной стороны и расстояния, с той стороны, которую раз навсегда выбрал и запечатлел в своей живописи художник» (Ингарден, 1962, с. 280), с помощью зеркала художник может изобразить больше ракурсов. В живописном произведении данные приемы дают возможность рассмотреть объект с разных сторон и открывают больше измерений в картине. В такой возможности заложена символичность: возможность увидеть скрытое, понять тайное. Этот прием вводит роль наблюдателя, которому

рис. 18 Ханс фон Аахен
СМЕЮЩАЯСЯ ПАРА

представлено нечто неявное. Чем больше позиций наблюдателя есть в произведении (как в живописи, так и в литературе), тем более многомерна художественная реальность. В живописи острее, чем в литературе зафиксирована позиция наблюдателя. В литературе похожим приемом является использование гипертекста, текст в тексте.

На картине С. Дали «Невольничий рынок с невидимым бюстом Вольтера» (см. рис. 19) используется психологический феномен смены **фигуры–фона**, благодаря чему зритель видит попеременно то двух монахинь (другая интерпретация — дам в голландских платьях) или бюст Вальтера (работы скульптора Гудона).

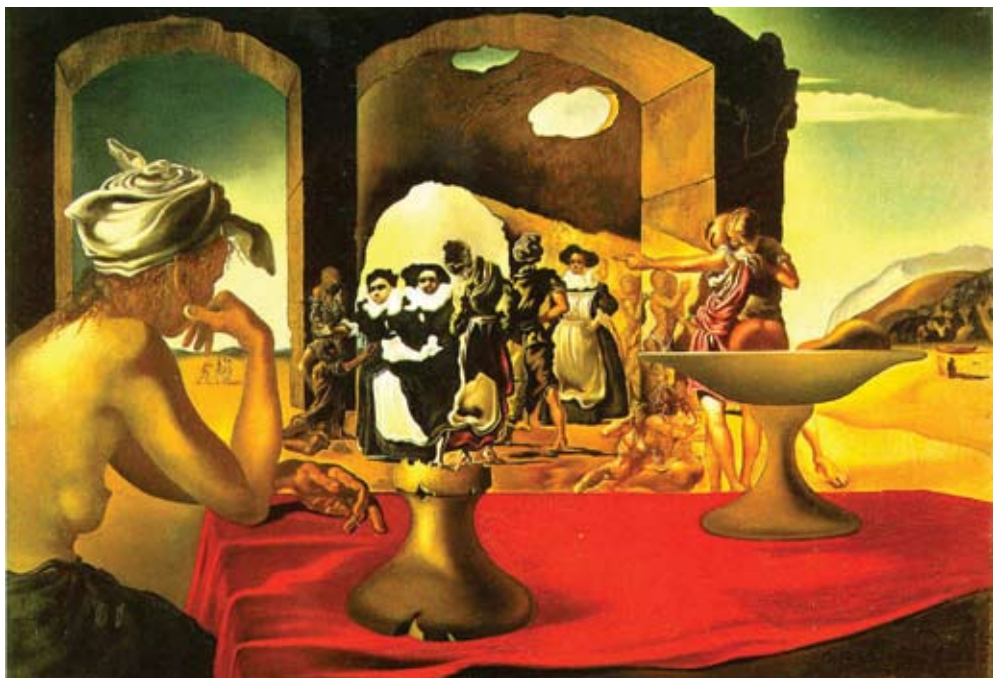

рис. 19 С. Дали
НЕВОЛЬНИЧИЙ РЫНОК
С НЕВИДИМЫМ
БЮСТОМ ВОЛЬТЕРА

Помимо психологического феномена смены «фигуры — фона», образующего различные смысловые фигуры (гештальты), на динамику восприятия влияет также движение глаз по плоскости картины. Переключение внимания с одного элемента изображения на другой создает их смысловое противопоставление или, наоборот, подчеркивает, создает ощущение их смысло-

В.Ф. ПЕТРЕНКО

вой близости. Эта особенность человеческого восприятия наиболее целенаправленно используется в искусстве натюрморта, пейзажа, при монтаже в киноискусстве.

Рассмотрим в качестве примера образных оппозиций картину корейского художника (рис. 20), дающую несколько смысло-

рис. 20 Картина
неизвестного
корейского автора

вых противопоставлений: незыблемого и постоянного (дома на скальной твердыне) и вечно изменяющегося, мягкого и пластичного (горного потока). Здесь же присутствует и иная оппозиция: рукотворного человеческого жилья, а значит, подверженного тлению и распаду, и природного, непрерывно меняющегося, но остающегося вечным горного потока.

Отметим также особые ментальные операции, которые используются в киноискусстве. Это, помимо монтажа, укрупнение плана, смена позиции съемки. Использование ряда из последо-

вательно сменяющих друг друга кадров при монтажном построении фильма задает смысловой дискурс, влияет на эмоциональное состояние зрителя (эффект Кулешова) и в конечном итоге на его понимание. Монтажное построение сильнее и более выразительно по сравнению с построением «с одной точки» (Эйзенштейн, 1998).

Картина (изображение) — словно текст, который можно прочесть. Удачно использованные тропы в тексте являются источником его образности, придают ему новый смысл. Также тропы могут изменить способ восприятия содержания текста: всякий раз, когда есть возможность, опираясь на сравнение или метафору, использовать воображение и домыслить или развить сюжет. Каждый прием выразительности каким-то образом трансформирует художественный образ. Это приемы-средства (психотехники) работы с образной сферой, они подталкивают зрителя к фантазированию и меняют его эмоциональное состояние. Использование **прямой и обратной перспективы, феномена зеркала, динамики фигуры-фона, смены позиции наблюдателя, смена планов, монтаж** и др., очевидно, имеют универсальный характер в семиотике искусства.

ОБЩЕЕ ОБСУЖДЕНИЕ

Когда старший по возрасту из соавторов настоящей статьи был студентом, нам читал курс общей психологии ученый с мировым именем — А.Р. Лурия, который четко разделял блок когнитивных процессов, куда относил процессы памяти, мышления, речи и эмоционально-энергетический блок психики человека, куда включал потребности, эмоции, мотивы. Это противопоставление не было для Александра Романовича абсолютным, и он сочувственно цитировал мысль Л.С. Выготского и С.Л. Рубинштейна о «связи эмоциональных и когнитивных процессов», о «единстве аффекта и интеллекта». Тем не менее и в наши дни взаимосвязь этих сфер психического — когнитивного и эмоционального — остается мало изученной, и проблемы волевого

действия, поступка, языка, творчества, эмоционального состояния чрезвычайно редко рассматриваются в едином контексте и как единый процесс.

В недавно опубликованной обстоятельной статье В.Л. Шульца, Т.М. Любимовой рассматриваются, в частности, восходящая к В. Гумбольдту идея внутренней энергии языка и участие последнего в волевом действии. «Выражая волю, язык становится действием. Происхождение языка, по его мысли, следует искать в силе и воле людей и народов. Именно потенциальное действие, заложенное в вербальных формах и выражающее историческую волю, структурирует и определяет действительность. Этот тезис М. Фуко (1994) восходит к В. Гумбольдту» (Шульц, Любимова, 2008, с. 45).

Оригинальным преломлением гумбольдтовских идей стала так называемая «философия имени» — самобытное течение в русской философии 1910–1920-х годов, представленное трудами П.А. Флоренского, С.Н. Булгакова, А.Ф. Лосева. По мысли А.Ф. Лосева, внутреннее ядро имени образуется некоей силой, энергией. Слово заряжается энергией через свое инобытие в различных пластах бытия. «Уметь владеть именами значит мыслить и действовать магически» — цитируют Кассирера Шульц и Любимова (2008, с. 42). «Магическое слово не описывает вещи и отношения между вещами; оно стремится производить действия и изменять явления природы, магическая функция слова явно доминирует над семантической функцией» (Кассирер, 1990, с. 159). Мироощущение немецких романтиков, французских символистов, упомянутых выше русских философов — православных экзистенциалистов о магии слова, о символическом образе как отображении трансцендентального находят свое выражение в русской поэзии символистов и акмеистов Серебряного века — Блока, Гумилева, Ахматовой.

В оный день, когда над миром новым
Бог склонил лицо свое, тогда
Солнце останавливали словом,

Словом разрушали города.
И орел не взмахивал крылами,
Звезды жались в ужасе к луне,
Если, точно розовое пламя,
Слово проплывало в вышине.

...

Не забыли мы, что осяенно
Только слово средь земных тревог,
И в Евангелии от Иоанна
Сказано, что слово — это Бог.

(Гумилев, 1990, с. 201)

Представление о тексте, об образном искусстве как способных нести внутреннюю энергию, как меняющих эмоциональные состояния не только самого творца произведения искусства, но зрителя или, еще шире, как способных трансформировать энергетику (эльгрегор) местности и социума вдохновляло и нас в написании этого текста

Рассмотрев проблемы метафоры и близкие ей формы тропов, мы попытались расширить эту филологическую проблематику на более широкую семиотическую область, включающую визуальное искусство, сопроводив текст статьи многочисленными иллюстрациями, позволяющими обращаться к художественной интуиции в одном лице читателя и зрителя. Нет ничего нового под луной, и глубокие мысли и наблюдения в этом направлении уже высказывались в работах Лотмана (1973, 1994), Иванова (1973, 1981), Арутюновой (1990), Лакоффа, Джонсона (1987). Особенность нашего видения этой проблемы заключена в том, что, будучи профессиональными психологами, мы рассматриваем фигуры тропов в первую очередь как ментальные операции, конструирующие психологический образ, вводящие его в целостный контекст (дискурс) ситуации, задающие его эмоциональную окраску и порождающие и акцентуирующие его смыслы.

«Искусство... обладает столь высокими художественными образами, цель которых заключается не только в том, чтобы быть самодовлеющим предметом бескорыстного удовольствия, но и быть орудиями ориентации человека в безбрежном море действительности, а также инструментом для ее творческого переделывания» (курсив наш) (Лосев, 1995).

Рассмотрим в качестве примера психологического анализа коммуникативного воздействия работу психотерапевта в рамках подхода НЛП (нейролингвистического программирования) (см.: Бендлер, Гриндер, 1995), вобравшего в свой методический арсенал психотехник от бихевиоральных приемов в духе условно-рефлекторных методик Павлова до мягкой гипнотерапии и работы с образами Милтона Эриксона. Одна из основных работ Бендлера и Гриндера не случайно, на наш взгляд, называется «Структура магии», ибо в рамках этого подхода вербальный текст суггестора, перекликаясь с данной выше цитатой Кассирера, рассматривается как магическое действие.

В отличие от психоанализа, где психоаналитик выступает своеобразным дешифровщиком посланий бессознательного (снов, оговорок, неадекватных поступков и т. п.) и его работа требует сложной реконструкции вытесненного из памяти прошлого пациента, практикующий представитель НЛП может (и даже не должен) интересоваться содержанием травмирующего переживания того человека, кому он помогает. Пациента просят представить (но не рассказывать) ситуацию, вызвавшую мощные негативные переживания, проецируя ее, как в кино, на плоскость воображаемого экрана и наблюдать эту ситуацию со стороны как зритель. Пациент может приблизить или удалить от себя киноэкран, приглушить или сделать более яркими краски, изменить четкость изображения и т. п. В любом случае он переходит из позиции страдающего объекта, с которым «это произошло», в позицию субъекта наблюдателя и исследователя, осознающего еще один свой жизненный опыт. И дело не только в большей са-

морerefлексии, переводящей личную травму в прецедент общечеловеческого опыта. Использование ментальных операций изменяет эмоциональные установки, психические состояния, общую энергетику человека (например, от эмоционально депрессивного состояния к состоянию духовного покоя или даже творческого подъема, когда самоосмысление нуждается в заинтересованном диалоге).

В художественной литературе прием «отстранения» широко используется в романах Камю, где события собственной жизни персонажа рассматриваются как бы со стороны и полностью отстраненно. Например, в романе «Посторонний» Камю главный персонаж, описывая предстоящую ему смертную казнь за совершенное убийство, переходит на эмоционально нейтральный «бихевиоральный» язык: «именем французского правительства мне должны отрезать голову» т. д. В рассказе Гоголя повествование по поводу получения чиновником долгожданного ордена ведется уже с позиции его собаки, не понимающей всей этой социальной символики и оценивающей орден с точки зрения съедобности/ несъедобности.

В романе Кафки восприятие мира дается и вовсе глазами хищного насекомого, в которое превращается один из персонажей. Если прием «отстранения» позволяет снять эмоциональный накал воспринимаемой ситуации, деперсонализировать ее, то восприятие с иной точки зрения, с позиции иноязычного, инокультурного, инопланетного (как в «Солярисе» С. Лема) существа, позволяет снять привычные формы категоризации ситуации, самого себя, мира. И не просто по-другому увидеть, а построить иные миры бытия, дать, как это обозначил Карлос Кастанеда (2006), «иные точки сборки»

Рассмотрение поэзии и живописи с точки зрения используемых ими ментальных операций, операциональных приемов работы со смыслами (выраженными, в частности, в тропах) необходимо требует расширения понятийного тезауруса филологи-

ческих и семиотических понятий и введения в него в качестве рабочих таких понятий, как «энергия», «представление», «эмпатия» и «сопереживание», «синхроничность», «измененные формы сознания», «магия слова» и «магия образа», «мысле-действие», «мысле-образ», «опредмечивание» и «распредмечивание» представлений фантазии, «построение художественных возможных миров». Как полагает А.А. Гостев: «Многие люди не понимают, что их судьба зависит от содержания их воображения, что фантазии могут, к счастью или к сожалению, реализовываться непроизвольно. Дело в том, что образы формируют своеобразные „матрицы“, которые, притягивая психическую энергию человека, наполняются „жизненным материалом“. В результате создаются программы для реализации желаемого или нежелательного» (Гостев 1998, с. 6).

Эта новая область изучения энергетики коммуникативного воздействия, информационно возникающая на стыке поэзии, живописи, гуманитарной науки (философии, семиотики, лингвистики, языкознания, психологии, теории коммуникации) и естественных наук (физики, теории информации, проксемики, синергетики), ждет своих первопроходцев и исследователей.

ЛИТЕРАТУРА

Аксенова Е. Гипербола // Словарь литературных терминов. М.: Просвещение, 1974.

Аксенова Е. Олицетворение // Словарь литературных терминов. М.: Просвещение, 1974.

Аксенова Е. Оксюморон // Словарь литературных терминов. М.: Просвещение, 1974.

Аксенова Е. Перифраз // Словарь литературных терминов. М.: Просвещение, 1974.

Александров Д.Н. Риторика: Учеб. пособие для вузов. М.: Юнити-Дана, 1999.

- Аллахвердов В.М.** Психология искусства: Эссе о тайне эмоционального воздействия художественных произведений. СПб.: ДНК, 2001.
- Арабов Ю.Н.** Кинематограф и теория восприятия. М.: ВГИК, 2003.
- Арнхейм Р.** Новые очерки по психологии искусства. М.: Прометей, 1994.
- Арнхейм Р.** Визуальное мышление // Зрительные образы: феноменология и эксперимент. Душанбе, 1973.
- Арнхейм Р.** Искусство и визуальное восприятие. М.: Прогресс, 1974.
- Арнхейм Р.** Визуальное мышление. М., 2004. <http://www.philosophy.ru/library/katr/arnheim1.html>
- Арутюнова Н.Д.** Лингвистика и поэтика. М.: Просвещение, 1979.
- Арутюнова Н.Д.** Метафора и дискурс // Теория метафоры. М., 1990.
- Асмолов А.Г.** Культурно-историческая психология и конструирование миров. М.: Институт практической психологии, 1996.
- Асперсян Ю.Д.** Лексическая семантика. Избранные труды. Т. 1. М.: Школа «Языки русской культуры», 1995.
- Асперсян Ю.Д.** Интегральное описание языка и системная лексикография. Избранные труды. Т. 2. М.: Школа «Языки русской культуры», 1995.
- Барabanщиков В.А.** Динамика зрительного восприятия. М.: Наука, 1990.
- Барabanщиков В.А.** Окуломоторные структуры восприятия. М.: Ин-т психологии РАН, 1997.
- Басин Ф.В., Прангишвили А.С., Шерозия А.Е.** О проявлении активности бессознательного в художественном творчестве // Вопросы психологии. № 2. 1978.
- Бахтин М.М.** К методологии гуманитарных наук // Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1986.
- Бахтин М.М.** Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. М., 1965.
- Бендлер Р., Гриндер Д.** Рефрейминг: ориентация личности с помощью речевых стратегий. Воронеж: НПО Модек, 1995.
- Большой энциклопедический словарь: языкознание.** М., 2000.
- Величковский Б.М.** Когнитивная наука. Основы психологии познания: В 2-х т. М.: Изд. «Академия» и «Смысл». 2006.
- Герцен А.** Русские писатели о литературном труде (XVIII–XX вв.): В 4 т. Под общ. ред. Б. Мейлаха. Т. 2. Л.: Сов. писатель, 1955.
- Гибсон Дж.** Экологический подход к зрительному восприятию. М.: Прогресс, 1988.

- Годфруа Дж.** Что такое психология. Т. 1. М.: Мир, 1992.
- Гостев А.А.** Дорога из зазеркалья: психология развития образной сферы человека. М.: ИПРАН, 1998.
- Гостев А.А.** Психология вторичного образа. М.: ИПРАН, 2007.
- Гостев А.А.** Психология и метафизика образной сферы человека. М.: Генезис, 2008.
- Гриндер Д., Бендлер Р.** Структура магии. М.: Каас, 1995.
- Гумилев Н.** Стихи. Письма о русской поэзии. М.: Художественная литература, 1990.
- Диброва Е.И., Косаткин Л.Л., Щеболева И.И.** Современный русский язык. Теория. Анализ языковых единиц. Ч. 1. Ростов-на-Дону: Феникс, 1997.
- Зарецкая Е.Н.** Риторика. Теория и практика речевой коммуникации. М.: Дело, 2002.
- Зинченко В.П.** Посох Мандельштама и Трубка Мамардашвили. К началу органической психологии. М., 1997.
- Зинченко В.П.** Культурно-историческая психология: опыт амплификации // Мышление и язык. М., 2001.
- Знаков В.В.** Понимание в познании и общении. М.: Институт психологии РАН, 1994.
- Знаков В.В.** Психология понимания. М.: ИПРАН, 2005.
- Иванов В.В.** Фильм в фильме // Труды по знаковым системам. Вып. 6. Тарту, 1973.
- Иванов В.В.** Фильм в фильме // Труды по знаковым системам. Вып. 14. Тарту, 1981.
- Иванов Вяч.Вс.** Нечет и чет. Избранные труды по семиотике и истории культуры. Т. 1. М.: Языки славянской культуры, 1998.
- Ингарден Р.** Исследования по эстетике. М.: Иностранная литература, 1962.
- Кандинский В.** О духовном в искусстве. М.: Архимед, 1992.
- Кандинский В.** О понимании искусства // Знамя. 1999. № 2.
- Кастанеда К.** Путешествие в Икстлан. М.: Фолио, 2006.
- Крупчанов Л.** Аллегория // Словарь литературных терминов. М.: Просвещение, 1974.
- Крупчанов Л.** Антитеза // Словарь литературных терминов. М.: Просвещение, 1974.
- Лакофф Дж., Джонсон М.** Метафоры, которыми мы живем // Сб. Язык и моделирование социального взаимодействия. М.: Прогресс, 1987.

- Леонтьев А.А.** Основы психолингвистики. М.: Смысл, 1997.
- Леонтьев Д.А.** Психология смысла: природа, строение и динамика. М.: Смысл, 2007.
- Лингвистический энциклопедический словарь** / Под ред. **Ярцева В.Н.** М., 1990.
- Лихачев Д.С.** Смех в Древней Руси / Л.: Наука, 1984.
- Ломоносов М.В.** Полное собрание сочинений. Т. 7. М.; Л.: АН СССР, 1952.
- Лосев А.Ф.** Проблема символа и реалистическое искусство. М.: Искусство, 1995.
- Лосев А.Ф.** Философия. Мифология. Культура. М.: Политиздат, 1991.
- Лосев А.Ф.** Проблема вариативного функционирования живописной образности в художественной литературе // Литература и живопись. Л.: Наука, 1982.
- Лотман Ю.М.** Семиотика кино и проблемы киноэстетики. Таллин: Ээсти Раамат, 1973.
- Лотман Ю.М.** и тартуско-московская семиотическая школа. М., 1994.
- Лурия А.Р.** Лекции по общей психологии. СПб.: Питер, 2004.
- Мамардашвили М.К., Пятигорский А.М.** Символ и сознание. Метафизические рассуждения о сознании, символике и языке. М.: Школа «Языки русской культуры», 1997.
- Мельчук И.А.** Опыт теории лингвистических моделей «Смысл — Текст». М.: Школа «Язык русской культуры», 1999.
- Мельчук И.А.** Опыт теории лингвистических моделей «Смысл — Текст». М.: Наука, 1974.
- Моль А.** Теория информации и эстетическое восприятие. М., 1966.
- Наер В.Л.** Конспект лекций по стилистике английского языка. М., 1976.
- Петренко В.Ф.** К вопросу о семантическом анализе чувственного образа // Восприятие и деятельность. М.: МГУ, 1975.
- Петренко В.Ф.** Основы психосемантики. М.: МГУ, 2005.
- Петренко В.Ф., Коротченко Е.А.** Исследование категориальной структуры восприятия живописи (на материале пейзажа) // Современная психофизиология / Под ред. В.А. Барбанщикова. М.: Институт психологии РАН, 2008.
- Петренко В.Ф.** Основы психосемантики. 2-е изд., доп. СПб.: Питер, 2005.
- Поперечный И.** Игры разума Сальвадора Дали. Новосибирск, 2005.
- Потебня А.А.** Теоретическая поэтика. М., 1990.
- Прибрам К.** Языки мозга. М.: Прогресс, 1980.
- Раппопорт С.Х.** От художника к зрителю. М., 1978.
- Реформатский А.А.** Введение в языкознание. М.: Аспект-пресс, 1999.
- Розенталь Д.Э., Теленкова М.А.** Словарь-справочник лингвистических терминов. Пособие для учителей. 2-е изд. М.: Просвещение, 1976.
- Руубер Г.** О закономерностях художественного визуального восприятия. Таллин: Валгус, 1985.
- Сандомирский С.** Искусство прочтения живописи. Взгляд. Январь 2007. № 1. Интернет-журнал: <http://www.russian-globe.com/N59/Sandomirsky.KustodieV.Bolshevik.htm>
- Талбот М.** Голографическая Вселенная. М.: София, 2008.
- Тимофеев Л.И., Тураев С.В.** Краткий словарь литературоведческих терминов. М.: Просвещение, 1978.
- Трофимов И.** Литота // Словарь литературных терминов. М.: Просвещение, 1974.
- Ушакова Т.Н.** Психолингвистика. М.: ПУР СЭ, 2006.
- Флоренский П.А.** Иконостас. Сочинения в 4 т. Т. 2. М.: Мысль, 1996.
- Флоренский П.А.** Обратная перспектива // Иконостас. Избранные труды по искусству. М.: Русская книга, 1993.
- Хачатуров С.** Бумажные ангелы // ИД. Время. № 90. 2002. 23 мая. (<http://www.vremya.ru/print/23313.html>)
- Чернец Л.В.** «...Плыло облако, похожее на рояль». О сравнении // Русская словесность. 2000. № 2.
- Чернец Л.В.** «Ночевала тучка золотая...» О метафоре // Русская словесность. 2000. № 6.
- Шкловский В. Б.** Избранное: В 2-х т. Т. 1. М.: Художественная литература, 1983.
- Шульц В.Л., Любимова Т.М.** Язык как метареальность и прогностическая структура // Вопросы философии. 2008. № 7.
- Эйзенштейн С.М.** Монтаж. М.: ВГИК, 1998.
- Ярбус А.Л.** Роль движений глаз в процессе зрения. М., 1965.
- Carroll N.** «A Note on Film Metaphor». Journal of Pragmatics. 1996. 26(6).
- Forceville C.** «Pictorial Metaphor in Advertisements». Metaphor and Symbolic Activity. 1994.
- Forceville C.** «IBM is a Tuning Fork: Degrees of Freedom in the Interpretation of Pictorial Metaphors». Poetics. 1995.

Forceville C. Pictorial Metaphor in Advertising. London: Routledge.
Zeri F. Dali. The persistence of memory Hardcover, 1999.

Pribram Karl H. «The Implicate Brain» in Quantum Implications. London: Routledge and Kegan Paul, 1987.

Refaie E. Understanding visual metaphor: the example of newspaper cartoons // Visual Communication. 2003. № 2.

Riesel E., Schendels E. Deutsche Stilistik. M.: 1975.

А.М. УЛАНОВСКИЙ,
кандидат
психологических наук

От семантики образа к идеям конструктивизма

Интерес к языку и значениям естествен для социальных наук. Обращаясь к изучению культуры, истории, права, общества, сознания, мы попадаем в сферу действия языка и значений. Их роль никогда не приуменьшалась, хотя доминирующим, в том числе и в отечественной психологии, долгое время было представление, что они лишь описывают (отражают, репрезентируют) существующее положение дел и производны от общественных отношений, деятельности и пр. Лишь в конце 1970-х годов одновременно в нескольких социальных науках произошел резкий поворот к анализу языка, текста, систем значений, дискурса, нарративов, языковых картин мира. Свое влияние на этот поворот оказали новые теории языка и философские веяния: лингвистическая философия, теория речевых актов, герменевтика, постструктурализм, постмодернизм, нарратология, конструктивизм, социальный конструкционизм. С появлением этих направлений связано переосмысление роли языка и значений. Язык — это не просто «важнейшее средство» мышления, общения и социальной практики, средство описания и отражения реальности. Язык — это средство *создания* социальных конвенциональных реальностей, на которых стоят все институты нашей общественной жизни (брак, мораль, закон и т. д.). Язык — это средство создания собственной идентичности, установления порядка в мировосприятии и собственной жизни.

Эти идеи и теории получают сегодня широкое освещение и обсуждение в отечественной психологии. Однако в ее рамках была создана и своя оригинальная концепция значения, имеющая важные следствия для эпистемологии социальных наук и представляющая собой широкую область исследований, которую называют

«психосемантикой». Ее возникновение также приходится на 1970-е, когда В.Ф. Петренко впервые представил на факультете психологии МГУ доклады с результатами своих экспериментальных исследований и опубликовал первые работы, посвященные семантике чувственного образа, перцептивной категоризации, семантическому поиску и использованию в психологии семантического дифференциала. Идеи и методология психосемантики были быстро взяты на вооружение и получили свое распространение в психологии. В настоящий момент эта область переживает бурный расцвет: регулярно появляются статьи и монографии по психосемантике; стремительно растет число эмпирических исследований; психосемантические методы являются чуть ли не самым популярным инструментарием, который используется в самых различных областях психологии (от общей и социальной до клинической и психофизиологии) и активно применяется в ряде прикладных областей (психология рекламы, маркетинговые исследования и др.).

В этой ситуации появление новой книги одного из создателей данной области — очень важное событие. Она представляет работы В.Ф. Петренко последних лет и раскрывает психосемантику не просто как *область исследований и методологию*, но как *подход* к сознанию и как определенную *эпистемологическую позицию*.

* * *

В книге представлен ряд новых исследований, которые могут быть интересны не только психологам, но и представителям смежных наук и форм практики. Так, в контексте широко обсуждающейся проблемы кросс-конфессиональных отношений и конфликтов по-особому значимым выглядит исследование отношения россиян к представителям различных религий и идеологий. Сама идея и дизайн этого исследования достаточно нестандартны: взяв за основу опросника цитаты из различных священных писаний, В.Ф. Петренко и А.И. Ярцева предлагали респондентам оценить их от лица представителей различных религий (православных, католиков, иудеев, буддистов, мусульман и др.). Это поз-

волило авторам выделить и проанализировать имплицитные религиозные установки россиян, которые невозможно охватить традиционными социологическими опросами и сравнительным религиоведческим анализом.

В контексте проблематики современной когнитивной науки, лингвистики и искусствоведения выглядит крайне интересным исследование, посвященное анализу тропов (метафоры, метонимии, олицетворения и др.) и их роли в ментальной деятельности человека. В последние десятилетия философия и когнитивная лингвистика переоткрыли для себя роль метафоры, к которой долгое время сохранялось отношение лишь как к риторическому излишеству и инструменту поэтического мышления. Используемые нами метафоры, как показали Дж. Лакофф и М. Джонсон, структурируют наш опыт, высвечивая и затемняя какие-то его аспекты. Исследование В.Ф. Петренко и Е.А. Коротченко показывает новые грани этой проблематики, раскрывая психологические механизмы воздействия тропов, которые используются в литературных и художественных произведениях, киноискусстве и рекламе. Хорошим примером реализации психосемантического подхода к анализу искусства является также исследование В.Ф. Петренко и О.Н. Сапсоловой, в рамках которого получила свою дальнейшую разработку авторская концепция художественного конструкта и проведен анализ конструктов одного из известных отечественных художественных фильмов.

Широкому кругу читателей может быть интересен и анализ психосемантики современных СМИ. Очевидно, что процесс реформирования основополагающих принципов описания и повествования, происходящий сегодня в социальных науках и эпистемологии (обращение к рефлексии национальной, культурной, политической, половой, групповой позиции исследователя, учет «голосов» представителей других сообществ, отказ от претензий на «объективную истину» и др.), лишь в очень незначительной степени затронул журналистику. Это подтверждает идея «хорошей журналистики», способной к «беспристрастному освещению событий», «чистой передаче информации», «сообщениям о под-

линном положении дел», «установлению истины», «честному расследованию» (чего стоят названия популярных телепередач: «Честный детектив», «Честный понедельник», «Момент истины»). В.Ф. Петренко подробно анализирует роль и место СМИ в современной жизни, предлагая рассматривать их не столько как средство сообщения об «истинных положениях дел», сколько как влиятельное средство формирования и поддержания определенных систем конструктов и картины мира у реципиентов.

Любопытным с психотерапевтической точки зрения, в частности при лечении зависимостей, является исследование измененных состояний сознания и описание оригинального метода «сенсомоторного психосинтеза», разработанного коллегой и сотрудником В.Ф. Петренко, известным гипнотерапевтом В.В. Кучеренко. Этот метод, основанный на идеях психосемантики, имеет некоторые параллели с техниками, получившими сегодня на Западе широкое распространение и известными под названиями «нового гипноза» (Ж. Беккио, Ш. Жюслен и др.), «недирективного гипноза» (М. Эрикссон, Э. Росси и др.). Вместе с тем преимущество этого метода, с нашей точки зрения, состоит в том, что интерпретация переживаний клиента лишена той мифологизации бессознательного (как особой сферы психического), которая характерна для подавляющего большинства современных подходов гипнотерапии. Интерпретация феноменологии измененных состояний сознания производится В.Ф. Петренко и В.В. Кучеренко в рамках представлений о категориальных структурах сознания, смыслах, чувственной ткани, эффектах восприятия, вторичных образах, визуализации, что позволяет по-новому взглянуть на ряд известных гипнотических феноменов.

Особого внимания заслуживает анализ психологических и психотерапевтических аспектов медитативных религиозных и духовных практик. Эта тема, получившая свое освещение на Западе в рамках трансперсональной психологии, до настоящего времени практически не обсуждалась серьезно в отечественной психологической литературе. В этой связи анализ специалиста, не понаслышке знакомого, с одной стороны, с различными трансовыми и религиозными практиками, а с другой — с идеями и методами

психотерапии, безусловно является важным вкладом в осмысление этой деликатной темы. Эта глава монографии является в значительной мере рефлексивной, интуитивной, иногда небесспорной и порой выходящей за пределы привычного научно-психологического обоснования. В ней высказывается ряд смелых гипотез: например, предположение о том, что медитация способна прерывать процессы вербальной категоризации и поток сознания, что выглядит крайне неожиданным в свете исходных положений психосемантики, доказывающих, что сознание и язык, сознание и значение, сознание и конструкты, понятия, категории — неразлучны между собой. Полагаем, что эти идеи могут стимулировать интересные обсуждения, тем более что им можно противопоставить позиции других психологов, например, представления о соотношения мысли, слова и образа живого отечественного классика В.П. Зинченко, который полагает, что «мы никаким чудом не можем вернуться в наше дословесное или бессловесное состояние».

Наконец, несколько глав монографии посвящены анализу и разработке идей конструктивизма, на чем основывается психосемантический подход. Эта часть должна представлять большой интерес для всех, кто занимается проблемами языка, значения, сознания и методологии психологии. В связи с этим интересно обобщить и по-новому взглянуть на психосемантику, соотнося концепцию значения и конструктивистские представления В.Ф. Петренко с идеями некоторых современных западных теорий и направлений конструктивистской ориентации.

Понятие и область принадлежности психосемантики

Само понятие «психосемантика» было предложено В.Ф. Петренко и А.Г. Шмелевым в начале 1970-х для обозначения новой оформляющейся области исследования индивидуальных значений (категорий, конструктов), используемых людьми для интерпретации событий. Долгое время в качестве второго названия исполь-

зовалось понятие экспериментальной психосемантики, однако со временем оно стало уходить из употребления, уступая место более широкому пониманию данного направления. В западной литературе термин «психосемантика» в несколько ином значении использовался известным психолингвистом и философом Дж. Фодором, однако он так и не получил распространения. В целом на Западе психологическое изучение значений не выделялось в отдельную область и традиционно проводится в рамках психолингвистики и когнитивной лингвистики: к слову сказать, широко известный у нас метод семантического дифференциала принадлежит Ч. Осгуду — одному из основателей психолингвистики. С другой стороны, как отмечал известный отечественный психолингвист А.А. Леонтьев (1997), психолингвистика все больше превращается в психосемантику в широком смысле слова, так как ее центральным понятием все больше становится понятие «значения».

В основу идей В.Ф. Петренко легли положения культурно-исторической психологии Л.С. Выготского и психологической теории деятельности А.Н. Леонтьева. К их работам восходит общая трактовка значения как структуры, опосредующей разнообразие формы сознательной деятельности. Другим источником идей психосемантики стали взгляды Дж. Келли, автора теории личностных конструкторов, или личностного конструктивизма (так его подход еще иногда называют на Западе). В.Ф. Петренко взял за основу центральную идею Келли: представление о том, что мы организуем свой опыт, интерпретируем и предвосхищаем события в мире посредством шкал значений, иерархически взаимосвязанных между собой.

Концепция значения в психосемантике

Проблема значения является центральной в психосемантическом подходе. В.Ф. Петренко разделяет общее представление А.Н. Леонтьева о том, что человеческое восприятие, память, мыш-

ление, воображение вооружены и одновременно ограничены системой значений, которая присуща определенной общности, или культуре. Вместе с тем В.Ф. Петренко идет дальше Леонтьева, который все же не считал различие языка и значений у представителей различных социальных классов и сообществ решающим их различием. Несмотря на признание принципиальной роли значений, определяющим в данном случае для Леонтьева оставались различия в деятельности людей и формах их общественных отношений. Языку же и значениям в теории деятельности отводилась все же вторичная роль: они, согласно Леонтьеву, лишь отражают существующие межпредметные и общественные отношения.

В.Ф. Петренко же на разнообразном культурологическом, лингвистическом и психологическом материале показывает, что различные системы значений, используемые в различные исторические периоды, различными культурами, сообществами, социальными группами, формируют, по сути, различные картины мира у их носителей. С этой точки зрения, языки различных культур и сообществ — это, по сути, различные точки отсчета, с которых люди смотрят на мир, судят о нем и действуют. Отметим, что подобный взгляд — единое место целого ряда направлений: социального конструкционизма, дискурсивной психологии, нарративной психологии, феминистской теории познания. В.Ф. Петренко обосновывает этот взгляд, опираясь на идеи, развитые в рамках лингвистической семантики, логики, семиотики, когнитивной психологии и психолингвистики — идеи Дж. Брунера, Ч. Филмора, А. Вежбицкой, Я. Хинтика, Ю.Д. Апресяна, В.Г. Гака, И.А. Мельчука, А.Я. Гуревича, Ю.Н. Караулова, Ю.С. Степанова, Д.А. Поспелова, Б.М. Величковского и других.

Психологическая относительность категоризации

Примечательно, что В.Ф. Петренко наряду с этим опирается на идеи теории лингвистической относительности Сэпира–Уорфа, в течение долгого времени резко критикуемой и отвергаемой

в отечественной философии, лингвистике и психолингвистике. Как известно, Э. Сэпир и Б. Уорф обосновывали представление, согласно которому «мы видим, слышим и воспринимаем действительность так, а не иначе в значительной мере потому, что языковые нормы нашего общества предрасполагают к определенному выбору интерпретации». В этом заключалась идея лингвистической относительности — зависимости мировидения от специфики языка. В.Ф. Петренко пишет о том, что наряду с этой относительностью можно также говорить о *психологической относительности категоризации и мировосприятия*. Наличие культурологической относительности образов мира и вариативность форм категоризации обусловлены системой значений, вбирающих в себя специфику жизнедеятельности и культуры. В этой связи вполне правомочными оказываются вопросы о том, могли ли некоторые образы и сравнения, в которых описывают мир представители одних культур, прийти в голову представителям других культур; почему некоторая реальность выступает в форме метафоры, на которой строится описание другой реальности.

В общем смысле можно сказать, что психосемантический подход преодолел ту недооценку *конструктивной, перформативной, конституирующей функции языка и культурных средств*, которая была еще характерна, на наш взгляд, для исходной теории деятельности А.Н. Леонтьева. В то же время, уделяя основное внимание анализу роли значений и категорий, В.Ф. Петренко отошел и от не менее важного анализа роли деятельности и ее компонент в построении людьми образов мира — проблематики, которая как раз была хорошо разработана в теории деятельности. В этом сосредоточении на значениях (категориальных структурах, понятиях, конструктах) подход В.Ф. Петренко схож с конструктивизмом Келли. Этим оба подхода отличаются, например, от конструктивизма Пиаже, который указывал на роль сенсомоторных структур, а также от конструктивизма Варелы и Матураны, фон Ферстера и Рота, которые признавали роль нейрофизиологических механизмов, участвующих в построении картины мира.

От семантики образа к идеям конструктивизма

В эпистемологическом смысле важное значение имеет критика В.Ф. Петренко *понятия отражения*, являвшегося центральным в советской теории познания и методологии психологии. Как справедливо подмечено, несмотря на декларативное отвержение сегодня теории отражения многими отечественными психологами, их работы по-прежнему изобилуют теоретическими построениями, доказывающими свое соответствие «объективной действительности», «психологической реальности» и т. п. Действительно, такие психологические понятия, как образ, ощущение, восприятие, мышление, психика, сознание, по-прежнему определяются в словарях и учебниках психологии через базовую категорию отражения. В.Ф. Петренко убедительно показывает, что метафора отражения, содержащая момент вторичности и реактивности психической активности, сыграв позитивную роль, постепенно исчерпала свой эвристический потенциал в психологии и стала во многом тормозом ее развития. Интересно, что уже в ранних исследованиях семантики чувственного образа, выполненных В.Ф. Петренко под руководством А.Н. Леонтьева в 1970-е годы, он предпринял довольно смелую попытку отойти от навязываемой трактовки образа как формы отражения, предложив его трактовку как своеобразного перцептивного высказывания о мире. На наш взгляд, уже эта трактовка содержит в себе идею активности субъекта в построении образа вещей, идею неотражательности, конструктивности психики и познания. В более поздних работах В.Ф. Петренко делает акцент на том, что познание представляет собой, скорее, *моделирование*, включающее в образ мира аксиологические, ценностные компоненты. Добавим, что критика теории отражения роднит психосемантический подход с другими направлениями конструктивизма, которые неизменно отвергают такие эпистемологические позиции, как репрезентационизм, разновидностью которого является теория отражения, эмпиризм, объективизм и реализм.

За пределами фактов и непреложных истин

В.Ф. Петренко оспаривает возможность апелляции к «чистым», объективным *фактам* — к тому, что есть или было «на самом деле», «в действительности». Не существует эмпирического факта вне некоей теории. Как известно, схожая мысль была высказана еще Л.С. Выготским: «Кто рассматривает факты, неизбежно рассматривает их в свете той или иной теории». Проводя далее аналогии, отметим, что в социальном конструкционизме эта мысль высказывается в еще более категоричном виде. То, что мы называем «фактами», как пишет В. Барр, есть лишь *версии событий*, которые в определенное время и по разным причинам получили широкое распространение. Данная трактовка во многом является развитием известной ницшеанской формулы «нет фактов, есть лишь интерпретации», принятой в постмодернизме (Деррида, Лиотар, Лакан, Фуко, Бодрийар и др.) в качестве центрального тезиса.

Психосемантический подход исходит также из идеи *плюрализма истины*, множественности различных культурно-исторических моделей мира, которые создает единичный или коллективный субъект, и, как следствие, из идеи множественности путей развития индивида, общества, страны, человечества. В этой же связи В.Ф. Петренко заявляет о правомочности и необходимости существования множества психологических теорий. Добавим, что эти идеи наиболее близки к основополагающему философскому представлению Келли о конструктивном альтернативизме, в соответствии с которым существуют бесчисленные возможности концептуализации событий в мире и поведения людей.

Наука и круговая причинность

Конструктивистские взгляды В.Ф. Петренко распространяются не только на обычную познавательную активность человека, но также и на деятельность ученых и сферу науки. Как указывает автор,

каждая область знаний строит свой предмет науки, определяемый в первую очередь спецификой *языка* и *метода* этой науки.

Язык науки, согласно В.Ф. Петренко, не только служит для описания сущего, но и, создавая понятийный аппарат, вносит свои связи и расчленения, которые через «круговую каузальность» сознания и поведения человека определяют само бытие. Тем самым подчеркивается не только познавательная направленность науки, но и ее созидательно-конструктивистская функция. То же самое можно сказать и о языках философии и литературы: В.Ф. Петренко указывает на чувствительность исторического процесса к используемым его представителями конструктам и формам категоризации, вносящим специфические способы осмысления событий, а вместе с этим специфические ценности и способы действия. На примере идей Маркса и Фрейда В.Ф. Петренко показывает, что вводимые ими идеи и конструкты могли не только описывать, но и во многом определять ход дальнейших событий и образ действий их современников. В этом смысле все мы, в разной степени культуральной социализации, — порождение литературы. Данное представление имеет сходство с идеями, развиваемыми в ряде социальных наук в рамках нарративного подхода. Отметим также, что в психосемантическом подходе намечен переход от идеи опосредования системой значений (конструктов) к представлению о том, что система значений сама может быть организована в некие повествовательные структуры, некие тексты. Эта идея является центральной в нарративной психологии и психотерапии, которые работают с разного рода повествовательными структурами, или нарративами, используемыми людьми для самоидентификации и интерпретации событий внешнего мира, других людей и себя.

Наконец, В.Ф. Петренко указывает также на то, что наши *научные методы* и *операциональные процедуры* в явной мере выстраивают и задают исследуемые с их же помощью предметные области и объекты познания. В этом смысле можно сказать, что психосемантика как содержательная область исследований, область исследования индивидуальных значений, задается

соответствующими психосемантическими методами, методами построения семантических пространств. Для этого, в свою очередь, применяются математические процедуры факторного и кластерного анализа, многомерной статистики, детерминационного анализа, структурного моделирования. В рамках данного подхода В.Ф. Петренко с коллегами были проведены многочисленные исследования картин мира различных политических партий, этнических, социальных, профессиональных сообществ, религиозных конфессий, особенностей восприятия произведений искусства (живописи, художественных фильмов), специфики измененных состояний сознания. Все эти исследования содержательно раскрывают различия менталитета представителей различных культур, этносов, религий, политических партий и профессиональных сообществ, подкрепляя тем самым конструктивистский тезис о множественности образов мира и некорректности притязаний на единственно верный способ его восприятия и осмысления.

ОГЛАВЛЕНИЕ

	От автора	7
	Александр Асмолов Мастер полифонии сознания	11 (вступительная статья)
глава 1	Школа А.Н. Леонтьева в семантическом пространстве психологической мысли	18
глава 2	Психосемантические аспекты картины мира субъекта	54
глава 3	Что есть истина? или Наш ответ лорду Чемберлену	88
глава 4	Конструктивистская парадигма в психологической науке	104
глава 5	Теория отражения, конструктивизм, интуитивизм как методологические парадигмы психологии	130
глава 6	Психосемантика как направление конструктивизма в когнитивной психологии	158
глава 7	Медитация как непосредственное познание	200
глава 8	Кросс-конфессиональное исследование религиозной картины мира в контексте борьбы с терроризмом	250
глава 9	Психосемантика измененных состояний сознания (на материале гипнотерапии алкоголизма)	272
глава 10	Психосемантика массовых коммуникаций	302
глава 11	Образы, символы, представления в идеологической борьбе за ментальное пространство	338
глава 12	Образная сфера в живописи и литературе. Визуальные аналоги литературных тропов	378
	А.М. Улановский От семантики образа к идеям конструктивизма	427 (послесловие)

Научное издание

**Петренко
Виктор Федорович**

**МНОГОМЕРНОЕ
СОЗНАНИЕ:
психосемантическая
парадигма**

Издатель ЛЕОНИД ЯНОВИЧ

Редактор Л. МАКАРОВА
Верстка
и оригинал-макет А. БАЙДИНА

Налоговая льгота —
Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2;
953000 — книги, брошюры

Подписано к печати 20.07.2009
Формат 60х90/16. Бумага офсетная № 1
Печать офсетная. Печатных листов 27,5
Тираж 1500 экз. Заказ № _____

НП издательство «Новый хронограф»
Контактный телефон в Москве (095) 671-0095,
по вопросам реализации 8-917-547-8424

E-mail: nkhronograf@mail.ru
Информация об издательстве
в Интернете: <http://www.novhron.info>

Отпечатано в ООО ПФ «Полиграфист-Книга»
160001, г. Вологда, ул. Челюскинцев, 3